

Руководство к библейской истории Нового Завета

профессор Александр Павлович Лопухин

Настоящее «Руководство» есть необходимое дополнение к изданному раньше подобному же «Руководству Библейской истории Ветхого Завета», и потому оно составлено совершенно по тому же плану и преследует те же цели. При составлении обоих этих руководств мы пользовались всем, что нам известно лучшего в библейско-исторической литературе настоящего времени; но в частности составление настоящего руководства весьма значительно облегчалось для нас тем, что мы имели у себя не только под руками, но и в ясном сознании только что переведенные нами капитальные труды известного английского богослова, как раз совпадающие с содержанием нашей книги. В них заключается такое богатство библейско-исторического знания, что мы могли свободно черпать из них все, что только соответствовало содержанию и цели нашего руководства, хотя внимательный читатель не преминет заметить и значительную разницу в нашей обработке многих существенных пунктов новозаветной истории.

Закончив таким образом труд, требовавший весьма немалых усилий для исполнения его в задуманном именно плане и духе, автор с облегченной душой представляет его просвещенному вниманию и суду всех, кто так или иначе сочувствуют распространению в нашем обществе библейско-исторических познаний.

А.Л.
СПБ.
24 сентября 1888 г.

Отдел первый. Воплощение Бога Слова. Рождество, младенчество и отрочество Иисуса Христа

I. Превечное Слово. Праведные Захария и Елизавета. Благовещение Пресв. Деве Марии. Рождение Иоанна Предтечи

Вся история человеческого рода вращается около двух величайших событий – грехопадения и искупления. Первое из этих событий, когда именно человек, нарушив заповедь Божию, отравил себя и всю свою природу плодами греха и смерти, наложило неизгладимую печать греховности на всю историческую жизнь ветхозаветного человечества, и последнее, потеряв в себе источник истинной духовной жизни, жило только надеждой на будущее искупление, обещанное человеку вслед за самим грехопадением. Это искупление, как оно постепенно выяснилось в целом ряде обетований и пророчеств, должно было ниспровергнуть водворившееся на земле царство греха и смерти и вновь водворить царство благодати как источника истинной духовной жизни. Но восстановление потерянного источника истинной жизни, водворение жизни на место смерти равносильно созданию новой жизни на земле, и искупление вследствие этого могло совершиться только опять чрез то Божественное Слово, чрез которое совершилось в начале и самое сотворение мира. Поэтому то как бытописатель Ветхого Завета, св. пророк Моисей, начал свое повествование о сотворении мира знаменательным словом «*в начале*» (Быт. 1:1), так и бытописатель Нового Завета, св. евангелист Иоанн, начал свое повествование об искуплении тем же самым словом «*в начале*» (Ин. 1:1), чтобы заявить, что то Божественное Слово, которое имело воссоздать падший род человеческий, есть Слово изначальное, то Самое, которое в довременном бытии было у Бога и которое Само было Бог. «*Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть*» (Ин. 1:2–3). Но Оно не только причина создания всего бытия, но есть вместе с тем источник истинной жизни. «*В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков*» (Ин. 1:4). Падшее человечество, потерявшее чрез свое грехопадение источник истинной жизни, могло найти его опять только в этом

Божественном Слове, и эта истинная жизнь только и могла стать тем светом, который должен был осветить человеку путь от погибели ко спасению. Чтобы дать греховному человечеству возможность приобщиться к этому источнику жизни и света, «Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как единородного от Отца» (Ин. 1:14). Как в начале всех вещей совершилась непостижимая для разума тайна сотворения, так по исполнении времен совершилась столь же непостижимая тайна воплощения Бога Слова. «И беспрекословно, говорит апостол, великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе» (1Тим. 3:16). Эта то великая тайна благочестия и составляет предмет библейской истории Нового Завета.

Воплощение Бога Слова совершилось «по исполнении времен» и сопровождалось событиями, о которых предсказано было пророками, как о признаках, по которым можно было познавать время пришествия Мессии. Одним из главных признаков, как предсказывал пророк Малахия, должно было служить явление предвестника или ангела, который должен был приготовить путь Избавителю мира. Этот предвестник был св. Иоанн Предтеча, и возвещением о рождении его и начинается новозаветная история.

В царствование Ирода великого в Иудее, в одном из находившихся неподалеку от Иерусалима священнических городов (Юте), жила благочестивая чета – священник Захария с своей женой Елизаветой. Оба они были истые израильтяне, вели свою родословную от Аарона и по своей жизни вполне отвечали высшему требованию своей веры и своего закона, так как «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно» (Лк. 1:6). Но и эта праведность перед Богом, водворявшая мир в их душе, не могла подавить в их сердце тайной скорби, удручавшей их обоих. Их славный род, дававший служителей Богу в течение более полутора тысячи лет, грозил совершенно прекратиться, так как оба они были уже в преклонных летах и доселе не имели детей.

Известно, каким бедствием и позором было неплодие для библейской женщины. Для устраниния его многие женщины проливали потоки слез и с пламеннослезной молитвой обращались к Богу – снять с них это поношение (Быт. 31:3; 1Цар. 1:11). Рождение ребенка считалось особенным благословением Божиим, служившим обеспечением того, что имя отца его «не изгладится в Израиле» и «не исчезнет между братьями его» (Втор. 25:6; Руф. 4:10). У древних народов и вообще было сильно желание потомства, но у избранного народа вместе с тем соединялось и высшее желание хоть чрез потомство приобщиться к ожидаемому Мессии. В виду всего этого можно понять, как велика была скорбь благочестивых Захарии и Елизаветы. Годы шли за годами, а пламеннослезные молитвы о даровании детей оставались как бы неуслышанными. Но когда преклонные лета уже заставляли праведную чету оставить всякую надежду на исполнение пламенного желания их сердца, оно совершилось во исполнение предначертанного плана Божия и при необычайных обстоятельствах.

При храме иерусалимском, по его возобновлении, служение совершалось правильными чредами священников, как это установлено было еще Давидом; и вот когда настала чреда Авиина, к которой принадлежал Захария, то он для священнослужения на время отправился в Иерусалим. Как священнослужитель, он имел помещение в тех боковых пристройках, которые имелись при храме. Обязанности священнослужения были весьма сложны и исполнением их занято было все время. Обязанности эти состояли в принесении жертв и каждении с вознесением молитв за стоявший в притворе и на дворах народ и за всего Израиля. С особенным благоговением совершалось каждение, как символ восходящей к Богу молитвы, и оно могло быть совершаемо священниками только по одному разу. И вот, когда очередь для возношения курения дошла до Захарии, он в белом священническом облачении, при звуке серебряной трубы, возвещавшей, что настало время принесения утренней или вечерней жертвы, вошел в святилище храма, чтобы вознести курение. Находясь в столь священном месте, отделяемый только завесою от Святаго

Святых как места соприсутствия Самого Бога, праведный Захария невольно должен был переполняться чувствами особенного благоговения. Сопровождавшие его другие священники и левиты должны были удалиться, и Захария остался один в таинственном соприсутствии Божества. Он бросает ладан на горящие угли и столб дыма окутывает его и святилище, знаменуя молитву за молящийся народ и за всего Израиля. Молитва при этом обыкновенно возносилась о прощении грехов народа, самого священнослужителя и его семейства, о том, чтобы Бог принял приносившегося в жертву ягненка во искупление молящихся грешников. Но как человек праведный и несомненно, подобно многим другим истинным израильтянам, «чаявший утешения Израилева» и «ожидавший избавления» (Лк. 2:25,38), Захария мог присовокупить к этому и молитву о том, чтобы скорее исполнилась давно ожидаемая надежда Израилева и пришел предвозвещенный пророками Мессия. И когда он возносил эту молитву, к которой не могло не примешиваться и тайное желание его сердца о даровании потомства, вдруг явился ему Ангел Господень. «Захария, увидев его, смущился, и страх напал на него» (Лк. 1:12). Но это был добрый вестник, Архангел Гавриил, имевший возвестить праведному Захарии весть, которая должна была послужить залогом радости и для него, и для праведной Елизаветы, и для всего Израиля, и для всего человечества. Настало время исполнения пламенных молитв Захарии и всех единомысленных с ним. Скоро должен прийти Мессия, и праведный священник удостоится великой чести быть родственным с Ним даже по плоти; у него родится сын, который именно и приготовит путь Спасителю мира. «Он будет Назорей, не будет пить вина и сикера, и Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей, и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их» (Лк. 1:15–16). Весть эта была слишком неожиданна и радостна, чтобы трепещущее сердце Захарии было в состоянии сразу воспринять ее. Благовестие о пришествии Мессии быть может и верно, подумалось ему; но что касается рождения сына от Елизаветы, уже удрученной летами, то возможно ли это? За это сомнение он должен был

понести временную немоту, которая и должна была послужить к укреплению его веры и знаком исполнения благовестия.

Явление ангела задержало Захарию в святилище более обыкновенного, и стоявший в притворе народ, долго ожидая, когда он выйдет из святилища, чтобы благословить и отпустить молящихся, не мало дивился такому замедлению. Но когда он вышел, то необычайный вид его лица и более всего немота сразу дали знать, что с ним произошло нечто таинственное, что он и объяснил кое-как знаками. По окончании чередной недели он возвратился из Иерусалима в свой родной город и принес немую, но радостную весть своей возлюбленной Елизавете. Действительно она зачала вскоре, но в течение пяти месяцев тайно лелеяла в своем сердце эту великую для нее радость и восторженно повторяла: «*Так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми*» (Лк. 1:25). Великая тайна таким образом близилась к осуществлению.

Когда праведные Захария и Елизавета, живя в своем мирном домике, радостно считали дни и недели, приближавшие их к исполнению данного им обетования, на севере, верстах в полутораста от них, в небольшом городке Назарете, совершилось другое, еще более великое, еще более радостное и вместе страшное таинство. В этом городке жила родственница Елизаветы, юная дева Мария, которая как святой плод многослезных молитв Иоакима и Анны, такой же праведной четы, как и Захария и Елизавета, была посвящена Богу и как девственница по обету была лишь обручена для охранения этой девственности праведному и уже престарелому мужу Иосифу, плотнику по ремеслу. С детства воспитанная при храме и под благотворным влиянием его постоянных прообразовательных священодействий, от рождения уготованная послужить чистейшим сосудом великой тайны, юная дева, бывшая в это время уже круглою сиротою, всецело была предана исполнению своего обета и проводила время в неусыпных молитвах. Подобно всем благочестивым людям в избранном народе, она при всяком наступлении утреннего жертвоприношения, часа полуденной молитвы и времени вечернего жертвоприношения

удалялась в свое особое, назначенное ей помещение, и тайно предавалась молитве. В один из таких моментов и совершилось великое событие.

В шестой месяц после таинственного откровения Захарии в храме, когда пресв. Дева уединенно предавалась молитве, в Ее комнате явился тот же Архангел Гавриил и сказал Ей: «*радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами!*» (Лк. 1:28). Появление таинственного для Нее незнакомца в Ее уединенной девической комнате и притом в самый час молитвы естественно должно было смутить Ее, и Она стала размышлять в Себе, что бы это было за приветствие. «*И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик, и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки и Царству Его не будет конца*» (Лк. 1:30–33). Славные, великие, радостные, но вместе и непостижимые слова! Ведь Она девственница по обету, и слова вестника оказываются противными природе и не постижимыми для человеческого разума. «*Как будет это, сказала Мария Ангелу, когда Я мужа не знаю?*» (Лк. 1:34) Это не было сомнение, к которому неспособно было искренно верующее сердце Марии, а лишь недоумение Ее простого, человеческого разума. Тогда Ангел отвечал Ей: «*Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим*» (Лк. 1:35). Над Нею совершится тоже самое творческое дело Божие, которое совершилось «*в начале*» (Быт. 1:1) над только что сотворенным бесформенным веществом, когда над ним носился Дух Божий, оплодотворяя мертвое вещество. У Бога нет ничего невозможного, и в доказательство этого Ангел указал на то, что и Елизавета, родственница Ее, уже у всех прославившая под именем неплодной, зачала сына в старости своей, и ей уже был шестой месяц. Этого было довольно для Марии, и вся сила Ее веры и упования на Бога выразилась в Ее ответе Ангелу: «*се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему*» (Лк. 1:38). И отошел от Нее Ангел.

Получив столь великое и таинственное благовестие, пресв. Дева почувствовала непреодолимую потребность поделиться этою радостью с кем-либо из наиболее дорогих Ее сердцу. И с кем же было лучше всего поделиться Ей, как не с Своей престарелой родственницей Елизаветой, которая и сама получила подобную же радость и которая была для Нее второю матерью во время Ее воспитания при храме. И вот Она тотчас же отправилась в путь. Путь был не близкий и трудный; но окрыляемая неведомою силою радости, Она пешком прошла все отделявшее ее полуторасторонное расстояние и, войдя в знакомый Ей родственный дом, восторженно приветствовала и целовала Елизавету. Это неожиданное появление Марии и Ее исполненное необычайного восторга приветствие сильно поразило Елизавету, и тотчас же «взыграл младенец во чреве ее, и Елизавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Мать Господа моего? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно в чреве моем. И блаженна Уверовавшая, потому что совершился сказанное Ей от Господа» (Лк. 1:41–45). Еще более обрадованная таким приветствием, Мария выразила восторг Своего святого и чистого сердца в величественной песни, которая, составляя как бы ткань из благодатнейших изречений ветхого завета, показывает, как глубоко Она знала и понимала Св. Писание. «И сказала Мария: величит душа Моя Господа и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смижение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды»...(Лк. 1:46–48)

Родственно радушный кров Захарии и Елизаветы удержал Пресв. Деву в продолжение трех месяцев, по истечении которых Она и возвратилась в Назарет. И вскоре по Ее отшествии исполнилось обетование Захарии. Елизавета родила сына, и рождение его обрадовало не только самих праведных родителей, но и всех соседей и родственников, которые искренно сорадовались с ними. В восьмой день по закону совершалось обрезание и вместе давалось имя

новорожденному. Мать, знавшая тайну своего мужа, хотела дать своему сыну имя Иоанн, но родственники воспротивились этому, потому что такого имени совершенно не было в родстве их, и настаивали на том, чтобы дать младенцу имя в честь отца. Тогда пришлось обратиться за разрешением спора к самому Захарии, и когда знаками спросили у него, как бы он хотел назвать своего сына, Захария *потребовал дощечку и написал* на ней: «*Иоанн имя ему*» (Лк. 1:63). Все удивились такому совпадению его желания с желанием Елизаветы, но удивление это перешло почти в страх, когда вдруг после этого Захария опять заговорил и объяснил собравшимся о всем бывшем ему видении и обетовании в храме, где Ангел Господень, возвещая ему о рождении сына, вместе с тем и преднарек его Иоанном, т. е. сыном благодати Божией.

Рассказ этот глубоко запал в сердце всем слышавшим его и они невольно размышляли о будущей судьбе младенца, а «*Захария исполнился Св. Духа и пророчествовал, говоря: Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему... И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предыдешь пред лицем Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира. Младенец же возрастал и укреплялся духом*» (Лк. 1:67,68,76–80).

II. Рождество Христово. Обрезание Господне. Сретение Господа Иисуса во храме. Поклонение волхвов. Бегство св. семейства в Египет и возвращение в Назарет

По возвращении своем в Назарет Пресв. Дева Мария должна была окончательно перейти на жительство к Своему обручнику Иосифу; но когда наитие Св. Духа сказалось в Ней явными признаками беременности, то это послужило для Ее даже источником не малых огорчений. Среди соседей пронеслась подозрительная молва о нарушении Ею своего обета девственности, и когда эта молва дошла до Иосифа, то и он не мало смутился этим и, считая теперь свое положение в качестве хранителя девства излишним, хотел было совершенно оставить Ее. Как человеку праведному, ему тяжело было сделать это, и он размышлял, как поступить ему в этом затруднительном случае. Но скоро затруднение его было разрешено ему Ангелом Господним, который, явившись ему во сне, сказал ему: «*Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог»* (Мф. 1:20–23). Это откровение, столь много говорившее для такого праведника, который несомненно вместе со многими другими подобными же праведниками давно и пламенно ожидал спасения Израилева, вполне успокоило Иосифа, и он, чтобы освободить Марию от всякой тени укора со стороны окружающих, взял Ее в дом свой, где Пресв. Дева и ожидала исполнения великого обетования. Но обстоятельства сложились так, что рождение должно было совершиться не в Назарете, а в другом, отдаленном от него городе, о котором предсказано было пророками.

Иудейский народ в это время находился в соподчинении властелину мира – Риму и со временем Помпея платил ему дань.

На римском престоле теперь восседал император Август, который все силы своего правительственного гения употреблял на водворение порядка в обширной империи, только что пережившей ужасы гражданских потрясений и междуусобиц. Более всего нуждались в упорядочении финансовые дела, пришедшие в полное расстройство во время пережитых гражданских смятений, и с этой целью император приказал произвести перепись населения по всем провинциям громадной империи. Император был до такой степени заинтересован этим важным государственным делом, что собственной рукой сделал сводку статистических данных всей империи, с обозначением граждан и союзников, количества податей и налогов. Таких переписей при нем произведено было три, именно в начале его царствования – в 726 г. от основания Рима, в средине царствования – в 746 году и в конце его царствования – в 767 году от основания Рима. Теперь происходила вторая из этих переписей и, постепенно подвигаясь из провинции в провинцию, она наконец дошла и до Иудеи, которая также должна была исполнить указ верховного повелителя. Собственно, иудейским царем в это время был Ирод великий, но как римский ставленник он всецело зависел от римлян; с раболепною готовностью исполняя все желания кесаря, он дал по всей стране приказ немедленно всем подвергнуться требующейся переписи. Чтобы не вызывать в подчиненных народах ненужных и бесполезных волнений и недовольства, римское правительство обыкновенно предоставляло каждой провинции исполнять свои повеления так, как это было наиболее сообразно с народным характером и его обычаями. Поэтому и в Иудее перепись производилась не по римскому способу, а по древнему иудейскому, по которому каждый должен был записаться не на месте жительства, а в том городе, из которого происходил род того или другого лица. Так как Иосиф вел свою родословную от Давида царя, то для записи своего имени он должен был отправиться в Вифлеем, как родину своего великого царственного предка. Это по-видимому было в конце 749 г., следовательно, зимою. Но так как зима в Палестине не всегда бывает суровою и после ноябрьских дождей иногда даже

появляются цветочки на полях, на которые и выгоняются стада, то не смотря на дальность пути Иосиф решил взять с собой и Марию, Которая также происходила из рода Давида и не могла не чувствовать желания побывать на родине Своего царственного предка, особенно теперь, когда приближалось время рождения обетованного Ей Сына Давида.

Путешествие по обыкновению совершалось медленно и то и дело перемежалось стоянками в многочисленных селениях и городах, которые в то время почти сплошь покрывали всю эту теперь малонаселенную и пустынную страну. Но вот наконец они миновали Иерусалим и верстах в десяти от него к югу, на одном из известковых хребтов высился родной для них Вифлеем. Чтобы проникнуть в город, нужно было совершить довольно трудный подъем в гору, и этот подъем был особенно труден в это зимнее сырое время, когда от дождей разрыхлялись и делались скользкими все ведшие к нему дороги; еще более труден он был для Пресв. Марии в Ее обремененном состоянии. Но тем с большою радостью назаретские путники достигли одного из пригородных постоянных домов или гостиниц, где и думали переночевать. Когда однако же они прибыли в гостиницу, то оказалось, что она уже вся переполнена пришлым народом и им не было места. Чтобы найти себе хоть какой-нибудь кров от наступающей ночи, они в крайности порешили расположиться на ночлег хоть в прилегавшей к гостинице пещере, которая вместе служила и стойлом для домашних животных. И там то, в этой убогой обстановке, родился Царь мира –Христос!

В мире совершилось величайшее событие, долженствовавшее совершенно переродить его, –но он ничего не знал о случившемся и, истомленный заботами о нескончаемой злобе дня, погружен был в глубокий сон. Не спали только несколько бедных и простодушных пастухов соседней деревни, которые поочередно сторожили порученное им стадо от волков и разбойников. Хотя это были совершенно простые люди, но как жители деревни, находившейся почти под стенами славной родины великого царя Давида и вместе неподалеку от Иерусалима с его храмом и искупительными

жертвоприношениями, для которых между прочим главным образом и предназначались их стада, они несомненно проникнуты были общим ожиданием Мессии, и досуги скучных холодных ночей не раз коротали простодушными рассуждениями о Его скором явлении в мир – хоть-бы для того, чтобы низвергнуть иго язычников, подвергавших теперь народ Божий позорному исчислению для обременения новыми налогами и без того бедного народа. Кругом их царила мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым блеянием овец; над головами расстипалось безоблачное небо, испещренное узором яркосверкающих звезд, безмолвно смотревших, как и тысячи лет тому назад, на те самые поляны, на которых некогда пас свое стадо царственный Давид. И вдруг среди этого ночного безмолвия «предстал им Ангел Господень и слава Господня осияла их» (Лк. 2:9). Это явление поразило их необычайным ужасом, но Ангел тотчас же успокоил их, говоря: «не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2:10–12). Лишь только выслушали они эту необычайную весть и не успели еще хоть сколько-нибудь обсудить ее своим простым разумом, как увидели новое знамение, подтверждавшее только что сказанное им Ангелом. Ночное небо с бесчисленными звездами вдруг озарилось необычайным сиянием, в котором явилось многочисленное воинство небесное, и над погруженной в сон землею раздалась торжественная ангельская песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в Menschen благоволение» (Лк. 2:14). Когда смолк ангельский хор и пораженные всем виденным и слышанным пастухи пришли опять в себя, то они тотчас же порешили отправиться в Вифлеем, чтобы посмотреть, что именно случилось там и о чем возвестил им Господь. По пути они зашли в пригородную гостиницу и там именно «нашли Марию, и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях» (Лк. 2:16), все именно так, как возвещено было им, и первые поклонились новорожденному Христу. Они же первыми из людей сделались и благовестниками Еgo пришествия, так как тотчас после этого

начали рассказывать всем о том, «что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария (которой более всех известны были страшные обстоятельства совершившегося таинства рождения) сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было» (Лк. 2:17–20).

Сострадание окружающих к юной Матери с Ее чудесным Младенцем по-видимому имело своим следствием немедленное переселение св. семейства в более удобное помещение в гостинице, или в одном из частных домов Вифлеема. Там в восьмой день совершено было над св. Младенцем обрезание, как печать приобщения Его к избранному народу, и при этом дано Ему имя Иисус, что значит Спаситель. Имя это, особенно в его упрощенной форме Ошеа или Осия, было весьма распространенным среди иудеев того времени. Оно дорого было им как имя их славного вождя, победоносно введшего их во владение землей обетованной, и имя первосвященника, который предводительствовал пленниками, возвращавшимися из Вавилона; но отселе не для иудеев только, но и для всего человечества оно должно было получить бесконечно более священное значение, как имя Сына Божия в Его жизни на земле. Еврейское имя «Мессия» и греческое «Христос» обозначали Его служение в качестве помазанного Пророка, Первосвященника и Царя; но «Иисус» было личным именем, которое Он носил как истинный Человек среди других людей.

В сороковой день после родов, Пресв. Дева Мария, Которая по закону до этого времени не могла выходить из дома, принесла Младенца в храм иерусалимский, чтобы очиститься и принести Его Господу. В подобных случаях по закону следовало приносить годовалого ягненка в жертву всесожжения и молодого голубя или горлицу в жертву за грех (Лк. 2:22; Лев. 12:1–8; Чис. 18:16); но по обычной снисходительности, отличающей Моисеево законодательство, лицам, которые по своей бедности не могли сделать такого ценного жертвоприношения, позволялось приносить вместо этого двух

горлиц или двух птенцов голубиных (Лев. 12:6–8). С такою то именно скромною жертвою Мария и явилась в храм к священнику. В тоже самое время Иисус, как Первородный Сын, был принесен Господу и согласно закону был выкуплен от необходимости служения при храме обычно уплатою пяти сиклей священных (Чис. 18:15–16). Об очищении и принесении в храм в Евангельском повествовании не сообщается более никаких подробностей, но это посещение храма ознаменовалось тем, что во время его в Младенце признан был Спаситель мира прав. Симеоном и Анной.

В Иерусалиме в это время, как и в других местах страны, было не мало таких особенно благочестивых и верующих людей, которые наиболее чувствовали тяжесть переживаемого времени и особенно жаждали увидеть наконец спасение Израилево. К числу их принадлежал некий Симеон, «муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева» (Лк. 2:25). Это был уже глубокий старец, видевший на своем веку не мало великих переворотов и переживший не мало тяжелых душевных тревог. Бывали у него моменты тяжелого сомнения, которые тем труднее было переносить для такой верующей и праведной души, и один такой момент послужил даже орудием его высшего испытания и вместе высшей для него радости. По преданию, читая знаменитое пророчество Исаии о рождении Мессии от Девы, он усомнился в возможности этого и за это сомнение «ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (Лк. 2:26). Обетование было необыкновенно радостное для него, но годы шли за годами, все более налагая на него бремя старческой немощи, а Мессия все не приходил. В последние годы своей жизни он сделался почти постоянным обитателем храма и его притворов, где он непрестанно возносил молитвы о скорейшем исполнении данного ему обетования. И вот во храме явилась Пресв. Дева с своим божественным Младенцем. При виде этого Св. Младенца возликовала богопросвещенная душа праведного старца. Своим пророческим духом он понял, что это и есть утешение Израилево, это и есть Мессия, Спаситель мира. По совершении

над Младенцем законного обряда, Симеон взял его на свои старческие немощные руки, возблагодарил Бога и произнес ту величественную речь, которая сделалась любимою песнью христианского мира: «*Ныне, сказал он, отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, – свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля*» (Лк. 2:29–32). Иосиф и Мария дивились всему слышанному, а он, обращаясь к ним, благословил их, прибавив самой Пресв. Деве многознаменательные слова, всю силу которых Она могла понять лишь впоследствии. «*Се, сказал Симеон, указывая на Младенца, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и Тебе Самой оружие пройдет душу, да откроются помышления сердец*» (Лк. 2:34–35).

Когда Симеон закончил свое благословение родителям младенца, к ним приблизилась глубокая старица Анна, известная посетителям храма под именем пророчицы. Это была такая же праведница, как и Симеон; она происходила из колена Асирова, следовательно, из Галилеи. Ей уже было 84 года и на ее памяти совершилось не только покорение и взятие Иерусалима Помпеем-римлянином, но и велась ожесточенная борьба между асмонейскими братьями Аристовулом и Гирканом, подорвавшая нравственные силы народа и содействовавшая захвату престола Давида хитрым идумеянином Иродом. Все царствование Ирода с его ужасами и кровопролитиями происходило на ее глазах и возбуждало в ней тем более сильное желание увидеть спасение Израилево. От природы благочестивая, она, прожив с своим мужем лишь семь лет, по смерти его всецело посвятила себя на дело «служения Богу день и ночь» (Лк. 2:37). И за это самоотвержение она также удостоилась узреть Спасителя мира. Увидев Его, «она славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк. 2:38).

В лице прав. Симеона и Анны Спаситель мира явился Израилю как избранному народу, но Он не замедлил явиться и язычникам, которые также должны были получить участие в

спасении, и это Богоявление язычникам совершилось при необычайных обстоятельствах.

Когда св. семейство находилось в Вифлееме и спокойно жило там под покровом бедности и безвестности, сама природа уже возвестила о явлении Мессии до отдаленных пределов земли. С отдаленного востока в Иерусалим прибыли знатные путешественники, так называемые волхвы, которые к изумлению жителей иудейской столицы спрашивали, где родился Христос. Это были халдейские мудрецы, которые, занимаясь учеными наблюдениями над небесными светилами, славились своими предсказаниями о совершающихся в мире событиях и переворотах, как находившихся, по общераспространенному в древности мнению, в связи с переменами в небесных явлениях. Во время их ученых наблюдений над хорошо известным им небом, внимание их поразила необычайная звезда, дотоле никогда не виданная ими. Всякое появление новой звезды, по их учению, свидетельствовало о появлении на земле какого-либо великого человека, имевшего произвести великое влияние на судьбу мира; но эта новая звезда была так необычайна, что она возбудила у волхвов особенный интерес. Что бы она могла предзнаменовать собою? – Им известно было знаменитое предсказание Валаама об имеющей взойти звезде от Иакова; затем вследствие рассеяния иудеев и перевода Ветхого Завета на общераспространенный греческий язык язычники хорошо знакомы были с ожиданиями иудеев касательно пришествия Мессии, так что об этом говорят даже такие известные римские историки, как Тацит и Светоний, передающие ходячее мнение, что в Иудее скоро восстанет Царь, который покорит себе весь мир; наконец с этой надеждой Израиля халдейские мудрецы могли быть особенно хорошо знакомы благодаря принадлежавшему к их классу пророку Даниилу, который с особенною выразительностью предсказывал о пришествии Мессии и даже точными числами (седьминами) определял время Его пришествия. Все это было достаточным основанием для волхвов объяснить появление новой необычайной звезды именно в смысле рождения Мессии, и если они получили при

этом особое откровение, то и отправили из среды себя трех членов действительно удостовериться в совершении великого события и принести дары и поклонение новорожденному великому Царю. Когда однако же они прибыли в Иерусалим, то там кроме нескольких избранников еще никто не знал о явлении этого необычайного Царя; но появление мудрецов невольно обратило на себя общее внимание и о цели их прибытия немедленно было доложено Ироду. Весть эта как громом поразила подозрительного царя, который в это время, удрученный летами и болезнью и чувствуя уже нестерпимое угрызение совести за все грехи и кровавые преступления своей порочной жизни, находился в состоянии почти безумного исступления. Пролив уже целые потоки крови, чтобы истребить всех, кто только имел хоть малейшее право на похищенный им престол, он положительно испугался вести, что теперь-то именно и родился Мессия, истинный Сын Давидов, которому и принадлежишь по праву незаконно занимаемый им престол. Вместе с ним встревожился и весь Иерусалим. Чтобы расследовать столь важное дело, Ирод немедленно «собрав всех первосвященников и книжников народных», и потребовал от них, чтобы они ответили ему на вопрос: «где должно родиться Христу?» (Мф. 2:4). Иудейским ученым богословам не трудно было ответить на этот вопрос, так как пророк Михей ясно предсказал, что Христу должно родиться в Вифлееме (Мих. 5:2). Тогда Ирод, тайно призвав волхвов и выведав от них время появления звезды, чтобы точнее определить время рождения Мессии, отправил их в Вифлеем, дав им коварное поручение: «пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Мф. 2:8). Ничего не зная о кровожадном намерении царя, волхвы отправились в путь и с великою радостью увидели, что виденная ими звезда на востоке вновь явилась перед ними и привела их как раз к тому месту, где был новорожденный Мессия. «И войдя в дом, увидели Младенца с Марию, Матерью Его, и падши поклонились Ему; и открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:11), оказав таким образом Младенцу в Его убогой

колыбели почести, каких они не оказали и самому Ироду в его роскошных палатах.

Принеся свои дары и поклонившись чудесному Младенцу, волхвы конечно возвратились бы в Иерусалим, чтобы поделиться своею радостью с Иродом и дать ему случай также поклониться Мессии; но бывшее им во сне откровение раскрыло пред ними кровожадный замысел Ирода, и они «иным путем отошли в страну свою» (Мф. 2:12). В то же время и Иосиф получил высшее предостережение о грозящей Младенцу опасности, и по указанию Ангела поспешно переселился с своим семейством в Египет, издавна бывший естественным местом убежища для всех гонимых в Палестине, и там оставался до смерти Ирода.

Между тем царь, увидев себя обманутым со стороны волхвов и подозревая их в соучастии с царственным Младенцем, пришел еще в большую ярость, принявшую совершенно зловещий характер. У него не было средств узнать царственного Младенца от семени Давида, и менее всего конечно он стал бы искать Его в скотном стойле при гостинице. Но он знал, что Младенец, на которого он вследствие посещения волхвов стал смотреть как на будущего себе или своему дому соперника, был еще грудным ребенком, и так как на востоке матери обыкновенно кормят грудью своих детей в течение двух лет, то он не остановился перед ужаснейшим злодейством и издал кровожадное повеление – избить всех младенцев муж. пола в Вифлееме и его окрестностях «от двух лет и ниже» (Мф. 2:16). О способе, каким приводилось в исполнение это повеление, ничего неизвестно. Детей могли убивать тайно, постепенно и различными способами, или же, по общепринятыму предположению, избиение могло быть произведено в один какой-нибудь определенный час. Повеления таких тиранов как Ирод обыкновенно бывают покрыты непроницаемым мраком; они приводят всех в ужас и оцепенение, при котором небезопасно говорить даже шепотом. Но нельзя было только заставить смолкнуть отчаянного вопля матерей, у которых с такою жестокостью отнимали грудных детей, и слышавшим этот вопль невольно представлялось, что

это как-бы опять плакала великая праматерь их Рахиль, гробница которой стоит при дороге верстах в двух от Вифлеема, и присоединила свой голос к рыданию и воплю несчастных матерей, безутешно плакавших о своих избиваемых малютках.

Но это было последнее преступление Ирода, и скоро он умер, скончавшись в отчаянии и в страшных муках от омерзительной болезни. Получив сообщение о смерти Ирода, Иосиф возвратился из Египта и хотел поселиться в Вифлееме, но узнав, что в Иудее престол перешел к кровожадному сыну Ирода Архелаю, направился, по указанию Ангела, опять в Галилею, находившуюся под управлением второго сына Иродова Антипы, и опять поселился в своем прежнем городе Назарете.

III. Жизнь св. семейства в Назарете. Двенадцатилетний Иисус в храме Иерусалимском. Возрастание Иисуса

Спаситель мира, родившись в скотной пещере и возлежав в яслях, благоволил провести и все годы Своего возрастания в городе, который отнюдь не соответствовал человеческому понятию о величии и славе. Назарет был одним из незначительных городков Галилеи, которая как занятая смешанным населением из иудеев и язычников не пользовалась у истых иудеев доброю славою. Испорченный грекоудейский язык и сомнительный характер религии ставили эту область столь не высоко в мнении иудейских книжников, что у них даже сложилось убеждение, что «*из Галилеи не приходит пророк*» (Ин. 7:52). Но эта худая слава, разделяемая всей Галилеей, с особеною силою падала именно на Назарет, к которому с презрением относились даже сами галилеяне (Ин. 1:46). Причина этого неизвестна, но она могла заключаться или в близких сношениях его с язычниками, неблаготворно влиявшими на его религиозную и нравственную жизнь, или в самом характере жителей, отличавшихся крайним неверием и жестоким буйством, как это впоследствии пришлось испытать самому Христу (Мф. 13:54–58; Лк. 4:16–29). Наконец и вообще это был такой ничтожный город, что с ним не связывалось никаких исторических воспоминаний из жизни избранного народа и даже самого имени его ни разу не встречается в Ветхом Завете. Но не смотря на все это, Назарет, расположенный в одной из прекраснейших котловин Галилеи и окруженный со всех сторон живописными холмами, представлял собою удобное место, где св. семейство могло в тиши и безвестности воспитывать вверенный его попечению божественный залог, пока не настало время для выступления Мессии на дело спасения мира. И там-то божественный Младенец возрастал под убогим кровом своего нареченного отца – Иосифа, плотника назаретского. По выразительному свидетельству ев. Луки, Он «*возрастал и укреплялся духом*,

исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2:40). Как истинный Человек, Младенец Христос испытал и немощи человеческого детства, так что телесное и духовное совершеннолетие было достигнуто Им с тою же постепенностью, как оно достигается обыкновенными людьми. Вместе с тем это раннее детство было уже сознательным приготовлением Его к великому общественному служению: Он измлада изучал св. Писание, чтобы и Своим человеческим разумом постигнуть заключавшуюся в нем волю пославшего Его Отца Небесного, и глубину этого изучения и понимания Он скоро доказал самым поразительным образом.

Со времени плена вавилонского иудеи с особенною ревностью исполняли закон, предписывавший всем взрослым мужчинам собираться в Иерусалим к трем великим годовым праздникам. На величайший праздник, именно Пасху, в Иерусалим обыкновенно отправлялись и женщины, беря с собою и своих более или менее взрослых детей, именно когда они достигали двенадцати лет. Сборы на эти праздники составляли в высшей степени важное событие для населения, которое в лучших своих представителях посыпало свои лучшие достатки для принесения их в дар народному святилищу. Иосиф как истинный израильтянин неопустительно исполнял это предписание закона, и когда отрок Иисус достиг двенадцатилетнего возраста, налагавшего и на Него обязанность исполнения закона, то св. семейство отправилось в Иерусалим, чтобы под сенью храма провести великий праздник в этот знаменательный год жизни их Сына. Назарет находился верстах в полутораста от Иерусалима, и так как путь поклонников шел по густонаселенной местности, то партия поклонников, постепенно увеличиваясь новыми партиями из промежуточных городов и селений, к самому Иерусалиму возрастала в огромный караван, который и двигался в св. город с священными песнопениями и в восторженном духовном настроении.

К празднику Пасхи в Иерусалим стекались десятки, а иногда и сотни тысяч народа не только со всей Палестины, но и со всего востока и даже всего мира, где только жили иудеи.

Вследствие этого город не мог вместить в себе всего пришлого люда, и поклонники обыкновенно располагались за городом – в насконо построенных шалашах из свежераспустившихся ивовых ветвей, переплетенных между собою с достаточною для крова плотностью. Праздник продолжался неделю и проходил кроме обычного вкушения пасхального агнца в непрерывных жертвоприношениях, совершившихся с особеною торжественностью священниками, которых во всем облачении божественный Отрок впервые мог видеть именно здесь. К этим религиозным установлениям присоединялось и множество чисто мирских развлечений, так как многочисленный наплыв народа стягивал в Иерусалим всевозможных промышленников и торговцев, и святой город гремел от праздничного оживления, а иногда и народного разгула, сдерживавшегося лишь усиленным гарнизоном римского войска, зорко следившего за всем происходившим в городе с высоты занятой им укрепленной башни Антония. По окончании праздника караваны поклонников тем же путем возвращались обратно. Под влиянием праздничного настроения дорога оживлялась весельем и музыкой. По местам путники останавливались, чтобы освежиться холодной родниковой водой или подкрепиться финиками или огурцами. Преклонные старцы и женщины обыкновенно ехали на мулах, которых вели под уздцы взрослые мужчины, а дети играли около своих родителей или родственников. При таком движении многочисленного каравана весьма легко было на время не заметить отсутствия своего ребенка даже чадолюбивым родителям, которые могли предполагать, что он идет где-нибудь с другими детьми иди родственниками. Но каким ужасом были поражены Иосиф и Мария, когда во время большого привала они не могли найти своего Иисуса во всем караване и когда даже никто не мог сказать им, где именно Он! Когда все поиски оказались напрасными, родителям оставалось одно – воротиться в Иерусалим, чтобы посмотреть, не остался ли Он там, и они действительно на следующий же день оставили караван и поспешно двинулись в обратный путь. Этот одинокий путь для них был даже небезопасен так как страна в это время

находилась в смятенном состоянии и повсюду рыскали шайки повстанцев, которые под предводительством Иуды Гамалы и фарисея Садока с оружием в руках восстали против римского проконсула Копония, обложившего народ налогами по новой римской системе, выработанной на основании произведенной переписи. Такое беспокойное состояние страны не только затрудняло им путь, но и усиливало их опасения, как бы при ожесточенности враждующих сторон под стенами Иерусалима Сын их не подвергся какой-либо опасности. По истине в тот день скорби и страха оружие прошло душу Пресв. Девы Матери!

По прибытии в Иерусалим, Иосиф и Мария начали самые тщательные поиски; но ни в этот день, ни в течение наступившей ночи, ни даже утром третьего дня они нигде не могли найти Иисуса, пока наконец не отыскали Его в храме, где Он «сидел посреди учителей, слушал их и спрашивал их», проявляя такую необычайную любознательность и такую духовную мудрость, что «все, слушавшие Его, дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2:46–47). Это собрание очевидно происходило в одной из тех храмовых пристроек, которые именно предназначались для народного учительства со стороны книжников. Подобные собрания назывались школами, в которые свободен был доступ для всякого. Учитель или раввин занимал место на особом возвышении, а около него внизу полукругом располагались ученики или слушатели. По случаю праздничного времени и стечения народа в школе, где оказался Иисус, было несколько учителей и видимо знаменитейших для своего времени, и все они, как представители отивающего закона, изумлялись духовной силе Этого неизвестного им представителя Нового Завета. Найдя Его здесь, в этом школьном собрании, бедные и простодушные галилейские родители Его были поражены страхом при виде того, как их юный Сын смело беседовал с великими священниками и учителями народа, к которым они сами привыкли относиться с трепетным благоговением. Пораженная всем этим и волнуемая смешанным чувством радости по случаю счастливого отыскания Сына и укора Ему за причиненную Им родителям тревогу, Пресв. Дева Мария прервала Его дивную беседу матерински

укорительным вопросом: «Чадо, что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя» (Лк. 2:48). И на этот вопрос прозвучал божественный ответ: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лк. 2:49) Здесь в первый раз из уст Иисуса раздалось свидетельство, что Отец Его – Бог, и вместе с тем проявлено было Им ясное сознание своего божественного посланничества, чтобы Своим собственным примером излагать людям долг пребывания в том, «что принадлежит Отцу Небесному». Своим земным родителям Он дает знать, что Он прежде всего Сын Бога, и только уже во второстепенном смысле их Сын; поэтому и прежде всего Он должен идти путями Божиими, и затем человеческими; а если так, то где же им и искать было Его, как не на этом именно пути Божием? Нигде иначе они и не должны были искать Его, как именно в том, что «принадлежит Отцу Его». Прежде всего конечно Он разумел под этим храм, как Дом соприсутствия Божия. Но изречение это имеет и более глубокий смысл. В нем заключалось указание на то, что естественные отношения сыновства для юного Иисуса должны были уступить место тому высшему призванию, в котором вся цель Его жизни сосредоточивалась в исполнении воли Божией, и пред этим высшим призванием должны были отступить на задний план все простые требования обыденной жизни.

Ответ этот был слишком высок для Его простых родителей, и «они не поняли сказанных Им слов» (Лк. 2:50), по крайней мере в их глубочайшем значении. И это было поистине грустное предзнаменование того непонимания, с которым Спасителю мира постоянно приходилось встречаться при исполнении Своего возвышенного учения, как и свидетельствует евангелист: «в мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим и свои Его не приняли» (Ин. 1:10–11). Но хотя в душе юного Иисуса с такою чудесною силою проблеснуло сознание Его божественного происхождения, Он со всею простотою долга послушания родителям «пошел с ними, и пришел в Назарет, и был в повиновении у них» (Лк. 2:51). А Пресв. Матерь Его, для Которой все эти необычайный действия

и слова Ее Сына были лишь новыми подтверждениями известной Ей страшной тайны Его зачатия, «сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2:51).

По возвращении в Назарет для Иисуса наступила безмолвная история, в течение которой на протяжении восемнадцати лет евангелисты не сообщают ни одного события из Его жизни. Это было время безмолвного возрастания и созревания отрока Иисуса в мужа совершенного, Которым Он уже и появляется в истории, по истечении восемнадцати лет после знаменательного посещения храма и самооткровения в Нем Божества. Как Богочеловек, Он, наделенный всеми совершенствами телесной и духовной природы, «преуспевал в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52). По своей человеческой природе, подверженный всем ее потребностям и немощам, Он должен был трудиться и помогать своему престарелому отцу в его плотническом ремесле (Мк. 6:3), преподавая нам этим спасительный урок, что никакая высота предназначения человека не освобождает его от обязанности трудолюбия. В своей обыденной жизни Он находился в постоянных и близких отношениях с родственным семейством своей тетки Марии, бывшей замужем за Алфеем или Клеопой и имевшей нескольких сыновей и дочерей. Семейство это, по смерти своего отца, по всей вероятности принято было Иосифом на свое попечение, и по смерти его также – две вдовы продолжали жить вместе, так что оба эти семейства слились в одно и в представлении соседей дети их сделались как бы родными братьями и сестрами, как об этом не раз говорится в Евангельском повествовании¹. Среди этих-то родных сверстников и возрастал Христос. Вместе с телесным развитием шло Его и духовное развитие, и образование. Подобно всем иудейским детям того времени, Он несомненно получил некоторое образование или в местной назаретской школе, или от самого Иосифа, который как человек «праведный» был конечно не мало начитан в законе и вообще письменности иудейской и мог преподать своему бож. Сыну уроки чтения и письма. Что Иисус умел писать, показывают неоднократные Его намеки на начертания еврейских букв, а

также и сообщение о том, что Он наклонившись писал пальцем на земле. Но главным предметом изучения было именно св. Писание, и эти познания Его были глубоки и обширны, даже по-видимому Он знал его все наизусть, как это ясно не только из Его прямых ссылок, но также и из многочисленных указаний, которые Он делал на Пятикнижие и другие св. книги, на пророков – Исаию, Иеремию, Даниила, Иоиля, Осию, Михея, Захарию, Малахию и особенно на Псалтирь. С вероятностью также можно полагать, хотя и нельзя сказать утверждительно, что Он знаком был и с неканоническими книгами Иудеев. Это глубокое и основательное знание св. Писания придавало особенную остроту и силу полу值得一ющему вопросу, с которым Он так часто обращался к своим велеученым совопросникам: «разве вы не читали?» Язык на котором обыкновенно говорил Спаситель, был арамейский, т. е. смесь еврейского с халдейским. Чистый еврейский язык в то время был уже совершенно мертвым языком, и его знали только более образованные люди, приобретавшие знание его в школе. Но Иисус очевидно был знаком с ним, потому что некоторые Его цитаты из св. Писания прямо указывают на еврейский подлинник (Мк. 12:29–30; Лк. 22:37; Мф. 27:46). Наверно Он знал также и греческий язык, потому что это был ходячий язык в таких близких к Его родине городах, как Сепфорис, Кесария и Тивериада. Со времени Александра Великого, и особенно вследствие близких отношений иудеев с Птоломеями и Селевкидами, греческое влияние было сильно в Палестине. В Финикии и Сирии произведения греческих поэтов образованными классами читались в подлиннике, а в некоторых городах, как Гадаре, были высшие эллинские школы. Греческий язык в действительности был обычным средством взаимных сношений, и без него Иисус не мог бы разговаривать с чужеземцами – с сотником, например, слугу которого Он исцелил; с Пилатом, который конечно не знал туземного языка, но как образованный человек и правитель обязан был знать греческий язык; равно и с греками, которые желали побеседовать с Ним в последнюю неделю Его жизни. Некоторые из приводимых Христом текстов св. Писания взяты прямо из

греческого перевода семидесяти толковников, даже и в тех местах, где Он отступает от еврейского подлинника (Мф. 4:7; 13:14, 25). Знаком ли Он был с латинским языком – это гораздо труднее решить, хотя и не невозможно, так как римлян в это время было много в Иудее, латинские надписи значились на ходячих монетах, и в общежитии употреблялось не мало латинских слов, вроде легион, кодрант и других, употреблявшихся впоследствии и самим Христом.

Но все это внешнее образование было для Него второстепенным делом. Главным Его образованием было проникновение в волю пославшего Его Отца, и в эти именно безвестные годы обыденной жизни в Нем созревал тот дух самопожертвования, который и проявился в истории последующего Его служения на спасение рода человеческого.

Отдел второй. Вступление Господа Иисуса Христа в дело открытого служения на спасение рода человеческого

IV. Проповедь Иоанна Предтечи в пустыне. Крещение Иисуса Христа. Удаление Его в пустыню и искушение от диавола

Когда в отдаленном Назарете приходило к концу богочеловеческое возмужание Спасителя, в окрестностях Иерусалима в таком же уединении уже созрел тот «ангел», который, по предсказанию пророка Малахии, должен был подготовить путь Ему. Сын праведных Захарии и Елизаветы, Иоанн, воспитавшись под благотворным влиянием своих благочестивых родителей, с детства проявил склонность к уединению и отшельничеству, и достигнув возмужалости, избрал окрестные пустыни своим любимым местопребыванием. Этот дух отшельничества находил поощрение и в самом состоянии иудейского народа в то время. Это было поистине тяжелое время для избранного народа. Властолюбивый Рим, на время терпевший призрачную независимость Иудеи под главенством ее царей, теперь окончательно наложил на нее железную руку своего самовластия и, низложив сына Иродова Архелая, дал Иудею под власть чисто римского управителя, так называемого прокуратора, находившегося в свою очередь под начальством другого высшего сановника, префекта Сирийского. Вместе с водворением римского владычества стали вводиться и римские порядки, которые как языческие казались иудеям нестерпимейшим попранием всех наиболее дорогих им преданий. Сильный римский отряд окончательно занял башню Антонию, примыкавшую к храму, и грозный вид этих язычников омрачал душевное спокойствие всех посетителей храма. Расставленные по отдельным городам отряды римских воинов обременяли народ постами и различными вымогательствами; налоги росли, а введенная римлянами система сбора их посредством откупщиков или мытарей способствовала образованию среди народа целого класса беззастенчивых хищников, которые наживались на счет бедствия народного, вызывали раздражение и противодействие, и по местам уже появлялись шайки повстанцев, которые, отказываясь платить

кесарю налоги, возводили этот отказ на степень священного долга для каждого истинного израильтянина и, восставая против римлян, тем самым вносили еще большую тревогу и смуту среди мирного населения страны. Не удивительно, что при таком тяжелом состоянии народа в нем проявлялась склонность бежать в пустыни, чтобы там, вздохнув на свободе, облегчить свою утомленную душу уединенной беседой с Богом и пламенной мольбой о скорейшем пришествии Избавителя.

И вот среди этого общего томления в одной из самых диких пустынь раздался голос нового великого пророка, молва о котором быстро пронеслась по всей стране. Это было в пятнадцатый год царствования второго римского императора Тиверия, в управление Иудеей прокуратором Понтием Пилатом. Со времени Малахии пророчество совершиенно прекратилось среди избранного народа, который в течение целых столетий принужден был черпать религиозно-нравственные силы исключительно в законе и предании. Народ настолько свыкся с этим состоянием, что он уже и не ожидал появления новых пророков, а ожидал лишь вторичного появления Илии, как непосредственного предтечи Мессии. И этот Илия как бы явился теперь в лице Иоанна. Строгий назарей, Иоанн явился в пустыне не только в духе и силе Илии, но и походил на него всею своею внешностью и всем образом жизни. Подобно своему великому прообразу, он носил грубую мантию из верблюжьего волоса, стягивавшуюся кожаным поясом, и питался самыми скучными дарами пустыни – диким медом, кое где встречавшимся в малодоступных щелях скал, и акридами, т. е. высущенными на солнце саранчею (еще и доселе употребляемою в пищу бедуинами, особенно в голодные годы). Появление такого пророка невольно должно было обратить на него всеобщее внимание, тем более, что проповедь его касалась самого жизненного вопроса – времени пришествия Мессии. «Покайтесь, проповедовал Иоанн, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2). И на этот призыв отовсюду собираясь стали к Иоанну все утружающееся и обремененные, желавшие в проповеди новоявленного пророка найти облегчение своей совести от тяготевшего на ней бремени

грехов и сомнений. Движение было настолько всеобщим, что к Иоанну приходили даже высокомерные фарисеи и вольнодумные саддукеи, буйные воины и хищные мытари, и все они с умилением выслушивали наставления и грозные обличения от сурового пророка. Местом его проповеди было необитаемое пространство пустыни, которая тянется на юг от Иерихона и бродов Иордана к берегам Мертвого моря. В скалах, нависших над узким проходом, ведущим от Иерусалима к Иерихону, гнездились разбойники; в камышах, окаймляющих воды Иордана, еще водились дикие звери и крокодилы; но это не страшило народ, который толпами стекался сюда послушать небывалого пророка. И слово этого пророка гремело подобно молоту, разбивая самое кремнистое сердце, ж glo подобно пламени, проникая в сокровеннейшие помышления. С истинно пророческою резкостью и прямотою он обличал сборщиков податей за их вымогательства, воинов за их насилия, за бесчестность и недовольство, богатых саддукеев и знатных фарисеев за бездушие и лживость, которые сделали их ехиднами порождения ехиднина. Ко всему народу он обращался с предостережением, что глубоко он заблуждается, когда всю свою надежду на спасение возлагает на свое происхождение от Авраама, будто бы освобождающее его от всякой дальнейшей обязанности употреблять особенные усилия для достижения спасения. Бог, сотворивший Адама из земли, может и из камней воздвигнуть новых чад Аврааму. Поэтому, чтобы быть истинными сынами Авраама, достойными унаследования данных ему обетований, они должны искренно покаяться и «с сотворить достойный плод покаяния» (Мф. 3:8). И это особенно необходимо было теперь, когда все предвещало, что приблизилось исполнение времен. Настал час пришествия давно ожидаемого Мессии. Эта проповедь потрясала сердца слушателей, которые поэтому охотно принимали введенный Иоанном обряд крещения, служивший видимым знаком внутреннего покаяния. Этот обряд неизвестен былъ ветхому завету и составлял видимое преддверие нового завета. Правда, в Моисеевом законе предписывались различные омовения и очищения, и вода в древности служила общеизвестным

символом очищающей силы; но Иоанн придал крещению более глубокое значение, именно в смысле символа внутреннего очищения и обновления всего нравственного существа, и в этом смысле именно это крещение покаяния преобразилось впоследствии в крещение спасения. Пораженный всем этим народ спрашивал, кто же этот велики пророк и проповедник: не Илия ли это, или даже не Христос ли? Даже синедрион, пораженный слухом о проповеди и действиях Иоанна, отправил к нему особую депутацию с этим именно вопросом. Но Иоанн отвечал, что он не Христос, не Илия и не пророк, а просто «глас вопиющего в пустыне» (Ин. 1:23), простой предшественник и провозвестник Того, у которого он недостоин развязать ремня сапог, который будет крестить не водою, но Духом Святым и огнем и уже держит лопату в руке Своей, чтобы очистить гумно Свое, собрать пшеницу в житницу, а солому, т. е. всех не покаявшихся к Его пришествию, сжечь огнем неугасимым.

Послушать проповедь Иоанна и принять от него крещение покаяния приходили даже жители отдаленной Галилеи, и между ними явился и Иисус, который был в это время «лет тридцати» (Лк. 3:23) от роду, в полном расцвете своей безгрешной возмужалости. Иоанн был Ему родственник, но обстоятельства жизни совершенно разделили их между собой. Иоанн провел свое детство в доме своего благочестивого отца, священника, жившего в одном из священнических городов (Юте), в южных пределах колена Иудина, близ Хеврона; Иисус же жил в полнейшей отчужденности, в плотницкой мастерской Своего нареченного отца, в Галилее. Когда Он впервые пришел на берега Иордана, то Иоанн Предтеча, по его собственному заявлению, «не знал Его» (Ин. 1:33); но самая внешность Его поразила и пленила душу Иоанна. Для других он был непреклонным пророком: смело укорял царей, строго изобличал фарисеев, но в присутствии этого таинственного галилеянина сурового пророка пустыни объял непостижимый страх. Когда Иисус просил Иоанна крестить Его, то великий пророк смутился перед таким безграничным смирением Того, в ком он сразу узнал ожидаемого Мессию, и благоговейно сказал Ему: «мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф. 3:14).

И на это выражение смирения и благоговения со стороны Иоанна последовал ответ Иисуса: «*Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду*» (Мф. 3:15). Крещение от Иоанна не было собственно таинством, а только подготовительным символом духовного возрождения, и Иисусу, как начальнику Нового Завета, надлежало пройти и эту подготовительную ступень к Его общественной деятельности, чтобы сразу наметить тот путь, по которому пойдет Он в своем служении. Как безгрешный человек, Он не нуждался ни в каком очищении, как это было с другими людьми; поэтому и крещение это означало для Него лишь «исполнение правды», как она указана была волею пославшего Его. После такого разъяснения Иоанн крестил Его, и когда Иисус вышел из воды, «*се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение*» (Мф. 3:16–17). Так в крещении Иисуса торжественно проявилось участие всей Св. Троицы, во имя трех Лиц Которой и совершается христианское крещение как таинство.

Крестив Иисуса и исполнив таким образом главную цель своего служения, Иоанн продолжал проповедовать покаяние и после этого; а Иисус, переполненный в своем человеческом духе мыслями и чувствами касательно предстоявшего служения, искал на время уединения, чтобы побывать наедине с Богом и подготовиться к великому делу. От вод Иордана Он был возведен духом в пустыню, где и пробыл в течение сорока дней. Там Он подвергся искушению от диавола. Как некогда в саду Едемском диавол подверг искущению невинного, только что созданного безгрешным человеком, и погубил его, так исконный человеконенавистник не мог вынести пребывания безгрешного человека и теперь в пустыне, и также попытался погубить Его. Но если в саду Эдемском то злобное лукавство восторжествовало, то теперь оно должно было понести окончательное поражение и посрамление: Христос победил диавола и тем дал нам непреоборимое оружие против всех его козней.

Коварная злоба исконного человеконенавистника измыслила три формы искушения, которыми особенно затрагиваются немощные стороны человеческого существа, именно угощдение плоти, самомнение и властолюбие, и с этими тремя искушениями диавол и приступил ко Христу.

Подобно своим ветхозаветным прообразам, Моисею и Илие, также удалявшимся на время в пустыню и подвергавшимся там сорокадневному посту, Иисус Христос «ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал» (Лк. 4:2). Этим моментом человеческой немощи воспользовался искуситель. Приступив к безгрешному Богочеловеку, искуситель обратился к Нему с лукавой речью: «Если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4:3). Муки голода чувствуются тем сильнее, если они поддерживаются добавочными терзаниями живого воображения; а как раз перед глазами Иисуса лежали камни, которые удивительно похожи на хлебы и, по преданию, были именно окаменелыми хлебами жителей содомского пятиградия, некогда навлекшего на себя страшный гнев Божий. Указывая «на сии камни», диавол рассчитывал так же успешно затронуть чувственную немощь Иисуса, как он затронул ее некогда в первых людях в раю. Вместе с тем искушение это прикрывалось множеством самых лукавых извивов мысли. Израиль также много страдал от голода в пустыне, и там в его крайней нужде Бог питал его манной, которая была как бы ангельским хлебом с неба. Почему же Сыну Божию также не снабдить Себя пищею в пустыне? Ведь Он может сделать это, если только захочет, и почему же Он медлит? Если ангел указал жаждущей Агари источник, если ангел показал пищу голодающему Илии, то зачем Ему ждать даже услуги ангелов, когда такая услуга не нужна, и когда, если бы только Он захотел, ангелы с радостью стали бы служить Ему? Но последовавший ответ сразу разбил лукавую логику искусителя. Ссылаясь на тот же самый урок, который вытекал из славнейших изречений ветхого завета, Спаситель отвечал: «написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Этим ответом наносился решительный удар господству

плоти в человек и показывалось, что человек отнюдь не исключительно плотское существо, а напротив существо, которое всегда может торжествовать над немощами плоти. Кто думает, что мы живем только хлебом, тот делает заботу о хлебе главною целью своей жизни, на добывание его тратит все свои силы, и станет жалким и мятежным, когда даже на время будет лишен его; не ища другой более возвышенной пищи, он неизбежно будет томиться голодом даже посреди ее. Но кто сознает, что человек живет не хлебом одним, тот не будет терять из-за нее того, что делает жизнь наиболее дорогою и священною; исполнив свой долг, он будет уповать на Бога в отношении всего необходимого для тела, с большим усердием и тщанием будет искать хлеба небесного и той воды живой, испивший которой не возаждет во век.

Такой ответ показал искуителю, с Кем имеет он дело; поэтому, с изумительной ловкостью подделываясь под обнаруженное Христом настроение духа, он уже пытается искусить Его на этом именно безграничном уповании на Бога. «Потом берет Его диавол во святой город и поставляет Еgo на крыле храма» (Мф. 4:5). Со стороны своей низшей, телесной природы Христос оказывается на время как бы в полной власти диавола, который распоряжается Его телом с такою произвольностью, – но тем сильнее терпит искуситель поражение от духа Христова. Неизвестно, какое именно разумеется крыло храма: быть может кровля Царского притвора на южной стороне храма, которая обрывисто смотрела в глубокую долину Кедрона с такой страшной высоты, что по описанию И. Флавия у всякого, осмелившегося глядеть вниз, от зияющей пропасти кружилась голова; а может быть кровля притвора Соломонова, с которой по преданию был сброшен вниз на дверь св. Иаков, брат Господень. Та и другая была одинаково пригодна для цели искуителя – возбудить в Иисусе гордость самомнения. Если Он действительно Сын Божий, то отчего Ему не броситься с этой головокружящей высоты вниз, чтобы пред целым городом сразу же доказать свое божественное достоинство и тем оказать содействие свое цели. Что касается личной Его безопасности, то как Сын Божий Он

вполне может рассчитывать на помощь ангелов, ибо написано: «*Ангелам своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою*» (Мф. 4:6, Пс. 90:11–12). Не будет ли все это превосходным доказательством безграничного упования на Бога и исполнения пророчества? – Искушение было задумано тонко и глубоко, в подтверждение его диавол сослался даже на Св. Писание. Но это искушение оказалось бессильным перед лицом безгрешного человека. На все извины лукавой лести Христос спокойно ответил: «*Написано также: не искушай Господа Бога твоего*» (Мф. 4:7).

Потерпев неудачу на искушении телесной немощи и духовной гордости, диавол сделал последнюю отчаянную попытку – соблазнить Иисуса призраком безграничного самовластия над всеми царствами земли. Возведши Его на высокую гору, диавол развернул пред взорами Иисуса волшебную картину всех царств мира во всей славе их, и сказал Ему: «*все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне*» (Мф. 4:9). Диавол знал, что Христу как Спасителю мира предстояло страшное поприще уничижения и страданий, пред которыми невольно должно было содрогаться Его человеческое сердце. Между тем всего этого возможно избегнуть для Него и сделаться тем именно грозным Мессией-завоевателем и властелином всего мира, каким Его ожидало видеть большинство иудейского народа. Отчего Ему не выступить в этом именно последнем виде, – и все это будет, если только Он поклонится искусителю. Но в этом искушении дерзость сатаны преступила всякие пределы, и Христос победно ответил ему: «*отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи*» (Мф. 4:10).

Так родоначальник новозаветного человечества нанес первое поражение исконному человеконенавистнику, показав ему, что время царства его миновало и наступало Царство благодати Божией на земле. Хотя диавол и впоследствии делал попытки искушений Христа, но теперь на время должен был оставить Его; «*и се, Ангелы приступили и служили Ему*» (Мф. 4:11).

V. Свидетельство Иоанна Предтечи о себе и об Иисусе Христе. Первые последователи Иисуса Христа. Первое чудо Христа на браке в городе Кане

Молва о крещении Иоанном неизвестного галилеянина, сопровождавшемся необычайными знамениями, не мало встревожила даже верховный совет иудейский, именно синедрион. В это время он находился в крайнем унижении и бессилии, так как самовластием Ирода и его преемников, а затем и римских прокураторов он был лишен всякой самостоятельности и сделан послушным орудием позорной политики. Первосвященники сменялись постоянно, и в настоящее время считалось даже два первосвященника – Анна и его зять Каиафа, из которых первый низвергнут был римлянами, но продолжал считаться неофициально таковым, а второй был официальным римским ставленником и, как родственник Анны, продолжал разделять с ним преимущества и почести первосвященнического сана. Лишенные истинного первосвященнического достоинства, эти первосвященники, а за ними и большинство членов синедриона, занятые были исключительно мелкими интригами и, не заботясь об истинных нуждах религиозно-нравственной жизни народа, предавались зазорно-светской жизни и алчной наживе на счет простодушного народа. Для такого синедриона слух о явлении Мессии не мог не быть тревожным, и он отправил к Иоанну депутацию спросить его: кто он такой – Христос, Илия, или просто пророк? Иоанн отвечал, что он пришел лишь приготовить путь тому, Кто выше него. И на следующий день Иоанн получил возможность дать более определенное свидетельство. Он увидел возвратившегося из пустыни Иисуса Христа и, указывая на Него, всенародно и торжественно засвидетельствовал, что это и есть Мессия, который явлен был ему особенным знаменем, что это «агнец Божий, Который берет на Себя грехи мира» (Ин. 1:29). При этом Иоанн уже явно выступил благовестником о пришествии Мессии и всем возвещал о тех необычайных знамениях, которые совершились при крещении Иисуса и

засвидетельствовали ему о том, что «Сей есть Сын Божий» (Ин. 1:34).

Тоже самое свидетельство Иоанн повторил и на следующий день, и оно произвело на некоторых из его последователей весьма сильное впечатление. Около Иоанна образовался уже кружок последователей, которые считали его своим учителем. В большинстве это были юноши, на которых всегда сильнее отзываются великие перевороты, совершающиеся в духовной жизни. Двое из них, пораженные необычайностью свидетельства их великого учителя о таинственном пришельце из Галилеи, решились последовать за Ним и поближе познакомиться с Ним. Это были Андрей и Иоанн, молодые рыбаки из Галилеи. Не смея открыто заявить о своем желании, они молча последовали за проходившим мимо их Христом; но Он, обернувшись вдруг, спросил их: «что вам надобно?» (Ин. 1:38) Вопрос этот смущил юношей, и они только спросили его: «Равви (и этот титул глубокого уважения и почтения показывал, какое сильное впечатление Он произвел на них), где живешь?» (Ин. 1:38) – «Пойдите и увидите» (Ин. 1:39), сказал Он им. Подобно большинству народа, собравшегося слушать проповедь пророка пустыни, Иисус наверно жил в каком-нибудь насконо сделанном из ветвей шалаше или пещере, и туда-то последовали за Ним юные рыбаки. Там они пробыли у Него весь тот день, а быть может и переночевали; и беседа этого дня ясно открыла им, Кто был поразивший их Галилеянин. Они познали и почувствовали в сердце своем, что ожидания и надежды избранного народа, длившиеся столько веков, теперь наконец исполнились, что они находились в соприсутствии Того, Который и есть чаяние народов, – истинный Сын Давидов, звезда от Иакова и скипетр Израилев. Постигнув эту великую тайну, Андрей прежде всего поспешил подлиться радостью с своим братом Симоном. Он привел его к Христу, и Иисус, окинув его тем царственным взглядом, который читал все сокровеннейшие тайны сердца, сразу увидел в этом рыбаке всю слабость, но вместе и благородное величие человеческой природы и, определяя его характер и будущее назначение, сказал ему: «ты Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значить камень». Этой

переменой имени Христос навсегда определил предстоявшую этому рыбаку великую судьбу в будущем. И эти трое последователей Христа сделались первыми членами Церкви новозаветной.

Третий день по возвращении из пустыни по-видимому проведен был Иисусом Христом в беседе с своими новыми учениками. На четвертый день Он хотел отправиться в обратный путь в Галилею, но на пути встретился с другим молодым рыбаком, Филиппом из Вифсаиды. Филипп носил греческое имя, которое быть может дано было ему по имени четвертовластника Филиппа, так как обычай называть детей по имени царствующих государей был всегда распространенным в народе. Если так, то ему было в это время около тридцати лет. Возможно также, что его греческое имя указывало на его близкие отношения с каким-нибудь по-гречески говорящим населением, смешанно жившим с галилеянами по берегам Геннисаретского озера, и этим легко объясняется то, почему к нему именно, а не к кому-нибудь другому из апостолов, обращались греки, которые в последнюю неделю жизни Христа хотели видеться с Ним. По одному властному слову «следуй за мной» (Ин. 1:43) Филипп последовал за Христом и сделался Его постоянным учеником.

На следующий день к этому священному обществу прибавился пятый член. Желая поделиться своею радостью, Филипп отыскал своего друга Нафанаила. Нафанаил в списка апостолов вообще и почти несомненно отождествляется с Варфоломеем, потому что Варфоломей скорее есть отчество, чем имя («Бар-Толмай – сын Толмая»); и притом Нафанаил только еще в одном месте упоминается под этим именем (Ин. 21:2), Варфоломей же (о котором иначе мы не знали бы ничего) в списке апостолов постоянно помещается рядом с Филиппом. Живя в Кане Галилейской, Варфоломей легко мог познакомиться с молодым рыбаком геннисаретским. Простодушный Филипп по-видимому с особенным удовольствием сопоставлял с величием служения Христа Его низкое происхождение. «Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки», сказал он своему другу; именно

«Иисуса, сына Иосифова из Назарета» (Ин. 1:45). На первый раз Нафанаил не придал никакого значения этому свидетельству и даже пренебрежительно заметил: «*из Назарета может ли быть что доброе?*» (Ин. 1:46) – но это предубеждение тотчас же рассеялось, когда лично явился Христос, не только сразу определил его искреннее сердце, сказав: «*вот Израильтянин, в котором нет лукавства*» (Ин. 1:47), но и проник в его сокровенные думы, которыми Нафанаил занят был пред тем под смоковницею. Это всеведение Иисуса вызвало полную перемену во мнении Нафанаила, и он восторженно воскликнул: «*Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев!*» (Ин. 1:49). И это исповедание Нафанаила было награждено обетованием ему, что впоследствии он увидеть еще и больше того, и все они «*отныне будут видеть небо отверстым, и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому*» (Ин. 1:51). Им как истинным и начитанным в Св. Писании израильтянам слова эти должны были напомнить о чудесном видении лествицы их праотца Иакова. Тот, который в этом видении, стоял наверху лествицы, теперь сошел на землю и соприсутствует с ними как Сын Человеческий, и в этом им скоро предстояло убедиться из тех дел, которые стал совершать Он.

В сообществе с Своими последователями, Иисус Христос возвратился в Галилею, чтобы прежде всего на Своей родине открыть сокровищницу Своих спасительных дел. На третий день по возвращении Его в соседнем с Назаретом городе Кане случился брак, и так как это семейство находилось не только в близких, но даже и родственных отношениях с Пресв. Девой Марей, то как Она, так и Иисус с Своими учениками были позваны на брачное пиршество. Брак на востоке всегда обставлялся изысканною церемониальностью, даже в бедных семействах. Невесту выводили из дома в сумерки или даже ночью, причем ее с головы до ног окутывали широким и развеивающимся покрывалом,сыпали цветами и вообще одевали в лучшие платья. О прибытии ее к дому жениха возвещалось факелами, песнями и плясками, барабанным боем и флейтами. Ее сопровождали девицы – односельчанки, и

жених выходил ей на встречу с своими молодыми друзьями. Брачное пиршество у более достаточных классов продолжалось до семи дней, а у мене достаточных один-два дня, которые проводились в самом радушном и щедром угощении званных гостей. Последний бедняк старался показать себя при этом богатым, и полный избытка пищи и питья считался главным признаком щедрого гостеприимства. Поэтому легко понять, каким несчастием было для новобрачных, когда вдруг оказалось, что у них недостало вина. Этот случай мог омрачить все брачное торжество и причинить скорбь и уныние как всему семейству, так и особенно новобрачной чете, которая сочла бы это, как бывает и теперь на востоке, не только крайним и неизгладимым для себя бесчеством, но и худым предзнаменованием. Обстоятельство это весьма больно отзывалось на благостном сердце Пресв. Девы Марии, которая видимо занимала одно из главных мест на брачном пире и даже распоряжалась на нем по хозяйству, и Она скромно и тихо заметила Своему Божественному Сыну: «*вина нет у них*» (Ин. 2:3). Замечание это было очевидно тонкое, но значения его нельзя было не понять. Никто так не знал, как знала Пресв. Мария, Кто Ее Сын, но в течение целых тридцати лет терпеливого ожидания Его объявления о Себе, Она видела только, как Он возрастал подобно другим детям и жил, правда, в блаженном смирении и безгрешной мудрости, подобно нежному цветку перед Богом, но во всех других отношениях жил так же, как живут и другие в юношестве, отличаясь только Свою совершенной непорочностью. Но теперь Ему было уже тридцать лет от роду; голос великого пророка, слава которого гремела во всем народе, провозгласил Его обетованным Мессией; Его открыто сопровождали ученики, признававшие Его учителем и господином. Теперь предстояло устраниТЬ затруднение и совершиТЬ истинно добреЕ дело: нужно было отвратить бесчестье от скромной четы, тем более, что и самая недостача вина вероятно произошла вследствие прибытия неожиданно большого числа Его учеников. Не пришел ли час Еgo? Кто знает, не может ли Он сделать чего-нибудь, если только обратить Его внимание на затруднение, грозившее

прервать торжество? И действительно Она угадала своим Материнским чувством, что час самооткровения Ее Сына настал. Хотя Он на время отклонил Свое участие в этом деле, но вера и Материнская любовь Пресв. Мари восторгствовали, и Она с полною уверенностью сделала слугам распоряжение, чтобы они исполнили то, что Он скажет им. – Во всяком доме на восток у входной двери обыкновенно стоит несколько водоносов, в которых содержится холодная родниковая вода для обычных омовений ног после путешествия и умытия рук перед пищею. Шесть таких каменных сосудов стояло и в доме, где происходило брачное пиршество. В них уже не много оставалось воды, и Иисус Христос велел наполнить их до верха. Затем, велев слугам почерпнуть этой свежей воды в мелкие сосуды, Он приказал нести их к тому гостю, который был избран главным распорядителем пиршства. Распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, и, ничего не зная о случившемся, подозгал жениха и весело заметил ему, что он поступил вопреки всякого порядка в угожении: «*всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе*» (Ин. 2:10). Тогда все узнали о совершившемся чуде, и грозившее новобрачной чете бесчестье превратилось для них в неожиданное и великое благословение.

«*Так положил Иисус начало чудесами в Кане Галилейской, и явил славу Свою, и уверовали в Него ученики Его*» (Ин. 2:11). Такое начало ясно определяло характер и направление общественной деятельности Иисуса Христа. Если Иоанн Креститель выступил с суровою проповедью о покаянии, то это была лишь подготовительная ступень для деятельности Христа, и по прошествии ее наступила новая, высшая ступень, когда все дела должны были показывать, что Христос пришел не разрушать или стеснять обычных условий человеческой жизни, а освящать и возвышать их. Принимая участие в невинном брачном пиршестве, Спаситель освящал установленное Богом таинство брака, подвергавшееся у язычников различным искажениям и извращениям, и наглядно показывал, что зло, удручавшее древнее человечество, отнюдь не заключается в

самой плоти и ее естественных отправлениях, а в злой греховной воле, которая и этим естественным отправлениям придает греховный и преступный характер. В Царстве Божием можно пить и есть, только бы все это не выходило за пределы законности. Тут совершался переход от Ветхого завета к Новому, от закона к благодати. Имея дело с народом жестоковы́йным и с волею преступною, ветхозаветный законодатель по необходимости должен был действовать на него строгими запрещениями и суровыми мерами; теперь новый Законодатель, имевши водворить Царство благодати, способной расплавить самое холодное сердце, мог уже смягчить сущность этих мер и действовать прямо на ум и сердце людей.

После окончания брачного торжества в Кане, Спаситель вместе с Своими учениками отправился не в Назарет, который не представлял по своей отчужденности надлежащего простора для общественной деятельности, а в бойкий и многолюдный Капернаум, находившийся на северо-западном берегу Генинисаретского озера и, следовательно, в наилучшей местности Палестины. И этот прекрасный город отселе сделался почти постоянным местопребыванием Спасителя, а окружающая страна, благодатнейший бассейн Генинисаретского озера, главным местом Его общественного служения. Теперь эта местность, как и вся Палестина, кажется пустынею, и только развалины по берегам озера свидетельствуют о том богатстве и оживлении, которыми некогда славилась окрестность этого дивного по своей красоте озера. У иудеев была пословица: «Бог создал семь озер в земле Ханаанской, но только одно из них – озеро Генинисаретское Он избрал для Себя Самого». И эта пословица как бы оправдывалась теперь на избрании берегов его местом служения Спасителя. Оно не только по своей красоте, но и по своему серединному расположению, а также по своей населенности и необычайному оживлению чудесно было пригодно для начала того служения, которое было исполнением древнего пророчества Исаии, что земля Завулонова и земля Неффалимова, страна заиорданская, Галилея языческая «увидят свет великий», и что на тех, которые ходят «во тьме и

тени смертной, воссияет свет» (Мф. 4:15–16). Христу надлежало быть даже во время своей земной жизни «светом к просвещению язычников», равно как и «славой народа своего Израиля» (Лк. 2:32). В окрестностях озера обитали самые разноплеменные народы, потому что это был «приморский путь». Города там, по свидетельству Иосифа Флавия, лежали очень густо, и многочисленные селения были так многолюдны вследствие плодородия страны, что самые малые из них имели более 15,000 жителей. Население было живое, промышленное, и обрабатывало всякую пядь своей богатой и прекрасной почвы. Целых четыре дороги вели к берегам озера. Одна вела вниз по Иорданской долине, по западной стороне; другая, перейдя мост на южной оконечности озера, шла через Перею к бродам Иордана, близ Иерихона; третья вела через Сепфорис, красивую столицу Галилеи, к знаменитому порту Акке на берегу Средиземного моря, четвертая лежала через горы Завулонские к Назарету и через долину Ездрилонскую к Самарии и Иерусалиму. Этюю областью проходили большие караваны на своем пути из Египта в Дамаск, и язычники, во множестве обитавшие в Вифсаиде Юлииной и Кесарии Филипповой, должны были постоянно встречаться на улицах Капернаума. Во время Христа это была по своей населенности и оживлению промышленная область Палестины, и по водам ее озера во всех направлениях скользили 4,000 судов всякого рода – от военных кораблей римлян до неуклюжих рыбачьих лодок Вифсаиды и золоченых галер из дворца Иродова. Тут же под рукой были Итурея, Самария, Сирия и Финикия, –стоило только переехать через озеро, реку или горы. Тивериада, основанная Иродом Антипой и названная в честь римского императора Тиверия столица Галилеи, выросла с удивительною быстротой; так что впоследствии передала свое имя самому озеру Галилейскому; и Христос мог видеть ее увенчанные башнями стены, укрепленный замок и «золотой дворец» Антипы, далеко бросавший на озеро тени своих мраморных львов и скульптурных колонн. Европа, Азия и Африка совместно наделяли ее населением, и на ее базарной площади можно было встретить людей всех пламен и народов. Вдоль всего

западного берега Генинсаретского озера иудеи и язычники жили в беспорядочном смешении, и диких сынов пустыни – арабов и бедуинов там можно было видеть рядом с предприимчивыми финикиянами, изнеженными сириянами, высокомерными римлянами и льстивыми, коварными и испорченными греками. Из такой местности свет Евангелия мог удобнее всего распространяться не только по всей Палестине, но и по всем окружающим странам, что и послужило главной причиной избрания ее центром общественного служения Христа на земле.

На этот раз пребывание Христа в Капернауме было непродолжительным. Приближался величайший иудейский праздник Пасха, и Христос отправился с Своими учениками в Иерусалим, чтобы и в этом центре и оплоте Ветхого Завета «явить славу Свою» (Ин. 2:11), как Он явил ее в незначительном городке отдаленной Галилеи.

Отдел третий. Дела и учение Иисуса Христа от первой до второй Пасхи

VI. В Иудее. Изгнание торгующих из храма. Беседа Иисуса Христа с Никодимом. Последнее свидетельство Иоанна Предтечи об Иисусе Христе

С приближением праздника Пасхи из Галилеи по обычаю потянулся в Иерусалим огромный караван пасхальных паломников, и между ними был и Иисус Христос с Своими учениками. Это посещение Иерусалима ознаменовалось весьма важным событием, которое сразу обратило на Иисуса Христа внимание не только простого народа, но и ученых книжников, фарисеев и священников.

К празднику Пасхи в Иерусалим обыкновенно стекалось отовсюду множество народа, и эти бесчисленные толпы паломников, прибывавшие обыкновенно с некоторым запасом денег, естественно привлекали множество продавцов и промышленников, старавшихся поживиться на счет простодушных пришельцев. Для пожертвований в храмовую сокровищницу и раздачи милостыни требовались мелкие деньги, а для жертвоприношений различные животные, и вот для удовлетворения этих потребностей все пространство по обеим сторонам восточных врат города до самого притвора Соломонова превращалось в необозримое торжище, с бесчисленными рядами лавок различных торговцев и столов денежных менял. Если бы это торжище ограничивалось улицами, прилегающими к священному зданию, то оно было бы извинительно, хотя и не совсем благопристойно. Такие торжища, по свидетельству языческих писателей, происходили около некоторых знаменитых храмов языческих (как напр. около храма Венеры на горе Эриксе, в Сицилии, и сирийской богини в Иераполе). Но зло не ограничивалось этим. Примыкающие ко двору язычников обширные помещения и длинные арки представляли слишком сильное искушение для алчности иудеев. Из талмуда известно, что некто Бава Бен-Бута первый ввел три тысячи овец во двор язычников, и значит в священные пределы храма. Этому кощунственному примеру быстро последовали все. Лавки торговцев, меняльные лари

ростовщиков постепенно проникли в священную ограду. И вот на самом дворе язычников, испуская пар от жары знойного апрельского дня и наполняя зловонием и нечистотой храм, теснились целые стада овец и волов, около которых шумно совершали свои сделки скотопромышленники и паломники. Торговцы с большими плетеными клетками, наполненными голубями, предлагали беднякам дешевую жертву, а под тенью аркообразных сводов, образуемых четырьмя рядами коринфских колонн, сидели менялы у своих столов, уставленных кучками различных мелких монет, и с сверкающими от алчности глазами вели счеты и расчеты своей гнусной торговли. И это входной двор ко храму Всевышнего! двор, назначением которого было свидетельствовать, что этот храм должен быть домом молитвы для всех народов, был превращен в место, которое по неопрятности скорее походило на скотный загон и по торговой суматохе – на многолюдный базар. Мычание волов, блеяние овец, вавилонское смешение языков, выкрикивание и споры торгашией, звон монет и бренчание весов, к тому же быть может и не всегда верных, – все это было слышно издалека и заглушало пение левитов и молитвы священников. Исполненный праведного гнева при виде такого низкого кощунства, пылая неудержимым и святым негодованием, Иисус, войдя в храм, сделал бич из веревок, лежавших на полу, и чтобы очистить священный двор от его наибольшего осквернения, прежде всего выгнал без разбора овец, волов и низкую толпу, занимавшуюся куплей-продажей их. Затем, подойдя к менялам, Он опрокинул их столы, рассыпав тщательно разложенный кучки разнородных монет, владельцы которых бросились искать и собирать их по грязному полу. Он велел выйти также и продавцам голубей, хотя и не так строго; голуби были жертвою бедняка и присутствие их, как символов невинности и чистоты, менее оскорбляло и оскверняло храм, однако же и торговцам голубями Он властно сказал: «возьмите это отсюда» (Ин. 2:16). В оправдание своих действий Он обратился ко всей этой смятенной, злобно кричавшей о понесенных убытках, ропущей толпе единствено только с торжественным укором: «дома Отца Моего не делайте домом

торговли» (Ин. 2:16). И ученики Его, видя этот порыв праведного гнева, вспомнили, что некогда Давид писал о служении этому самому храму: «ревность по дому Твоем снедает Меня» (Ин. 2:17).

Пораженная этим внезапным проявлением праведного гнева со стороны неизвестного галилейского пророка, толпа не осмелилась открыто протестовать против такого поступка, так как он был лишь водворением нарушенного порядка и благочиния в храме. Но на более сановных лиц – священников и левитов, книжников и фарисеев – Он произвел еще более сильное впечатление. Чувствуя угрызение совести, что они, главные хранители религии и благочиния, не сделали этого сами, и в тоже время тайно негодуя на незнакомца как бы за вторжение в область их исключительного ведения, они не замедлили приступить к Иисусу Христу и стали требовать у Него какого-нибудь знамения в доказательство своего права поступать так. Тут в первый раз эти вожди иудейского народа выступили с затаенным ожесточением против Спасителя мира и при виде праведного дела не просто просили доказательства, достаточного для того, чтобы убедить их в Его божественном праве на такие властные действия, а требовали сверхъестественного знамения, которое только одно и могло, по их собственному сознанию, заставить их ожесточенные и закоснелые сердца поверить этому праву. Поэтому Христос отверг их требование, но в то же время дал понять, что требуемое ими знамение со временем дано будет им. «Разрушьте, сказал Он, храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19). Такой ответ для слуха ожесточенных совопросников мог прозвучать лишь непостижимым богохульством, хотя они, при большей внимательности к этим словам, и могли бы лучше понять их. Но они не достаточно вникли в смысл этих слов и понапрасну утруждали себя рассуждением о том, как это можно разрушить и в три дня воздвигнуть опять храм, который требовал для своего построения многих лет и несчетного богатства. «А Он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2:21), замечает евангелист Иоанн, и

прибавляет, что и ученики Его только уже по воскресении Христа вполне поняли эти слова.

Между тем слух о появлении необычайного учителя из Галилеи разнесся по всему Иерусалиму и успел возбудить живейший интерес даже среди членов синедриона. Один из них решился поближе разузнать, что это за учитель; но чтобы не подвергнуть себя какому-нибудь нареканию со стороны других членов верховного совета, он решил побывать у Иисуса Христа ночью, чтобы тайно и наедине побеседовать с Ним. Придя к Нему, он обратился к Нему с несколько сдержанною и не лишенnoю отчасти фарисейского высокомерия речью. «Равви, сказал он, мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с Ним Бог» (Ин. 3:2). Скажи же, в чем заключается истинный путь ко спасению? – Спаситель видел искренность его сердца и прямо ответил ему выражением великой христианской истины: «истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3). В словах этих раскрывались тайна и способ духовного возрождения человека, и Никодиму, как ученому иудею, слова эти не могли представлять чего-нибудь необычайного. Но он предпочел отнести к ним с видом удивленного совопросника, выставил, будто он понял их в физическом смысле, и с притворною наивностью спросил Иисуса Христа: «как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4). Но Христос не обратил внимания на это пустое совопросничество и прямо дал дальнейшее разъяснение своему изречению, заявив, что Он говорил не о плотском рождении, а о духовном возрождении, которое совершается водою и Духом (в крещении), и если «рожденное от плоти есть плоть, то рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:6). Все это могло показаться Никодиму таинственным, но ведь Дух сам по себе есть тайна. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от Духа» (Ин. 3:8). Никодим ответил только выражением крайнего недоумения. Язычник, по

его мнению, мог нуждаться в новом рождении, когда его допускали к общению с иудеями; а он, сын Авраама, раввин, ревностный блюститель закона, мог ли он нуждаться в этом новом рождении? Как это может быть? (Ин. 3:9) – «*Ты учитель Израилев, и этого ли не знаешь?*» (Ин. 3:10) сказал ему Иисус. Ты член синедриона, и не знаешь этого первого, простейшего урока, необходимого в приготовлении к Царству Небесному? Если твое знание такое плотское, такое ограниченное, если ты спотыкаешься на пороге, как можешь ты понять те глубочайшие истины, которые может открывать только пришедший с неба? – Христос сказал это с некоторою грустью и укоризной, но затем продолжал открывать этому «учителю Израилеву» еще более великие и необычайные истины; говорил о спасении человека, которое делается возможным через страдания и вознесение Сына человеческого; о любви Бога, явленной Им в послании своего Единородного Сына не для того, чтобы судить, но спасать; о прощении всех через веру в Него и об осуждении, долженствующем постигнуть тех, которые с злобным упорством отвергают возвещенные Им истины. Таковы были тайны Царства Небесного, истины неслыханные прежде, а теперь явно открытые. Они разрушали все прежние убеждения, ниспровергали все ближайшие надежды престарелого вопрошателя; чтобы постигнуть новые истины, ему нужно было забыть все, чем он дотоле жил в своей духовной жизни и что усвоил с детства. Тем не менее мы знаем из последующего, что они глубоко запали в его душу. С течением беседы ночь сумрачнее надвинулась кругом, и Спаситель, косвенно упрекнув великого раввина в робости, заставившей его прикрываться полуночным мраком для дела, которое не было делом тьмы, нуждающимся в сокрытии, а было стремлением к истине и свету, закончил свою беседу знаменательными словами, что «*поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны*» (Ин. 3:21).

Какие уроки были преподаны или какие знамения совершены Христом в течение остальных дней первой Пасхи, в Евангелиях не сообщается никаких дальнейших подробностей.

Встретив упорное противодействие, Спаситель оставил Иерусалим и пошел с учениками своими к берегам Иордана, где ученики Его начали крестить народ. Крещение это имело такой же подготовительный характер, как и крещение Иоанна, который также продолжал еще крестить, хотя и вышел из пустыни и остановился в Еноне, близ Салима, местности, изобилующей ручьями и удобной для пребывания стекавшегося народа. Но слава Иисуса Христа и Его учеников уже затмила Иоанна и число его последователей стало быстро уменьшаться и переходить в число последователей Христа. Для некоторых однако же появление двух учителей в одном месте могло показаться как бы соперничеством между ними; некоторые из иудеев досаждали ученикам Иоанна спорами об очищении, и при этом не преминули насмешливо указать на то, что новый Учитель отнимал у них последователей. Огорченные этим, ученики подошли к своему великому учителю и не без грусти спросили его, каким образом случилось, что Тот, о котором Иоанн так торжественно свидетельствовал на берегах Иордана, теперь видимо вытеснил его с поприща общественной деятельности. «*Вот Он крестит, и все идут к Нему*» (Ин. 3:26). Иоанн воспользовался этим случаем, чтобы произнести окончательное свидетельство о Христе, замечательное как по ясности изложения Евангельской истины, так и по глубине смирения и самоотречения. Напомнив им о том, что он всегда выставлял превосходство Христа над собою, он объяснил при этом, что таков именно закон домостроительства Божия: «*Ему должно расти, а мне умаляться*» (Ин. 3:30). И этому закону Иоанн подчиняется с полными сознанием своего священного долга. Он не только не находит себе источника скорби и уныния в таком положении, а напротив, как «*друг жениха, стоящий и внимавший ему, радостью радуется, слыша голос жениха*» (Ин. 3:29), так и Предтеча радуется теперь, слыша голос Мессии Христа. «*Сия-то радость моя исполнилась*» (Ин. 3:29) теперь. Хотя ему самому суждено было, как последнему представителю Ветхого Завета, остаться вне церкви новозаветной, он все-таки заключил указанием своим ученикам и всем своим слушателям пути в нее. Его деятельность достигла теперь предназначенных

ей пределов, и он сам отсыпал их теперь для получения неизмеримых даров Духа святого к Тому, Который пришел с неба и выше всех на земле, обещая вечную жизнь всякому верующему в Сына Божия и гнев Божий за неверие в Него (Ин. 3:25–36).

Вскоре после этого свидетельства Иоанн подвергся преследованию со стороны фарисеев, по навету их был схвачен Иродом Антипой и заключен в темницу, где он и томился до самой смерти, хотя и имел возможность сноситься с своими бывшими учениками и продолжал следить за служением Иисуса Христа.

VII. Пребывание Иисуса Христа в Самарии. Беседа Его с самарянкою

Насильственно прекратив общественное служение Иоанна Крестителя, фарисеи не успокоились на этом успехе, а услышав, что новый Учитель привлекает еще больше последователей, чем Иоанн, они не преминули бы употребить насилие и по отношению к Нему. Но так как час Его еще не пришел, то Он оставил опять Иудею, чтобы продолжать Свое служение среди более восприимчивых галилеян.

Самый прямой и короткий путь из Иудеи в Галилею вел через Самарию. Иудеи однако же редко пользовались этой дорогой и предпочитали окольный путь через Перею, так как между ними и жителями Самарии существовала непримиримая вражда, которая длилась уже несколько столетий. После переселения десяти израильских колен в плен ассирийский, Самария была заселена языческими колонистами из различных областей Ассирийской монархии, беглыми жителями Иудейского царства, а также и беглецами израильскими, находившими возможность бежать из плена ассирийского. Первые поселенцы—язычники, устрашенные необычайным размножением диких зверей в земле их нового местожительства, особенно, львов, и объясняя это местью им со стороны Бога этой земли, добыли одного из пленных священников иудейских и при помощи его ввели у себя и поклонение Иегове, которого они, впрочем, едва отличали от других своих чисто языческих богов. Вместе с тем они усвоили себе и закон Моисеев, который впоследствии соблюдали даже строже самих иудеев. По возвращении иудеев из плена самаряне хотели присоединиться к ним, чтобы вместе с ними образовать один народ, но вожди иудейские отвергли этот союз, который мог грозить потемнением истинной религии и у самих иудеев, и с этого времени между иудеями и самарянами начались ожесточенные споры о религиозном преимуществе, переходившие часто в открытую вражду и даже побоища. Вопреки иудеям самаряне построили себе собственный храм на горе Гаризим, но он разрушен был Иоанном Гирканом, который

вместе с тем разрушил и самую Самарию. За своей горой они признавали больше прав на религиозные преимущества, чем за горой Мориа, так как, по их преданию, на этой именно горе был земной рай, на ней брали свое начало все реки земные, Адам сотворен был из ее праха, на ней остановился Ноев ковчег, на ней Авраам намерен был принести в жертву своего сына Исаака, Иаков молился на ней в ту ночь, когда видел чудесную лестницу, Иисус Навин построил на ней по вступлении в землю обетованную первый жертвенный Богу и на ней именно зарыл двенадцать каменных плит, на которых написан был весь закон Моисеев. К горе Гаризим каждый самарянин обращался лицом при молитве, и все они веровали, что на ее именно вершине впервые должен появиться Мессия Христос. Строго держась Моисеева закона, они обвиняли иудеев за принятие других св. книг, кроме Пятикнижия; преданы были Ироду, которого ненавидели иудеи, и сохраняли верность римлянам. Самим иудеям они причиняли всевозможные неприятности, нападали на их паломников, зажигали ложные огни, чтобы произвести путаницу в их определении новомесячий и для осквернения их храма однажды набросали в нем мертвых костей. С своей стороны иудеи относились к самарянам с безграничною ненавистью, считая их народом нечистым и проклятым. Самое имя их считалось позорным, и на всякого самарянина они смотрели как на одержимого бесом (Ин. 8:48). Ни один истый иудей не считал для себя позволительным есть ту пищу, которой коснулся самарянин, так как это значило бы все равно, что есть свинину. Ни один самарянин не мог сделаться прозелитом, и за ними не признавалось права на воскресенье из мертвых. Иудей мог иногда находиться в дружественных отношениях с язычником, но никогда с самарянином, и все сделки с последним считались недействительными. В иудейских судах не принималось свидетельство самарян, а принять кого-нибудь из них в дом свой значило прямо навлечь на себя проклятие Божие. Но если такая вражда существовала в сердце всякого иудея, то во всяком случае не так смотрел на самарян Спаситель. Он видел в них таких же детей одного Отца Небесного, какими были и иудеи, и отправившись чрез

Самарию, нашел случай сделать одно из величайших откровений о своем Божестве.

Отправившись в путь ранним утром, Спаситель к полудню прибыль в Сихарь, небольшое поселение, находившееся неподалеку от города Сихема. Там у восточного склона горы Гаризим, верстах в двух от города, находился знаменитый колодезь Иакова, на участке, подаренном им некогда своему сыну Иосифу. Над колодцем был навес с сиденьями для путников, и так как Спаситель крайне утомился от продолжительного пути под палящим солнцем, то Он, отпустив своих учеников в город произвести нужные закупки провизии, Сам остался один у колодца. И вот, когда Он отдыхал здесь, пришла за водой одна самарянка, которая принесла с собой кувшин с длинной веревкой для доставания воды из священного колодца, имевшего не менее пятнадцати сажень глубины. Появление ее было совершенно неожиданным так как женщины обыкновенно ходили за водою вечером и притом целыми партиями. Но она предпочитала запастись водой в это именно неурочное время, как бы избегая встречи с другими женщинами, среди которых она не пользовалась доброй славой. Страдая от жажды, Иисус Христос не мог не обрадоваться ее приходу, и лишь только она почерпнула воды кувшином, как Он обратился к ней с просьбой: «дай Мне пить» (Ин. 4:7). По одежде и языку женщина сразу увидела, что Он иудей, и удивленно заметила Ему: «как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки? ибо иудеи с самарянами не сообщаются» (Ин. 4:9). Спаситель видел ее простодушие и захотел не только просветить ее великими истинами, постигнуть которые не дано было величайшим мудрецам древнего мира, но и сообщить ей страшное откровение о Себе Самом. Возводя ее мысль от простой материальной воды, утоляющей временно телесную жажду, Он напомнил ей о существовании другой воды – дара Божия, утоляющего жажду духовную. «Если бы ты знала дар Божий, сказал Он удивленной женщине, и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Ин. 4:10). Мысль была ясная, но не для простого разума самарянки, и она могла только удивленно

заметить, как и где Он может взять эту воду живую, – уж конечно не в этом колодце, так как Ему нечем и почерпнуть из него. Но если у Него есть другая, лучшая вода, то неужели Он выше отца их Иакова, который сам и его семейство пил из этого именно колодца, считая ее годною и хорошею даже для себя? Любопытство ее видимо было крайне затронуто подобным заявлением, и она готова была продолжать беседу и дальше. Вода эта несомненно хороша, отвечал ей Спаситель; но «всякий, пьющий воду сию, возаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать во век; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:13–14). Заинтересовываясь все более и более и чувствуя, что видит пред собою необыкновенного Человека, женщина наконец просит у Него этой воды живой; но ее мысли еще не вполне постигли сущность этой воды, и она просит ее лишь для того, чтобы, напившись ее, не иметь больше жажды и не приходить сюда опять за водою.

Но сделанных объяснений было достаточно для того, чтобы пробудить мысль самарянки к возвышенным предметам, и Спаситель, круто порывая эту беседу, обратился к ней с словами, которые должны были показать ей, что она имеет дело с Сердцеведцем. «Пойди, сказал Он ей, позови мужа твоего, и приди сюда» (Ин. 4:16). Слова эти болезненно затронули совесть женщины, и она поспешила смущенно ответить, что у нее нет мужа. Но на это последовал ответ, который сразу обнаружил все тайны ее греховной жизни. «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа: ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала» (Ин. 4:17–18). Как громом поразили ее эти слова Сердцеведца, и она благоговейно воскликнула: «Господи! вижу, что Ты пророк» (Ин. 4:19), и в это время молниеносно озарила ее мысль, уж не права ли иудейская вера, от которой могут являться такие пророки? И вот от ее собственной жизни, на которой ей конечно отнюдь не хотелось останавливаться дальше, ее живая мысль быстро переносится к другому вопросу, из-за которого постоянно шел ожесточенный спор

между ее народом и соотечественниками Того, с Кем она говорила, вопрос, который был причиной их взаимной вражды. Случай свел ее с великим Учителем: нельзя ли было воспользоваться им для улажения бесконечного спора между иудеями и самарянами о том, что собственно – Иерусалим, или Гаризим должно считать священным местом Палестины: Иерусалим, где Соломон построил храм, или Гаризим, это древнейшее святилище, где Иисус Навин произносил свои благословения и где Авраам готовился принести в жертву своего сына? Указывая на вершину горы, вздымающейся на восемьсот футов над ними и увенчанной развалинами древнего храма Манассии, разрушенного Гирканом, она предложила Спасителю занимавший ее вопрос: «*отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме*» (Ин. 4:20); кто же прав? Кратко и только стороной Спаситель разрешил ее недоумение. В споре с самарянами на стороне иудеев бесспорно было более правды. Иерусалим был тем местом, которое избрано Самим Богом; сравнительно с смешанным и грубым культом Самарии, иудейство было гораздо чище и правильнее. Но, коснувшись земного спора, Спаситель изрек ей великое и достопамятное пророчество, что *настанет время, даже настало уже теперь, «когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме»* (Ин. 4:21) истинные поклонники будут поклоняться Отцу, но на всяком месте будут поклоняться Ему в духе и истине. «*Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*» (Ин. 4:24). Самарянка была глубоко тронута и поражена; но как можно было по простому случайному слову неизвестного чужестранца отказаться от своей веры, в которой она и ее отцы родились и воспитались? Лучше отложить окончательное решение этого и подобных вопросов и подождать, пока придет Мессия, Который окончательно разрешит все недоумения и откроет всякую правду. И тогда-то Иисус Христос изрек простые, но страшные слова: нет надобности ждать этого; Мессия пришел, и «*это Я, Который говорю с тобою*» (Ин. 4:26).

Рождение Его впервые было открыто ночью немногим безвестным и невежественным пастухам; первое полное объявление Им своего мессианства было сделано у колодца в томный полдень одинокой безвестной самарянке. И этой бедной, грешной, невежественной самарянке изречены были бессмертные слова, в которых Сам Иисус Христос торжественно открыл Себя Мессией и Спасителем мира.

Между тем ученики возвратились из города и были крайне удивлены, что их Учитель одиноко беседовал с женщиной. На востоке, при низком взгляде на женщину вообще, открытое общение с нею считалось неприличным, а тем более с женщиной с непокрытым лицом. Но правило тем с большою строгостью применялось к учителям и раввинам, так что для них считалось крайним позором говорить с женщиной на улице, хотя бы и с своею женою. Еще непристойнее говорить с ней о религии и законе. «Лучше сжечь слова закона, говорит один из строгих раввинов, чем вверять их женщине». Между тем ученики видели, что Иисус Христос вел долгий и серьезный разговор с женщиной – и притом видимо грешницей! – очевидно именно о делах религии и закона. Однако они не осмелились заметить Ему об этом и заговорили о произведенных покупках.

Между тем женщина, от поразившего ее изумления забыв даже свой водонос, побежала в город рассказать о своей чудесной встрече. Явился Человек, который открыл ей самые тайны ее жизни. Не Он ли Христос Мессия? Самаряне, которые во всех евангельских замечаниях о них являются более простыми и податливыми на убеждения, чем иудеи, скоро побежали из города по ее указанию, и когда уже видно было их приближение, ученики побуждали Спасителя есть, потому что было уже за-полдень, а Он так истощился в пути. Но всякий голод в Нем был утолен удовлетворением цели Его служения. «У Меня есть пища, сказал Он, которой вы не знаете» (Ин. 4:32). Разве они не знали, что с самого детства Он жил не хлебом одним? Но ученики, при своем обычном простодушии, не поняли этого замечания и подумали, что вероятно кто-нибудь принес Ему есть. Можно представить, как тяжело было Ему таким образом на всяком шагу, даже в Своих собственных

избранниках, встречаться с такою странною неспособностью понимания более глубоких духовных мыслей. Но нетерпения не было в Том, Кто был кроток и смирен сердцем. «*Моя пища, сказал Он, есть творить волю Пославшего Меня, и совершиТЬ дело Его*» (Ин. 4:34). И затем, указывая на жителей Сихема, стекавшихся к Нему по равнине, Он продолжал: Вы говорите, что еще четыре месяца до жатвы. Взгляните на эти поля, как они пожелтели для духовной жатвы. Вы будете радостно пожинать жатву, которую Я посеял трудом и страданьем; а Я, сеятель, радуюсь при мысли об этой радости грядущей (Ин. 4:35–37).

Личная беседа с Христом убедила многих из самарян гораздо глубже, чем рассказ женщины, которой Он впервые открыл себя, что Он именно есть давно ожидаемый Спаситель мира, Христос. Милостиво снисходя к их просьбе побывать у них. Иисус Христос прибыл там два дня с своими учениками, и это двухдневное учение несомненно и было главной причиной многочисленных обращений ко Христу в их среде в последующее время (Деян. 8:5). И с своей стороны Христос не раз награждал эту веру самарян, выставляя их добродетельнее закоснелых в своем узком законничестве иудеев. Так в бессмертной притче о любви к ближнему примером ее Он выставил именно самарянина. Из среды десяти исцеленных прокаженных оказался благодарным опять именно один самарянин. Более простые и здоровые души самарян оказались более склонными и способными войти в Царство Божие, чем гордые души, мнившие себя исключительными сынами Авраама и наследниками данных ему обетований.

VIII. В Галилее. Исцеление Христом сына царедворца. Проповедь в Назаретской синагоге

Из Самарии Спаситель, продолжая путь, отправился в Галилею, но не в Назарет, где жители, привыкшие видеть Его в обыденных условиях жизни, членом одного хорошо знакомого им семейства плотников, по обычной человеческой слабости, менее всего способны были смотреть на Него как на пророка, и тем менее как на Мессию, Спасителя мира. Указывая на это обстоятельство, Он «Сам свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ин. 4:44). В других городах галилейских напротив уже была подготовлена почва для Его приема, так как помимо совершения Им общезвестного чуда в Кане Галилейской многие из галилеян были очевидцами и того, «что Он сделал в Иерусалиме в праздник» (Ин. 4:45). И Спаситель опять прибыл «в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино» (Ин. 4:46).

Появление в этом небольшом городке Человека, который совершил известное всем чудо, не могло долго оставаться тайным. Слух о Нем быстро распространился в соседние города и селения и даже проник до дворца Ирода Антипы в соседнем Капернауме. Услышав об этом, один из царедворцев последнего нарочито прибыл к Нему в Кану, чтобы попросить Его прийти к нему в Капернаум и исцелить его умирающего сына. Но царедворец руководился при этом не столько верою в Того, Кого он считал способным исцелить его сына, сколько родительским себялюбием, и смотрел на Иисуса Христа как на какого-нибудь простого благотворительного врача, готовым трудиться над исцелением больных, не имея при этом никаких высших целей. За это он должен был понести некоторый укор от Спасителя, Который сказал ему, что веру в нем надо пробуждать такими сильными средствами как знамения и чудеса. Но уступая глубокой заботливости отца, Он отпустил его с уверением, что сын его здоров. Разговор этот происходил в седьмом часу, то есть по-нашему в час пополудни. Царедворцу можно бы было возвратиться в Капернаум в тот же день, потому

что Кана находилась не более как в пяти часах пути от Капернаума. Но душа отца была успокоена верой в обещание Христа, и он переночевал где-то на пути. На следующий день на дороге с ним встретились слуги его, и сказали ему, что сын его выздоровел и именно в тот час, как оказалось, когда обнадежил его Иисус. Это уже во второй раз Христос ознаменовал свое пребывание в Галилее совершением важного чуда. «И уверовал сам (царедворец) и весь дом его» (Ин. 4:53). Положение царедворца дало чуду обширную известность, и это несомненно содействовало тому, что в этот светлый, еще ничем не омраченный период служения Христа на спасение страждущего человечества Его повсюду встречали с радостью и восторгом.

Молва о новом великом чуде быстро разнеслась по всем окружающим городам и mestечкам, которые густо унизывали прекрасное побережье великолепного Геннисаретского озера, и имя Иисуса как нового пророка было у всех на устах. Но чудеса Христа имели своею целью пробуждение дремлющего сознания народа к восприятию великих истин Евангелия, и воспользовавшись произведенным впечатлением, Спаситель стал учить народ по синагогам и «от всех был прославляем» (Лк. 4:15). Проповедь свою Он пока ограничивал чужими для Него городами, но очередь дошла и до Его родного Назарета. Предполагая, что молва о Нем успела распространиться и в Назарет и подготовила также почву для проповеди, Он наконец благоволил явить Себя и в Своем родном городе. Прибыв в Назарет, Он в первый же субботний день вошел в синагогу, где собирались богомольцы для совершения молитв и назидания в слове Божием.

В Назарете, как небольшом городе, имевшем не более десяти тысяч жителей, была только одна синагога. Как можно судить по сохранившимся кое где развалинам древних синагог, это было простое прямоугольное здание, обращенное «святынищем» по направлению к Иерусалиму, который со временем Соломона сделался священным местом, куда всякий иудей обращался лицом в молитве. В более богатых городах синагога строилась из белого мрамора и совне убиралась скульптурными украшениями, резными изображениями

виноградных листьев и грозди, расцветающего жезла и сосуда с манной. Внутри были сидения на одной стороне для мужчин, на другой, за решеткой, для женщин, которые сидели, закутавшись в свои длинные покрывала. На одном конце помещался ковчежец или ящик из крашеного дерева, содержащий св. Писание, а в стороне возвышалось высокое сиденье для чтеца и проповедника. Духовенства, собственно говоря, не было никакого, и самое богослужение в синагоге было очень простое. После молитвы обыкновенно прочитывалось два места из Писания, одно из закона и одно из пророков, и так как особых посвященных лиц для совершения богослужения совсем не было (служение священников и левитов ограничивалось одним храмом в Иерусалиме), то эти чтения не только читать мог всякий умеющей, получив только позволение от начальника синагоги, но мог также присоединить и свое толкование или назидание. Чтение из Пятикнижия было уже кончено, и оставалось прочесть только дневное чтение из пророков. Спаситель раскрыл поданный Ему свиток и нашел место из 61 главы пророка Исаии. Все собрание встало для выслушания чтения. Чтение обыкновенно продолжалось от трех стихов до двадцати; но Иисус Христос прочитал только первые два стиха, которые гласили: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное». Затем Он закрыл свиток и, как было в обычай иудеев, сел, чтобы произнести проповедь и обратиться к слушателям с назиданием. Прочитанное Им место было и само по себе весьма замечательное, но оно получало еще больше величия и торжественности в устах Того, на котором исполнилось. Глаза всех в синагоге с выражением напряженного внимания были устремлены на бож. Проповедника, и все с затаенным дыханием и трепетным сердцем слушали Его проповедь, в которой Он раскрывал, что Он Сам и есть Тот Мессия о котором возвещал великий пророк семьсот лет тому назад. Слова Его звучали любовью, властью и силой, и вызывали у всех невольное изумление. Но с течением

проповеди Он стал замечать перемену в настроении слушателей, и она росла по мере того, как эти грубые и жестоковы́йные назаряне начали понимать все значение Его слов. У иудеев было в обычай во время самых собраний в синагогах открыто выражать свои чувства по поводу той или другой проповеди, и Христос скоро внятно услышал пробегавший по собранию ропот негодования и возмущения. Глаза слушателей, дотоле устремленные на Него с выражением благовейного удивления, начали сверкать злобным огнем зависти и ненависти. «Не плотник ли это? Не брат ли Он таких же ремесленников как и Сам Он, – Иакова, Иосии, Симона, Иуды, и сестры Его не живут ли между нами? Разве мы не знаем, что даже в Его собственном семействе не веруют в Него?» (Мк. 6:3). Такие и подобные возгласы начали раздаваться среди слушателей. Это не был молодой ученый раввин из школ знаменитых учителей и законников того времени (Гамалиила или Шаммаи), и однако-же Он говорил со властью, какой не принимали на себя даже великие книжники! Даже великий Гиллель, когда оказывалось невозможным убедить на основании своего собственного учения, мог рассчитывать на успех, только ссылаясь на авторитет прежних законников. Этот же Учитель не ссыпался ни на кого, и притом Учитель, который был только их городским плотником! Какое право имел Он учить? Откуда Он мог знать даже хорошенъко письмена, никогда не учившись в высших школах раввинских? – Спаситель не оставил без внимания этой перемены в своих слушателях, и прямо сказал им, что Он есть тот Самый Иисус, Которого они хорошо знали раньше, и вполне понимал их состояние, так как «истинно, никакой пророк не принимается в своем отечестве» (Мк. 6:4). Правда, они могут сказать, что как пророк Он должен бы проявить свои знамения и чудеса не в соседних городах, где Его мало знают, а именно в Своем родном городе, где Он известен всем от мала до велика, и потому у них естественно вертелось на языке язвительное присловие: «врач! исцели Самого Себя» (Лк. 4:23), т. е. не на словах только, а на самом деле покажи Свою сверхъестественную силу, слухи о проявлении которой в Капернауме доносились до них. Но

Спаситель ответил им, что чудеса не ограничиваются местностью и родством и для совершения своего требуют известного душевного предрасположения к принятию их. Ведь им известно из Ветхого Завета, что «*много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую. Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина*» (Лк. 4:25–27). Эти спокойные доводы на основании исторических примеров еще более раздражили слушателей, которые в своем предубеждении не хотели слушать слов правды. Что же из этого? кричали они. Неужели они, по Его мнению, по мнению этого «плотника», не лучше язычников и прокаженных? Это было выше всего, что могли они вынести от своего собрата-горожанина, Которого они хотелиставить в ряд с собою, и при этих словах долго сдерживаемая ярость их разразилась открыто. Проповедник был прерываем теперь уже не ропотом негодования, а ревом бешенства. При одном из тех порывов кровожадного возбуждения, которыми отличался этот страстный, буйный, запальчивый народ, – народ, умы которого возбуждались столь же неожиданными бурями, как и те, что мгновенно разъяряли зеркальную поверхность их озера, они все вскочили, схватили Его, вывели за город и там повлекли на вершину горы. Назарет гнездится на южной впадине горы; крутые утесы во множестве торчать на ее склонах, и две тысячи лет тому назад эти утесы вероятно были еще гораздо круче и обрывистее. На один из этих скалистых обрывов они и повлекли Иисуса, чтобы свергнуть Его. Жестоковийные назаряне готовы были совершить преступление, которое покрыло бы их вечным позором. Но они избавлены были от этого преступления Самим Спасителем. Еще не пришел час, когда Он должен был понести смерть за грехи человечества, и поэтому, «*прошедши посреди*» ослепленных буйною яростью сограждан, «*Он удалился*» (Лк. 4:30). Он оставил их навсегда; слово Его уже никогда не раздавалось в синагоге Назаретской, и Он окончательно

переселился в соседний город Капернаум, где было больше возможности и простора для проповеднической и благотворительной деятельности.

IX. Чудесный лов рыбы на Галилейском озере. Исцеление бесноватого и расслабленного и многих других в Капернауме. Призвание к апостольству мытаря Матфея

Капернаум находился на самом берегу Генинисаретского озера и был промышленным и умственным центром всей окружающей местности. Вследствие этого и деятельность Спасителя, на значительное время сосредоточившаяся в этом городе, который как бы стал «Его собственным городом», заменившим для Него Назарет, могла удобно простираться не только на все соседнее города и селения, но и на более отдаленные местности, как напр. Дамаск, Тир и Сидон, с которыми Капернаум соединялся оживленными путями сообщения. По этим путям постоянно происходило оживленное движение, и поэтому Христос даже по дороге из Назарета в Капернаум мог заняться проповедью, собиравшую около Него больше и больше народа. Когда Он прибыл к самому берегу озера, то толпа оказалась уже весьма большою, и народ с жадностью теснился услышать благодатное слово. Многие теснились до того, что самое положение божественного Проповедника становилось небезопасным на берегу озера. К счастью Он увидел на озере две рыбачьих лодки, и так как одна из них оказалась лодкой Его учеников, которые, не получив еще окончательного призыва оставить все земное и следовать за бож. Учителем, на досуге занимались своим привычным ремеслом, то Он крикнул ап. Петру, чтобы тот подъехал к берегу и взял Его в лодку. Затем Он велел отплыть несколько от берега, так чтобы Ему можно было поучать народ из лодки. С этой удобной и свободной от всякой тесноты кафедры Он и поучал народ, покачиваясь на лазурной ряби озера, сверкавшего под утренними лучами солнца. И когда проповедь Его кончилась, Он думал не о Себе и о Своем утомлении, а о Своих бедных, потерпевших неудачу учениках. Он знал, что труд их был напрасен; Он заметил, что во время Его беседы они, будучи заняты своим ремеслом, в то же время слушали Его

учение и готовились к будущему делу, обещавшему им больше успеха. Чтобы поддержать в них бодрость духа, Он велел Петру отплыть на глубину и вновь закинуть сети свои для лова. Петр был в унылом настроении духа, но для него было достаточно слова со стороны Того, Кого он так глубоко чтил и свидетелем могущества которого он уже был столько раз. И его вера была вознаграждена. Сети мгновенно наполнились множеством рыбы. Ученики оживились и захлопотали. Симон и Андрей дали знать Зеведею и его сыновьям с рабочими, чтобы они плыли сюда с своей лодкой и помогли им вытащить необычайный улов, грозивший прорвать самые сети. Обе лодки были доверху наполнены грузом, и тотчас же по окончании работы Петр, признавая всю силу чуда, с свойственным ему порывом *припал к коленам Иисуса* и в страхе за такую близость к Нему великого чудотворца воскликнул: «*выйди от меня, Господи! потому что я – человек грешный*» (Лк. 5:8). Луч сверхъестественного озарения открыл ему как его собственное греховное недостоинство, так и то, Кто был с ним в лодке. Это был вопль самообличения, первый порыв страха и изумления, – тех чувств, которые впоследствии возросли до степени обожания и любви. Петр не разумел в собственном смысле «*выйди от меня*», а разумел только – и это было известно Сердцеведцу: «я крайне недостоин быть подле Тебя, но позволь мне остаться». И на это последовал ободряющий ответ: «*не бойся; отныне будешь ловить человеков*» (Лк. 5:10). Спаситель, как и во всем Своем учении, воспользовался внутренним смыслом наличных обстоятельств. Подле них в лодке кучами лежала животрепещущая добыча озера, животрепетанье которой однако же начинало уже стихать – пред вечным покоем смерти. Отселе этот грешный человек, омытый и очищенный, искупленный и освященный, должен был преследовать, в более благородном труде, добычу, которая, будучи поймана сетью Евангелия, не умрет, а будет жить вечно. И его брат, и его товарищи по промыслу должны были также сделаться «ловцами людей».

Затем Спаситель отправился в самый Капернаум и там начал в обширных размерах проявлять Свою проповедническую и благотворительную деятельность. Как и в Назарете, Он

прежде всего направился в синагогу, где и поучал народ, во множестве собравшийся послушать великого Проповедника. Проповедь на этот раз нарушена была не бурным ропотом собрания, а одним несчастным, который, одержимый силою злобы, не в состоянии был вынести присутствия Сына Божия, пришедшего ниспровергнуть царство злобы. Среди безмолвной тишины собрания, всецело поглощенного потоком божественного благовестия, вдруг раздался пронзительный крик несчастного, который начал исступленно кричать: «*Оставь; что тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий*» (Лк. 4:34). Подобные несчастные люди, одержимые нечистыми духами, в древности не пользовались никакими приютами, и болезнь их считалась неизлечимою. Но Христос хотел открыто показать, что Он пришел спасти погибших. Он обернулся к беснующемуся страдальцу и, признавая в нем раба нечистого духа, обратился к духу с строгим повелением: «*замолчи и выйди из него*». Сила божественного повеления была непреодолима. Бесноватый упал на землю, в страшных судорогах, крича и корчась. Но все это скоро прошло. Человек встал здоровым; все в нем показывало, что он освободился от подавлявшей его силы, и теперь был в своем здравом рассудке. Никогда прежде не совершалось такого великого и поразительного чуда, и все присутствовавшие разошлись по домам с чувством неописанного изумления.

Оставив синагогу, Христос удалился в дом Симона. Здесь Его также встретили мольбою о помощи в болезни и страдании. Симон, которого Он уже навсегда призвал к апостольству, был женат (1Кор. 9:5), и теща его находилась в сильном припадке горячки (Лк. 4:38). Опечаленное семейство обратилось к Христу с мольбою о помощи. Спаситель остановился над больною, взял ее за руку, поднял ее и запретил горячке; голос Его, потрясши все ее существо, победил источники болезни, и больная, мгновенно выздоровев, встала и служила им по хозяйству (Лк. 4:39).

Строгость соблюдения субботы, которую отличались иудеи, дала Спасителю короткий промежуток для отдыха и

подкрепления, но только что начало заходить солнце, как множество народа, ожидавшего только полного окончания субботних часов, стало искать Его помощи. Со всего города народ столпился у дверей Его скромного жилища, приведя с собой бесноватых и больных всякого рода, и Христос исцелял их, невольно сострадая страждущему человечеству. Теснота при этом была так велика, что не все больные могли проникнуть к Спасителю, и один расслабленный спущен был к нему через разобранную кровлю дома. За эту смелость, доказывавшую непоколебимость его веры, он получил не только телесное исцеление, но и прощение грехов.

Молва об этом чудесном событий разнеслась по всей Галилее и Перее, и даже до отдаленных пределов Сирии (Мф. 4:24), и можно представить себе, как сильно утомленный Спаситель нуждался после этого в продолжительном покое. Но лучшим и самым приятным для Него отдыхом было уединение и безмолвие, где Он, не тревожимый никем, мог быть наедине с Своим Отцом Небесным. Равнина Геннисаретская была еще окутана глубокой тьмой, наступающей перед рассветом, когда, незамеченный никем, Иисус встал и удалился в одно пустынное место, и там подкрепил Свой дух тихой молитвой.

С наступлением утра Он опять готов был продолжать Свое спасительное служение. Но благодеяния Его не должны были ограничиваться одним Капернаумом. Рядом находилось много других городов и селений, которые также нуждались в просвещении и благотворении, и Христос хотел распространить Свое служение и на эти города. «Пойдем, сказал Он Своим ученикам, в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать Царство Божие, ибо на то Я послан» (Мк. 1:38). Но прежде чем отправиться в эти города, Он нашел благовременным восполнить сонм Своих постоянных учеников еще одним членом, призвание которого состоялось при замечательных обстоятельствах. В Капернауме или близ его находилась таможня, для сбора пошлин. Будучи расположен в узле дорог, расходившихся к Тиру, Дамаску, Иерусалиму и Сепфорису, город этот был оживленным торговым центром страны, и потому представлял удобное место для сбора

податей и пошлин. Налоги эти были особенно ненавистны иудеям. Самая обязанность платить их уязвляла священнейшие для них чувства. Они были не только знаком политического рабства, но и постоянным и ужасным свидетельством того, что Бог как бы оставил свой народ и что все светлые мессианские надежды и обетования, которыми полна была их прежняя историческая жизнь, померкли в страшном сумраке чужеземного ига жестоких и высокомерных покорителей; отсюда самая уплата их для чувствительной и щепетильной души истых иудеев казалась почти вероотступничеством. Она казалась нарушением основных начал теократии и могла быть извиняема только под условием неизбежной принудительности. Неудивительно поэтому, что чиновники, собирающие эти налоги, были крайне нелюбимы народом. Нужно помнить при этом, что в отдаленных областях сборщиками были не римские чиновники – настоящие *publicani*, а их простые подчиненные, часто набиравшиеся из подонков общества, и они так славились своими злоупотреблениями, что на них смотрели почти с ужасом и всегда причисляли к одному разряду с блудницами и грешниками. И если иудей едва мог убедить себя в правоте самой уплаты податей, то можно представить, каким ужасным преступлением было в его глазах сделаться орудием, и притом сомнительной честности, в собирании их. Если ненавидели мытаря вообще, то понятно какое омерзение в народе возбуждал мытарь из иудеев. Но Тот, Кто пришел взыскать и спасти погибших, Кто мог водворить христианскую святость в среде языческого растления – мог даже из мытаря-иудея сделать Апостола и первого Евангелиста новой и живой веры. При избрании Апостолов Он руководился не внешними какими-либо побуждениями, а проникновением в глубину сердца человека. Он отверг важного книжника (Мф. 8:19) и избрал презираемого и ненавидимого всеми сборщика податей. Это было славное дело божественной прозорливости и совершенного человеколюбия, и св. Матфей вполне оправдал его, обратив свое знание письма на священное дело и сделавшись первым жизнеописателем своего Спасителя и Господа. Можно думать, что Матфей слышал некоторые из

бесед и видел некоторые из чудес Христа. Сердце его было тронуто ими, и в глазах Того, Кто не презирал никого и не гнушался никем, мытарь этот, даже когда он еще сидел у «сбора пошлин», был уже готов для призыва. Для него довольно было одного слова: «*следуй за Мною*» (Мф. 9:9). Оно показывало Матфею, что Господь возлюбил его и готов был воспользоваться им как избранным орудием в распространении благовестия в Царствии Божием, и потому его было достаточно для того, чтобы заставить мытаря победить в себе все искушения алчности и порвать с прежним занятием. «*И он встал и последовал за Ним*» (Мф. 9:9), нравственно возрожденный чудесной силой всепрощающей и искупляющей любви.

И вот в сообществе шести преданных учеников-апостолов Спаситель обходил города и селения по берегам Геннисаретского озера, повсюду проповедуя Евангелие спасения и исцеляя больных и страждущих. В этих неустанных трудах прошел целый год, и опять приблизился великий праздник иудейский. По обыкновению, Иисус Христос отправился в Иерусалим, и там совершились события, которые отмечают собою новый период в земной жизни Спасителя.

Отдел четвертый. Дела и учение Иисуса Христа от второй до третьей Пасхи

Х. В Иерусалиме. Исцеление расслабленного при овчей купальни. Столкновение с фарисеями из-за срываания учениками колосьев в субботу.

Исцеление сухорукого

Так как служение Иисуса Христа доселе по преимуществу совершалось в отдаленной Галилее, то в Иерусалиме еще немногие знали о Нем, и Спаситель мог прибыть в столицу иудейства, не возбуждая особенного народного внимания к Себе. Но молва о Его необычайной деятельности доносилась и до Иерусалима, и среди представителей отживающего иудейства невольно возбуждала тревогу и подозрительность, которые явно обнаружились на этот раз.

Направляясь к храму, Спаситель проходил мимо одного из прудов, служивших источником снабжения водой жителей Иерусалима. Это именно известная овчая купальня – Вифезда, находившаяся, как показывают новейшие раскопки, неподалеку от северо-западного угла храмовой ограды. Она представляла собою бассейн около 24 сажень в длину и 7 сажень в ширину, разделявшийся пополам каменною стеною в два аршина толщины. В ней обыкновенно купались овцы, предназначавшиеся для жертвоприношения, но вода славилась кроме того своею целебностью. По временам в ней происходило необычайное движение воды, «ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду», придавая ей чудесную целебность; «и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью» (Ин. 5:4). Неудивительно, что это чудесное свойство притягивало к пруду «великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидавших движения воды» (Ин. 5:3), которые и пребывали здесь под прикрытием пяти отдельных навесов, построенных частными благотворителями несчастных. Между многими страждущими здесь был один бедняк, который уже около тридцати восьми лет находился в расслаблении от паралича. Он жил в самых притворах этого пруда, но бесполезно, так как сам он был беспомощен и

движение воды происходило неправильными промежутками, то другие, более счастливые и менее слабые, всякий раз успевали раньше его бросаться в пруд, пока еще не потерян был благоприятный момент. Христос взглянул на этого человека с сердечным состраданием. Видно было, что дух несчастного страдальца был не менее расслаблен, чем и члены, и вся его чахнущая жизнь была одним непрерывным отчаянием. Спаситель вознамерился сделать для великого праздника дар бедняку, которому Он не имел возможности дать ни золота, ни серебра. Он захотел помочь страдальцу, которому никто не хотел помочь раньше. «Хочешь ли быть здоров?» (Ин. 5:6) спросил Он его. Сначала слова эти едва ли вывели несчастного из его унылого оцепенения: он по-видимому даже и не взглянул на спросившего. Но думая может быть, с мгновенным проблеском надежды, что это какой-нибудь незнакомец, который по сердечной доброта хочет помочь ему первым попасть в воду, когда она возмутится опять, он просто рассказал в ответ горькую повесть о своем долгом и тщетном ожидании. Иисус же разумел более скорую и действительную помошь. «*Встань, сказал Он, возьми постель твою, и ходи!*» (Ин. 5:8). Это было сказано тоном, которому нельзя было не повиноваться. Взгляд говорившего, Его голос и повелительный тон, подобно электрическому току, пробежал по изможденным членам и разбитому организму, ослабленному страданием и грехом целой жизни. После тридцативосьмилетней расслабленности он мгновенно встал, поднял свою постель и пошел. В радостном изумлении он озирался кругом, чтобы увидеть своего неизвестного благодетеля, но толпа была велика, и Христос, стараясь избежать грубого возбуждения в народе, спокойно удалился.

Неожиданное появление среди толпы человека, который хорошо известен был всем как беспомощный расслабленный, а теперь бодро шел по улице, невольно должно было обратить на него всеобщее внимание, и его обступила толпа народа, расспрашивавшая о том, как он вдруг выздоровел. Но среди толпы оказались и строгие законники, которых занимал не самый случай выздоровления бедняка, а то, что он нарушал

одно из самых священных постановлений Моисеева закона – именно субботу. «Сегодня суббота, говорили ему эти законники, не должно тебе брать постели» (Ин. 5:10). Субботство было одним из наиболее излюбленных коньков современного фарисейства, и так как дух Моисеева законодательства все более подавлялся в этой секте буквой мертвой обрядности, то и суббота потеряла в ней свой прежний возвышенный характер – духовного и телесного покоя от трудов и посвящения ее на служение Богу. На первый план выступило мелочное соблюдение покоя, и оно обставлено было такими нелепыми вымыслами досужего ханжества так, что этот благодатный день покоя превращался в день тягостного рабства и всевозможных стеснений. С самою точною мелочностью было определено, что делать и чего не делать в субботу, сколько делать шагов, на какое пространство передвигаться, сколько есть, сколько писать, какие лекарства принимать и так далее. Но более всего выработаны были правила касательно ношения бремени в субботний день. Опираясь на изречение пророка Иеремии: «берегите души ваши и не носите нош в день субботний» (Иер. 17:21), раввины измыслили целый кодекс, в котором точно определялось, какие именно ноши можно и какие нельзя носить в субботний день. Так как субботний день начинался с вечера пятницы и возвещался звуками трубы, то, по учению раввинов, всякий истинный израильтянин должен был тотчас же сбросить с себя всякое бремя. «В пятницу, перед началом субботы, гласило одно постановление, никто не должен выходить из дома с иглой или пером, чтобы не позабыть сложить их с себя с наступлением субботы. Всякий должен тщательно обыскать свои карманы в это время, чтобы там ничего не осталось такого, с чем запрещено выходить в субботний день». Мало того, что нельзя было носить действительных ношей, составляющих бремя, по толкованию фарисействующих раввинов нельзя было носить в субботу даже сапогов с гвоздями или заплатами, так как и гвозди, и заплата составляют «бремя». Отсюда раввинам совершенно было запрещено носить сапоги с заплатами, чтобы по забывчивости они не нарушили этим святыни субботства, которое, по их

мнению, соблюдалось всею вселенною, так что и сам Ангел Господень никогда не возмущал воды в Вифезде по субботам. При таких взглядах неудивительно, что книжники и фарисеи не замедлили заметить расслабленному, какое беззаконие совершил он, неся такое «бремя», как его жалкая постель. Но счастливцу было не до этих мелочных казуистов, и он смело отвечал им: *«Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи»* (Ин. 5:11). Пораженные недоумением, кто бы мог быть этот дерзкий нарушитель субботства, законники, опять нисколько не обращая внимания на чудесное исцеление, спрашивают его: *«кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи?»* (Ин. 5:12), т. е. сделал незаконное повеление, за которое его можно подвергнуть суду и наказанию. Личность Иисуса Христа очевидно еще так мало была известна на окраинах Иерусалима, или человек этот с таким тупым равнодушием отнесся к Нему, когда Он сначала заговорил с ним, что в действительности он и не знал, кто был его благодетель. Но он узнал вскоре потом. Повествование обнаруживает в нем одну привлекательную черту. Чрез несколько времени мы встречаем его уже в храме, куда он пришел воздать благодарение Богу за неожиданное и чудесное обновление своей безотрадной жизни. Там же увидел его и Спаситель, Который обратился к нему с простым, но важным предостережением: *«вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже»* (Ин. 5:14). Очевидно, человек этот нес тяжкое наказание за свои тяжкие грехи, прощение в которых он получил вместе с исцелением. Но он оказался недостойным столь великого благодеяния. Узнав, кто его благодетель, он, чтобы выгородить себя от вины нарушения субботства, *«пошел и объявил иудеям, что исцеливший его есть Иисус»* (Ин. 5:15). Этого только и нужно было Его врагам. Они уже и раньше почувствовали опасность для них той власти, с какою Пророк назаретский нарушал их права, как это было при изгнании торговцев из храма, и только скорое удаление Его в Галилею лишило их возможности тогда же подвергнуть Его гонению, как это они сделали с Иоанном Крестителем. Узнав теперь о Его появлении опять в Иерусалиме и чувствуя, какой

смелый удар Он наносит их излюбленному кумиру субботства, они не преминули подвергнуть Его публичному допросу, какое право имеет Он нарушать субботу такими своими делами. Но при этом им пришлось выслушать со стороны Спасителя ответ, который своею непреодолимою силою доказательности поверг их в беспомощное смущение. На строгий вопрос Христос ответил иудеям: «*Отец Мой доныне делает, и Я делаю*» (Ин. 5:17). В этих словах заключается весь дух учения Христова касательно субботы. Когда Бог закончил творение мира, то Его суббота не была покоям в смысле полного прекращения деятельности. Он делает непрерывно, именно своим промышлением и благодатью поддерживая все творение и восстановляя его от падения к новой духовной жизни. И это добродетельное дело Отец Небесный делал в течение всей вечности, включая и субботние дни, и годы. А так как Слово Божие есть постоянный участник деятельности Самого Бога, то и Оно, воплотившись на земле и приняв образ человеческий, также делает это великое дело и для Него может пользоваться и субботой. Отсюда *Сын Человеческий есть Господин субботы* (Мк. 2:28), да и вообще суббота установлена для человека, а не человек для субботы (Мк. 2:27). Такие доводы, сказанные с властью убедительностью, привели иудеев в крайнее смущение и негодование, и они, не имея возможности выставить против них соответствующие по силе доводы, прибегли к более простому средству: «*И стали иудеи гнать Иисуса, и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу. И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу*» (Ин. 5:16,18). А Спаситель между тем воспользовался этим случаем, чтобы указать им на свое мессианское достоинство, и в предостережение им указал на то, как они в своем ослеплении упускали из виду, что еще так недавно свидетельствовал о Нем такой великий пророк как Иоанн Креститель, и это свидетельство находилось в полном согласии с Моисеем и всем писанием.

Но запавшая в сердца вождей иудейских ненависть к Пророку назаретскому не дала им возможности проникнуться

глубоким смыслом этих доводов, и они лишь с большею настойчивостью стали следить за Ним, чтобы найти случаи нового нарушения отеческих установлений и иметь возможность к более смелому выступлению против Христа. Случай скоро представился. Спаситель оставил Иерусалим немедленно по окончании пасхи и отправился с Своими учениками по направлению к Галилее, по дороге, вьющейся среди нив ячменя, дававшего к этому времени первые плоды, начатки которых и приносились в жертву на второй день пасхи. Законом позволялось срывать по дороге колосья для утоления голода, и ученики, воспользовавшись этим правом, действительно срывали колосья, растирали их в руках и ели. А была суббота. Недремлющие враги тотчас же с злорадством ухватились за этот новый случай нарушения субботства. По толкованию ученых раввинов срывание колосьев приравнивалось к жатве, растирание их руками к молотьбе, а за совершение таких работ назначалось побиение камнями. На их взгляд это было ужасное преступление. В истории известны были случаи, как иудеи соглашались скорее умереть с голоду, чем нарушить субботний день. Один кормчий из иудеев, не смотря на угрозы смертью, отказался прикоснуться к рулю во время страшной бури после того, как зашло солнце и наступила суббота. А эти жалкие галилеяне с своим Учителем не могли потерпеть несколько часов простого голода и нагло нарушали святыню субботы! Воспользовавшись этим случаем, фарисеи тотчас же окружили Спасителя, с злорадством показывая на апостолов: «смотри, что они делают», с презрительным кивком на учеников, «делают в субботу, что не должно делать!» (Мк. 2:24) Но Спаситель, с истинно божественною прозорливостью усмотрев коварство совопросников-лицемеров, немедленно защитил Своих учеников и, опять объявив Себя Господином субботы, указал в оправдание их примеры из библейской истории, которые выясняли истинный смысл субботы. «Разве вы не читали», обратился Христос к фарисеям и ученым книжникам, изобличая этим самым их в неведении св. Писания, знанием которого они похвалялись перед народом, «что сделал Давид, когда имел нужду и взялкал сам и бывшие с ним? Как он

вошел в дом Божий (в субботний день) и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Лк. 6:3–4). Если Давид, их великий царь, их любимец, их святой, так открыто и вопиюще нарушал букву закона и однако же не подлежал порицанию единственно вследствие нужды, то зачем же порицать учеников за невинный поступок с целью утоления своего голода? И затем, если их собственные раввины определили, что «нет субботства в храме», что священники могли в субботу рубить дрова, зажигать огонь и ставить на стол только что испеченные хлебы предложения, убивать жертвенных животных, обрезывать детей и таким образом всячески нарушать принятые ими и слепо исполняемые правила субботства, – нарушать по дозволению самого закона (Чис. 26:9); если можно нарушать субботу ради храма, то разве нельзя ее нарушить ради Того, Кто больше храма? А преследуемый ими Христос есть именно больше храма, и как Сын Человеческий есть Господин субботы. Лучше бы им, вместо наблюдения подобных мелочей равенства, помнить великое изречение пророка, что милость лучше жертвы (Ос. 6:6), человеколюбие выше бездушной обрядности.

Чтобы еще сильнее показать фарисеям неосновательность их злобы на мнимых нарушителей субботства, Спаситель в тот же день воспользовался новым случаем, представившимся Ему в синагоге ближайшего городка. В синагоге оказался человек, по преданию каменщик, от несчастного случая получивший увечье, от которого у него иссохла рука; он умолял Христа исцелить его, чтобы избавиться от горькой необходимости просить милостыню. О присутствии его, а также очевидно и о цели знали все, и потому главные места занимали книжники и фарисеи, злобные взоры которых были устремлены на Христа в ожидании, что Он будет делать, чтобы затем обвинить Его. Он не долго оставлял их в недоумении. Сначала Он велел человеку с иссохшей рукой выйти и стать по средине. И затем Он предоставил решению их собственной совести вопрос, который был уже у них на уме, только ставя его так, чтобы показать им его истинное значение: «Должно ли, спросил Он, в

субботу добро делать, или зло делать? душу спасти (как Я делаю), или погубить (как вы замышляете в сердце своем)?» (Мк. 3:4). На этот вопрос возможен был только один ответ, но они очевидно собирались сюда не для того, чтобы искать правды или говорить ее. Единственною целью их было следить, что будет делать Он, чтобы основать на этом публичное обвинение пред синедрионом или по крайней мере заклеймить Его позорным пятном субботонарушителя. Поэтому они ответили на предложенный им вопрос ненарушимым, уклончивым молчанием. Но Христос не хотел позволить им избегнуть приговора их собственной совести, и поэтому в оправдание Себя привел пример из их обычной практики, который совсемставил их в невозможность ответить на этот вопрос. «*Кто из вас, спросил Он, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы?*» (Мф. 12:11–12). Довод был неотразимый, и самый пример не мог быть отрицаем, и однако же злобное молчание совопросников оставалось ненарушимым. Он гневно оглянулся; святое негодование пылало в Его сердце, светилось на лице, оживляло Его движения, звучало в Его голосе, когда Он медленно проводил очами по всем этим вытянутым от злобного упрямства лицам, обличая их в злости и низости, невежестве и гордости; и затем, подавляя это горькое и сильное чувство, Он обратился к совершению дела милосердия и сказал больному: «*Протяни руку твою*» (Мф. 12:13), и к великому изумлению всех присутствующих он протянул ее, и стала она здорова, как другая. И таким образом Христос опять поразил Своих врагов, и не только словесными доводами, но и делом великого милосердия, послужившего к новой славе Мессии.

XI. Служение в Галилее и окрестностях Галилейского озера. Избрание двенадцати апостолов. Нагорная проповедь и сущность новозаветного законодательства

Все эти события показали, что в Иудее не было возможности для беспрепятственной проповеди Евангелия, и Христос опять удалился в Галилею, к берегам любимого Им озера Генисаретского, и там, вдали от ярого изуверства слепых приверженцев отживавшего завета, Он приступил к подробному изложению начал Нового Завета – в отличие их от начал Ветхого Завета. Но чтобы новая проповедь не осталась гласом вопиющего в пустыне, нужно было формально составить избранный кружок последователей, которые, отрекшись от всего прошлого, должны были всецело посвятить себя новому и послужить тем зерном, из которого долженствовало возрасти дерево новозаветного человечества. Христос прежде всего и сделал так.

В это время за Спасителем уже постоянно ходил народ, жаждавший послушать Его божественного слова и воспользоваться Его чудесами. Утомленный проповедью, Спаситель удалился в уединение и на одной из гор провел ночь в молитве, приготовляясь к великому событию следующего дня. И вот когда рассвел день, Христос подозвал к Себе наиболее преданных последователей и из них избрал двенадцать учеников, которые с этого времени должны были сделаться не просто последователями Христа, каковыми они были доселе, но Его Апостолами, т. е. посланниками, принимавшими на себя обязанность не только принимать, но и распространять новое учение. Он избрал их числом двенадцать, так чтобы избранный народ Нового Завета, подобно народу ветхозаветному, имел также двенадцать духовных родоначальников или патриархов. Все эти избранники были чистые израильтяне, не язычники или прозелиты, так как именно через потомков Авраама благословение Нового Завета должно было распространяться на язычников, и притом не из колена Левинина или священства

Ааронова, так как Христос основывал совершенно новое священство. При самом избрании Спаситель конечно принимал во внимание духовные качества избираемых. Он избрал не богатых, просвещенных или сильных мира сего, а самых простых людей, все достоинство которых заключалось в их чистой, неиспорченной никакими ложными влияниями душе и непорочном сердце, представлявшем удобную почву для сеяния нового благовестия. Вот имена этих патриархов новозаветных человечества: Петр и Андрей – сыновья Ионы; Иаков и Иоанн – сыновья Зеведея; и Филипп – все пятеро из небольшого рыбачьего селения Вифсаиды. Затем идут Нафанаил или Варфоломей, Фома, Матфей, Иаков Алфеев (или Малый), Иуда – брат этого Иакова, Симон Зилот, родом из Каны, и Иуда Искариот, т. е. родом из иудейского городка Кариота. Из этого славного общества Апостолов трое – Иаков Малый, Иуда (брать) Иаковлев и Симон Зилот почти ничем неизвестны нам. В Евангелиях ничего не сообщается об их личности, и только ев. Иоанн при описании Тайной вечери упоминает об «Иуде не Искариоте», который вместе с другими обращался с известным вопросом к Спасителю (Ин. 14:22). Симон известен только по своему прозванию Зилот. «Зилот» или «Кананит» – имена тождественные по своему значению и показывают, что он некогда принадлежал к числу буйных и неистовых последователей Иуды Гискальского. Греческие имена Филиппа и Андрея, а также и то обстоятельство, что к Филиппу именно обращались греки, желавшее видаться с Спасителем перед концом Его земного служения, и что он просьбу эту передал Андрею, быть может указывают на некоторые связи их с эллинистами; но кроме первоначального призыва, о них почти ничего не сообщается больше; то же самое и о Нафанаиле и Матфее. О Фоме, называемом также Дидидом т. е. «близнецом», что составляет только греческий перевод его еврейского имени, имеется несколько интересных сведений, которые показывают в нем человека своеобразного характера, бесхитростного и простодушного, но в то же время пылкого и великодушного; готового умереть, но тугого на веру. Иуда, человек из Кариота, быть может единственный иудей в обществе

Апостолов, обыкновенно ставится последним в списка Апостолов, очевидно, как человек, далеко уступавший другим в своей правоспособности к высокой должности апостольства и доказавший это впоследствии страшным преступлением. Из всего общества Апостолов трое, именно Петр, Иаков и Иоанн, удостоились наивысшей чести принадлежать к самому тесному кругу избраннейших друзей и последователей Христа. Им одним только позволено было присутствовать с Ним при воскрешении дочери Иаира, во время преображения и предсмертной молитвы в саду Гефсиманском. Об Иакове неизвестно ничего больше, кроме того, что он сподобился высокой чести быть первым мучеником из общества апостолов. Он и его брат Иоанн, хотя они и были рыбаками, по-видимому находились в лучших материальных обстоятельствах, чем их сотоварищи. Зеведей, отец их, не только имел свою собственную лодку, но и держал наемных рабочих; а Иоанн случайно упоминает в своем Евангелии, что он был известен первосвященнику. Это объясняется тем, что он часто бывал в Иерусалиме и там занимался сбытом рыбы, которая доставлялась туда с озера Галилейского. Это был еще вполне юноша, и чистота его верующего сердца была именно причиной того, что он сделался особенным любимцем своего Божественного Учителя, – «учеником, которого любил Иисус» (Ин. 13:23). Но самым видным членом среди этой избранной троицы был ап. Петр, который по самой своей натуре заслужил данное ему дважды название камня или скалы (Кифа – Петр), на которой основалось исповедание Христа Богом. В лице его Христос приобрел себе самого преданного ученика и последователя, который не останавливался ни перед чем, чтобы только заявить свою любовь и свою безграничную преданность Учителю. Самое отречение его от Христа в страшный момент предательства Иуды было лишь поводом к глубочайшему раскаянию, еще более и окончательно укрепившему в нем чувство любви и преданности Тому, Кого он первый исповедал Христом, Сыном Бога Живаго.

Избранием двенадцати апостолов отмечается один из решительных моментов в общественном служении Христа.

Доселе Он еще не делал открытого провозглашения Нового Завета в отмену Ветхого, хотя уже в отдельных случаях и показывал цель Своего служения. Теперь же настало время для открытого провозглашения истин Нового Завета, и Спаситель, имея около Себя преданных учеников и последователей, принявших на себя готовность быть проводниками и провозвестниками истин Царства Небесного среди человечества, не замедлил раскрыть пред ними и пред собравшимся народом все тайны и сокровища основываемого Им Царства Божия на земле. Это Он подробно сделал в знаменитой нагорной проповеди, содержащей в себе как бы полное изложение Новозаветного закона в отличие от Ветхозаветного. Спаситель произнес ее на горе (вследствие чего она и получила свое название), и предание, точнее определяя местоположение, указывает на гору, известную под названием «Рогов Хаттинских», находящуюся часах в двух пути от Тивериады. Эта гора с своими двумя горбами или отрогами, на шестьдесят футов поднимающимися над разделяющей их долиною, весьма близко соответствует подробностям Евангельского повествования. Она находится неподалеку от Галилейского озера и не представляет никакого затруднения для восхождения на ее вершину, причем, не доходя до самой вершины, имеется и площадка, на которой удобно было собраться и расположиться слушателям. Сам Христос, по обычаям учителей Своего времени, вероятно сидел на каком-нибудь скалистом возвышении, дававшем возможность для Его божественного голоса разноситься над собравшейся толпой, впереди которой, у самых ног Учителя, сидели новоизбранные Апостолы. Это было знаменательное собрание зарождавшейся Церкви Христовой. Оно было отчасти похоже на собрание церкви ветхозаветной перед горой Синаем; но там не только люди, но и вся природа трепетала от страшного соприсутствия невидимого Божества; здесь же люди теснились у самых ног вочеловечившегося Бога, изливавшего слова любви и милосердия среди природы, которая как бы и сама восторгалась благовестием и ликовала в ожидании и своего собственного избавления от тяготевшего на ней ради человека

проклятия. Если предположить, что проповедь началась ранним утром, то солнце своими косвенными лучами золотило всю окружающую местность с ее богатым весенним нарядом и с горы открывалось дивное зрелище: справа сверкала зеркальная поверхность восхитительного озера с пробуждавшейся жизнью в окружавших его прибрежных городах и селениях, а на север величаво вздымался в утренней мгле исполинский Ермон, снеговая вершина которого горела разноцветными огнями в ярких лучах восходящего солнца, и вся природа как бы замерла в благоговейном безмолвии, чтобы слушать проповедь о началах Царства Божия на земле.

Проповедь Свою Христос начал с определения тех, кто могли сделаться членами нового Царства и воспользоваться предоставляемым в нем правом на блаженство.

В ветхом Моисеевом законе принадлежность к избранному Царству Иеговы обусловливалась телесными и вообще внешними свойствами и признаками людей – их происхождением от Авраама и совершением над ними обрезания, и эти только свойства давали право на те преимущества, которые составляли единственную принадлежность Царства Иеговы. В новом Царстве внешние свойства не имеют никакого значения и все обусловливается внутренним достоинством человека, которое и служит источником блаженства. В этом смысле прежде всего «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). Чтобы войти в Царство Небесное, нужно сознать свое духовное нищенство, свою удаленность от первоначального духовного совершенства, почувствовать желание вновь достигнуть этого совершенства, и тогда-то именно человек делается достойным высшей помощи, содействующей ему в достижении этой великой цели. Тут возвещалось совершенно новое начало жизни, отличное от того, которым руководилось человечество в древнем мире, когда гордость духовная приводила к сознанию своего духовного богатства, а между тем это богатство не только не было истинным богатством, но, будучи самым жалким нищенством (как это уяснилось особенно впоследствии – Деян. 12), в то же время служило препятствием

к приобретению того истинного богатства духовного, которое возвещалось Христом и Его Апостолами. Но раз человек сознает свое духовное нищенство и поймет, как далек он от своего предназначения, то невольно восскорбит о таком своем недостоинстве: и «блаженны такие плачущие; ибо они утешаются» (Мф. 5:4), т. е. скорее других получать то «утешение», которого ожидали все истинно верующие во Израиле (Лук. 2:25). Сознав свое недостоинство и очистившись от греха, человек становится кротким и смиренным, и «блаженны кроткие; ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5). В древнем мире властвовали горды и настойчивые, делавшие землю своим наследием при посредстве насилия, огня и меча; теперь настало время для господства презиравшейся в древности добродетели смирения, и ей именно принадлежит наследие земли. При всеобщем господстве в древности начала насилия, правда или справедливость оставалась часто без удовлетворения и много было «алчущих и жаждущих правды». Тогда они были самыми несчастными из людей; но теперь они «блаженны; ибо они насытятся» (Мф. 5:6), так как новое Царство будет воплощением правды. При господстве правды должна господствовать и милость, ибо милость и правда как бы две родные сестры в области добродетели; а потому «блаженны милостивые; ибо они и сами помилованы будут» (Мф. 5:7). Но чтобы достигнуть этих добродетелей, человек должен прежде всего очистить свое сердце от всего греховного, темного и низкого, и тогда он удостоится немыслимого в Ветхом Завете блаженства: «блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Достигнув же этой степени совершенства, человек потеряет всякий повод и способность к вражде с близкими, сознает свое братство со всеми людьми и будет стремиться к водворению всеобщего мира на земле. Поэтому «блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9), т. е. участниками того сыновства, высшим представителем которого был проповедовавший Сын Божий, пришедший умиротворить небо с землею, человека с Богом. Дело водворения мира и правды на земле, целые тысячелетия бывшей ареной всевозможных насилий, братоубийств и

неправды, конечно должно встретить сопротивление со стороны представителей ветхого царства, и они будут преследовать и изгонять новых проповедников: но «блаженны изгнанные за правду: ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10). «Блаженны вы, заключил Христос, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:11–12).

Последние слова уже относились исключительно к Апостолам, как пророкам Нового Завета, и Христос затем обратился к ним с дальнейшим объяснением их назначения и положения в мире. «Вы соль земли, сказал Он им. Если же соль потеряет силу (как это замечено за соляными глыбами у Мертваго моря), то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попранье людям» (Мф. 5:13) (как это именно делалось с негодною солью при храме, где она выбрасывалась и рассыпалась по склонам храмовой горы вместо песку, чтобы в сырую погоду удобнее было ходить священникам и народу). Но Апостолы более чем соль земли. Они «свет мира» (Мф. 5:14), который дотоле погрязал во тьме религиозного и нравственного заблуждения, и потому они должны стоять на виду у всех, как тот стоящий на верху горы город (Сафед, ясно видимый с горы блаженств вследствие своего высокого положения на 2,650 ф. над уровнем моря), который вследствие такого именно положения не может укрыться от чьих либо взоров. Равным образом, «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и она светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:15–16).

Учение это не могло не поражать слушателей своею необычайною возвышенностью, и им, привыкшим к безжизненному, избитому учению раввинов, оно легко могло показаться совершенно новым, как бы разрушающим ветхий закон Моисеев, на котором доселе держалась вся жизнь избранного народа. Христос также уловил на лице их тень этого недоумения и решил окончательно рассеять его. «Не думайте,

сказал Он, что Я пришел нарушить закон или пророков (как высших провозвестников и изъяснителей закона); не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Закон должен сохраниться во всей своей силе, пока не будет исполнен весь, так что нарушитель хоть одной из заповедей его «малейшим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5:19), и напротив человек, соблюдавший закон и научающий его соблюдению и других людей, настолько же возвеличится в этом Царстве. Но «говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20). Ревнуя о соблюдении закона и похваляясь праведностью, эти народные учителя в сущности извратили весь внутренний смысл закона. В измышленных ими обрядовых мелочах они наблюдали необычайную строгость, как наприм. в соблюдении постановлений о субботе и чистоте. В последнем отношении наиболее ярые фанатики фарисейства доходили даже до чудовищного заключения, что человек, прикасавшийся к свиткам св. Писания, делался нечистым, так как дескать пергамент или кожа, на которой оно написано, могла принадлежать неестественному животному, или приравнивалась к трупу, соприкосновение с которым, по закону, оскверняло человека. И в то же время эти учителя нагло попирали всякую истинную праведность, заключающуюся в соблюдении возвышенных нравственных начал закона. Чтобы яснее изложить Свою мысль, Христос представил целый ряд сравнений ветхозаветного закона в его истолковании со стороны книжников и фарисеев с возвышенными началами Новозаветного Царства.

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду» (Мф. 5:21). Книжники и фарисеи истолковывали этот закон в его буквальном, узком смысл человекаубийства; но в Новом Царстве закон этот получил более широкий и глубокий смысл и распространяет свое действие даже на внезапный и напрасный гнев, могущий сделаться источником вражды с ее гибельными последствиями, и на всякие презрительные, унизительные для человеческого достоинства выражения, вроде рака или безумный. В Новом

Царстве закон этот карает уже не только руку, совершающую убийство, но и сердце, питающее какую-либо вражду, могущую принести гибельный плод. Вследствие этого даже и дар, приносимый на жертвенник Богу, не может быть принят, пока сердце не освободится совершенно от всякого зла. – Затем «вы слышали, что сказано древним: *не прелюбодействуй*» (Мф. 5:27). Раввины понимали этот закон также в смысле буквального прелюбодеяния, помимо которого допускались всевозможные вольности к угоджению плоти. По закону Нового Царства грех опять карался в своем источнике – в сердце, и им осуждалась самая мысль о чем-либо незаконном, самое пожелание плотское, самый взгляд на женщину с вожделением, так как человек, посмотревший на нее так, «уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28). – «Сказано также: что если кто разведется с женой своею, пусть даст ей разводную» (Мф. 5:31). Фарисейская праведность пользовалась этим законом с самым беззастенчивым произволом – к угоджению плоти. Развод допускался в самых широких условиях. «Если кто-либо, учили книжники, увидит женщину красивее своей жены, то он может отпустить свою жену и жениться на этой женщине», и это правило обосновывалось на тексте Моисеева закона! Даже такой строгий законник, как знаменитый Шаммаи, держался мнения, что если жена выйдет на улицу без обычного на востоке покрывала на лице, то с ней можно развестись на этом основании. Школа другого знаменитого законника Гиллеля доходила в своем толковании до чудовищного расширения этого начала, именно допуская, что если жена плохо подготовит обед своему мужу, пересолит его или пережарит, то он может развестись с ней, как если бы она была поражена какою-нибудь телесной проказой. Вследствие этого легкость разводов среди иудеев приняла такие размеры, что она составляла предмет смущения и омерзения даже в глазах окружающих их языческих народов; а раввины между тем гордо объясняли эту распущенность особым преимуществом, дарованным будто бы только Израилю, а не другим народам. Разведенной таким образом женщине сразу же предоставлялось право вновь

вступать в замужество, причем это право ясно высказывалось ей в той разводной, которая подписывалась свидетелями совершившегося расторжения брака. Такому господству плоти не могло быть места в Новом Царстве, и Христос истолковал Моисеев закон в его новом возвышенном смысле: «*А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует*» (Мф. 5:32). – «*Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои*» (Мф. 5:33). Фарисейская праведность и здесь нашла возможность нарушить закон под видом его точного соблюдения. Последнее выражение они истолковывали в том смысле, что та только клятва обязательна, которая сопровождалась особым жертвоприношением перед Господом, и след. можно было нарушать всякую клятву, данную без этого условия; а некоторые даже толковали, что всякую клятву можно нарушить, если только при этом не упоминать о Господе. Отсюда у иудеев, при их торгаществе и связанном с ним обмане, развились страшное зло давания клятв, с призыванием в свидетельство и неба и земли, Иерусалима и собственной головы, – тем более страшное, что все эти клятвы в большинстве не соблюдались. Поэтому нужно было пресечь это зло. Самая клятва по своему внутреннему существу была свидетельницей упадка нравственности и чувства правды среди людей, так как будь человек таким же непорочным и невинным, каким его создал Бог, была бы не нужна и клятва, предполагающая собою опасение за нарушение данного слова. Так как в Новом Царстве восстановлялось начало первобытной чистоты сердца, то и всякие изысканные клятвы оказывались излишними. «*А Я говорю вам: не клянись вовсе. Но да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого*» (Мф. 5:34,37), так как чем усиленнее клятва, тем она предполагает большую возможность нарушения ее по внушению исконного отца лжи. – Иные должны быть в Новозаветном Царстве и начала взаимных отношений вообще. «*Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб*» (Мф. 5:38). В древнем мире в человеческих отношениях

господствовал закон равномерного возмездия за обиды, вытекавшие из присущего низшей человеческой природе чувства мщения. Возмещать равным за равное считалось и справедливым и достойным человека. Этот закон, по снисхождению в немощи человеческой природы, признан был и в Моисеевом законодательстве. «Глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, обожжение за обожжение, рана за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:24,25). Более строгие книжники понимали этот закон в его буквальной точности, но другие нашли возможным перевести это возмездие на деньги, и выработали целую систему денежных взысканий за обиды и членовреждения. Повреждение руки, ноги или глаза оценивалось по известной их стоимости при добывании средств к жизни. Заушение различно оценивалось от полусикля до пяти и более сиклей, смотря по важности и достоинству лица; удар по щеке стоил двести зузим, а по обеим щекам вдвое больше. За вырванный клочок волос, за оплевание, за отнятие верхней одежды, за раскрытие головы женщины взималось до четырехсот зузим. Это безобразное торгащество человеческим достоинством приняло ужасные размеры среди иудейского народа, и простая справедливость требовала пресечения такого зла.

Но Новое Царство, как основывающееся на изложенных выше началах, должно было представить еще нечто другое и указать совершенно иной способ возмездия за причиненное зло. «Сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:38–41). По новозаветному закону не только отрицается жестокий закон равномерного возмездия, но и провозглашается совершенно иной взгляд на отношение между добром и злом. В древнем мире царство принадлежало греху и зло имело победоносный характеру так что всякое добро, чтобы поддерживать свое существование, должно было противиться злу, бороться с ним внешними и внутренними средствами, ограждать себя от его

разрушительного влияния. Так действовал и Бог, который для сохранения добра в мире однажды истребил развращенный и подчинившийся злу род человеческий потопом, и в последующей жизни избирал особых лиц и целый народ, которых ограждал от торжествующего зла как выделением их из среды греховного мира, так и особыми законами, делавшими этих избранников более способными к сохранению добра и защищавшими их от вторжения зла. Совершенно иначе должны были установиться отношения между добром и злом в новом царстве. Тут зло теряло свою победу и ад терял свое смертоносное жало, и напротив всякое добро, получив особую помощь свыше, становилось победоносным, наступало царство добра и благодати. Отсюда добру не было более надобности прибегать к внешним средствам сопротивления злу, предполагающим сознание внутренней немощи. Добро, как торжествующее начало, могло теперь всецело полагаться на свою, данную ему внутреннюю силу, о которую должно было разбиваться всякое зло. Пусть даже зло на время восторжествует над добром и угнетает его; но это торжество будет лишь внешнее, призрачное, и пройдет не много, как подавленное и побежденное совне добро покажет свою внутреннюю победную силу и не только восторжествует над злом, но и превратит его в добро. Так, высокопросвещенный народ, даже подвергаясь порабощению от дикой орды, скоро показывает свое внутреннее превосходство и самих победителей заставляет сознать себя побежденными; или еще: принесенная от полюса огромная льдина вносить холод и в самые теплые страны, но холод этот лишь временный и он исчезает под знойными лучами южного солнца, от которых расплывается и самая льдина. Но такое общее начало, для своего полного осуществления, предполагает общество, всецело проникнутое духом нового царства, когда действительно добро сделается стихией общественной жизни. Пока же человечество не достигло этой степени совершенства, заповедь о непротивлении злу имеет значение лишь в смысле ограничения присущего человеческой природе эгоистического чувства возмездия за нанесенный вред или причиненное зло;

так что там, где нарушаются не личные права, а попираются сама справедливость, противление злу является делом не только вполне законным, но и необходимым. Сам Христос выразил смиренный укор за нанесенный Ему слугою первосвященника удар по щеке (Ин. 18:22, 23), и ап. Павел еще с большей настойчивостью протестовал против подобного же оскорбления себе (Деян. 23:3), показывая этим, что попрания справедливости нельзя допускать, не нанося ущерба высшему закону правды в человеческих отношениях. Защищая себя от несправедливости, человек защищает не только себя лично, но и самую правду, защищать которую его священный долг. Отсюда и всякое общество, при теперешнем несовершенном состоянии своей духовно-нравственной жизни, имеет право и должно защищать лежащие в основе его жизни начала, может и должно наказывать преступников или виновников зла и таким образом поддерживать царство добра в мире, пока оно само не приобретет безусловного господства, когда такая внешняя защита станет излишнею.

Что добро не должно оставаться в страдательном положении по отношению к злу и напротив должно стремиться побеждать его своею внутреннею силою, это разъяснено в следующем сопоставлении Моисеева закона и раввинской праведности с новозаветным законом. «*Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего*» (Мф. 5:43). Древнее человечество в своем вынужденном сопротивлении всепобеждающему злу до крайности затемнило в своем сознании идею всечеловеческого братства и, ограничивая ее самым тесным кругом «ближних», к этим последним только и относилось с любовью, считая всех остальных врагами, которых считалось невозможным включать в общечеловеческий братский союз. Так было даже у самых просвещенных языческих народов (греков), которые себя только и считали достойными человеческого звания, отрицая у других всякое человеческое достоинство и относясь к ним с презрением и ненавистью, как к варварам. Моисеево законодательство стояло в этом отношении выше всех других и стремилось к проведению в сознание народа идеи

общечеловеческого братства, предоставляя и иноплеменникам некоторые права в случае поселения их среди избранного народа. В нем не было изречения: «ненавидь врага твоего», – это лишь раввинское толкование или дополнение к заповеди о любви к ближним; но и самая возможность такой прибавки показывала, какая общая мысль лежала в основе международных отношении избранного народа. Христос теперь проповедовал совершенно новую, неслыханную в древнем мире истину, которая должна была совершенно изменить существовавший дотоле взгляд. «*А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас*» (Мф. 5:44). Тут не только проповедуется простое непротивление злу, но и требуется активное усилие со стороны нравственной природы в деле умиротворения взаимных человеческих отношений. Люди враждуют между собою вследствие забвения великой истины, что все они «сыны одного Отца небесного», и истина эта до тех пор не будет общепризнана и понята всеми, пока люди будут разделять себя на ближних и врагов и считать себя вправе к одним относиться с чувствами любви и к другим с чувствами ненависти. Пусть же члены Новозаветного Царства первые покажут, что такое разделение неестественно и гибельно для человечества, так как поддерживает рознь и вражду между людьми, и тогда сами враги придут к убеждению в безосновательности вражды и все человечество станет единым нераздельным братством.

Человеку может показаться неосуществимым подобное требование. Но пусть он помнит, что как сотворенный по образу и по подобию Божию он по самой природе своей способен к бесконечному совершенствованию. В грехопадении он потерял значительную часть своего богоподобия и сделался рабом тления; теперь ему дается новая сила восстановить это потерянное богоподобие, и пусть же он стремится к нему. «*Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф. 5:48).

После изложения этих общих начал новозаветного законодательства Спаситель присовокупил несколько частных

указаний, уже вытекающих из этих основных начал. Члены нового царства должны быть милостивы и сострадательны к бедным, но милостию нужно подавать не с гласностью и самовыставлением, а скромно и тайно. Молиться должно не с лицемерием, на показ всем, а в святом уединении. Пост нужно содержать не как самохвальную добродетель, но как тайное самоотречение. Все эти дела благочестия надлежит совершать единственно из любви к Богу, в простоте сердца, не ища земной награды, но собирая себе нетленные сокровища на небе. Самое служение Богу должно быть искренним, всецелым и безраздельным. Заботы и тревоги жизни не должны развлекать или возмущать его. Бог, которому оно приносится, есть также и Отец, и Тот, Кто всегда питает птиц небесных, не сеющих и не жнущих, и одевает более чем царственnoю красотою цветы полевые, не оставит без пищи и одежды детей Своих, когда они ищут прежде всего правды Еgo. Наконец, Христос внушал, что слушающий эти слова и исполняющий их подобен мужу благоразумному, который, строя себе дом, заложил фундамент его на скале, вследствие чего дом его устоял против самых сильных напоров бури и непогоды; а слышащий и не исполняющий их «уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и налегли на тот дом, и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7:26–27).

Вся эта величественная и дивная по своей божественной мудрости проповедь произвела глубочайшее впечатление на слушателей. «*Народ дивился учению Его: ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи*» (Мф. 7:28–29).

XII. Исцеление прокаженного и слуги сотника. Воскрешение сына Наинской вдовы. Посольство Иоанна Предтечи. Прощение грешницы в доме Симона фарисея

Когда Иисус Христос сошел с горы, то за Ним последовало множество народа, как бы не хотевшего расстаться с столь дивным Учителем, изливавшим сладостные слова благовестя. И истинность учения вскоре была подтверждена рядом великих событий, которые еще более должны были показать народу, Кто этот великий и сладостный Учитель.

От горы Христос направился в один из прибрежных городков, и при входе в него вдруг глазам Его представилось крайне печальное зрелище. Пред Ним предстал прокаженный, который, с отчаянной мольбою падая сначала на колена и затем с сердечным воплем повергаясь ниц, просил об исцелении его от ужасной и отвратительной болезни. Со стороны несчастного требовалась необычайная вера в юного Пророка назаретского, чтобы признавать в Нем силу исцелить болезнь, которая по всеобщему убеждению, раз проникнув в кровь, постоянно усиливалась и была неизлечима. Все надежды жизни выразились в страстной мольбе несчастного: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить!» (Мф. 8:2). И на Его веру раздался бесконечно милостивый ответ: «хочу, очистись» (Мф. 8:3). Все чудеса Христовы были в то же время откровениями. Когда требовалось обстоятельствами дела, Он иногда не сразу отвечал на мольбу страдальца. Но не было ни одного случая, когда бы Он хоть на мгновение замедлил при вопле к Нему прокаженного. Проказа считалась знаком греха, и Христос хотел научить нас, что сердечная молитва грешника об очищении всегда находит скорое удовлетворение. Когда Давид, прообраз всех истинно кающихся, взывал с истинным сокрушением: «согрешил я пред Господом», то пророк Нафан немедленно принес ему милостивое благовестие от Бога: «Господь снял с тебя грех твой; ты не умрешь» (2 Цар. 12:13). Спаситель простер руку, прикоснулся к прокаженному, и тот тотчас

очистился. При этом Спаситель запретил исцелившемуся разглашать об этом событий, так как прикосновение к прокаженному, как запрещенное законом, могло опять вызвать бурю негодования со стороны бездушных законников, для которых мертвая буква закона была дороже всякого человеколюбия. Вместо этого он должен был пойти показаться священникам и принести установленный дар, чтобы получить формальное свидетельство о своем очищении. Но исцеленный был слишком рад своему счастью, чтобы скрывать его в сердце своем, и не исполнил наказа о молчании, разглашая о своем исцелении повсюду.

Едва Спаситель прибыль в город Капернаум, где находилось Его временное местожительство, как на встречу к Нему вышла депутация иудейских старейшин, вероятно должностных членов главной синагоги, – с просьбою от сотника, верный и любимый раб которого был схвачен опасным припадком болезни. Могло показаться странным, что иудейские старейшины приняли такое близкое участие в человеке, который, римлянин или нет, во всяком случае несомненно был язычник и только быть может «пришелец врат». Старейшины однако же объяснили, что он не только любит их народ (черта крайне необычная в язычнике, так как, вообще говоря, к иудеям все относились с особенным отвращением), но даже на свой собственный счет построил им синагогу, которая по красоте и величественности считалась главною синагогою в Капернауме. Самое обращение их к Иисусу показывает, что это событие относится к раннему периоду Его служения, когда все еще смотрели на Него с изумлением и надеждой, и не было еще той смертельной вражды, которую ознаменовались последующие дни. Христос немедленно ответил на их просьбу: «Я приду, сказал Он, и исцелю его» (Мф. 8:7). Но на дороге они встретили других посланных от смиренного и благочестивого сотника, который через них просил Его не входить под недостойный кров язычника, а исцелить страждущего раба простым чудесным словом, как Он исцелил сына царедворца. Как сотник, хотя и подвластный человек, всегда имеет у себя слуг, готовых исполнять его приказания, так не мог ли и Христос повелеть

невидимым слугам исполнить Свою волю, Сам не предпринимая этого труда на Себя? Спаситель был поражен столь замечательною верою, больше которой Он не встречал даже в Израиле. На дикой маслине Он нашел то, чего не находил на маслине садовой; и из этого обстоятельства Он извлек поучение, таким холодом и неприятностью поразившее слух иудеев: когда многие из настоящих сынов царства извержены будут во тьму кромешную, *многие придут с востока и запада и взлянут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном* (Мф. 8:11). Посланные же, возвратившись в дом, нашли, что целительное слово оказалось свое действие и больной слуга выздоровел.

Но за этими изумительными событиями следовало еще более поразительное чудо. В один из следующих дней, Спаситель, обходя с проповедью соседние города, пришел между прочим в Наин. Теперь это грязная и жалкая деревня, лежащая на северо-западном склоне горы малого Ермона, в сорока трех верстах от Капернаума. Название это (оно удерживается и теперь) значит «прекрасный», и положение городка близ Ендора вполне оправдывает его: он живописно гнездится на холмистых склонах величественной горы, в виду Фавора и высот Завулоновых. Отправившись в путь, как это всегда делается на востоке, рано, в часы утренней прохлады, Иисус Христос мог прибыть в этот городок вскоре после полудня, и при самом входе в него представилось печальное зрелище. Из ворот выносили тело умершего юноши для погребения за городскою стеной. Зрелище это было более печально, чем обыкновенно, и потому вероятно оно сопровождалось более отчаянным и неудержимым воплем, чем обыкновенное оплакивание умерших. Юноша этот был «единственный сын у матери, а она была вдова» (Лк. 7:12). Зрелище этой страшной скорби неотразимо отозвалось в бесконечно любящем сердце Спасителя. Сжалившись над несчастной матерью и сказав ей: «не плачь» (Лк. 7:12), Он подошел к одру, или вернее к открытому гробу, в котором лежал умерший юноша и, опять не обращая внимания на чисто обрядовое постановление, – прикоснулся к нему. При виде

этого все мгновенно замерли в ожидании. Носильщики невольно остановились, объятыые страхом. И вот среди убитых горем родственников и окружавшей их безмолвной толпы раздался спокойный голос Христа: «юноша, тебе говорю: встань» (Лк. 7:14). Голос этот проник в неведомую и таинственную область смерти и потряс самое царство ее. Мертвый встал и начал говорить; и Спаситель «отдал юношу матери его» (Лк. 7:15). При виде этого всех объял страх. Народ вспоминал об Илие и вдове Сарептской, о Елисее и женщине из находившегося неподалеку Сонама. Они, величайшие из пророков, также возвращали одиноким женщинам их умерших единственных сыновей. Но они делали это с усилиями и напряженной мольбой, томясь в молитве и распределяясь над трупом (ЗЦар. 17:21; 4Цар. 4:35); между тем Иисус совершил это чудо спокойно, неожиданно, мгновенно, Своим собственным Именем, Свою собственною властью, единым словом Своим. И народ невольно думал после этого, что «великий Пророк восстал между ними, и Бог посетил народ Свой» (Лк. 7:15).

Около этого времени Спаситель получил краткое, но взволнованное послание от Иоанна Крестителя. Он в это время томился в темнице, и до него не могли не доноситься слухи о проповеди и необычайных делах Иисуса. Он мог бы только радоваться этим делам Того, о Котором он не раз давал самое торжественное свидетельство как об утешении Израилеве. Но его собственное тяжелое положение не вполне соответствовало светлым ожиданиям, и некоторые из учеников его стали высказывать ему сомнения касательно истинности его свидетельства. Чтобы уверить их, он отправил нескольких из них к Спасителю с вопросом: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или другого ожидать нам?» (Лк. 7:20). Ученики нашли Иисуса Христа среди необычайных дел Его Божественного милосердия, и Он прямо указал на эти Свои дела. Чтобы подкрепить унывающий дух великого пророка, Спаситель велел его ученикам пойти и рассказать Иоанну, что они видели и слышали, – именно, что «слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют. И блажен, кто не

соблазнится о Мне» (Лк.7:22–23), прибавил Христос, высказывая этим, что истинная вера в Мессию не должна колебаться от неисполнения с Его стороны каких-либо личных желаний, как это могло быть с самим Иоанном, который не мог не питать тайного желания какого-либо чуда со стороны засвидетельствованного им Мессии в деле освобождения его от тяжкого тюремного заключения. И когда ученики Иоанна отошли, Спаситель, обратившись к народу, произнес Иоанну высшую похвалу, какой только мог удостоиться человек. «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но, прибавил Христос, меньший в Царстве Небесном больше его» (Лк. 7:28), т. е. не смотря на всевеличие Иоанна как пророка ветхозаветного, всякий непосредственный слушатель Христа, искренно принимающий веру в Него, имеет больше прав на вступление в Новое Царство, чем даже этот великий пророк, который был как бы новым Илией, предозвещавшим наступление Нового Царства. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11:15) торжественно заключил Спаситель Свою возвышенную беседу об Иоанне.

Так как к этому времени успело обнаружиться, что даже в тех городах, которые по преимуществу были местом учения и деятельности Спасителя, народ не всегда обнаруживал истинную веру в пришедшего Мессию и видимо не хотел расстаться с своей ложной идеей о Мессии-завоевателе, так что заботился не столько о Царстве Небесном, сколько пытал мщением к своим римским поработителям и питал в своем сердце гордую мечту о том времени, когда и сам Рим преклонится пред ожидаемым Мессией, то Спаситель произнес при этом строгое предостережете. «*Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись. Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!* ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Но говорю вам: *Тиру и Сидону, этим нечестивым языческим городам соседней Финикии, отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада*

низвергнешься: ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11:20–24). В этих словах Христос выступил не только в качестве пророка, но и Судии, приговор Которого должен был осуществиться (как и осуществился действительно) во всей своей ужасной точности. От большинства этих городов не осталось камня на камне, и самое местоположение их забыто или составляет предмет спора. Но Христос нашел утешение в том, что если возвещаемое Им откровение или божественная мудрость осталась скрытою для мнящих себя мудрыми и разумными, то она открыта младенцам, т. е. нижайшим членам человеческой семьи в умственном и общественном положении, несшим доселе на себе все тяготы презрения в мире. И к ним-то теперь Спаситель обратился с любящим воззванием: «Прейдите ко мне все утружающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28–30).

Теперь уже для всех достаточно было доказательств, что Иисус из Назарета есть именно Мессия Христос. Но Он еще не был помазан, и это помазание должно было совершиться теперь. Если Христос родился в яслях и главное самооткровение о Своем мессианском достоинстве сделал убогой и греховной самарянке, то неудивительно, что и помазание Его совершено было не первосвященником в торжественной обстановке храма, а при самых простых обстоятельствах, способных произвести смущение в непросвещенной душе. В одном из прибрежных городков Спаситель получил приглашение в дом фарисея, носившего весьма распространенное в то время имя Симона. Приглашение было сделано в духе фарисейской неискренности – просто с целью полюбопытствовать, что это за Учитель из презренного Назарета, так что при этом не соблюдены были даже обычные правила гостеприимства, требовавшие от хозяина, чтобы он встретил гостя целованием, омыл ему ноги и доставил все

необходимые удобства. Накрыт был стол, и все приглашенные гости возлегли за ним, как это было в то время в обычай у иудеев, подражавших грекам и римлянам. При пиршествах двери дома на востоке не закрывались, так что и всякий посторонний мог войти в него – если не принять участие в пиршестве, то хоть постоять и посмотреть на пирующих. Но на этот раз среди других взяла на себя смелость вторгнуться в этот почтенный дом одна личность, присутствие которой было не только нежелательно, но положительно противно хозяину. Одна несчастная, порочная, падшая женщина, известная в той местности своею худою жизнью, узнав, что Иисус возлежит в доме фарисея, осмелилась протесниться через толпу других посетителей с алавастровым сосудом мира. Она нашла Кого искала, и смиренно, став позади Христа, слушала слова Его. Невольно размышляя о Нем и о своем страшном падении, – размышляя о беспорочной, безгрешной чистоте святого юного Пророка и о своей собственной позорной и греховной жизни, – она стала плакать, и слезы ее капали на босые ноги Христа, к которым она склонялась все ниже и ниже, стараясь скрыть свое смущение и стыд. Фарисей с ужасом отскочил бы от одного прикосновения, а не только от слезы такой личности; он стал бы в семи водах омываться от полученного осквернения и с проклятием отогнал бы нахально вторгшуюся грешницу. Но женщина эта внутренне чувствовала, что Иисус не поступит с нею так; она чувствовала, что высочайшей безгрешности свойственно глубочайшее сочувствие; она видела, что где оттолкнула бы жесткая благопристойность подобного ей грешника, там примет совершенная святость Спасителя. Весьма вероятно, что она слышала бесконечно любящие и милостивые слова, сказанные Христом быть может в тот же самый день: «предите ко Мне все утружающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Не будучи отвергнута, она ободрилась еще больше, и убедившись, что, как бы ни смотрели на нее другие, Спаситель во всяком случае не презирал ее, она подвинулась к Нему еще ближе и, опустившись на колени, своими длинными распущенными волосами начала вытирать ноги, омоченные ее слезами, покрывать их поцелуями и

наконец, разбив алавастровую вазу, стала умащать их драгоценным и благоухающим миром.

Вид женщины с распущенными волосами, позор ее унижения, муки ее покаяния, быстро капающие слезы, принесение в жертву благовония, служившего одним из средств ее позорного ремесла – все это могло бы в самом каменном сердце возбудить некоторое сочувствие. Но Симон-фарисей смотрел на все это с холодным неодобрением и отвращением. Неудержимый порыв мольбы о милосердии со стороны отчивающейся и сокрушенной сердцем женщины не тронул его. Ему противно было даже то, что Иисус позволял несчастной твари целовать и умащать свои ноги, хотя и не обращался к ней доселе ни с одним словом одобрения. Если бы Он был Пророк (невольно думалось фарисею), Он должен бы знать, что это за женщина; и если бы Он знал это, то должен бы оттолкнуть ее с презрением и негодованием, как непременно поступил бы сам Симон. Подай Он хоть знак, и Симон был бы очень рад сейчас же освободить от такой скверны свой дом. Фарисей не высказал этих мыслей вслух, но Спаситель видел его сердце и знал его мысли, хотя и не сразу укорил за них и не сразу обличил его холодное бессердечие и бездушную жестокость. Чтобы привлечь к своим словам общее внимание, Он обратился к хозяину: «Симон, Я имею нечто сказать тебе». – «Скажи, Учитель», – отвечал тот с некоторою натянутостью. – «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?» (Лк. 7:40–42). Симон по-видимому не имел ни малейшей мысли о том, чтобы вопрос имел какое-нибудь отношение к нему самому, все равно как это было некогда с Давидом, когда он произносил откровенный суд по поводу притчи пророка Нафана. «Думаю, сказал он, тот, которому более простил». – «Правильно ты рассудил» (Лк. 7:43), ответил ему Христос, и затем сделал нравоучительное приложение этого маленького иносказания, суровое по самой своей мягкости и снисходительности, обвенчанное в ту поэтическо-возвышенную форму, которую Спаситель часто

употреблял при своем учении и которая для слышавших Его звучала поэзией пророков. Симон кажется не видел, к чему вел этот рассказ, но кающаяся грешница, с более чуткою восприимчивостью сокрушенного сердца, наверно видела это. Но какое волнение должно было охватить ее, когда Христос, как бы не замечавший ее дотоле, теперь вдруг совсем повернулся к ней и, обращая внимание всех присутствующих на нее, робко сидевшую на полу и закрывавшую обеими руками и распущенными волосами свое смущенное лицо, громко сказал удивленному фарисею: «Симон, видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги, и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит» (Лк. 7:44–47). И затем, обращаясь уже не к Симону, а к бедной грешнице, Спаситель со властью Помазанника Божия прибавил слова милосердия: «прощаются тебе грехи» (Лк. 7:48). Все это произвело такое сильное впечатление, что фарисеи не осмелились высказать какого либо протеста против подобного притязания на право прощать грехи и только шепотом переговаривались между собою, выражая взаимное изумление: «кто это, что и грехи прощает?» (Лк. 7:49). Но Спаситель проник и в их тайные мысли, и чтобы не дать им повода к дальнейшим пререканиям, еще раз обращаясь к грешнице, сказал ей: «вера твоя спасла тебя: иди с миром» (Лк. 7:50).

XIII. Новый способ учения – притчами. Притчи о Сеятеле, о зерне горчичном, о пшенице и плевелах. Укрощение бури на озере. Исцеление гадаринского бесноватого

Случай в доме Симона фарисея с достаточностью показал, что для пробуждения дремлющей совести народа и уяснения великих истин Нового Царства недостаточно простого обыкновенного учения. Необходима была такая форма, которая бы изумляла и поражала слушателей своею увлекательностью, наглядностью и выразительностью, – именно форма, которая такою неожиданностью поразила Симона фарисея, изобличив его ложное, нечеловеколюбивое отношение к кающейся грешнице. Так как подобная форма видимо поразила и всех слушателей, то Христос и воспользовался ею для дальнейшего уяснения проповедуемого Им учения. Отселе Он начал ряд знаменитых притчей, которые отмечают собою период высшего развития проповеди Христовой.

Притча (машал) была небезызвестна иудеям, так как уже и в ветхом завете были попытки уяснения тех или других истин подобным способом (Суд. 9:7; Исх. 5:1; Иез. 13:11 и сл.), и к этому времени она находилась в постоянном употреблении у раввинов. Главною особенностью ее служит представление нравственной или религиозной истины в более живой форме, чем это возможно при простом изложении, причем с этой целью учитель пользуется самыми обыкновенными и общеизвестными явлениями из природы или обыденной жизни, явлениями, сравнение с которыми наглядно рисует пред глазами слушателей излагаемую истину и неизгладимо запечатлевает ее в памяти их. По своей сущности притча приближается к басне, насколько она допускает возможность измышленных событий; но отличается от нее тем, что постоянно держится правдоподобия и не допускает присвоения тем или другим выводимым в ней действующим лицам таких свойств, которые чужды им по природе. Будучи чрезвычайно проста, она вместе с тем всегда отличается серьезным и возвышенным характером,

и из самых простых явлений извлекает глубочайшие истины, способных неизгладимо запечатлеться в сознании слушателей. Вся окружающая жизнь давала неистощимый материал для притчей; Христа, который с истинно божественною мудростью воплощал в них истины Царства Небесного. Сеятель на ближайшем косогоре, плевелы в поле, обычный росток горчичного семени, закваска в тесте, сокровище, случайно найденное пахарем, и многое другое в этом роде служило для Него поводом к изложению под самой увлекательной формой глубочайших истин, какие только способен воспринимать ум человеческий. Если и другие учителя пользовались не без успеха приточною формою назидания, то только у Христа эта форма получила тот истинно божественный и возвышенный характер, который сделал притчу одним из сильнейших орудий внедрения величайших истин Царства Божия в сердце человечества.

По выходе Спасителя из дома Симона фарисея, за Ним последовало множество народа, жаждавшего послушать Его божественного учения. Христос направился к берегу озера. Толпа была велика и теснила Его к самой воде, не давая возможности свободно разноситься Его голосу. Поэтому Он, как было и раньше, вошел в лодку и с ее возвышенной кормы, как бы с некоторой кафедры, обратился к толпившемуся у берега народу с поучением, именно притчами. Первым из этих дивных приточных поучений была притча о Сеятеле, изображающая самое начало насаждения слова Божия в сердце человека. В такой стране как Галилея ничего не могло быть общеизвестнее и понятнее тех образов и картин, которые излагаются в этой притче; да и самий сеятель мог быть тут же на глазах у всех, засевая только что вспаханное поле на близ держащем косогоре, спускавшемся к озеру. Из рассеиваемых им семян, как хорошо было известно слушателям, «иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то. Иное упало на места каменистые» (Мф. 13:3–6), где не много было земли; и так как земля была не глубока, то оно скоро взошло, но, не имея надлежащего корня, скоро же и увяло, и засохло под палящими лучами солнца. «Иное упало в терние (которого как тогда, так и

теперь много растет в Палестине), и выросло терние и заглушило его. Иное (наконец) упало на добрую землю, и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13:7–8). Закончив эту притчу, Спаситель многознаменательно прибавил: «*кто имеет уши слышать, да слышит!*» (Мф. 13:9). Прибавление было не излишне, потому что многие из слушателей, и имея уши для слышания, не имели достаточного разума для понимания притчи. Не смотря на ее, необычайную простоту и наглядность, даже ученики не поняли ее значения и по возвращении Спасителя в дом ап. Петра в Капернауме не преминули попросить ее разъяснения. Самая эта просьба показывала, что притча произвела на них сильное впечатление, затронула в них мысль, требовавшую удовлетворения. И Спаситель не замедлил дать Апостолам, как будущим продолжателям Его дела, подробное объяснение этой притчи. На вопросы зачем Он говорит народу притчами, Спаситель отвечал, что такою именно формою назидания только и можно с успехом поучать народ, «*который »видя не видит, и слыша не слышит, и не разумеет*» (Мф. 13:13), ибо, по словам пророка Исаии, «*огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сокнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем*» (Мф. 13:15). Пусть же хоть эти внешние образы запечатлеются в памяти людей, чтобы при более благоприятном настроении их они могли послужить для них средством к проникновению в их внутренний смысл, разуметь который пока не дано им. Только избранным ученикам дано «*знать тайны Царства Небесного*» (Мф. 13:11), и им как провозвестникам этих тайн Спаситель мог предложить и объяснение внешних образов притчи. Под сеятелем семени разумеется Сам божественный Проповедник слова Божия, а под семенем слушатели Его. Часть слушателей подобны тому семени, которое упало при дороге и было поклевано птицами и потоптано прохожими. Это люди с бесчувственным и невосприимчивым сердцем, в котором Слово Божие совершенно не находит почвы для своего прозябания и из которого оно или тотчас же похищается духом злобы, или

теряется и гибнет на каменистой дороге житейских забот. Другие из слушателей подобны посевенному на каменистых местах, на которых есть не много почвы, но недостаточно для того, чтобы дать возможность совершенно укорениться ему. Эти люди с живою радостью воспринимают Слово Божие, но оно не укореняется в их сердце и они, под влиянием гонений и житейских невзгод, с такою же легкостью отвергают его, и оно вянет и засыхает в их душе. А *посевенное в терни* означает *того, кто воспринимает слово и дает ему возможность произрастания в своем сердце; но забота века сего и обольщение богатства с течением времени заглушают в них слово Божие, и оно бывает бесплодным* (Мф. 13:22). Наконец *посевенное на добной земле* означает *слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят и иной в тридцать* (Мф. 13:23).

Чтобы еще больше раскрыть для учеников тайны Царствия Небесного, Спаситель предложил им еще несколько притчей, представляющих собою развитие главной мысли. В притче о сеятеле было объяснено самое насаждение семени Царства Божия и различная судьба этого семени в разнообразных сердцах. Затем Спаситель объяснил силу произрастания семени в восприимчивой душе. Царство Божие подобно в этом случае зерну горчичному, которое, будучи одним из самых мелких семян, когда *вырастет, бывает больше всех злаков, и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Мф. 13:32). Или еще оно подобно закваске, которую женщина положила в три меры муки, доколе *не вскисло все* (Мф. 13:33). Подобно тому, как горчичное семя по самой своей внутренней природе вырастает в великое дерево или закваска непременно квасит все тесто, так и Новозаветное Царство, не смотря на его скромное начинание, должно было распространить свои ветви по всему миру и проникнуть его своим внутренним духом. Для утверждения его не потребуется никаких внешних, насильтственных переворотов или ожесточенных войн, как могли воображать многие из слушателей. Нет, Спаситель поучал, что Царство Небесное

восторжествует силою истины, заключающейся в самом его существе, и этою силою – силою веры и любви – оно возродит мир.

Но возрастание его не обойдется без ухищрений исконного врага, который не преминет употребить все козни своего лукавства, чтобы задержать или остановить возрастание этого Царства. В этом случае *«Царство Небесное подобно человеку посеявшему доброе семя на поле своем»* (Мф. 13:24), на котором однако же враг его во время ночи посеял между пшеницею плевелы, с целью заглушить ими доброе семя. Заметив это, слуги предложили своему господину выполоть взошедшие плевелы; но господин сказал им: «нет; выбирая плевелы, вы можете выдергать вместе с ними и пшеницу. Поэтому оставьте рости то и другое до жатвы» (Мф. 13:29–30), когда жнецы уже получат возможность без вреда для пшеницы собрать плевелы, по повелению господина свяжут их в связки и сожгут, а пшеницу уберут в житницу. Значение этой притчи по просьбе учеников также, как и первой, объяснено Самим Спасителем. В основанной Им церкви рядом с пшеницей будут существовать и плевелы, как насаждение исконного врага; но только божественный Судия на последнем суде может произнести Свой нелицеприятный приговор о судьбе тех и других, так как во время настоящего века всем предоставляется полная возможность покаяться и из плевелов перерождаться в добрую пшеницу. «Ибо те, говорит бл. Августин, которые сегодня плевелы, завтра могут сделаться пшеницей». В пояснение же этой истины Спаситель сказал, что *«подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода; когда он наполнился, его вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончин века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных; и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов»* (Мф. 13:47–50).

В этих чудесных по своей увлекательности беседах прошел целый день. Народ все собирался послушать божественного Проповедника, но Спаситель почувствовал крайнее утомление и Им охватило непреодолимое желание уединиться и отдохнуть.

Лучшим средством для этого было удалиться на противоположный, менее населенный берег Перее, и Спаситель велел Своим ученикам плыть туда. Но прежде, чем лодка оттолкнулась от берега, из толпы слушателей трое выразили желание сделаться Его постоянными учениками и последователями. Первым был из них книжник. Самоуверенно думая, что его ученость и общественное положение делают его самым желанным членом Апостольского братства, он смело воскликнул: «Учитель! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел» (Мф. 8:19). Но он ошибся. Христос провидел его себялюбивое сердце, рассчитывавшее играть роль и в Царстве Небесном, как он играл ее в царстве земном, и просто ответил ему, что напрасно он рассчитывает на какие-либо земные выгоды, вступая в число последователей Христа. «Лисицы, сказал Он, имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20), – так что лучше книжнику оставаться в своем прежнем положении, пока не очистится его надменное сердце и он вполне поймет тайну Царства Божия. Второй уже был отчасти учеником Спасителя, но пожелал вполне сделаться Его последователем, с условием только сначала пойти и похоронить своего отца. «Иди за Мной, раздался решительный ответ Христа, и предоставь мертвым погребать своих мертвцев» (Мф. 8:22); то есть предоставь мир и мирские дела их собственной заботе. Кто хочет идти за Христом, тот должен оставить даже отца и мать. Он должен предоставить духовно мертвым заботиться о своих телесно умерших. Подобный же ответ дан был и третьему искателю Его ученичества. Тот также просил об отсрочке, желал не тотчас же присоединиться к Христу во время Его путешествия, а сначала проститься с своими домашними и друзьями. На это последовал ответ, ставший пословицей для всех последующих времен: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия» (Лк. 9:62). «Кого, по прекрасному изречению бл. Августина, зовет восток, тот должен отвратить свои мысли от гаснущего запада». Этую именно возвышенную мыслью ободряли и подкрепляли себя те великие

святители и подвижники Церкви, которые отказывались от всяких семейных привязанностей и ради Христа оставляли все связи мирские.

Наконец, когда миновала и эта задержка, ученики могли поднять парус своей лодки и отправиться в путь. Но даже и теперь Иисус был, так сказать, преследуем Своими последователями, потому что, как сообщает ев. Марк, «*с Ним были и другие лодки*» (Мк. 4:36). Последние однако же, так как о них не упоминается по прибытии на тот берег, по всей вероятности скоро отстали, испугавшись признаков приближавшейся бури. Во всяком случае Спаситель среди преданных учеников мог спокойно отдохнуть в лодке, и только что они отплыли от берега, Он склонил свою усталую голову к кожаному возглавию на корме и заснул крепким сном утомленного трудами человека, – спокойным сном тех, которые находятся в полном мире с Богом и своею совестью. Но даже и этому столь необходимому сну суждено было скоро прерваться от насильственного пробуждения. На озере неожиданно поднялась одна из тех страшных и яростных бурь, которые так обычны в этой глубокой котловине земной поверхности. В воздухе мгновенно закрутились вихри, и озеро бурно заколыхалось. Опасность была страшная, лодку то и дело кидало, захлестывая пнистыми волнами. Христа, лежавшего на открытой палубе у кормы, обдавало брызгами, но Он спокойно спал. Утомление Его было так велико, что даже буря не могла нарушить Его сна; а пока еще никто не осмеливался разбудить Его. Но вот волны уже совсем стали заливать лодку, которая начала наполняться водой и тонуть. Тогда с криками отчаяния и ужаса ученики стали будить Его: «*Господи! Наставник! Наставник! – спаси нас, погибаем!*»! (Мф. 8:25) Так же отчаянны вопли, смешанные с воем бури и ревом расходившихся волн, смутно поразили Его полу пробужденный слух. В таких обстоятельствах, когда приходится неожиданно, без всякого приготовления, глядеть в лицо страшной опасности, вполне познается человек: тут выказывается не только мужество, но и величие, чистота всей его натуры. Ураган, который сломил испытанную отвагу и сделал тщетным все искусство суровых

рыбаков, ни на мгновение не смутил глубокого внутреннего спокойствия Сына Человеческого. Без малейшего смущения, без всякого испуга, Иисус, просто приподнявшись с облитой кормы бессильно борющейся и полуутопающей лодки и не делая больше никакого движения, утишил бурю их душ спокойными словами: «*Что вы так боязливы, маловерные?*» (Мф. 8:26). И затем, поднявшись совсем и став на возвышении кормы во всем спокойствии естественного величия, Он глянул во тьму урагана, рвавшего Его одежды и трепавшего волосы, и среди рева возмущенных стихий раздался Его голос: «*Умолкни, перестань! И ветер утих, и сделалась великая тишина*» (Мк. 4:39). И когда на усмиренной поверхности воды засверкало отражение тихо мерцающих звезд прояснившегося неба, то не только ученики, но и лодочники боязливым шепотом переговаривались между собой: «*Кто же Сей, что и ветер, и море повинуются Ему?*» (Мк. 4:41). И это чудесное событие было как бы дополнением к только что изложенным притчам о царстве небесном. Из него ученики и все верующие должны были понять, что Царство Небесное или церковь Христова подобна кораблю, бросаемому свирепыми волнами жителейского моря. Волны по временам могут захлестывать корабль Церкви и угрожать ему гибелью; но находящиеся в нем не должны бояться этого. С ними Христос, и пока Он с ними, никакие силы ада не одолеют их.

На рассвете дня лодка прибыла в Перею, к берегу страны Гагаринской. Но и там Спаситель не мог найти себе желанного покоя. Едва Он вышел с учениками на берег, как из скалистых могильных пещер выбежали к Нему на встречу два несчастных, одержимых бесовскою силою. В древности не было никаких приютов или госпиталей для подобного рода больных, и таких бесноватых, как непригодных для общественной жизни, просто выгоняли из среды людей или смиряли мерами, столь же недействительными, как и жестокими. При таких обстоятельствах несчастные, в случае неизлечимости, могли находить себе приют только в пещерах по скалистым склонам холмов, которыми изобилует Палестина и которыми иудеи пользовались для погребения мертвых. Понятно, что грязная и

дикая обстановка таких убежищ с неразлучными в них страхами и привидениями могла только усиливать недуг, и особенно с одним из этих злополучных людей, который давно был одержим недугом, уже нельзя было ничего поделать. Пытались связывать его, но в припадках бешенства он обнаруживал сверхъестественную силу, часто замечаемую в таких формах душевного возбуждения, и ему всегда удавалось сбрасывать с себя оковы или разбивать свои цепи. Теперь он был совсем оставлен в безлюдных и диких ущельях, которые день и ночь оглашались его дикими криками, когда он бродил по ним – опасный себе и другим, неистовствуя и ударяясь о камни. Другой бесноватый, по-видимому менее одержимый недугом, показавшись вместе с своим сотоварищем, опять удалился; но первый смело пошел на встречу Иисусу Христу, и почувствовав в Нем явление для себя Спасителя и Избавителя от одержавшей его силы тьмы, пал пред Ним и поклонился. А затем как бы от лица нечистых духов с громким и испуганным воплем умолял Спасителя не мучить его прежде времени. Милосердый Господь, желая избавить несчастного от тяготевшего на нем ига сил тьмы, спросил, как его имя. «Легион» (Мк. 5:9) – отвечала за него бесовская сила, подавившая в нем всякое личное самосознание. Присутствие римских войск познакомило его с этим названием множества, и так как в нем, по его сознанию, было шесть тысяч злых духов (в легионе 6,000 воинов), то он и ответил этим латинским словом, которое было хорошо известно вся кому иудею. Видя конец своего владычества над несчастным, бесы стали просить Христа, чтобы Он, изгоняя их, позволил им войти в пасшееся тут же на горе большое стадо свиней, содержавшихся гадаринцами для продовольствия, стоявшего где ни будь неподалеку римского легиона, а быть может для самих жителей, которые в этой удаленной стране не строго соблюдали закон Моисеев. Чтобы наглядно представить бесноватому совершенное над ним исцеление, Спаситель позволил им. «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло» (Мк. 5:13). Пораженные этим необычайным событием, пастухи «побежали и рассказали

в городе и в деревнях» (Мк. 5:14), и отовсюду сбежался народ посмотреть на необычайного посетителя их забытой всеми страны. Тут они увидели, что с бесноватым, наводившим на всех ужас, совершилась изумительная перемена. Чудесный Посетитель исцелил его, и он был спокоен как дитя. Чья-то сердобольная рука накинула плащ на его нагое и грязное тело, и он сидел у ног Иисуса Христа, будучи в совершенно здравом уме. И при виде этого они «ужаснулись» (Лк. 8:35). Но больше ужаснулись не от такого великого чуда, а от того что при совершении его им нанесена была ужасная потеря. У них погибло целых две тысячи свиней, и так как свиньи были дороже им и человека и всего, что можно было ожидать от божественного Посетителя, то они с постыдным единодушием просили Христа удалиться от них. Христос Сам поучал своих учеников не давать святыни псам и не бросать жемчуга пред свиньями, «чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали их» (Мф. 7:6). Поэтому Он решил тотчас же оставить негостеприимную страну, но чтобы не лишить ее совсем благовестия о наступлении Царства Небесного, Он сделал исцеленного проповедником славы Божией в этой стране. «*Иди домой, сказал ему Спаситель, к своим, и расскажи им, что сотворил Господь и как помиловал тебя*» (Мк. 5:19). И таким образом бесноватый гадаринец сделался первым благовестником Царства Божия в этой стране, известной под названием Десятиградия, и проповедь его подтверждалась тем изумительным чудом, которое совершено было лично над ним.

XIV. Исцеление женщины страдавшей кровотечением и воскрешение дочери Иаира. Отправление двенадцати Апостолов на проповедь. Мученическая кончина Иоанна Предтечи

По возвращении из Пиреи, Спаситель опять начал учить и совершать дела милосердия в городах и селениях Галилеи и опять около Него собралось множество народа. Но вот к Нему подошел в крайнем волнении один начальник синагоги, т. е. главный старшина прихода, пользовавшийся у иудеев большим уважением. Очень возможно, что этот начальник синагоги был в числе членов депутатии, просившей Иисуса от лица сотника-прозелита, которым была построена самая синагога. Если так, то он по опыту знал могущество Того, к Кому теперь обращался. Бросаясь к Его ногам, разбитым от приступов скорби голосом он говорил Ему, что его маленькая дочь, его единственная дочь, теперь умирает, быть может уже умерла, но стоит только Ему пойти и возложить на нее руку Свою, – и она будет жива. С нежностью, которая никогда не была глухою к воплю скорбящих, Иисус Христос тотчас же встал и пошел с ним, сопровождаемый не только Своими учениками, но и большою, окружавшую Его толпой, свидетельницей этой сцены. Когда Он шел, народ с нетерпением теснился к Нему и толпился около Него.

Но среди толпы (где несомненно находились и некоторые из фарисеев и учеников Иоанна, с которыми Он беседовал, равно как и мытари и грешники, неотступно следовавшие за Ним) была одна личность, которую не занимало любопытство посмотреть, что Он сделает для управителя синагоги. Это была женщина, двенадцать лет страдавшая от тяжкой болезни, которая до мучительности сокрушала ее и особенно потому, что в народе такая болезнь считалась прямым последствием греховных привычек. Напрасно она истощала свое состояние, ища облегчения в помощи многих и различных врачей, но все это причиняло только еще более вреда ее здоровью, и теперь она уже, как последнее, отчаянное средство, захотела испытать то, что можно было получить без всяких издержек от

божественного Врача. Быть может потому, что она не имела уже больше ничего предложить в вознаграждение, которое она по своему невежеству считала необходимым; быть может потому, что она по своей женской стыдливости боялась обнаружить болезнь, которой страдала, – но по какой бы то ни было причине – она решилась, так сказать, украсть у Него желаемое исцеление. И вот с отчаянною силою и настойчивостью она пробралась через тесную толпу, так чтобы можно было прикоснуться к Нему; и затем действительно тайно коснулась Его одежды. Мгновенно почувствовав, что она достигла желаемого и исцелилась, она поспешила незаметно укрыться в толпе. Но это было незаметно лишь для других, а не для Христа. Понимая, что из Него вышла целительная сила, Он остановился и спросил: «*кто прикоснулся к Моей одежде?*» (Мк. 5:30) Не понимая в чем дело, ап. Петр ответил, что в такой тесноте трудно сказать, кто именно прикоснулся; но Спаситель этим вопросом желал найти отклик со стороны той, которая, воспользовавшись великим благодеянием бож. Врача, желала укрыться от Него. И вот взор Его остановился как раз на ней, и она, трепеща от страха, вышла из толпы и, бросаясь Ему в ноги, рассказала Ему всю правду. Желая загладить свою вину, она теперь забыла всю свою женскую стыдливость. Она несомненно боялась Его гнева, потому что закон явно гласил, что прикосновение кровоточивой делало человека нечистым до вечера. Но тут прикосновение к Нему очистило ее, а не ее прикосновение осквернило Его. Далекий от всякого негодования, Спаситель сказал ей: «*Дщерь (и в этом ласковом слове уже звучало для нее прощенье), вера твоя спасла тебя; иди в мире, и будь здорова от болезни твоей!*» (Мк. 5:34)

Случай этот должен был причинить некоторую задержку, а для Иаира было дорого каждое мгновение. Но он был не единственным страдальцем, искашим милосердия Спасителя, и так как он не выразил жалобы, то очевидно скорбь не сделала его себялюбивым. Но тут как раз подоспал к нему посланный с кратким извещением: «*дочь твоя умерла*», к которому он, видимо уже с оттенком неудовольствия и иронии, прибавил: «*не утруждай Учителя*» (Лк. 8:49). Извещение было обращено не к

Иисусу, но Он расслышал его и, сострадательно желая избавить несчастного отца от бесполезной муки, сказал ему достопамятные слова: «*не бойся, только веруй!*» (Лк. 8:50). Они скоро пришли в его дом и увидели там смятение наемных плакальщиц и свирельщиков, которые, с торгашеским шумом и гамом, колотя себя в грудь, оскорбляли только безмолвие искренней скорби и немое величие смерти. Эти притворные вопли возмутили душу Христа; остановившись сначала у дверей, чтобы запретить толпе следовать за Собой, Он вошел в дом с тремя только из самых приближенных к Себе Апостолов – Петром, Иаковом и Иоанном. Тут прежде всего Он велел прекратить праздные вопли; но когда Его заявление, что «*девица не умерла, но спит*» (Мк. 5:39), было встречено грубыми насмешками, Он с негодованием выгнал наемных плакальщиц. Когда восстановилась тишина, Он, взяв с Собою родителей девицы и троих избраннейших Апостолов, тихо вошел в комнату, где царствовало страшное безмолвие смерти. Затем, взяv холодную руку умершей, Он произнес два трепетом прозвучавших слова: *талифа куми*, что значит: девица, тебе говорю встань (Мк. 5:41), и душа возвратилась к ней, девица тотчас *встала и начала ходить* (Мк. 5:42). Страшным изумлением поражены были родители, но Христос спокойно сказал им, чтобы дали ей есть (Мк. 5:43). Если Он по обыкновению прибавил, чтобы они ничего не говорили о случившемся, то это очевидно не с целью оставить в неизвестности самое событие, – что было бы совершенно невозможно при стольких свидетелях всего хода дела, – а потому, что те, кто получили от руки Божией безмерные милости, скорее вспоминают о них с благоговейным благодарением, когда содержат их как тайное сокровище в глубине своего сердца.

Как ни велики и ни поразительны были события этих суток, но они означенованы были еще одним изумительным делом всемогущества. Когда Иисус выходил из дома Иаира, за Ним следовали двое слепых с воплями, дотоле еще не слыханными: «*Помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!*» (Мф. 9:27). Спаситель хотел испытать их веру, и, не обращая внимания на слепцов и

их вопли, направился к тому дому в Капернауме, в котором обыкновенно жил, и только когда слепцы неотступно последовали за Ним в дом, Он обратился к ним с испытующим вопросом: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» Они говорят Ему: «ей, Господи!» Тогда Он коснулся глаз их, и сказал: «по вере вашей да будет вам». И открылись глаза их (Мф. 9:28–30). Спаситель, как и во многих других случаях, повелел им не разглашать о случившемся, а в глубине сердца своего питать благодарность к Господу; но радость их просилась наружу, и они не исполнили этого повеления.

Исходив теперь большую часть Палестины, Спаситель убедился, что избранный народ в духовном отношении, не имея надлежащих учителей и пастырей, которые бы способны были просвещать его ум и готовить к принятию приблизившегося Царства Небесного, «был изнурен и рассеян, как овцы, не имеющие пастыря». Указывая на это обстоятельство, Он сказал ученикам, как много имеется жатвы, а делателей мало. Вследствие этого Он повелел молить Господина жатвы, чтобы Он подготовил из них достойных делателей на ней, и затем отправил их по двое по всем направлениям страны, чтобы они учили народ, подтверждали Его учение и совершали добрые дела во имя Еgo.

Пред отправлением их Спаситель дал им наставление, как поступать и действовать во время этого проповеднического странствования. Теперь они должны были ограничить свою деятельность погибшими овцами дома Израилева и не простираять ее на самарян и язычников. Предметом их проповеди должна служить близость Царства Небесного, и они должны подкреплять ее делами чудотворения и благотворения. Они не должны ничего брать с собою, ни сумы для пищи, ни денег в поясах своих, ни перемены одежд, ни дорожной обуви вместо обычных сандалий из пальмовой коры; и даже не должны запасаться посохом дорожным, если еще не имели его. Миссия их, подобно всем величайшим и самым плодотворным миссиям, какие только известны миру, должна была отличаться полнейшою простотою и содержаться своими собственными средствами. Открытое гостеприимство востока, так часто

служившее средством распространения новых учений, должно было служить для них достаточным содержанием. При входе в город они должны идти в тот дом, в котором можно было надеяться на радушный прием, и приветствовать его древнейшим и высокоценимым благожеланием – «мир дому сему» (Мф. 10:12, Лк. 10:5). Если дом будет достоин того, то благожелание возымеет силу; если же нет, то оно возвратится к ним. Если же отвергнут их, то они должны отрясти прах от ног своих, во свидетельство того, что они говорили истину и символически очищали себя от всякой ответственности за тот судный приговор, который должен был с more суровее пасть на преднамеренных и закоснелых ненавистников света, чем на самые темные местности языческого мира, в котором никогда не воссиявал свет или сиял только слабо. Изложив своим ученикам долг твердости в вере, кроткой обходительности, самоотверженной простоты, как первых условий успеха миссионерской деятельности, Христос затем стал укреплять их против неизбежных испытаний и гонений в деле их служения. Им нужно было и приходилось поступать не только с кротостью голубя, но с мудростью змея, потому что Он посыпал их как овец среди волков. Он предупреждал их, что им много придется перенести во время этой, и особенно будущей их апостольской деятельности, так как их будут отдавать в судилища и бичевать в синагогах, приводить на суд правителей и царей; но, не смотря на это, они не должны заботиться, как или что сказать, потому что в тот час им дано будет свыше, что говорить. Учение мира будет превращено злыми страстями людей в воинственный клич ярости и ненависти, и им придется бегать от лица своих преследующих врагов из города в город. Но пусть они претерпят до конца, потому что не успеют они обойти городов израилевых, как придет Сын человеческий. Наконец Он ободрял их напоминанием о том, что Он Сам претерпевал и с каким противодействием встречался. Пусть они не боятся. Бог, который печется даже о малых птичках при падении их на землю, которым сочтены даже самые волосы их, Бог, который содержит в руке Своей судьбы не просто жизни и смерти, но вечной жизни и вечной смерти, и Которого поэтому должно

бояться больше, чем волков земли, – пребывает с ними; Он признает тех, Кого признал Сын Его, и отвергнет тех, кого Он отверг. Они посылались в мир борьбы и вражды, которая возгорится еще с большим ожесточением из-за мира, отвергнутого им. Даже самые близкие и дороге им станут против них на сторону мира. Но те, кто хотят быть Его истинными последователями, должны ради Еgo отказаться от всего, должны взять крест свой и идти за Ним. Но затем в утешение им Он говорил, что они должны быть как Он был в мире; что те, кто примут их, примут и Его; что потерять свою жизнь ради Него значить более, чем найти ее; что чаша холодной воды, данная юнейшему и малейшему из малых Его, не останется без должного вознаграждения в Царстве Небесном.

Отпустив учеников, Спаситель Сам продолжал Свою обычную проповедь, обходя города и селения и совершая добрые дела на благо страждущему человечеству. Но в это именно время совершилось событие, которое было предвестием страшного восстания сил злобы на борьбу с проповедниками Царства Небесного, – именно гнусно умерщвлен был великий Предтеча, величайший из всех рожденных женами, славнейший пророк – Иоанн Креститель. За свою безбоязненную проповедь и обличение он давно уже томился в мрачной темнице; но и там он не переставал греметь своим обличительным словом, направляя его особенно против Ирода Антипы, под власть которого после смерти Ирода Великого отошла Галилея. Это был ничтожный, но до омерзительности порочный и развратный князек, который, к соблазну всего народа, открыто жил в прелюбодейной связи с такою же распутной, как и он сам, женой своего брата Филиппа. Не смотря на всю возмутительность подобного брака, никто не осмеливался возвысить против него слова обличения; все смолкло и подобострастно пресмыкалось перед преступной царственной четой. Не смолкал только голос Иоанна Предтечи, который, подобно своему великому ветхозаветному прообразу – Илие, не переставал громить новых Ахава и Иезавель своим сильным пророческим словом обличения. «Не должно тебе, прямо и бесстрашно говорил пророк Антипе, иметь жену брата

твоего» (Мк. 6:18). Сам Ирод Антипа чувствовал в своем сердце заслуженное угрызение совести и втайне почитал пророка; но закоснелая в преступлении и пороке Иродиада пришла в ярость и искала способа погубить обличителя. Не смея просить об этом открыто, она прибегла к хитрости и при первом удобном случае осуществила свой кровожадный замысел. Случай скоро представился. Иродианские царьки, подражая пышному примеру своих великих первообразов, римских императоров, любили задавать великолепные пиры и спровоцировать блестящие годовщины. Между прочим, они усвоили языческий обычай праздновать день рождения, и Антипа по случаю дня своего рождения давал, в одном из своих великолепных замков, пир своим вельможам, военачальникам и всей знати галилейской. Богатство Иродов, роскошная архитектура их многочисленных дворцов, их склонность к необычайному блеску – все это делает вероятным, что пир был на славу, со всею роскошью богатства и царскою пышностью, и вообще очевидно был одним из тех пиров, которые были подражанием развращенным обычаям времен Римской империи и соединяли в себе римскую прожорливость с греческою распущенностью. Но Иродиада коварно доставила царю еще одно неожиданное и упоительное удовольствие, зрелище которого наверно могло привести гостей его в восхищение. В то время были в большой моде танцоры и танцовщицы. Страсть к этим, часто неприличным и возмутительным представлениям, естественно проникла в саддукейский и полуязыческий двор эдомитских узурпаторов, и Ирод Великий устроил в своем дворце даже особый балетный театр. Роскошный пир того времени не считался полным, если он не заканчивался какой-нибудь величественной пляской. На этот раз подобную заключительную пляску исполнила его падчерица Саломия, дочь Иродиады. Будучи в полном расцвете своей юной и блестательной красоты, она этой неожиданной пляской привела полуопьянелых гостей в неописанный восторг, и сам Ирод, восхищенный ею, предложил ей в награду за доставленное удовольствие просить от него, чего только она хочет, хотя бы полцарства его. Девица с радостью побежала к матери

попросить ее совета, и кровожадная Иродиада злорадно прошипела: «головы Иоанна Крестителя» (Мк. 6:24). Уже очевидно раньше настроенная своею матерью против пророка, Саломия с сатанинским хладнокровием обратилась к Ироду с этою кровожадною просьбою. Антипа был поражен такою неожиданностью и опечалился, потому что он высоко чтил пророка; но ложный стыд перед гостями, слышавшими его неразумное обещание, пересилил его совесть, и он послал палача в замок Махер, где томился Иоанн Креститель, с наказом принести его голову. Так величайший из рожденных женами пал жертвой кровожадной злобы женщины за свою проповедь. Голова пророка была принесена и сделалась предметом издевательства Иродиады, а тело его было погребено его учениками.

Для злополучного Ирода Антипы это страшное событие сделалось источником постоянных опасений и угрызений совести. Услышав о проповеди Иисуса Христа, он даже подумал, не воскрес ли это обезглавленный им Иоанн Креститель, чтобы страшно отомстить ему. Поэтому он желал повидать Христа, чтобы убедиться в неправильности своих опасений, но этого удалось ему достигнуть лишь гораздо позднее, так как теперь Спаситель избег встречи с ним, как бы желая заставить его вполне испытать угрызения своей возмущенной страшным злодейством совести.

XV. Возвращение учеников с проповеди. Чудесное насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами.

Хождение Христа по водам и беседа Его в Капернаумской синагоге о таинстве причащения

Апостолы между тем обошли назначенные им города и селения, повсюду проповедуя Евангелие и подтверждая свою проповедь исцелениями, изгнанием басов и другими необычайными делами. Проповедь их сопровождалась значительным успехом, и теперь они, возвратившись к своему Учителю, с радостью рассказывали Ему об этом. Но Спаситель был удручен великою скорбью об участи Иоанна Крестителя, и потому Он поспешил удалиться в пустынное место, подальше от бойкого и кипевшего жизнью Капернаума, чтобы там наедине отдохнуть душой и побеседовать с своими учениками.

Сев в лодку, Он велел своим ученикам плыть по направлению к Вифсаиде, – не той, из которой был Петр и другие апостолы и которая, находясь по близости к Капернауму, не представляла «пустынного места», а в другой Вифсаиде, находившейся у северо-восточного угла озера, немного подальше того места, где впадает в него Иордан. Подобно своей западной соименнице, она сначала была маленьким селением, но незадолго перед тем Филипп, четвертовластника Итуреи, расширил и украсил ее, назвав ее для отличия Вифсаидой Юлииной. Прибавочное название было дано ей в честь Юлии, прекрасной, но порочной дочери императора Августа. Туда-то направилась лодка с Христом и апостолами, утомленные и отягченные сердца которых искали покоя. Но как ни тих был их отъезд, он не прошел незамеченным, и скоро узнали о нем. Уединенный и пустынный берег, к которому направились они, находился только в десяти верстах по озеру от Капернаума. Лодка, задержанная очевидно неблагоприятным ветром, медленно подвигалась вперед неподалеку от берега, и когда она достигла своего назначения, то оказалось, что цель, с которой собственно они и направились сюда, была совершенно не достигнута. Некоторые из народа опередили их и толпились

уже у пристани, когда лодка коснулась кремнистого берега, а в отдалении виднелась даже толпа пасхальных паломников, направлявшихся в Иерусалим, так как недалеко был уже праздник Пасхи. Привлекаемые возрастающею славой великого пророка, они свернули с прямого пути и присоединились к другим слушателям. Христос тронут был состраданием к ним, потому что они были как овцы, не имеющие пастиря (Мк. 6:34). Выйдя на берег, Он и Его ученики взобрались на склон горы и там поджидали, когда соберется весь народ. Затем, сойдя к народу, Он учил его, проповедовал о Царствии Небесном и исцелял больных.

День склонялся к вечеру, и солнце уже начало укрываться за западными холмами, а народ все еще оставался здесь, как бы прикованный исцеляющим голосом и святым учением Христа. Скоро должен был наступить вечер, и после коротких восточных сумерек странствующая толпа народа, в своей восторженности пренебрегшая даже существенными потребностями жизни, оказалась бы во мраке, голодная и вдали от всякого человеческого обитания. Ученики начали беспокоиться, чтобы день этот не закончился каким-нибудь несчастным происшествием, которое дало бы новый повод к нападкам со стороны уже ожесточенных врагов их Учителя. Но Христос состраданием Своим уже предупредил их опасения и Сам сообщил о затруднении Филиппу. Произошло небольшое совещание. Для покупки даже по куску хлеба для такой массы народа потребовалось бы по крайней мере двести динариев; но даже если бы у них и была такая сумма в их общей казне, то все-таки теперь уже не было ни времени, ни возможности сделать необходимые закупки. Андрей упомянул при этом, что у одного мальчика тут было пять ячменных хлебов и две рыбки, но очевидно такого запаса так мало, что не стоило и говорить о нем. «*Велите им возлечь*» (Ин. 6:10), спокойно ответил Христос.

Удивляясь и ожидая чего-нибудь необычайного, Апостолы велели народу расположиться как бы для ужина на богатой зелени, которая в это приятное весеннее время покрывала склоны холмов. И Спаситель, став посреди Своих гостей, радуясь делу милосердия, совершившее которое имелось в виду,

подняв Свои очи к небу, возблагодарил, благословил хлебы, разломил их на части и передал ученикам Своим, чтобы они раздали народу; на всех Он разделил также и две рыбы. Это был скромный, но достаточный, а для голодных странников даже восхитительный ужин. И когда все насытились, то Христос с целью не только показать Своим ученикам, что в действительности совершилось, но и дать им также наглядное наставление, что расточительность даже чудесной силы совершенно чужда божественному домостроительству, повелел им собрать оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. Благодаря правильному расположению народа, видно было, что тут насыщено было около пяти тысяч человек, не считая женщин и детей, и однако же после всего этого было наполнено двенадцать корзин тем, что осталось от них несъеденным.

Чудо это произвело глубокое впечатление. Оно как раз соответствовало ходячему ожиданию Мессии, и народ начал толковать между собой, что это несомненно «*Тот Пророк, Которому должно прийти в мир*» (Ин. 6:14), – «*Примиритель*» (Быт. 49:10) благословения Иакова, звезда и скипетр видения Валаамова, пророк подобный Моисею, которому должно повиноваться, может быть Илия, обетованный предсмертным завещанием древнего пророчества, может быть Иеремия, который пришел открыть потаенное место нахождения ковчега, Уrima и священного огня. Христос заметил эту нескрываемую возбужденность, а также опасность, что народный восторг мог перейти в насилие и ускорить Его смерть открытым восстанием против римского правительства в попытке сделать Его царем. Он видел также, что и Его ученики не чужды были этого мирского и опасного возбуждения. Необходимо было поэтому действовать решительно. Пользуясь Своей властью, Он заставил учеников сесть в лодку и раньше Его отправиться за озеро по направлению к Капернауму или западной Вифсаиде. Необходимо было даже некоторое понуждение, потому что им естественно не хотелось оставить Его среди восторженного народа на этом пустынном берегу и напротив хотелось бы присутствовать здесь, потому что, как им казалось, с Ним готовилось совершиться что-то великое. С другой стороны, для

Него было легче отпустить народ, когда последний видел, что даже ближайшие Его друзья и ученики были отосланы Им. Таким образом при сгущающемся сумраке Ему удалось кротко и постепенно убедить народ оставить Его, и когда все, кроме самых восторженных, разошлись по своим домам или караванам, Он вдруг покинул и остальных и быстро ушел от них на вершину горы, чтобы там наедине помолиться. Он чувствовал, что наступал страшный и торжественный перелом в Его жизни на земле и общением с Своим небесным Отцом хотел укрепить Свою душу для трудного дела завтрашнего дня и тяжких невзгод многих последующих недель. И раньше Он провел в горном безмолвии ночь в уединенной молитве, но то было перед избранием возлюбленных Апостолов и пред добрыми предзнаменованиями Своего начального и счастливого служения. Совершенно иными были чувства, с которыми Великий Первосвященник взбирался по скалистым уступам на этот величественный горный алтарь, который в храме ночи как бы ближе возносил Его к звездам Божиим. Убиение Его возлюбленного предтечи больше приблизило к Его сознанию мысль и о предстоящей Ему Самому кончине. Буря, начинавшая завывать по горам, ветер, с воем рвавшийся по ущельям, озеро, бушевавшее перед ним вспененными водами, лодка, которую, как могло быть видно Ему при лунном свете, пробивавшемся кое-где через тучи, подбрасывало свирепыми волнами, – все это поразительно соответствовало Его теперешнему настроению. Но тут, на пустынной вершине горы, в эту бурную ночь, Он мог получить подкрепление, мир и блаженство неизреченное, потому что там Он был наедине с Богом.

Проходил час за часом. Наступала уже четвертая стража ночи; лодка учеников прошла еще только половину своего пути; было темно; противный ветер и бушующие волны затрудняли им путь; они до изнеможения работали на веслах, а между тем теперь с ними не было Того, Кто мог бы успокоить их и спасти, потому что Христос остался на берегу. Он был один на суще, а они колыхались на опасной стихии; но Он все время видел и жалел их. И вот наконец, находясь в последней крайности, они

увидали какой-то блеск во тьме: какая-то страшная фигура с разевающимися одеждами подвигалась к ним, ступая по гребням валов, но как будто намереваясь пройти мимо их. При виде этого они в ужасе вскрикнули, думая, что это призрак, блуждающий по волнам. Но посреди бури и мрака им прозвучал божественный голос, который сказал: «это Я – не бойтесь!» (Мк. 6:50). Голос этот успокоил их страхи, и они тотчас же хотели принять Его в лодку; но порывистый в своей любви Петр, – тот самый, который в горьком сознании своего недостоинства некогда кричал «отойди от меня» (Лк. 5:8), – теперь не может даже ждать Его приближения, и восторженно восклицает: «Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». «*Иди!*» (Мф. 14:28,29) был ответ. И Петр бросился с лодки в кипящие волны. Когда взгляд его был устремлен на Господа, ветер тщетно рвал его волосы и волны обрызгивали его одежду, – для него все было ни почем; но когда, при заколебавшейся вере, он глянул на яростные волны и мрачную бездну под ним, то начал тонуть, и голосом отчаяния (уже совсем не похожим на его прежний уверенный тон) боязливо вскрикнул: «Господи, спаси меня!» (Мф. 14:30). И Христос не оставил его без помощи. Он тотчас же протянул ему руку и поддержал своего тонущего ученика, с кротким упреком: «Маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14:31) И затем смущенный Апостол вместе с своим Господом вошел в лодку; ветер быстро затих, и они скоро приблизились к залитому лунным светом берегу и прибыли в пристань, где им следовало быть; и все – как ученики, так и лодочники – переполнялись все большим и большим удивлением, и некоторые из них, обращаясь к Нему с титулом, который раньше прилагал к Нему только Нафанаил, восклицали: «*Истинно Ты Сын Божий!*» (Мф. 14:33).

Когда уже Спаситель начал Свою обычную деятельность на Галилейском берегу озера, многие из народа продолжали поджидать Его около Вифсаиды Юлииной, думая, что Он где-нибудь пребывает там на горе в уединении. Услышав же, что Он уже давно около Капернаума и зная, что ученики отправились одни в лодке, народ крайне дивился этому, и по прибытии к Капернауму многие обращались к Нему с недоуменным

вопросом: «*Равви, когда Ты сюда пришел?*» (Ин. 6:25). Спаситель не ответил на этот вопрос праздного любопытства и указал даже спрашивавшим на низменные побуждения, которые привлекали их к Нему. Он упрекнул их за то, что они следовали за Ним не из каких-либо возвышенных или духовных побуждений, «не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились» (Ин. 6:26). И затем Он обратился к ним с назиданием: «старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий; ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог» (Ин. 6:27). Сначала они как будто были тронуты и устыдились. Он верно прочитал помыслы их сердец, и они спросили Его: «что нам делать, чтобы творить дела Божии?» – «Вот, дело Божие, чтобы веровали в Того, Кого Он послал». – «Какое же Ты даешь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть» (Ин.6:28–31, Пс. 77:24). Вывод был очевиден. Моисей давал им манну с неба. Иисус же доселе – намекали они – дал им только ячменных хлебов с земли. Если же Он истинный Мессия, то не должен ли Он, согласно со всеми сказаниями этого народа, наделить их богатством и славой, и вообще всеми благами земными, каких только народное воображение ожидало от грубо понимаемого Мессии. Но Спаситель не преминул исправить ложное мнение и возвести их ум на более высокую степень разумения. Он ответил им, что манну давал им не Моисей, а Бог, и она была лишь прообразом того хлеба небесного, который теперь даст им Отец Сына Человеческого. Умы их еще пленялись материальными благами, и они стали просить этого хлеба небесного с таким же рвением, с каким самарянка просила воды, утоляющей всякую жажду. «*Господи! подавай нам всегда такой хлеб!*» (Ин.6:34) Иисус же сказал им: «Я есть хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6:35); и затем Он стал объяснять им, что Он пришел творить волю Отца, воля же Его есть та, чтобы всякий верующий в Его Сына имел жизнь вечную. Тогда опять послышался гневный ропот, на этот раз уже не от невежественного народа, но от старых Его

противников, вождей иудейских: «Как говорит Он: Я сшел с небес? Как может Он говорить: Я есмь хлеб, сшедший с небес? Не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем?» (Ин. 6:41–42). Но Спаситель отвечал ропущим, как и всегда, более сильным, более полным и ясным провозглашением той именно истины, которую они отвергали. Так Он поступил с Никодимом, так же поучал женщину самарянку и так же отвечал старейшинам храма, привлекшим Его к ответу за нарушение субботы. Но робкий раввин и заблуждающаяся женщина были достаточно верующими и искренними, чтобы глубже проникать в Его слова и смиренно добиваться их значения, и таким образом подойти к истине. Иное дело эти слушатели. Промысл удостоил их назидания из уст Самого Сына Божия, открывавшего им великую тайну искупления, а они отвергали это великое благодеяние. Тогда Спаситель с неотразимою прямотою и ясностью открыл им, что Он есть тот источник жизни вечной, который послан с неба. «Я хлеб живый, сошедший с неба; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдаю за жизнь мира» (Ин. 6:51). Этими словами с одной стороны указывалось на предстоящее великое дело искупления греховного человечества принесением плоти Сына Человеческого за жизнь мира, и с другой – предусматривалось таинство причащения, долженствовавшее служить средством приобщения последующих поколений верующих к искупительному подвигу Христа. Но для иудеев, всецело подавленных суеверными помыслами о земном величии Мессии, эти великие тайны Царства Божия остались недоступными; они только недоумевали от подобных изречений и с негодованием говорили: «как Он может дать нам есть Плоть Свою?» (Ин. 6:52). А Христос подтвердил эту истину еще более выразительными словами: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого, и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последней день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть

и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6:53–56).

По своей необычайности и глубине это великое откровение о новозаветном способе приобщения человечества Божеству показалось странным не одним только иудеям, как ослепленным предубеждениями и неверием, но и некоторым из ближайших последователей Христа. «*Многие из учеников Еgo, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?*» (Ин. 6:60). Напрасны были новые свидетельства Христа с целью рассеять зарождавшееся в них семя сомнения и неверия. Они не убедились, и «*с этого времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним*» (Ин. 6:66). Это было печальное предзнаменование для дела Спасителя мира. С скорбным чувством Он обратился и к Своим двенадцати Апостолам с испытующим вопросом: «*не хотите ли и вы отойти?*» (Ин. 6:67). Но вера Апостолов пустила уже глубокие корни, и на этот вопрос Симон Петр от лица всего сонма Апостольского отвечал Ему: «*Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и узнали, что Ты Христос, Сын Бога Живаго!*» (Ин. 6:68,69). Это было славное исповедание, но оно при настоящих печальных обстоятельствах не вызвало особенной радости и подало лишь повод Спасителю открыть своим возлюбленным ученикам страшную тайну, что не все они исповедуют Его так. «*Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол*» (Ин. 6:70). Это было первое предостережение тому злополучному члену апостольского общества, который уже носил в своей душе искру адского замысла и «*хотел предать Его*»... (Ин.6:71)

Отдел пятый. Дела и учение Иисуса Христа от третьей Пасхи до торжественного входа Его в Иерусалим

XVI. Беседа Иисуса Христа о значении отеческих преданий. Исцеление бесноватой дочери хананеянки. Чудеса в заиорданской области

Среди слушателей Иисуса Христа в последнее время все чаще стали встречаться «иудеи», под которыми разумеются не простой народ, а книжники и фарисеи. Многие из них, слыша о проповеди и чудесах Спасителя в галилейских городах, нарочито прибыли сюда из Иерусалима, чтобы следить за Ним и готовлять почву для формального обвинения Его перед верховным судилищем в подрыве религии и закона Моисеева. Последняя беседа Спасителя о причащении видимо привела их в ярость и они дали знать в Иерусалим, чтобы там к празднику Пасхи сделаны были все приготовления для погубленная ненавистного им Пророка. Но Христос, прозрев в этом темный замысл сил злобы, на этот раз не пошел в Иерусалим и провел Пасху в Галилее, продолжая свое служение ко спасению человечества.

Потерпев полную неудачу в этом коварном замысле, иудеи опять после праздника появились в Галилее начали следить за Спасителем и изыскивать случаи с целью обвинить Его в закононарушении. Случай им скоро представился, но он послужил лишь к их собственному изобличению. Иудейские законники не ограничивались простым исполнением закона Моисеева, а с течением времени присоединили к нему множество самовольных дополнений и прибавлений, которым иногда стали придавать даже больше значения, чем самому закону Божию. Эти прибавления с особенною ревностью соблюдались книжниками и фарисеями, которые смотрели на них как на «ограду» закона, не смотря на то, что они часто стояли в прямом противоречии с последним и служили прикрытием низкого лицемерия. Фарисеи заметили, что ученики Иисуса Христа однажды не умыли рук перед едой. Это на их взгляд было великое преступление, – такое же, по учению раввинов, как поесть свинины. «Кто не умывает рук при еде, тот подлежит извержению из общества, ибо в рукомытии

заключается тайна десяти заповедей», « тот достоин смерти», «подобен убийце» и так далее, как истолковывали строгие законники. Спаситель воспользовался этим случаем, чтобы преподать жалким буквоядам урок, что они должны смотреть на дух закона, а не на его букву, иначе окажутся в противоречии с там самым законом, который они думают охранять. Отвечая на укор, Он в свою очередь спросил их: «*зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; а вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего и мать свою»* (Мф. 15:3,5,6). Т. е. когда родители требовали от детей должного почтения и особенно вспомоществования, то по фарисейскому преданию достаточно было хоть словесно объявить принесеною в храм ту часть имущества, которая должна была пойти на содержание родителей, чтобы считать себя свободным от обязанностей содержать их или оказывать им вспомоществование, так как посвященное храму или Богу, по закону, уже не могло быть обращено на другие нужды. Это низкое лицемерие и нашло обличителя во Христе. «*Таким образом, заметил Он им, вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры!*» (Мф. 15:6–7) И затем Спаситель поучал как народ, так и своих учеников, что в Царстве Небесном чистота сердца важнее чистоты рук. «*Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления*» (Мф. 15:19). Вот это все действительно «оскверняет человека; а есть неумытыми руками не оскверняет человека» (Ин. 15:20), и самое правило это вызвано лишь обыденным требованием опрятности, а отнюдь не имеет безусловного нравственного характера, как толковали фарисеи, эти «*слепые вожди слепых*» (Ин. 15:14).

Чтобы избегнуть дальнейших изветов фарисейского коварства и в уединении успокоить свой утомленный дух, Спаситель порешил на время совершенно оставить Палестину и отправиться в пределы соседней страны Финикии. «*И вышедши оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские*» (Мф. 15:21). Финикия в это время доживала свою последнюю

историческую славу и по берегам ее уже больше было развалин, чем цветущих городов. Это было седалище идолопоклоннического нечестия, отчество Ваала и Астарты, так часто повергавших Израиля в бездну преступного соблазна, страна языческого мрака. Но и здесь хоть одним лучом должен был воссиять «свет к просвещению язычников» (Лк. 2:32). И он воссиял во временном появлении там Источника света. Слава о чудесах Спасителя уже раньше Его проникла в пределы Финикии и там нашла отклик во многих верующих сердцах. Там также было не мало утружддающихся и обремененных, которые жаждали найти в Нем покой душам своим. Лишь только Спаситель вступил в пределы этой страны, как одна женщина, видимо уже давно жаждавшая повидать Его, обратилась к Нему с слезною мольбою: «*помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется!*» (Мф. 15:22). Но Спаситель не сразу ответил на ее мольбу, а провидя глубину и силу веры этой хананеянки, хотел испытанием ярче обнаружить ее перед Своими учениками. Сначала Он даже совсем не отвечал на ее просьбу. Но хананеянка не отставала. Утомленные ее неотвязчивою просьбою, ученики наконец стали просить Его отпустить ее. «*Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*» (Мф. 15:24), отвечал им Учитель, и обратившись к плачущей женщине, холодно прибавил: «*не хорошо взять хлеб у детей и бросать псам*» (Ин. 15:26). Такой ответ мог бы холодом охватить ее душу; и если бы Спаситель не предвидел, что ее душа полна той редкой надежды, которая может видеть милосердие и принятие просьбы даже в видимом отвержении ее, то Он не ответил бы ей так. Но и все снега ее родных Ливанских гор не могли бы затушить того огня веры, который пылал в ее сердце, и она не колеблясь дала славный и бессмертный ответ: «*Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их!*» (Мф. 15:27). И вера ее восторжествовала. Ни на минуту больше. Спаситель не продлил мук ее ожидания. «*О, женщина!, воскликнул Он, велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему*» (Мф. 15:28). И тотчас же чудесное слово возымело свое действие. «*И пришедши в свой дом, она нашла,*

что бес вышел, и дочь лежит на постеле (совершенно здоровая)» (Мк. 7:30).

Долго ли Спаситель пробыл в этих странах, и в каких местах останавливался, неизвестно. Удаление Его оттуда было ускорено тою гласностью, которою сопровождалось это чудо и которая лишала его желанного покоя. Поэтому Он предпочел поискать уединения опять за озером Галилейским. На пути туда Он совершил два великих чуда, именно исцелил глухого коснозычного, у которого по слову Спасителя: «еффафа, т. е. отверзись» (Мк. 7:34) (сопровождавшемуся некоторыми внешними действиями, как вложением перстов в уши, плюновением и прикосновением к языку больного), «тотчас отверзся слух, разрешились узы языка и стал он говорить чисто» (Мк. 7:35). «И чрезвычайно дивились все, и говорили: все хорошо делает, – и глухих делает слышащими, и немых – говорящими» (Мк. 7:37). Чудо это собрало к Спасителю опять множество народа, жаждавшего послушать Его слова и воспользоваться Его чудесами, и на берегу озера Галилейского Христос еще раз повторил чудо насыщения народа, именно, насытив семью хлебами и пятью малыми рыбами четыре тысячи человек, кроме женщин и детей. После этого уже Спаситель вступил в страну Десятиградия. Это была заиорданская область, представлявшая союз из десяти вольных городов, с сбродным полуязыческим населением. Спаситель уже раньше бывал в пределах этой области и тут между прочим исцелил бесноватого гадаринца, сделавшегося ревностным проповедником Царства Божия в этой темной полуязыческой стране. Проповедь его видимо была небезуспешно. Полуязычники, некогда просившие Христа удалиться из их пределов, теперь встретили Его с радостью и спешили воспользоваться Его чудесами. И Спаситель ознаменовал Свое пребывание здесь великими делами милосердия. Так около Вифсаиды Юлииной Он исцелил приведенного в Нему слепого. Исцеление это совершилось не сразу, а постепенно. «Взяв слепого за руку, Иисус вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей как деревья.

Потом опять возложил руки на глаза ему, и велел ему взглянуть. И он исцелел, и стал видеть все ясно» (Мк. 8:23–25). Об исцелении этом Спаситель запретил рассказывать в селении, и это дало Ему возможность найти наконец желанный отдых, чтобы наедине побеседовать с Своими учениками.

XVII. Исповедание ап. Петра и предсказание Господа Иисуса об ожидающих Его страданиях и смерти в Иерусалиме. Преображение Господне

Теперь уже Христос исходил всю землю обетованную и везде провозгласил наступление Царства Божия, подтверждая Свое благовестие множеством чудес. Слава о Нем и Его чудесах разносилась по всей стране, и Ему трудно было даже найти время и место для необходимого отдохновения. Найдя его наконец в полуязыческой стране за Иорданом, Спаситель посвятил время этого отдыха беседе с Своими учениками. Он знал, что в народе ходили неясные и сбивчивые толки о Нем; но Апостолы, как будущие продолжатели Его дела, должны были вполне знать, кто Он и какова цель Его служения на земле, чтобы им не прийти в смущение вследствие тех страшных событий, которые уже быстро приближались теперь.

В уединенной беседе подготовив учеников к страшным откровениям, Спаситель тихо двинулся с ними на север страны, по направлению к Кесарии Филипповой, и на пути туда обратился к ученикам с испытующим вопросом: «*за кого почитают Меня люди?*» (Мк. 8:27). Ответ был грустный. Избранный народ, целые тысячелетия живший великою надеждою на Мессию, теперь не понимал, что давно желанный Мессия пришел к нему, и продолжал ждать Его, принимая пришедшего лишь за одного из предшественников действительного Мессии. «*Одни принимали Христа за Иоанна Крестителя, другие же за Илию, а иные за одного из пророков*» (Мк. 8:28). Очевидно народ, ослепленный лжеучением фарисейским, не способен был понять времени своего посещения свыше. Тогда вся надежда оставалась на учениках. «*А вы за кого принимаете Меня?*» (Мк. 8:29) обратился к ним Спаситель с глубокознаменательным вопросом, – с таким вопросом, от решения которого зависло все направление дальнейшей деятельности Христа. Но Дух Божий уже посеял в их простых душах смена знания истины, и ап. Петр от лица двенадцати торжественно ответил своему божественному

Учителю: «*Ты Христос, Сын Бога Живаго!*» (Мф. 16:16). Это исповедание, сделанное теперь с полнейшею торжественностью на прямо поставленный вопрос, показало, что не напрасно было земное служение Спасителя и что наконец хоть избраннейшим Его ученикам открыта была великая тайна, сокровенная от веков и родов. Если не весь избранный народ, то хоть по крайней мере Апостолы не только познали в Иисусе Назарянине обетованного Мессию своего народа, но по особенной благодати Божией им было открыто, что Мессия этот был не только тем, чем ожидали Его иудеи, не только Царем, Правителем и Сыном Давидовым, но больше того: был Сыном Бога Живаго. И Спаситель с величайшею торжественностью подтвердил это великое исповедание. «*Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты Петр (Пётрос), и на семь камне (пётра) Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах*

С этого времени Спаситель мог уже считать одну часть своего великого дела на земле исполненною. Апостолы Его теперь уже убедились в тайне Его бытия и торжественно исповедали веру свою в Него как Мессию; этим исповеданием было уже заложено основание, на котором с Ним как краеугольным камнем должно было впоследствии воздвигаться все великое здание Церкви Христовой. Но Он пока еще запрещал им разглашать эту истину, так как и сами Апостолы нуждались еще в дальнейшем духовном просвещении, чтобы быть в состоянии примирить познанную ими истину о личности Своего Божественного Учителя с ожидавшею Его участью на земле. Им нужно было еще разъяснить, что хотя Он и Мессия, хотя Он и Царь, но Царство Его не от мира сего; необходимо было, чтобы все праздные земные надежды на величие и преимущество в Царстве Мессии исчезли в них навсегда и чтобы они поняли, что Царство Божие состоит не в ястии и питии, а в праведности, мире и в радостях веры. Поэтому Он начал постепенно и спокойно открывать им о предстоящем путешествии своем в Иерусалим, об отвержении Его вождями народа, об ожидавших Его поношениях и муках, о страшной смерти и Своем Воскресении в третий день. Правда, Он и прежде давал им различные и отдаленные намеки о предстоящих Ему страданиях, но теперь в первый раз Он ясно говорил о них простым и выразительным языком. Даже и теперь Он не открыл им всего о страшном способе Своей приближавшейся смерти. Он дал им знать, что будет отвергнут старейшинами, первосвященниками и книжниками, всеми властями, религиозными и светскими представителями народа, но не сказал, что будет выдан язычникам. Он предупреждал их, что будет убит, но до самого последнего путешествия в Иерусалим не сообщал им ужасной истины, что Он будет распят. Однако даже и это откровение не мало смущило учеников, и ап. Петр опять от лица их обратился к Христу с просьбой, которая показывала, что и Апостолы еще не в состоянии были понять всей тайны искупления. «*Будь милостив к Себе, Господи*, сказал он Ему, отведя Его несколько в сторону; да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16:22). Но если

ап. Петр в своем великом исповедании говорил по наитию Св. Духа, озарившего его разум познанием глубочайшей тайны, то теперь он несознательно уподобился сатане, как бы искушая Спасителя страхом предстоящих страданий и отвращая Его от исполнения искупительного дела. Поэтому он и должен был выслушать строгий укор. «*Отойди от Меня, сатана, сказал ему Христос, ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое*» (Мф. 16:23). Но, выразив самонадеянному Апостолу строгий укор за его неразумную привязанность и духовную немощность, Спаситель воспользовался этим случаем для изложения глубочайшего учения, с которым Он обратился не только к Своим ученикам, но и ко всем вообще (Лк. 9:23). Из Евангелия Марка видно, что даже в этой отдаленной области за Ним во множестве следовал народ (см. Мк. 8:34), который обыкновенно шел поодаль от Него и Апостолов и иногда был подзываем к Нему, чтобы слышать благостное учение, исходившее из Его уст. Как народ, так и ученики были еще заражены теми же ложными понятиями, которые побудили Петра к необдуманному вмешательству. Ко всем им поэтому Он обратился с поучением, в котором объяснял им, что сущность всякого высшего долга, смысл всякой истинной жизни, составляющей как самое приятное служение Богу, так и самый облагораживающий пример для людей, заключается в законе самопожертвования. При этом именно случае сказал Он те немногие слова, которые оказали в высшей степени благотворное влияние на совесть человечества, возводя его мысль от мира чувственного к миру духовному: «*Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душа своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?*» (Мф. 16:26) И затем Христос еще раз объявил им, что и сам Он будет предан суду.

Открыв Своим ученикам тайну предстоящих ужасов Своей земной кончины, Спаситель не оставил их в беспомощном состоянии, а подтвердил вскоре веру их славным откровением Своего божественного величия. Чрез неделю после описанной беседы, Иисус Христос взял с Собою трех избранных Своих Апостолов – Петра, Иакова и Иоанна, и взошел с ними на гору

высокую. Неизвестно, какая это именно была гора, но предание издавна разумело под ней гору Фавор. Крутая вершина этой живописной и покрытой лесом горы величаво вздымается над окружающей равниной и с нею связывалось множество славных воспоминаний из жизни избранного народа. Там Спаситель всецело отдался молитве, и молитва эта вознесла Его превыше всех скорбей и суеты мира сего, который отвергал Его. И вот Он преобразился, лицо Его просияло как солнце и одежды Его сделались белы как снег. Все Его существо осветилось таким ослепительным блеском, что Евангелисты только и могли сравнить этот небесный свет с солнцем, снегом, молнией.

Апостолы не были свидетелями начала этого чудесного преображения. Восточный человек, окончив свою молитву, закутывается в свою аббу (полосатый плащ) и, ложась на траву на открытом воздухе, быстро засыпает глубоким сном. То же самое было и с Апостолами: как впоследствии в саду Гефсиманском, так и теперь они спали глубоким сном. Они были «отягчены» (Лк. 9:32) сном, но, внезапно пробудившись, они видели и слышали все. Среди ночного мрака, проливая лучезарный свет на зеленые склоны горы, блестал прославленный лик Спасителя. Возле Него, в том же самом сиянии славы, стояли два престарелых мужа, в которых они по виду или словам узнали Моисея и Илию. И эта славная троица среди окружающей тишины вела беседу о предстоящей кончине в Иерусалиме, о которой Спаситель только-что пред тем сообщил ученикам. Когда великолепное виднее начало исчезать, когда величественные посетители готовы были расстаться с Спасителем и сам Он вошел с ними в осенившее их облако, Петр изумленный, испуганный и восхищенный этим зрелищем, не зная, что сказать, но желая продлить их присутствие, воскликнул: «*Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею, и одну Илие*» (Лк. 9:33). На эти необдуманные и неуместные слова не последовало ответа; но когда он еще говорил, облако, – не облако густой тьмы как на Синае, но облако света, – осенило их, и из него раздался голос: «*Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте*» (Мф. 17:5). Ученики пали ниц и скрыли свои

лица в траве (Мф. 17:6). И когда, оправившись от произведенного этим страшным голосом и ослепляющим светом потрясения, они подняли глаза и осмотрелись кругом, то все уже кончилось. Светлое облако исчезло, не было уже ни сияющих лиц, ни ослепительно белых одежд; только один Иисус был с ними и только звезды тихо изливали свой свет на склоны горы.

Сначала они боялись встать и даже приподняться, но Иисус, их Учитель, такой же, как они видели Его раньше на молитве, подошел к ним, коснулся их и сказал: «*встаньте и не бойтесь!*» (Мф. 17:7). Рассвел день, и они стали спускаться с горы. Спаситель запретил им рассказывать о видении, пока Он не воскреснет из мертвых. Видение было только для них; они должны были хранить его в глубине своих сердец, так как возвестить о нем другим ученикам – значило бы возбудить в них зависть и польстить собственному самолюбию; до Воскресения оно нисколько не могло содействовать вере других и могло только затемнять в них разумение истинного дела Его на земле. Они исполнили повеление Христа, но не могли понять значения указания на Воскресенье. Они спрашивали друг друга или в безмолвии размышляли в себе, что значит воскреснуть из мертвых? Умы их занимал и другой серьезный вопрос. Они видели Илию, и теперь больше чем когда-нибудь убеждались, что Учитель их воистину – Христос. «*Но как же книжники говорят, спрашивали они, что Илии надлежит прийти прежде и устроить все?*» (Мф 17:10). На это Спаситель объявил им, что Илия уже пришел и не узнали его, и его постигла от руки своего народа та же самая судьба, которая предстоит и Ему. Тогда они поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

XVIII. Исцеление бесноватого, глухонемого отрока. Чудесное получение монеты для уплаты подати на храм. Учение Иисуса Христа о суде церковном и о прощении. Притча о милосердом царе и безжалостном заимодавце

По возвращении к Своим остальным ученикам, Спаситель нашел их в большом смущении и затруднении. Около них собралось много народа, и между прочим приведен был бесноватый отрок; отец его обратился к ним с просьбою об исцелении, но они оказались не в состоянии исполнить этой просьбы – подавая повод к издевательству со стороны злобствующих иудеев и гордых своею ученостью книжников. Как раз во время этого препирательства и явился Христос, производя на народ тем большее впечатление, что лицо Его еще сияло неземною славою преображения. «О чём вы спорите с ними?» (Мк. 9:16) строго спросил Он книжников. Но книжники слишком смутились от Его неожиданного появления и не знали, что отвечать. В это время через толпу протискался человек, который, став перед Спасителем на колена, громким голосом излагал пред Ним свое несчастье, что именно у него сын страдает ужасными припадками беснования, совершенно глухонемой и подвержен мании самоубийства, так что несчастный уже не раз бросался и в огонь, и в воду. Он приводил страдальца к ученикам, но они оказались бессильными изгнать беса, и неудача их послужила только поводом к насмешкам над ними со стороны книжников. Укорив учеников за маловерие, бывшее именно причиной этой неудачи, Спаситель велел привести больного отрока к Себе, и едва он был приведен к Нему, как схвачен был новым припадком своего недуга, в страшных корчах упал наземь и бился с пеной у рта. Это была одна из самых страшных форм беснования, и отец даже и перед лицом Спасителя не мог подавить в себе движения чувства сомнения в возможности исцеления. Но Христос торжественно заявил ему, что «все возможно верующему» (Мк. 9:23), и когда несчастный отец, желая подавить в себе всякое

сомнение, воскликнул: «верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24), то Спаситель тотчас же поддержал его верующий дух исцелением сына. Обращаясь к страдальцу, Он повелительно сказал: «дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него, и впредь не входи в него» (Мк. 9:25). Раздался еще более неистовый вопль и в еще более ужасных корчах завертелся несчастный; затем упав на землю, не корчась уже и не испуская пены, он неподвижно лежал как мертвый. Некоторые говорили, что он умер. Но Христос взял его за руку и, среди возгласов изумленной толпы, возвратил его отцу – спокойным и здоровым.

Иисус Христос еще прежде дал своим ученикам власть изгонять бесов, и этою властью от имени Его пользовались иногда даже люди, которые не были Его ближайшими учениками (Мк. 9:38). И в этом они не терпли неудачи. Естественно отсюда, что ученики воспользовались первым удобным случаем спросить Его о причине последнего своего неуспеха. Он прямо сказал им, что это было по причине их неверия. Может быть сознание Его отсутствия ослабило их веру; может быть они сознавали себя мене способнымиправляться с затруднениями, когда с ними не было Петра и сыновей Зеведеевых, а может быть также на умы слабейших из них произвела печальное влияние скорбная весть об отвержении и смерти их Учителя. Во всяком случае Он воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы преподать им два великих наставления: одно, что есть виды столь сильного и застарелого духовного, физического и нравственного зла, что с ним можно бороться только молитвой, соединенной с тем самоограничением и самоотвержением, самая действенная и сильная форма которого есть пост, другое – что для совершенной веры возможно все. Вера даже с горчичное зерно способна производить чудеса. Обладающий ею повелеть даже горе сдвинуться с места и ввергнуться в море, и будет так.

Поучая учеников и народ, Спаситель постепенно подвигался к Капернауму, и по прибытии туда совершилось новое чудо. С древних времен у иудеев был обычай собирать после всякой новой переписи подать в «полсикля, сикля

священного», с каждого иудея, достигшего двадцатилетнего возраста, в качестве «выкупа за душу свою Господу» (Исх. 30:11–16). Деньги эти шли на храм и употреблялись на покупку жертвоприношений, козлов отпущения, красных телиц, курений, хлебов предложения и других предметов, требовавшихся в храме. После возвращения из плена этот полсикль обратился в ежегодную добровольную подать, равную трети сикля (Неем. 10:32), но в последующее время она опять возвысилась до первоначальной суммы. Эта подать платилась каждым иудеем, в какой бы части света он ни находился, богатый он или бедный; и в доказательство того, что все души равны пред Богом, должны были платить «богатый не больше, и бедный не меньше полсикля». Сбор этот давал большие суммы, которым и препровождались в Иерусалим с почетными уполномоченными. За этою-то податью сборщики теперь и пришли к Христу. Не смея беспокоить самого Иисуса, они обратились с требованием ее к ап. Петру, и он, с своею обычною простотою, передал это требование Учителю, надеясь, что Он поможет выйти из затруднения, так как в кассе апостольской совершенно не было денег. Но Спаситель преподал ему по этому случаю высокий урок, сопровождавшийся новым самооткровением Божества. «Как кажется тебе, Симон, сказал Он ему: цари земные с кого берут пошлины или подати? С сынов ли своих, или с посторонних?» (Мф. 17:25) Ответ мог быть только один: «с посторонних». – «Итак, сказал Христос, сыны свободны» (Мф. 17:26). Я, Сын Небесного Царя, и даже ты, который также сын Его, хотя и в другом смысле, не обязаны платить этой подати. Если мы платим ее, то плата эта не вытекает из положительной обязанности, а есть дело свободного и доброхотного даяния. «Но чтобы нам, прибавил Он, не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открыв у нее рот, найдешь сатир, возьми его и отдай им за Меня и за себя» (Мф. 17:27). Таким способом уплаты подати Спаситель показал, что Он, как человек, считал своим долгом подчиняться установлениям человеческого общежития, но как Бог Он вместе с тем при этом случае показал свое

всемогущество, простиравшееся не только на землю, но и на море.

Как из пережитых событий, так и из сопровождавших их наставлений и торжественных предсказаний ученики невольно приходили к мысли, что в судьбе их Учителя готовится совершиться какая-то великая перемена. Не настало ли время Его земного прославления, когда Он перестанет быть смиренным Учителем, каким был доселе, а выступит во всем величии Мессии, каким именно ожидал Его народ, и оснует великое и славное царство. Такая мысль, возбуждая их дух, вместе с тем пробудила в них и общие у них со всем простым народом предрассудки, и они стали заботиться об обеспечении своего наилучшего положения в имевшемся открыться царстве Мессии. Еще на пути в Капернаум между ними завязался спор, кто из них будет больший в Царстве Небесном. Спаситель слышал этот спор, и по прибытии в город, спросил их, о чем они рассуждали во время дороги. Вопрос этот пробудил в них совесть, и они устыдились за самих себя. Тогда Христос, взяв ребенка, поставил его рядом с ними и увещевал их быть такими же по своему духу, каковыми бывают дети, т. е. невинными, смиренными и непрятательными, и тогда только они могут войти в Царство Небесное. Таким наглядным способом Он повторил им то наставление, которое Он уже преподавал в нагорной беседе и которое совершенно забыто было ими теперь. Вопрос о непрятательности напомнил ап. Иоанну об одном обстоятельстве, встретившемся ему во время проповеди, и он теперь обратился к Христу за разъяснением его. Им пришлось во время своего проповеднического путешествия встретить человека, который изгонял бесов именем Христа; но так как этот человек не принадлежал к их обществу, то они запретили ему. Правильно ли поступили они? Нет, отвечал Иисус, «не запрещайте» (Лк. 9:50). Кто может делать дела милосердия во имя Христово, тот не может злоупотреблять именем этим. Кто не против них, тот значит с ними. И затем, возвращаясь опять к своей беседе, все еще держа ребенка на руках и делая его предметом речи, Спаситель предостерегал от страшной вины и опасности оскорблений,

искушения и совращения с пути невинности и праведности, научения чему-нибудь худому или внушения какой-нибудь злой мысли одному из малых сих, ангелы которых всегда видят лицо Отца Его на небесах. Таких злых обольстителей, таких исполнителей дела диавола, говорил Он им в небывало сильных и грозных словах, ожидает такая горькая участь, что лучше бы им было повесить себе мельничный жернов на шею и потонуть в пучине морской. Нет такой великой жертвы, продолжал Он, которой не надо бы было принести, чтобы только избегнуть возможности искушений полагать такие камни претыкания на пути своей собственной души или других людей. Лучше отсечь правую руку и войти в Царство Небесное безруким; лучше отрубить правую ногу и войти в Царство Небесное хромым; лучше выколоть правый глаз и кривым войти в Царство Небесное, чем позволить руке, ноге или глазу быть орудием греха, который бы питал червя неумирающего и возжигал огонь неугасающий. Лучше этом мире утонуть с мельничным жерновом на шее, чем на себе носить мельничный жернов нравственного и духовного соблазна, который может потопить виновную душу в огненном озере духовной смерти. Как соль посыпается на каждую жертву для ее очищения, так и каждая душа должна очищаться огнем, или должна иметь в себе очистительную соль, предохраняющую от разложения. «Имейте в себе соль, и мир имейте между собою» (Мк. 9:50).

Чтобы подтвердить обязанности этого взаимного мира, нарушенного ими, и показать им, что как бы ни велик был гнев Божий против соблазнителей других, они-то никогда не должны питать ненависти даже против тех, которые причинили им вред, Спаситель затем наставлял их, как поступать с согрешившим братом: сначала должно честно увещевать его, а затем, если понадобится, и публично, пред Церковью, но только кротко и с любовью. Придерживаясь духа иудейского формализма, Петр хотел бы точно знать пределы, до которых должно доходить число прощений; но Иисус отвечал, что число это может быть безгранично, не семь только раз, как думалось Петру, а если надо, то и семьдесят семь. Наставление это Он пояснил притчей о рабе, который, получив от своего царя прощение

своего долга в десять тысяч талантов, немедленно после этого схватил своего собственного товарища за горло и не хотел даже отсрочить уплаты ничтожного долга во сто динариев, в 1,250,000 раз меньшую сумму, чем какая была прощена ему самому. За это жестокосердие он и сам лишен был оказанной милости, и подвергся всей суровости древнего закона по отношению к должникам. «*Так и Отец Мой Небесный, заключил Христос, поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его*» (Мф. 18:35).

XIX. По пути из Галилеи в Иерусалим. Негостеприимство самарян. Посольство семидесяти. Притча о милосердом самарянине. Посещение Марфы и Мари. Молитва Господня

Спаситель, занятый проповедью Евангелия и делами благотворения, провел в северной части Палестины не мене полтора года, со временем последнего посещения Иерусалима. Враги лишили Его возможности побывать там на великих годичных праздниках, но вот приближалось время окончательного завершения служения, наступало исполнение времен, и Спаситель, считая подготовку Своего учительного дела законченную, решительно приступил к делу искупительному и опять направился в Иерусалим, чтобы там опять возвестить о Своем Божественном достоинстве и дать возможность главнейшим вождям народа, которые постоянно относились к Нему с неверием и враждою, покаяться и признанием в Нем обетованного Мессии исполнить свое назначение.

Это было осенью, приближался один из самых замечательных иудейских годовых праздников, именно праздник Кущей, стягивавший в Иерусалим огромное множество народа со всех областей Палестины. Многие стали готовиться и из Галилеи; Спаситель отправился несколько раньше обычновенных караванов поклонников, но это не помешало тому, что около Него собралось множество народа, который восторженно двигался за Ним, видя в Нем великого пророка, честь и славу своей области. По обычаю, Спаситель направился Своим любимым путем через Самарию, где уже раньше посеяны были Им смена благовестия и где Он находил восприимчивую почву. Но теперь и Христу пришлось испытать, до какой степени может доходить племенная и религиозная вражда. Когда поклонники, утомленные дорогой, прибыли в первое самарийское селение и хотели найти в нем желанный отдых, самаряне отказали в нем и не хотели принять ненавистных им иудеев. Этот отказ воспламенил Апостолов

Иакова и Иоанна, которым именно и поручено было позаботиться о приготовлениях для приема Спасителя и сопровождающих Его учеников и паломников, сильным негодованием. Исполненные надежды на Царство Мессии, которое наконец, по их мнению, находилось уже накануне своего торжественного провозглашения, негодующие братья хотели открыть его с пламенем грозного мщенья, чтобы таким образом ободрить и оживить упавший дух последователей, которые естественно пришли в уныние от такого скорого и решительного отказа. «*Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сшел с неба и истребил их, как и Илия сделал?*» (Лк. 9:54) «Что удивительного, говорит св. Амвросий, что сыны Громовы хотели низвестить молнию?» Этот порыв их негодования находил себе оправдание не только в мщении Илии, но и в том, что последнее имело место именно в этой области Самарии. Если такое действие оказалось нужным для личной защиты единичного пророка, то тем более можно воспользоваться им для защиты чести Мессии и Его последователей! Но Христос запретил им и укорил их. Небеса Божии имеют другое назначение, а не метание молний. «*Не знаете, сказал Он им, какого вы духа*» (Лк. 9:55). Сын человечески пришел спасать, а не губить, и если кто услышит слово Его и не поверит, то Он не осудит его (Ин. 3:17; 12:47). И таким образом без единого гневного слова Он пошел в другое поселение, и св. Иоанн, который во время писания своего Евангелия, уже знал, какого он духа, несомненно вспомнил эти слова Христа, когда вместе с Петром ходил в Самарию для утверждения новообращенных и дарования им Духа Святого.

Между тем Спаситель в это время избрал из среды Своих последователей еще семьдесят учеников, которые должны были составлять рядом с двенадцатью второй круг ближайших проповедников Евангелия и распространителей Царства Божия. Их Он теперь отправил по двое повсюду приготовлять путь для Него и дал им наставления, схожие с теми, которыми Он напутствовал двенадцать учеников. Они отличаются только большею краткостью, потому что и давались по случаю более временной обязанности, в них опущены излишние теперь

ограничения касательно непосещения язычников и самарян. Вместе с тем они звучали уже более грустным тоном, очевидно навеянном грустными испытаниями постоянного отвержения.

С приближением к Иерусалиму в числе окружавшего Христа народа стало больше появляться фарисеев и книжников, которые не прочь были позаняться совопросничеством, чтобы всесторонне исследовать взгляды галилейского Пророка. Один из них подошел к Спасителю и спросил Его: «Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лк. 10:25). Иисус, провидя его коварные побуждения, просто спросил его, какой ответ на этот вопрос дан законом, изучение и объяснение которого составляет самую цель его жизни. Законник дал лучшее изложение, какое только было известно в то время. Иисус подтвердил его ответ и сказал: «так поступай и будешь жить» (Лк. 10:28). Но добиваясь несколько больше этого и стараясь оправдать вопрос, который даже с его точки зрения был излишен и задан был, как он сам сознавал, с неблагородным намерением, законник надумал прикрыть свое отступление новым вопросом: «а кто мой ближний?» (Лк. 10:29). Христос знал, что если спросить собственного мнения законника по этому вопросу, то оно было бы крайне узко и ложно; поэтому Он ответил Сам или вернее дал законнику средство ответить на него – одной из своих трогательных притчей. Он рассказал, как однажды человек, проходя скалистым ущельем, ведущим из Иерусалима к Иерихону, попал в руки разбойников, частые нападения которых дали самому проходу зловещее название «кровавого пути». Грабители-бедуины, как часто бывает еще и теперь, бросили его на дороге обнаженным, истекающим кровью и полумертвым. Священник, возвращаясь этим путем в свой священнический город, увидел его, но тотчас же перешел от него на другую сторону дороги. Проходил также левит, но еще с более холодным равнодушием посмотрел на него и прошел мимо. Но вот тем же путем проезжал самарянин, один вид которого возбудил бы в несчастном трепет племенной вражды и самую тень которого он почел бы осквернением, – добрый самарянин, образ того божественного Проповедника, которого отвергали и презирали

люди, но который пришел исцелить раны человечества, не находившие для себя целебных средств ни в обрядовом, ни в нравственном законе. Он подошел к несчастному, сжался над ним, перевязал ему раны, посадил на своего осла, сам пошел пешком по жесткой, раскаленной, пыльной и опасной дороге и не оставил его до тех пор, пока совершенно не обеспечил его безопасности и в заключение даже великодушно позаботился о его будущих нуждах. «*Кто же из этих троих, спросил Иисус Христос законника, был ближний попавшемуся разбойникам?*» (Лк. 10:36) Законник, конечно, не был настолько тупоумен, чтобы не видеть – кто; однако же, чувствуя, что он никак не может включить в понятие ближнего ни самарян, ни язычников, не имел достаточного мужества и откровенности выговорить «самарянин», а употребил жалкий обиняк: «*оказавший ему милость*». «*Иди, сказал ему Христос, и ты поступай также*» (Лк. 10:37).

Так путешествие постепенно приближалось к цели, и вот уже виден был Иерусалим. Но Христос не сразу отправился в святой город, а на время остановился в Вифании, ютящейся на одном из склонов горы Елеонской. В этом пригородном селении жило одно благочестивое семейство, которое уже не раз удостаивалось посещений Христа во время Его пребывания в Иерусалиме, и всякий раз оно встречало божественного Гостя с необычайным радушием и восторгом. Оно состояло из трех членов – Лазаря и его двух сестер Марфы и Марии. Прибытие Спасителя в их дом по обычаю привело их в неописанную радость, которая еще увеличивалась от того, что Спаситель уже давно не был у них. Обе сестры соперничали между собой в оказании внимательности и почтения к высокому гостю, и особенно Марфа засуетилась, бегая взад и вперед, чтобы получше приготовить Ему угощение. Сестра ее Мария также заботилась о приличном для Него приеме, но будучи более возвышенного характера, она иными способами оказывала Ему любовь и почтение. Зная, что Марфа до блаженства была рада сделать все, что только можно, для Его материального удобства, она сама в глубоком смирении села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марии нельзя порицать за это, потому что

сестра ее очевидно с радостью отдалась заботе по возможности лучше выполнить требования гостеприимства и без всякой помощи могла сделать все, что требовалось для того. Нельзя порицать также и Марфы за ее хлопотливость; единственная ошибка ее состояла в том, что она при своей внешней деятельности потеряла необходимое равновесие с требованиями внутренней жизни. Когда она так трудилась и хлопотала, нечто вроде зависти нарушило ее душевное спокойствие при виде того, как сестра ее «праздно», думалось ей, сидит у ног их высокого Посетителя и все хлопоты сваливает на нее одну. Если бы она вдумалась побольше, то конечно не могла бы не признать, что в уклонении Марии от забот домашнего хозяйства было не столько себялюбия, сколько здравого размышления; но быть справедливым и великодушным всегда трудно, а когда кто дозволит себе поддаться низкому чувству вроде мелочной зависти, то даже и невозможно. Так в порыве своей раздраженности, Марфа, вместо того чтобы ласково попросить свою сестру помочь ей, если только действительно нужна была эта помощь, – на которую, как можно судить по характеру Марии, та живо откликнулась бы, – она почти с досадой и непочтительностью подбегает и спрашивает Иисуса, неужели Ему нет нужды, что сестра ее сидит сложа руки, между тем как она одна должна хлопотать по хозяйству. Не скажет ли Он ей, чтобы она пошла и помогла в хозяйстве (Марфа была очевидно слишком добросовестна, чтобы прибавить обычное выражение строптивых людей – что дескать ей самой бесполезно говорить об этом). Но эта ненужная суеверность встретила в Христе любящий укор: «Марфа, Марфа, сказал Он ей тоном нежного укора; ты заботишься и суешься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется от нее» (Лк. 10:41–42).

По утру Спаситель удалился в уединенное место помолиться. Ученики не раз видели Его на молитве, но теперь, под впечатлением торжественных ожиданий чего-то великого, они захотели научиться от Него молитве. Когда молитва Его окончилась, они подошли к Нему и изложили свою просьбу, и

Спаситель тотчас же преподал им ту дивную «Молитву Господню», которая легла в основу всех христианских молитв. В ней Спаситель в молитвенной форме изложил сущность того именно, достижение чего необходимо для духовного совершенства человека. И прежде существовали молитвы, часто отличавшиеся замечательною высотою мысли и чувства, и иудейские раввины считали своею обязанностью преподавать своим ученикам знание молитв, обнимающих собою весь закон и пророков; но только молитва Господня воплощает в себе все, что только может чувствовать и жаждать искренно верующее и истинно человеческое сердце. В ней нет ничего такого, что вытекало бы из каких-либо личных пожеланий; все в ней дышит сознанием общего сыновства человечества по отношению к Отцу Небесному, пришествие царствия которого выставляется главнейшим пожеланием всякого чистого сердца. Из материальных благ в ней испрашивается только хлеб насущный, как необходимое условие существования; но с большею настойчивостью испрашивается прощение наших долгов или грехов, под условием нашего собственного прощения грехов других по отношению к нам. Мир окружен соблазнами, а человек слаб, и потому Спаситель учил Своих учеников молиться о том, чтобы Отец Небесный не подвергал нас опасности чрезмерных искушений или испытаний, и в заключение всего, чтобы избавил нас от главного виновника искушении, именно от лукавого. Все эти прошения к Отцу Небесному закончены торжественным словословием: «ибо Твое есть Царство, и сила, и слава во веки. Аминь» (Мф. 6:13).

ХХ. В Иерусалиме. Проповедь Иисуса Христа в преполовение и последний день праздника Кущей. Исцеление слепорожденного

Праздник Кущей был одним из самых торжественных иудейских праздников и для совершения его стекалось огромное множество народа, который спешил как возблагодарить Бога за все благодеяния истекающего года, так и принять участие во всех увеселениях. Народ в это время, покончив все свои полевые работы и собрав виноград, чувствовал себя особенно свободным и предавался как религиозным, так и мирским удовольствиям. Самый праздник служил воспоминанием странствования израильтян по пустыне и его проводили с таким всеобщим ликованием, что Иосиф Флавий и Филон называют его «святейшим и величайшим праздником», и у иудеев он известен был как праздник по преимуществу. Он совершался в течение семи дней подряд, с 15 по 21 день месяца Тисри, и восьмой день проводился в священном собрании. В течение семи дней иудеи в воспоминание своего странствования по пустыне жили в небольших шалаших, сделанных из густолиственных ветвей масличных, пальмовых и мirtовых дерев, и каждый носил в руках пучок зелени (лулаб), состоявший из пальмовых и ивовых ветвей, из плодов персика и лимона. В продолжение недели праздника все священники по очереди совершали служение; семьдесят тельцов приносилось в жертву за семьдесят народов мира; ежедневно читался закон и ежедневно храмовые трубы по двадцать одному разу трубили вдохновенные и торжественные гимны. Ликование несомненно усиливалось еще тем, что праздник этот наступал спустя только четыре дня после страшных обрядов великого дня покаяния, в который совершалось торжественное очищение грехов всего народа. Такая торжественность праздника могла бы неблагоприятно повлиять на настроение народа. Если бы Спаситель открыто явился в Иерусалиме среди восторженных поклонников, то восторженность их легко могла бы перейти в политическое

смятение, как это и бывало не раз, особенно с галилеянами, отличавшимися наибольшою пылкостью патриотического духа. Поэтому Он всячески избегал поводов к этому и даже на вопрос своих «братьев» о том, пойдет ли Он вообще на этот праздник, отвечал уклончиво, что еще не пойдет. И теперь, будучи неподалеку от Иерусалима, Он не сразу пошел на праздник, а лишь несколько дней спустя, так что многие думали, что Он совсем не будет на празднике.

Между тем праздничный народ действительно был в необычайно восторженном настроении. Сошедшиеся отовсюду поклонники с изумлением передавали друг другу о виданных ими необычайных чудесах галилейского Пророка и о слышанном ими Божественном учении Его. Слава Христа гремела уже по всей стране и отголоски ее теперь сливались в один торжественный хор славословия в Иерусалиме. Но где же Сам Пророк? спрашивали все. Неужели Он не будет на этом торжественном народном празднике? Проходили дни за днями, а Христа все не было, и народ уже перестал волноваться мыслью о Нем. Но тогда-то именно, в средине праздника, и явился Христос, чтобы сеять семена своего Божественного учения на почву спокойного, не волнуемого страстями сердца. По обыкновению Он выступил в притворе храма, где обыкновенно раввины поучали народ. Достаточно было только появиться этому Божественному Проповеднику, Который учил так, как никогда еще не мог учить человек, именно жёг сердца людей словом любви и истины, и народ тотчас же окружил Его, оставляя важных книжников про себя заниматься своими казуистическими тонкостями, в которых они полагали всю суть религии и закона Божия. Такое внезапное появление давно не бывшего в Иерусалиме галилейского Пророка не мало изумило книжников, а предпочтение Ему со стороны народа возбудило в них крайнюю зависть и злобу. Книжники по необходимости должны были присоединиться к другим слушателям Христа, но в толпе стали распространять недоверие к познаниям галилейского Проповедника. «Как может Он знать Писание, не учившись?» (Ин. 7:15). Заслышиав эти толки, Спаситель не преминул преподать глубокий урок, что не всякое учение есть

мудрость, и менее всего то именно учение, которое преподавалось в школах раввинских, где действительно не учился Христос. Его учение выше. Оно исходит от Того, Кто послал Его, и всякий исполняющий волю Божию может постигнуть проповедуемые Им истины. Такое открытое заявление об источнике учения Христа еще более раздражило книжников, и в них мелькнула кровожадная мысль, как нибудь насильственно отделаться от столь опасного соперника, изобличавшего всю лживость и пустоту их законничества. Но Христос тотчас же проник в их коварные мысли и всенародно спросил: «за что ищете убить Меня?» (Ин. 7:19). Такой вопрос, молниеносно озаривший мрачную тайну злобствующих книжников, должен был повергнуть их в необычайное смущение, и чтобы подавить это смущение и вместе замять опасный вопрос, они не нашли другого способа, как объявить Иисуса бесноватым и нездравомыслящим.

О своем смущении книжники не замедлили передать синедриону, и в этом верховном судилище немедленно составился план действия в отношении неприятного для его членов Учителя. Он снарядил тайную депутацию, которая должна была собрать сведения об учении Иисуса и затем арестовать Его. Между тем праздник близился к концу и настал последний день его. В этот день совершался особенно торжественный обряд. Народ отправлялся в храм, и когда утренняя жертва полагалась на жертвенник, один из священников шел с золотым сосудом к пруду Силоамскому, неподалеку от подножия Сионской горы, и там черпал три лога воды, которая затем в торжественной процессии приносима была водными вратами в храм. При вступлении этой процессии в пределы храма, левиты трубили в священные трубы, пока процессия не доходила до самого алтаря, где вода выливалась в серебряную вазу с левой стороны, а в серебряную же вазу с правой стороны вливалось вино. Затем начиналось пение великой «аллилуи» (псалмы 115–118), и когда доходили до стиха: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его», то каждый из празднично одетых богомольцев, стоя у алтаря, радостно потрясали своим лулабом. Вечером народ предавался

таким ликованием, что, по выражению раввинов, кто не видал этой «радости черпания воды», тот не знает, что значит радость. Спаситель в это время также находился в храме и, воспользовавшись этим обрядом, начал направлять мысли народа к духовному черпанию из того источника воды живой, испивший из которого не возкаждет во век. Встав среди народной толпы, Он воскликнул: «*кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой*» (Ин. 7:37–38), т. е. под действием имеющего сойти Духа Святого, верующие в Него не только возродятся сами в своей внутренней жизни, но и будут в состоянии изливать потоки жизни и на других, чрез распространение Евангелия Христова. Такая проповедь поразила многих своею неотразимою жизненностью и вместе таинственностью, и в народной толпе начались горячие рассуждения о Самом Проповеднике. Одни утверждали, что «*Он точно пророк*»; другие шли еще дальше и прямо говорили: «*это Христос*» (Ин. 7:40,41). А иные, и именно ученые книжники, запальчиво опровергали это последнее мнение, приводя и готовый ученый аргумента против него. «*Разве, говорили они, из Галии Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давида и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?*» (Ин. 7:41–42) Рассуждения перешли в ожесточенную расплюю, и противники Христа, не имея возможности убеждениями отклонить от Него народ, хотели просто схватить Его; но не пришел еще час Его, и «*никто не наложил на Него рук*» (Ин. 7:44). Не осмелились этого сделать даже и посланные от синедриона. Обходя притворы храма, останавливаясь среди колонн, так чтобы не быть замеченными Тем, Кого они подстерегали, они также не могли не слышать кое-чего из дивного учения, лившегося из уст Его. Послушав же Его, они уже не могли исполнить своего поручения. Они подчинились непреодолимому влиянию, которое производить Бож. Учитель; какая-то бесконечно-могущественная сила отнимала у них волю, подрывала решимость. Послушать Его значило не только быть обезоруженным во всяком покушении против Него, но почти

обращенным из злейшего врага в благоговейного ученика. «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек» (Ин. 7:46), – вот все, что они могли сказать о Нем. Членам синедриона оставалось только ответить им бесплодным гневом и презрительным упреком, что вероятно, и они прельстились и уверовали в этого Пророка и любимца невежественной, проклятой и жалкой толпы. Никодим, в сердце которого давно уже теплилась искра веры, понемногу разгоравшаяся в полное пламя убежденности в Бож. достоинстве Иисуса, осмелился было возразить, что не следовало ли бы сначала узнать хорошенъко, прежде чем осуждать. Но это справедливое замечание осталось без внимания, и члены синедриона опять обратились к недостойным насмешкам и своему невежественному законничеству. «И ты не из Галилеи ли? Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходить пророк» (Ин. 7:52), нагло утверждали они, забывая, что Галилея дала уже несколько величайших пророков, и между ними Илию и Иону. «И разошлись все по домам, Иисус же пошел на гору Елеонскую» (Ин. 7:53; 8:1), чтобы там в уединенной молитве облегчить благословенным отдыхом Свою утомленную душу.

На следующее утро Христос опять явился в храм и продолжал Свою проповедь. Но враги Его уже заранее рыскали вокруг храма, замышляя козни против ненавистного им Учителя. Они видимо не спали всю ночь, и чрезвычайно обрадовались, найдя способ неожиданно поставить Христа в безысходное, на их взгляд, затруднение. Среди веселья и разгула праздника Кущей бывали и дела безнравственности и распущенности, тем более, что вследствие нарушения обычного порядка жизни и пребывания населения города вместе с огромными массами пришлого люда в загородных шалашах представлялось и больше соблазнов к тому. Им попалась в руки одна женщина, захваченная в прелюбодеянии, и книжники не преминули воспользоваться этим случаем для лаконического уловления ненавистного им Галилеянина. Обвинять ее в сущности не их было дело, а ее мужа, и она притом не могла быть подвергнута законному наказанию кроме развода, если сам он не был человеком чистой жизни. В затруднительных случаях однако же

у иудеев было в обычай советоваться с каким-либо знаменитым учителем, и этим то именно обычаем и захотели они прикрыть свой коварный замысл. Если, думалось им, Иисус осудит ее и будет настаивать на побиении ее камнями, согласно закону (Лев. 10:10; Втор. 22:24), то это повредит Ему в глазах народа, так как закон этот давно уже перестал приводиться в действие, – вследствие именно слишком большой распространенности самого преступления. Если же с другой стороны Он отпустит ее, то они могут обвинить Его в послаблении закона, так как формально он еще был обязателен. Осудить ее на смерть кроме того было бы с Его стороны посягательством на право, принадлежащее исключительно римскому правителю. Во всяком случае им думалось, что они поставят Его в безысходное положение. Нагло притаща к Нему жалкую, растрепанную блудницу, они сказали Ему: «Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?» (Ин. 8:4–5). Спаситель видел их наглое коварство, услаждавшееся нравственным позором и бедствием ближнего, и Он устыдился за свой народ. Как бы не расслышав обращенного к Нему вопроса, Он склонился лицом вниз и молча писал пальцем на земле. Затем, успокоившись духом, Спаситель поднял свой задумчивый взор и кротко заметил наглым совопросникам: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 8:7). Сказав это, Он потупился опять и продолжал писать на полу. Но этого было довольно. Хитро задуманное коварство разлетелось в прах. Христос, избегая законнических рассуждений касательно преступной женщины, привлек самих обвинителей на суд их собственной совести. И они не выдержали этого суда. Пробужденная совесть открыла пред ними их собственную преступность, которая лишала их всякого права осуждать ближнего. И вот они, смущенные и устыженные, один за другим молча удалились из храма, оставя женщину наедине с Христом. Преступница трепетно стояла пред своим Божественным Судьей и не уходила, ожидая Его последнего решения. Устремив на нее Свой бесконечно любящий взор, Спаситель спросил ее: «Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя»? –

«*Никто, Господи*», отвечала она. – «*И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши*» (Ин. 8:10–11), дал Он Свое бесконечно милосердное решение, доказывая им вместе с тем свое право по Божеству ставить милосердие выше обычного закона.

Чтобы еще полнее показать Свое Божественное достоинство, Христос, продолжая проповедь, указал еще на другую сторону Своего бытия, именно, что «*Он свет миру*» (Ин. 9:5). Эти торжественные слова, исходящие из уст смиренного Галилеянина, могли означать только, что Проповедник не простой человек, не простой галилейский учитель, как презрительно отзывались о Нем велеученые и высокомерные книжники Иерусалима, а истинный Бог, как источник всякого света истины. Когда иудеи возразили на это, говоря, что Он Сам восхваляет Себя, не имея на то достаточных оснований, то Христос прямо указал им на то, что Он имеет за Себя еще Божественного свидетеля на Небесах, именно Отца Небесного, с Которым Он одно; и затем заявил им, что они по своим грехам сделались неспособными понимать Его возвышенное учение и напрасно полагаются в спасении на свое происхождение от Авраама, которого они однако же отвергали своим противлением Христу. Если бы они были истинными сынами Авраама, то и поступали бы по его завету и отнюдь не враждовали бы против Того, Кто был исполнением великого обетования отцу верующих. Авраам, отец их, не сделал бы так. Он, как отец верующих, «*рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался*» (Ин. 8:56). Эти последние слова показались иудеям странными и богохульственными. Не поняв их действительного смысла, они удивленно говорили: «*Тебе нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама?*» (Ин. 5:57). На это Христос отвечал еще более торжественным откровением Своего Божества, сказав: «*истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь*» (Ин. 5:58). В этих словах Он открыл им страшную тайну Своего привычного бытия, Своего предсуществования до вступления в храм смертного тела; но это великое и страшное откровение им о Своем Божестве лишь еще более раздражило иудеев. Не вынося больше такой проповеди, они схватились за камни, чтобы побить Христа как

богохульника. Но час Его еще не настал, и Он невредимо вышел из храма.

Эта кровожадная вспышка иудеев не помешала Христу опять через несколько времени явиться в Иерусалиме, и на этот раз Он доказал свое Божество новым поразительным чудом, повлекшим за собою весьма важные последствия. Проходя мимо храма, Спаситель увидел человека слепого от рождения, который жил милостынею от прохожих. Жалкое состояние этого слепца обратило на него внимание и учеников, которые даже занялись вопросом о том, кто собственно виноват в несчастии этого человека, сам ли он, или его родители. Спаситель ответил им, что слепота этого человека не есть следствие ни его собственных грехов, ни грехов его родителей; она даже не есть для него несчастье, а великая честь, так как ей предназначено послужить орудием проявления дел Божиих. Затем, еще раз заявляя Себя «светом миру», Спаситель «плюнул на землю, сделал брение из плюновения» и, помазав брением глаза слепому (Ин 9:6), велел ему идти умыться в купальне Силоам. Слепец пошел, умылся – и прозрел. Исполненный необычайного восторга от столь чудесного дарования ему величайшего дара – зрения, бывший слепец естественно не молчал о совершившемся над ним чуде. Да и сам он был очень хорошо известен в Иерусалиме, как всем примелькавшийся слепой нищий, и теперь появление его зрячим произвело сильное смятение. Те, кто знали его хорошо, даже едва верили его собственному заявлению, что он именно тот слепой нищий, который так хорошо известен был им. Они терялись от изумления и по нескольку раз заставляли его рассказывать историю своего исцеления. Но эта история прибавила к их изумлению и новое основание для фарисейского негодования, потому что и это исцеление совершено было также в субботу. Раввины запрещали вообще мазать брением в субботу даже один из своих глаз, кроме случаев смертельной опасности. Иисус же не только помазал оба глаза слепцу, но даже мешал слюну с пылью! Это дело милосердия находилось в глубочайшем внутреннем согласии с самыми основами установления субботы и теми нравственными уроками,

постоянной провозвестницей которых она предназначалась быть. Но дух мертвой буквы и рабской мелочности в исполнении закона давно уже низвел субботу с высоты истинного ее назначения на степень пагубного суеверия. Иудеи так были пропитаны этою крайнею мелочностью, что необычайное чудо милосердия пробуждало в них меньше изумления и благодарности, чем негодования за нарушение их суеверного почитания субботы. Вследствие этого со всею ревностью религиозного буквопоклонства они повели бывшего слепца на совещание к фарисеям. Тут последовала сцена, которую св. Иоанн рассказывает в девятой главе своего Евангелия с неподражаемою живописностью. Прежде всего шли расспросы, как было все дело, за которыми следовали уверения, что Иисус не может быть от Бога, потому что не соблюдает субботы; другие отвечали на это, что настаивать на нарушении субботы значит допускать самое чудо, а допустить чудо значит признать, что совершивший его не может быть преступником, каким старались представить Его первые. Затем, став совершенно в тупик, они спросили самого исцеленного, что он сам думает о своем благодетеле; а тот, не будучи посвящен в тайны их коварного замысла, с бесстрашной прямотою ответил им, что очевидно «это – Пророк» (Ин. 9:17). Дело принимало весьма неприятный для них оборот. Нужно было во что бы то ни стало найти лазейку, которая дала бы им возможность отрицать или устраниć чудо; они послали за родителями бывшего слепца. «Это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? Как же он теперь видит?» (Ин. 9:19). Быть может они надеялись угрозами или подкупом заставить родителей отказаться от своего родства или признать здесь обман; но родители также держались простой правды и с обычным иудейским раболепством и хитростью отказались делать какие-либо выводы, которые могли бы подвергнуть их неприятным последствиям. «Мы знаем, говорили они, что это сын наш и что он родился слепым; а как теперь видит, не знаем. Сам в совершенных летах, самого спросите; пусть сам о себе скажет» (Ин. 9:20–21). Тогда фарисеи в страшном смущении, почти достойном сожаления, опять обратились к

слепцу. Власти иудейские уже постановили произносить отлучение от синагоги всякому, кто осмелился бы признать Иисуса Мессией; поэтому фарисеи видимо надеялись, что допрашиваемый человек удовлетворится их советом воздать славу Богу, т. е. отвергнуть или не признать чудо и принять их решение, что Иисус – грешник. Но слепец был мужественнее своих родителей. Его нельзя было запугать властью или сбить пустыми уверениями. Он чувствовал себя совершенно свободно в напускной атмосфере их мнимой святости. «Мы знаем, сказали фарисеи, что Человек *Тот грешник*» (Ин. 9:24). – «Грешник ли Он, отвечал бывший слепец, я не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу» (Ин. 9:25). Затем они вновь начали свои утомительные и пустые перекрестные допросы. «Что сделал Он с тобою? как отверз твои очи?» (Ин. 9:26). Но тому уже наскучило все это. «Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?» (Ин. 9:27). Эта смелая речь окончательно вывела совопросников из терпения, и они начали поносить бывшего слепца, наделяя его всякими укорами: «ты ученик Еgo; а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; сего же не знаем, откуда Он» (Ин. 9:28–29). – «Это и удивительно, отвечал тот, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Еgo, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто (и даже сам великий Моисей) отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего» (Ин. 9:30–33). Как? простой нищий, невежественный еретик по природе, рожденный к тому же во грехах, смеет учить их? Не в силах более сдержать взрыва своего негодования, они выгнали его из заседания и отлучили от синагоги. Но Христос не оставил без духовной помощи Своего мужественного исповедника и сделал ему великое откровение, озарившее светом и его душу. Встретив этого человека, Он спросил его: «Ты веруешь ли в Сына Божия?» – «А кто Он, Господи, отвечал тот, чтобы мне веровать в Него?» – «И видел ты Его, и Он говорит с тобою.» – «Верую, Господи!» (Ин. 9:35–38) ответил он и

поклонился Ему. И таким образом слепорожденный увидел не только свет вещественный, но и свет духовный, прозрев к вере в обетованного Мессию.

XXI. В Галилее и на пути в Иерусалим заиорданскою страною. Притчи и чудеса

После праздника Кущей оставался промежуток в два месяца до другого торжественного иудейского праздника, именно Обновления храма, и Христос воспользовался этим промежуточным временем, чтобы еще раз побывать в родной Галилее и там среди родной природы и малого собрания верующих отдохнуть душей от пережитых треволнений. И пребывание Его там ознаменовалось целым рядом новых поразительных притчей и чудес. В притчах нельзя не заметить отголоска пережитых испытаний, так как в них по преимуществу изобличается излишняя привязанность к благам мира сего до забвения Бога и души и вместе с тем явно укоряется тот дух мертвого фарисейства, который ослеплял вождей иудейского народа до того, что они не в силах были понять, какого величайшего блага лишали они самих себя, отвергая в лице Христа обетованного Мессию.

Поводом к изобличению излишней привязанности к благам мира сего послужил один случай, когда во время проповеди Христа один из Его слушателей вдруг прервал Его речь и обратился к Нему с просьбою помочь ему в выгодном для него разделе имущества с несговорчивым братом. Такая неуместная просьба ясно показывала, до какой степени этот человек был жалким рабом мира сего, и чтобы показать ненадежность и суэтность благ этого мира, Спаситель, отказавшись, конечно, от участия в уложении дела по вопросу о разделе наследства, сказал притчу о богаче, который, получив чрезвычайно большой урожай, не знал, что ему делать с этим богатством. Все, что он придумал, это расширить свои житницы, чтобы тогда в грубом самодовольстве «многие годы» (Лк. 12:19) наслаждаться этим богатством. Но он забыл, что самая жизнь человеческая находится вполне в руке Божией, и так как он думал обосновать свое счастье исключительно на богатстве, то и прогремел ему грозный приговор Божий: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут от тебя; кому же достанется то, что ты

заготовил?» «Так бывает, заключил Божественный Проповедник, со всяkim, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12:20–21).

Продолжая развивать эту мысль, Христос увещевал Своих слушателей не предаваться суете мира сего и более всего пещись о душе, которая больше тела. Тело есть низшая составная часть человека, одинаковая у него с низшими животными, и для удовлетворения ее потребностей нет надобности всецело отдаваться заботе о ней. В самой окружающей природе достаточно средств для его удовлетворения. Вот напр. вороны: «они ни сеют, ни жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их» (Лк. 12:24). Так неужели же люди не лучше птиц? Тоже самое и относительно одежды. «Посмотрите на лилии, как они растут; ни трудятся, ни прядут; но и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры!» (Лк. 12:27–28). Поэтому нечего особенно заботиться о пище и одежде. «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк. 12:31). И к этому Спаситель прибавил ободрительным слова: «не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32). Но они должны готовиться к нему духовным бодрствованием и покаянием. «Будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими» (Лк. 12:36–37); он наградит их и почтит их великим угощением, за которым сам с радостным радушием будет служить им. Но если рабы не ожидают его, и он при неожиданном возвращении найдет между ними полный беспорядок, несправедливость и раздоры, то виновные подвергнуты будут заслуженному наказанию.

Во время беседы Спасителя Ему рассказали об одном печальном событии, нередко повторявшемся в это тревожное время. Несколько пылких галилеян неумеренно заявили в Иерусалиме о своем патриотизме, и римский прокуратор Пилат,

уже не раз испытывавший большие затруднения от подобных вспышек иудейского народа, подверг их жестокому наказанию: казнил бунтовщиков и кровь их смешал с кровью принесенных ими жертв. Этим печальным рассказом Христос воспользовался для того, чтобы повторить Свое увещание к покаянию. Над злополучными галилеянами совершился суд Божий; но не надо думать, что они были какие-либо необычайные грешники. «*Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете*» (Лк. 13:3). Не грешнее других были и те несчастные восемнадцать человек, которых задавила упавшая башня Силоамская. Судьба их также служит лишь предостережением для всех нас. Самое долготерпение Божие имеет свои пределы, и это Спаситель пояснил притчей о бесплодной смоковнице, которую господин порешил срубить как напрасно занимающую землю и только по просьбе виноградаря отложил свое решение еще на один год, чтобы тогда, в случае если она не принесет и опять плода при всем особенном уходе за нею, окончательно срубить ее. Под бесплодной смоковницей Христос ясно разумел иудейский народ. Своим неверием, как духовным бесплодством, он истощил долготерпение Божие, и топор лежал уже у корня его. Только заступничество Божественного Виноградаря еще продлило на некоторое время долготерпение Божие, но так как и после этого народ остался бесплодным и неверующим, то и постиг его страшный суд Божий – в разрушении Иерусалима и полной гибели его политического существования.

Проповедь эта несомненно производила сильное впечатление на народ, к великой досаде ученых фарисеев, которые по следам Спасителя явились и в Галилею, чтобы там строить свои обычные козни. На этот раз они сделали попытку прервать проповедь Христа сообщением об угрожавшей Ему опасности со стороны Ирода, который будто бы искал убить Его. Но сообщение это не могло устрашить Бож. Проповедника, и Он велел им передать и самому Ироду, этой жалкой лисице на призрачном троне, что не пришел еще час Его и этот час настанет не здесь в Галилее, а там, где уже погибло столько

пророков. «Не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13:33).

Согласно с Своим заявлением Христос еще несколько времени продолжал Свою деятельность в Галилее и между прочим совершил два чуда, именно исцеление скорченной женщины, страдавшей восемнадцать лет, и больного водянкой. Исцеления эти, как совершенные в субботу, опять вызвали ропот среди фарисеев, но вместе послужили и новым поводом для Спасителя выяснить истинное назначение субботы, духу которой отнюдь не противоречит делание добра другим. Если эти мелочные законники не задумываются делать по субботам добро даже животным, когда они вытаскивают напр. осла или вола из колодца, то тем более, позволительно делать добро нашим ближним. Доводы эти устыдили присутствующих, и они молчали. Последнее чудо совершено было в доме одного из фарисейских начальников, который пригласил Иисуса Христа «вкусить хлеба», имея при этом конечно главную цель – «наблюдать за Ним» (Лк. 14:1). Но наблюдение Самого Спасителя за ними было более проницательным, чем их наблюдение за Ним. Между прочим, Христос заметил, как званные на эту вечерю с обычным мелочным честолюбием наперерыв друг перед другом занимали первые и наиболее почетные места за столом. В противоположность этому Спаситель предложил более мудрое и лучшее правило общественной скромности, заключавшее в себе вместе с тем глубочайший урок духовного смирения. Подобно тому, как в земном обществе назойливый, надменный, самообольщенный человек должен быть всегда готов к сильному отпору и часто принужден бывает уступить место скромной заслуге, так и в небесном мире «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:11). Затем Христос не упустил из внимания и слабой стороны в характере самого хозяина дома. Вечерю он устроил отнюдь не из каких-либо возвышенных целей, а просто из тщеславная желания показать свое богатство и свою мнимую щедрость, явно однако же выдающую надежду на отплату со стороны гостей тем же. Такое гостеприимство не имеет никакого нравственного значения.

Доброту, оказанную бедным, ожидает более богатое возмездие, чем льстивое угощение друзей и богатых. Принимая друзей и родственников, не надо забывать беспомощных и страждущих. Расчетливая благотворительность есть не что иное, как замаскированное себялюбие. Богатый фарисей приобрел бы гораздо более надежное и нерушимое благословение, если бы пригласил остаться у себя несчастного, страдавшего водянкой, если бы бедняки, смотревшие на его пир, были бы также в числе его гостей.

В этом месте один из гостей, думая быть может, что такое наставление было неприятно и сурово, вставил замечание, которое при данных обстоятельствах едва возвышалось над уровнем двусмысленной и плоской остроты ([Лк. 14:15–24](#)). «Блажен, кто *вкусит хлеба в Царствии Божием*» ([Лк. 14:15](#)), воскликнул он, как бы желая этим безличным замечанием загладить неприятность впечатления. Вместо того, чтобы воспользоваться этим Божественным назиданием, он по-видимому был бы более доволен, если б весь этот вопрос был отложен в долгий ящик для отдаленного будущего, как будто он был совершенно уверен в том блаженстве, о котором очевидно имел самое смутное и грубое представление. Но Спаситель обратит его пустое замечание в новый случай для достопамятного поучения. Он сказал притчу, с целью показать им, что «вкушение хлеба в Царстве Небесном» требует условий, которых не захотели бы принять именно те, кто были в такой полной уверенности касательно вкушения его. Один человек, сказал Он, разослал множество приглашений на большой пир; но когда наступило время ужина, то все отказались. Один занят был своим хозяйством, и ему нужно было пойти и посмотреть вновь купленный участок земли. Другой только что купил пару волов и считал необходимым испытать их. Третий только что женился и настолько был занят своим семейным делом, что о прибытии его не могло быть речи. Тогда хозяин, разгневанный на этих непочтительных и неотзывчивых гостей, велел своим рабам немедленно идти по улицам и переулкам и звать всех нищих,увечных, хромых, слепых; когда это было исполнено и еще оставалось место, он

послал своих рабов созывать даже бесприютных странников по изгородям и дорогам. Нравственное приложение притчи было очевидно для всех присутствующих. Преданное миру сердце, поглощенное хозяйственными ли хлопотами, накоплением богатства или просто чувственностью самодовольной жизни, несовместимо с истинным стремлением к пиршеству в Царстве Небесном. Язычники и парии, блудницы и мытари, придорожные рабочие и уличные нищие там могут оказаться скорее, чем книжники с своей кичливой ученостью, и фарисеи с своею показною набожностью. «*Ибо сказываю вам*, — прибавил Спаситель от своего собственного лица, чтобы ближе приложить к ним это нравоучение, — *что никто из тех званных не вкусит Моего ужина*». И так «*много званных, но мало избранных*» (Лк. 14:24).

Притча эта была живописным изображением деятельности Самого Христа. На пир Своего благовестия Он призывал всех, но большинство званных, тех именно, к которым Он прежде всего обратился с благовестием, отказались от Него, будучи поглощены обольстившо их суетою. Главнейшие вожди народа и высшие классы вообще, как теперь становилось очевидным, окончательно отказались принять благовестие. Зато на него с полною искренностью откликнулись все те страждущие и обремененные, все нищие,увечные и хромые, все мытари и грешники, которые, как обездоленные в мире сем, легче открывали дверь своего сердца для нового благовестия, возвещавшего им Царство в ином лучшем мире. Когда книжники и фарисеи окончательно стали во враждебное отношение ко Христу, то Он остался в обществе этих именно мытарей и грешников, которые толпой собирались вокруг своего Божественного Утешителя. Для гордых книжников и фарисеев такое сообщество Его казалось особенно унизительным и зазорным для Пророка, и они громко роптали между собой, говоря: «*Он принимает грешников и ест с ними*» (Лк. 15:2). Низшие классы иудейского народа в это время находились в тяжелом положении. Междоусобные войны и римское нашествие наполнили страну развалинами и пепелищами. Ироды, правда, старались восстановить разрушенные города и

отличались страстью к постройкам, но этим они тешили лишь свое честолюбие, а для народа это влекло за собой лишь новые налоги, еще более обременяющие его и втягивавшие в неоплатные долги. Не даром в притчах Христа так часто берутся примеры неоплатных должников. Их много было в действительной жизни. Этому способствовала еще римская система сбора податей посредством компаний откупщиков, которые через своих сборщиков или мытарей высасывали последние соки из народа. Бедственность экономическая положения простого народа усиливалась еще от того, что высшие классы отнюдь не заботились об улучшении участия своих меньших братий, а напротив относились к ним с полным презрением. Те самые книжники и фарисеи, которые считали себя ревнителями религии и закона, с бессердечною холодностью смотрели на бедствовавшую массу своего народа, и презрительное отношение к ним возводили даже в особое правило закона. Потому-то, когда Спаситель стал обращаться с Своим благовестием по преимуществу к этой заброшенной и задавленной массе, то молва о Нем быстро разнеслась по всей стране и из разных притонов бедственности и нищеты к Нему собирались все эти утружддающиеся и обремененные, которые доселе в своих высокомерных вождях не встречали ни любви, ни привета. Но Спаситель Свою любовь не ограничивал и этим; Он простирая ее и на тех, кто были полным отребием мира сего, именно грешников и мытарей, самое соприкосновение с которыми было для набожных фарисеев и строгих законников своего рода осквернением, требовавшим бесчисленных омовений. К невыразимому ужасу этих бездушных законников Христос «принимал грешников и ел с ними!». Неудивительно, что они начали роптать на Него за это вопиющее, на их взгляд, нарушение общественного приличия; но когда ропот их дошел до слуха Господа, то Он преподал им высоконазидательный в этом отношении урок – в ряде поразительных притчей. «Кто из вас, сказал Он, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне, и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А нашедши, возложит ее на плечи свои с радостью; и пришедши домой, созовет друзей и

соседей и скажет: порадуйтесь со мною; я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто праведниках, не имеющих нужды в спасении» (Лк. 15:4–7). Примером женщины, радующейся находке потерянной драхмы, Спаситель еще подтвердил ту же мысль, добавив, что «*так бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся*» (Лк. 15:10). Но с особенно живописностью бесконечное милосердие Божие к кающимся грешникам изображено было в знаменитой притче о блудном сыне. В ней младший сын богатого отца прежде времени захотел воспользоваться независимостью и, взяв от отца следуемую часть имущества, удалился в чужую страну. Там он своей роскошной и преступной жизнью быстро промотал свое богатство и стал терпеть даже голод, для удовлетворения которого вынужден был наняться в пастухи свиней, т. е. занять самое унизительное положение, до какого только мог пасть иудей! Ему приходилось и питаться вместе с свиньями, теми именно плодами рожкового дерева, которыми на востоке откармливают свиней, а по временам в крайней нужде питаются и бедные люди. Безмолвное пребывание в обществе этих грязных животных дало злополучному юноше возможность перебрать в своей душе все события своей безумно погубленной молодой жизни. Ему припомнился и родной отцовский дом, где он некогда был окружен любовью, довольствием и почетом со стороны многочисленных слуг. Сам он теперь тоже слуга, но слуга голодный униженный и отверженный всеми, а между тем в доме отца его и самые слуги пользуются довольствием и сносным человеческим положением. И он с завистью вспомнил этих слуг. Как бы он рад был теперь занять в своем родном доме – уж не положение наследника-сына (о чем он не смел и мечтать), а хоть положение одного из наемных рабочих! Ему страшно было предстать теперь пред лицо своего некогда любящего отца, которого он так глубоко оскорбил своим безумным поступком; но голод и бедствие восторжествовали в душевной борьбе, и он решил возвратиться к отцу и чистосердечно раскаяться во всем. И вот он голодный,

грязный и оборванный «встал и пошел к отцу своему» (Лк. 15:20). Вот уже окрестности родной страны; но каждый знакомый холм и источник служили для него страшным укором, и тем более он должен был страшиться и стыдиться знакомых людей, которые могли увидеть его теперь в этом бедственном и жалком положении. Что же скажут отец и брат? Но отцовское сердце уже почувствовало приближение злополучного юноши. «И когда он был еще далеко, увидел его отец его, и сжался; и побежав, пал ему на шею, и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже не достоин называться сыном твоим» (Лк. 15:20–21). Он хотел добавить уже заранее приготовленную просьбу: «прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15:19), но отец не дал договорить ему этого. Он тотчас же приказал принести лучшую одежду, одеть его, обуть и украсить перстнем; затем велел убить откормленного теленка для семейного пира и веселился с своими домашними о сыне, который для него «был мертв и ожил; пропадал и нашелся» (Лк. 15:24). Но вот пришел старший сын, который, приблизившись к дому, крайне удивился, заслышав в нем пение и ликование. Узнав в чем дело, он не только не обрадовался возвращению своего младшего, без вести пропавшего брата, но крайне осердился и не хотел войти в дом, чтобы принять участие в веселье, упрекая вместе с тем своего отца за то, что он с такою щедростью отнесся к своему распутному сыну, который теперь возвратился лишь потому, что ему нечем было жить больше, и в то же время никогда не давал даже и козленка, ему, старшему брату, который в поте лица работал на него. На этот бессердечный укор своего старшего сына любящий отец восторженно воскликнул: «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое. А о том надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:31–32). Спаситель не сообщил, как поступил этот бессердечный брат; слушавшие Его фарисеи должны были решить этот вопрос собственным поведением по отношению к отчаявшимся грешникам и вместе должны были понять всю нравоучительную

силу притчи, которая с такою неотразимою силой изобличала их собственное бессердечие.

Подобные поучения притчами Спаситель предлагал во все время этого Своего последнего пребывания в Галилее. При другом случае, беседуя собственно с учениками, Он рассказал им притчу о неправедном домоправителе, который расточал имущество господина и, услышав о грозившей ему отставке, входил с должниками господина в особые сделки, уменьшая на их расписках сумму их долгов, чтобы впоследствии в случае нужды найти в них друзей себе. Этот поступок изобличил в нем особенную сметливость в распоряжении имуществом, и Спаситель, исходя из этого примера, увершевал Своих слушателей распоряжаться и вообще своим имуществом так, чтобы в случае обнищания иметь друзей, которые бы приняли их в вечные обители. Друзьями этими конечно могут быть только те нищие и убогие, милостыня которым и может дать право на вступление в вечные обители.

Притчу эту слышали и фарисеи, и так как они были крайне сребролюбивы, то такое поучение Спасителя показалось им чрезвычайно смешным, особенно заключительные слова поучения, что нельзя служить двум господам – Богу и мамоне. Фарисеи именно служили двум господам и считали себя такими великими праведниками, что для них давно уже уготованы были самые первые и почетные места в Царстве Небесном. Чтобы показать им их жалкое заблуждение, Спаситель сказал притчу о богатом и Лазаре. В ней Он пред изумленными фарисеями раскрывал страшную для них истину, что Бог иначе судит людей, чем земные книжники и законники, и тот, кто здесь наслаждался всеми благами мира, там, в загробной жизни должен был за свое бессердечие переносить ужасные, но заслуженные страдания и видеть, как несчастный Лазарь, которому он не хотел оказать никакой милостыни и предоставлял лишь своим собакам лизать ему его гнилые раны, покоился в блаженном лоне Авраамом. Такой судьбы фарисеи могут избегнуть только! исполнением того, что заповедовали закон и пророки. К несчастию они в своей мнимой праведности были полные практические неверы и убедить их в

истине сказанного едва-ли мог даже Лазарь, если бы он, по просьбе несчастного богача, послан был обратно на землю с проповедью о покаянии и загробной жизни.

Между тем настало время опять идти в Иерусалим, и Спаситель, не прекращая Своей учительной и благотворительной деятельности, стал понемногу подвигаться на юг и направился в заиорданскую область, чтобы воспользоваться более спокойным путем. Но горе человеческое искало Его благодетельной помощи и на этом пути. На границе между Галилеей и Самаре, при входе в одно селение до Него донесся глухой, хриплый, жалобный вопль. Он взглянул и увидел десять человек прокаженных, соединенных в одно общество своим ужасным недугом. Они остановились вдали, потому что не смели приблизиться, так как приближение их влекло за собой осквернение, и они обязаны были предостерегать всех приближившихся к ним раздирающим душу криком «тамé, тамé» – «нечисть, нечисть!» Проказа – это была, так сказать, живая смерть, представляла самый ужасный образ страдания и бедствия, разлагала и портила самые источники живительной крови в человеке, обезображивала лицо, делала омерзительным самое прикосновение, медленно заражала и покрывала все тело язвами болезни, более ужасной, чем смерть сама, – пораженные ею всегда возбуждали сердце Спасителя глубокое и живое сострадание. Но никогда она не возбуждала в Нем более живого участия, чем теперь. Едва услышав их вопль: «*Иисус Наставник! помилуй нас!*» – Он тотчас же, даже не дожидаясь приближения к ним, громко сказал им: «*пойдите, покажитесь священникам!*» (Лк. 17:13–14). Они понимали значение этого повеления: они знали, что Он повелевал им идти и просить у священников признания их исцеленными, удостоверения в восстановлении им всех прав и преимуществ общественной жизни (Лев. 13:2; 14:2). Уже при звуке этого чудодейственного голоса они почувствовали в себе поток здоровой жизни, восстановление силы, очищение крови, заструившейся в их жилах, «и когда они шли, очистились» (Лк. 17:14). Они получили величайший и драгоценнейший дар, но велика бездна человеческой неблагодарности! Исцеленные не

подумали возвратиться к своему Бож. Врачу, чтобы воздать Ему должное благодарение. К стыду их возвратился только один из них, именно самарянин, который «громким голосом прославляя Бога, пал ниц к ногам Его, благодаря Его» (Лк. 17:15–16). Как ни привычно было сердце Христа ко всякой неблагодарности, но и оно было возмущено столь вопиющим, столь бесстыдным и столь чудовищным примером ее. «Не десять ли очистились, спросил Он с грустной удивленностью; где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?» (Лк. 17:17–18). Но если так черна и позорна была неблагодарность остальных девяти, то в сравнении с нею тем дороже была благодарность этого самарянина. И Спаситель не оставил ее без вознаграждения. Исцелив его тело, Он исцелил и его душу, любвеобильно сказав ему: «встань, иди; вера твоя спасла тебя!» (Лк. 17–19).

К этому времени относится возвращение с проповеди семидесяти учеников. Они передавали Ему с радостью о том успехе, которым сопровождалась их проповедь. Силою имени Христова они могли даже изгонять басов. По этому поводу Спаситель преподал им поучение, что добро бесконечно могущественнее зла и что победа над сатаною, спадшим с неба как молния, одержана и будет продолжаться во веки. Над всеми силами зла Он давал им власть и победу, и слово Его обетования должно было служить для них защитой от всякого источника вреда. Они будут наступать на аспида и василиска, попирать льва и дракона; за то, что Он возлюбил их, Он избавит их; Он защитит их, потому что они познали имя Его. Но у них есть еще более возвышенный, более духовный источник радости, именно, что имена их написаны в книге жизни и во век не изгладятся из нее.

Эта простая вера и безграничная надежда учеников наполнила сердце Иисуса радостью; но Он радовался духом также и потому, что хотя и был отвергнут и презираем книжниками и фарисеями, но Его любили и боготворили мытари и грешники. Бедные, которым Он благовествовал, слепые, зрение которым Он открывал, больные, которых Он исцелял, погибшие, которых Он взыскивал и спасал – все они с

искреннею и восторженною благодарностью теснились около своего доброго Пастыря и великого Врача. Всем утружающимся и обремененным Он во всевозможных видах давал надежду и благословение. В притче о докучливой вдове Он поучал их долгу веры и показал, что на неотступную, усердную молитву непременно последует ответ ([Лук. 18:1–8](#)). В притче о надменном, самодовольном своим почетом, своим постом и своею милостью фарисее, который приходил в храм только похвалиться пред Богом и потому уходил всегда менее оправданным, чем грешный мытарь, который с опущенными глазами, ударяя себя в грудь, только и повторял вопль о милосердии Божием, – Христос поучал, что Бог больше любит кающееся смирение, чем простое внешнее служение, и что сердце смиренное и дух сокрушенный – вот жертвы, которых не презрит Он и который наиболее благоугодны Ему.

ХХII. В Иерусалиме. Свидетельство Иисуса Христа в праздник Обновления храма о своем единосущии с Богом Отцом

Наступила зима с ее дождями и сырьими холодными ветрами, и в конце месяца Кислева у иудеев был новый великий праздник, именно праздник Обновления храма – в память того радостного для народа события, когда храм обновлен был Иудой Маккавеем после страшного осквернения его безумным бесчинством Антиоха Епифана. Подобно пасхе и празднику кущей он праздновался целую неделю и сопровождался большими торжествами, возвышавшимися еще от обычая зажигать огни, вследствие чего и самый праздник иногда назывался праздником огней. Спаситель опять нашел возможным побывать в Иерусалиме на этом празднике, чтобы среди собравшегося народа еще раз провозгласить о Своем Мессианском достоинстве. И Он провозгласил об этом при весьма замечательных обстоятельствах.

Народу к празднику собралось в Иерусалим по обычаю много, но торжество в значительной степени испорчено было сырой и холодной погодой, так что праздничная толпа должна была искать убежища от дождя под кровом обширной колоннады так называемого Соломонова притвора, т. е. той части храма, которая уцелела от разгрома его Навуходоносором и в своем обновленном и украшенном для праздника виде служила лучшим памятником былой славы народа. Тут среди народа оказался и Христос, и Он не мог укрыться от зорких глаз фарисейской партии. За время отсутствия Христа эта партия должна была не мало позадуматься над вопросом о том, кто же такой в самом деле этот Галилеянин, который учит с такою Божественною мудростью, что с Ним не могли равняться и величайшие учителя раввинских школ, и вместе с тем совершал чудеса, отрицать которые можно было только с явною преднамеренностью не признавать ничего чудесного. Простой народ называет Его Пророком и даже Мессией; но странно, что Он Сам не провозглашает Себя Мессией и отнюдь не думает

выступить в качестве того грозного завоевателя, мысль о котором уже несколько веков лелеялась в умах не только простого, исстрадавшегося от политического унижения народа, но и его вождей, в которых давно затемнилось истинное понятие о Мессии. Нужно же наконец разъяснить дело, и фарисеи попытались сделать это именно в настоящий праздник. И вот они приступили к Нему с решительным вопросом: «долго ли Тебе держать нас в недоумении! Если Ты Христос, скажи нам прямо» (Ин. 10:24). Это был знаменательный вопрос, показывавший, что наконец и фарисеи не могли более отрицать Его необычайного учения и великих дел. Но Христос провидел их затаенные мысли. Им отнюдь не нужен был Мессия в Его истинном, духовном достоинстве, так как Он при теперешнем состоянии этих мнимых праведников был бы только грозным обличением для них; а нужен был политический Мессия, который бы низверг ненавистных римлян и их ставленников Иродов, завоевал весь мир и поставил этих самых фарисеев и книжников властелинами народов. Страстно желая видеть в Иисусе земного национального Мессию, они с ненавистью отвергали в Нем Сына Божия, Спасителя мира. Что Он был Мессия в более возвышенном и духовном смысле, чем как мечтали они, это часто высказывал Он в ясных словах; но Мессией в том смысле, в каком желательно было им, Он не был и не хотел быть. Поэтому Он, чтобы не ввести их в заблуждение, и не говорить им: Я ваш Мессия, а только ссылается на то неоднократно высказывавшееся учение, которое доказывало, как ясно Его право на это достоинство, и на дела, которые свидетельствовали о Нем (Ин.5 и Ин.8). Если бы они были овцами Его стада, – и при этом Он припомнил им ту беседу, которую Он преподал им раньше, во время праздника кущей, – то они послушали бы Его голоса, и Он дал бы им жизнь вечную и они не погибли бы под Его защитой, потому что никто бы тогда не мог похитить их из руки Отца Его. «Я и Отец одно» (Ин. 10:30) – торжественно прибавил Он. Значение этих слов было ясно. В них Он объявлял Себя не только Мессией, но и Богом. Фарисеи несомненно поняли это, и в глубине своего сердца, насколько в нем оставалось чувства

правды, не могли не признавать истины этих слов на основании всего совершенного Христом. Но это разрушало их земные мечты, а земные выгоды были для них важнее всего, важнее самой истины, и как жалкие рабы мира сего они не могли снести такого возвышенного свидетельства и опять, как и на праздник кущей, яростно схватились за камни, которых было много около неоконченных построек храма. Если бы уже настал час Его, то Ему не избегнуть бы мучительной смерти, которой подвергся впоследствии Его первомученик Стефан. Но Его невозмутимое величие обезоружило их. «Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего, сказал Он, за которое из них хотите побить Меня камнями?» (Ин. 10:32) – «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, отвечали они, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Ин. 10:33). В оправдание Себя, Спаситель сослался на Св. Писание, где даже вообще богоопрощенные люди называются «богами» (Пс. 81:6), а тем более иметь право называться «Сыном Божиим» Тот, Который доказал Своим учением и Своими делами право на такое название. На Свою жизнь и Свои дела Он сослался как на неопровергимое доказательство Своего единства с Отцом. Если Его безгрешность и Его чудеса не были доказательством того, что Он не мог быть дерзким богохульником, в качестве которого они хотели побить Его, – то какое еще доказательство можно представить им? Не долженствовало ли это быть для них знаменем того, что Тот, Который пришел исполнить закон и возвестить вместо его другой более возвышенный закон, – Тот, о Кем свидетельствовали все пророки, кому Иоанн приготовлял путь, Кто говорил так, как никогда не говорил человек, Кто совершал дела, каких не делал никто с сотворения мира, Кто подтверждал все Свои слова и придавал значение всем Своим делам беспорочною красотой безусловно безгрешной жизни, – Тот действительно говорил истину, когда сказал, что Он одно с Отцом и что Он – Сын Божий?

Доказательство было неотразимое, они не смели побить Его камнями; но так как Он был среди них один и беззащитен, то они попытались схватить Его. Но и этого не могли. Вид Его устрашил их. Они расступились перед Ним и с пылающими от

ненависти лицами смотрели на Него, как Он удалялся из среды их. После этого стало еще яснее, что продолжать учение среди них невозможно. Они не могли подняться до Его понятия о Мессии, как и Он не мог снизойти до их понятия. Оставаться между ними значило только напрасно подвергать Свою жизнь постоянной опасности. Иудея поэтому была закрыта для Него, как закрыта была для Него (после известного посягательства Ирода) и Галилея. Во всей родной земле для Него оставалась только одна область, где Он еще мог быть безопасен, именно Перея, область заиорданская. Поэтому Он опять удалился в заиорданскую страну, и там остановился на некоторое время, чтобы еще раз отдохнуть душей пред предстоявшим Ему величайшим подвигом.

XXIII. В заиорданской стране. Благословение детей. Богатый юноша. Притча о равной плате работникам в винограднике. Известие о болезни Лазаря и отшествие Христа в Иудею

Во время пребывания в Перее Спаситель по обычаю занимался делами благотворения, поучал народ и беседовал с Своими учениками. Он уже не раз бывал в этой области, и народ знал Его как любвеобильного Учителя и Пророка, не только слово, но и благословение Которого принималось с благоговением. Бесконечная любвеобильность Его, столь непохожая на холодную презрительность гордых фарисеев и книжников, привлекала к Нему и женщин-матерей, который считали особенным счастьем для себя получить от Него благословение для своих малюток. У иудейских матерей и вообще был обычай подносить детей к раввинам для благословения, но к Спасителю они подходили с особенною охотою, в полной уверенности, что Он не отвергнет их. И Спаситель чрезвычайно любил детей, видя в них образец невинности и чистоты и надежду будущего. При одном случае матери с особенною настойчивостью и в большом числе подносили к Нему своих детей. Апостолы, думая, что это затрудняло Его в деле высшего служения, перестали было допускать матерей с детьми, но Спаситель тотчас же остановил их неуместную ревность, сказав им: «*пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть Царство Небесное*» (Мф. 19:4). И затем, обнимая детей и возлагая на них свои Божественный руки, Спаситель поучал учеников и народ, что «*кто не примет Царствия Божия как дитя*», т. е. со всею невинностью и бескорыстностью, «*тот не войдет в него*» (Лк. 18:17). По примеру Спасителя и основанная Им Церковь стала принимать детей в свое лоно чрез крещение, не отлагая этого до их возмужалости.

Пробыв в Перее несколько времени, Спаситель опять повернул на юг, чтобы в последней раз идти в Иерусалим. Он таким образом навсегда оставлял эту область, и все спешили

воспользоваться Его духовными советами для жизни. Между прочим к Нему подбежал весьма знатный и богатый юноша и, падая перед Ним на колена, воскликнул: «Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лк. 18:18). Укорив его за некоторую напыщенность и льстивость титула, изобличавшую в нем отсутствие сердечной простоты, Спаситель сказал ему, что для этого требуется соблюдать заповеди. Юноша видимо ожидал какого-либо нового и необычайного указания со стороны такого великого Учителя и спросил Его: какие заповеди? Когда Христос перечислил ему главнейшие заповеди десятословия и Моисеева закона, с особенным указанием на заповедь любить ближнего как самого себя, то юноша в изумлении заметил, что он все это соблюдал от юности своей и ему хотелось бы еще сделать что-нибудь кроме этого. Спаситель полюбил его за это желание подвига, но в то же время видел излишнюю самонадеянность этого человека и, чтобы изобличить его пред самим собою, сделал ему высокое предложение. «*Если хочешь быть совершенным, сказал Он юноше, пойди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною*» (Мф. 19:21). Это предложение сразу разбило всю его самонадеянность. Он был раб своего богатства и не имел сил расстаться с ним. «*Услышав слово сие, юноша отошел с печалью; потому что, замечает евангелист, у него было большое богатство*» (МФ. 19:22). Христос же извлек из этого случая предмет нового поучения для Своих слушателей, сказав им, как трудно богатому человеку войти в Царствие Божие. «*Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому (всеселу преданному своему богатству как источнику благ мира сего) войти в Царство Божие*» (Мф. 19:24). Так как мало таких богачей, которые бы не были привязаны к своему богатству, то, услышав это, ученики содрогнулись от этой мысли и невольно воскликнули: «*так кто же может спастись?*» (Мф. 19:25). Как и все иудеи, они привыкли смотреть на богатство как на особое благословение Божие и притом тайно продолжали лелеять в себе мысль о земном царстве Мессии, в котором им должна выпасть наилучшая доля. Если же так, то что же

станется с ними? «Вот, заметил Петр, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?» (Мф. 19:27). Тогда Христос, утешая их, открыл им их славную будущность. «Истинно говорю вам, сказал Он, что вы, последовавшие за Мною, в *пакибытии*, когда сядет Сын Человеческий на престол Славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28). Но чтобы это великое обетование не пробудило в них чувства гордости, Спаситель тут же прибавил, что они не должны придавать особенно большого значения своему первенству в проследовании за Христом, потому что в Царстве Небесном своя особая оценка, так что «многие будут первые последними, и последнее первыми» (Мф. 19:30).

Чтобы еще полнее и нагляднее разъяснить эту мысль, Христос рассказал им притчу о плате работникам в винограднике. Хозяин виноградника нанимал рабочих в три приема, так что первые нанятые им работали целый день, вторые несколько часов и трети всего один час. Первых он нанял по динарию в день, а остальным, как стоявшим праздно на рынке, предложил работать без определенного условия, обещая только должным образом вознаградить их. При расчете вечером хозяин велел своему управителю рассчитаться с рабочими и начать расчет с нанятых последними. Так как они пошли на работу по первому приглашению, с полным доверием к хозяину, и видимо усердием старались наверстать за краткость времени, то хозяин велел рассчитать их по динарию как за целый рабочий день. Такая щедрость хозяина пробудила в других рабочих надежду, что он сообразно с их более продолжительной работой рассчитает их в большем размере, т. е. заплатит им больше условленного динария. Но когда хозяин их рассчитал также по динарию на человека, то они подняли ропот и упрекали его за то, что он сравнил их с последними, которые работали лишь один час, между тем как они переносили зной и тягость целого дня. Но этот ропот обнаружил в них неверность принятому ими на себя обязательству и неосновательный расчет на получение большего сравнительно с тем, на что они шли, и такое недовольство встретило

справедливый укор со стороны хозяина, который сказал одному из недовольных: «друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое, и пойди; я же хочу дать этому последнему тоже, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» (Мф. 20:13–15). Таким образом и награда в Царстве Небесном будет зависеть не от первенства по времени призвания и не от продолжительности пребывания в этом призвании, а от степени верности долгу, усердия в труде и премудрой благости Божией, оценивающей людей не столько по внешнему труду, сколько по внутреннему существу. Потому-то, опять добавил Христос, «будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20:16).

Эти прощальные беседы относятся видимо уже к последним дням пребывания Христа в Перее, и когда Он приближался к границе Иудеи, то получил из Вифании печальное известие, что тот, кого Он любил, «был опасно болен» (Ин. 11:1). С этой вестью прислали к Нему нарочитого посланного сестры Лазаря, которые, не видя надежды на выздоровление своего возлюбленного брата, просили Христа, чтобы Он возможно скорее прибыл к ним и Своим Божественным участием помог им как-нибудь в постигшем горе. Просьба была настойчивая, но Христос не сразу пошел в путь. Занятый Своим великим делом духовного просвещения людей, Он послал только известие, что «эта болезнь не к смерти, а к славе Божией» (Ин. 11:4), и пробыл в Перее еще два дня. Только уже по прошествии их Он сказал Своим ученикам: «пойдемте опять в Иудею» (Ин. 11:7). Ученики напомнили Ему, как недавно иудеи хотели побить Его камнями, и спрашивали, как же Он опять хочет идти туда; но Он отвечал, что в течение двенадцати часов своего трудового дня Он может ходить безопасно, потому что свет Его долга, составлявшего волю Отца Небесного, предохранял Его от опасности. И затем Он сказал им, что Лазарь уснул, и что Он идет теперь пробудить его. Троє по крайней мере из них должны были помнить, как при другом известном случае Спаситель говорил о смерти как сне; но или это говорили другие, или же они были слишком

несообразительны, чтобы вспомнить об этом. Так как они поняли Его слова и смысл простого естественного сна, то Он должен был прямо сказать им, что *Лазарь умер* (Ин. 11:14) и что Он радовался этому ради них, чтобы они уверовали, потому что теперь Он идет воскресить его к жизни. «*Пойдем и мы*, сказал и апостол Фома, вообще мало доверявший возможности воскрешения из мертвых, *умрем с ним*» (Ин. 11:16), как бы говоря этим: все это предприятие бесполезно и опасно, а все-таки пойдём. И они двинулись в путь.

XXIV. В Иудее. Воскрешение Лазаря. Определение синедриона против Иисуса Христа. Предвозвещение о смерти на кресте. Просьба Саломии. Исцеление в Иерихоне слепцов и обращение Закхея. Помазание ног Иисуса Христа миром на вечери в Вифании

Пройдя предстоявший им путь, Спаситель с учениками приблизился к Вифании, но не сразу пошел в радушный для Него дом, а остановился в некотором отдалении от селения. Близость его к Иерусалиму, от которого оно отстоит всего на три с половиной версты, и выдающееся богатство и знатность семейства привлекли много знатных иудеев, прибывших утешить осиротевших сестер и погоревать с ними; а среди таких решительных врагов очевидно нужно было действовать с предосторожностями. Но между тем как Мария, верная своей созерцательной и любящей уединение натуре, сидела дома, не зная о приближении Спасителя, более деятельная Марфа уже узнала о Его прибытии и немедленно отправилась на встречу к Нему. Лазарь умер в тот самый день, когда Иисус получил известие о его болезни; два дня еще после этого Он провел в Пере, четвертый день прошел в путешествии. Эта медлительность должна была послужить к еще большей славе Божией в предстоявшем великом деле. Дочь Иаира Христос воскресил тотчас же после ее смерти; сына Наинской вдовы – когда его несли на кладбище, и теперь Он хотел доказать Свое всемогущество воскрешением человека, которого уже коснулось тлене. Но Марфа не могла понять этой печальной медлительности с Его стороны. «Господи, встретила она Его с тоном некоторого укора: если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!» (Ин. 11:21). Но тут же вера и надежда взяли в ней перевес над всеми другими чувствами, и она прибавила: «но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог» (Ин. 11:22). Спаситель тотчас же подтвердил ее веру торжественным заявлением: «воскреснет брат твой!» (Ин. 11:23) сказал Он, намеренно употребляя двусмысленное выражение, чтобы возвести веру Марфы от простого личного

интереса к возвышенным мыслям. Марфа поняла это изречение лишь в смысле всеобщего воскресения мертвых, и так как она надеялась на нечто более близкое и непосредственное, то этот ответ лишь прибавил ей скорби и она с печалью ответила только: «*знаю, что воскреснет, в воскресение, в последний день*» (Ин. 11:24). Тогда Спаситель, видя, что ее мысли несколько освободились от личного интереса, сделал ей торжественное откровение о Своем Божественном существе, в котором заключается источник нашего воскресения. «*Я, сказал ей Христос, есть воскресение и жизнь: верующий в Меня если умрет, оживет. Веришь ли сему?*» (Ин. 11:25,26). «*Так, Господи, отвечала убежденная теперь Марфа: я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир*» (Ин. 11:27). Такая беседа совершенно ободрила ее, и она пошла за своей сестрой Марией, которой и передала тайком радостную для нее весть: «*Учитель здесь и зовет тебя*» (Ин. 11:28). Мария тотчас же пошла по указанию сестры и, увидев своего возлюбленного Учителя и Господа, пала к ногам Его и с удрученным сердцем проговорила тоже, что и ее сестра: «*Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!*» (Ин. 11:32). Эта единодушная вера сестер во всемогущество Христа над смертью и жизнью вместе с надрывающим душу горем, постигшим это добре семейство, чрезвычайно тронули Спасителя, и Он едва мог проговорить: «*где вы положили его?*» – «*Господи, иди и посмотри*» (Ин. 11:34), ответили Ему плачущие сестры. Когда Он следовал за ними, из очей Его текли безмолвные слезы. Эти слезы не остались незамеченными, и между тем как некоторые иудеи с почтительным сочувствием увидели в них доказательство Его любви к покойному, другие спрашивали с сомнением и почти с насмешкой: не мог ли отверзший очи слепому сделать, чтобы и друг Его не умер? Они не слышали, как Он в отдаленном городке Галилеи воскресил мертвого, но знали, что в Иерусалиме Он открыл глаза слепорожденному, и это представлялось им не менее поразительным чудом. Но Христос знал и слышал их толки, и еще раз все это зрелище – действительная скорбь, наемный плакальщицы, неутолимая ненависть, – все это собравшееся вокруг страшного дела смерти

так потрясло Его дух, что, не смотря на предстоявшее воскрешение мертвеца, Он еще раз был увлечен бурей скорбного чувства и плакал. Гробница Лазаря, подобно большинству гробниц богатых иудеев, представляла собою выем, продольно высеченный в скале и закрытый при входе плитой или массой камней. Иисус Христос велел отнять этот голал, как назывался пригробный камень. Но Марфа частью вследствие своего убеждения, что душа уже совсем оставила соприсутствие с тлеющим телом, частью опасаясь вследствие понятной деликатности возможности отталкивающего зрелища, которое открылось бы с удалением камня, возразила против этого. В том жарком климате погребение по необходимости совершается немедленно после смерти, а так как теперь уже был вечер четвертого дня со времени смерти Лазаря, то было полное основание думать, что наступило уже разложение. Но Христос торжественно напомнил ей о своем обещании, и камень был отвален от пещеры, где лежал умерший. Спаситель остановился при входе, а все другие невольно отшатнулись назад, устремив свои взоры на эту мрачную и безмолвную пещеру. Все приталили дыхание, когда Иисус возведя очи свои к небу и благодарил Бога за предстоящее услышание Его молитвы. И затем, возвысив Свой голос до потрясающей и повелительной власти, в сильных кратких словах, обычных у Него при всех подобных случаях, Он воскликнул: «Лазарь, иди вон!» (Ин. 11:43) и к ужасу всех присутствующих мертвец встал из гроба и вышел опять на свет Божий – в своем страшном погребальном одеянии. Христос велел снять с него погребальные пелены, и Лазарь мог свободно идти домой, а вся присутствовавшая толпа народа в страхе и изумлении следила за воскрешенным и рассуждала о Том, Кто совершил такое великое чудо. Многие уверовали в Него; но были и такие, упорного неверия которых не мог победить и Лазарь, возвратившийся из загробной жизни, и они лишь поспешили в Иерусалим, чтобы донести о случившемся синедриону.

Слух о новом величайшем чуде Иисуса чрезвычайно смущил и взволновал членов синедриона, который немедленно собрался для обсуждения того, что же делать теперь.

Назаретский Пророк очевидно становился для них опасным, так как даже многие из знатных иудеев, присутствовавших в Вифании, уверовали в Него. Чудо может получить особенно большую гласность и весь народ пойдет за Иисусом, а это может угрожать великою опасностью, возбудить подозрительность римлян, которые и воспользуются этим случаем для того, чтобы окончательно лишить народ политического существования. Спор был горячий, так как партии в синедрионе, всегда враждовавшие между собою, теперь дошли до ожесточения. Фарисеям собственно назаретский Пророк был бы на руку, если бы только Он согласился выступить в качестве национально-политического Мессии, каким только они и представляли себе Мессию, и не с такою суворостью изобличал их внутреннюю лицемерность и лживое благочестие; но саддукейская партия, которая всем своим благосостоянием обязана была теперешнему униженному состоянию народа и которая, благодаря римским ставленникам – Иродам, держала в своих руках первосвященство, бывшее для них, крупным источником обогащения боялась всякого народного смятения и готова была прибегнуть ко всевозможным мерам, чтобы устраниТЬ повод к какой-либо подозрительности и недовольству римлян. Выразителем и глашатаем этой партии выступил тогдашний первосвященник Иосиф Каиафа. Он был поставлен в первосвященники римским прокуратором Валерием Гратом, незадолго пред тем оставившим должность правителя этой провинции. Будучи во всех отношениях креатурой римлян и не пользуясь вследствие этого никаким уважением со стороны народа, он в основу рассуждения поставил именно свои личные выгоды и, прикрывая их благом народа, обратился к синедриону с резкою речью, говоря: «вы ничего не знаете» (Ин. 11:49); иначе вы не рассуждали бы так много и горячо по-пустому. Вы не приняли во внимание главного, именно, что сдѣлается неизбежным, если допустить полное торжество Иисуса Галилеянина. Мессианское движение, очевидно угрожающее разразиться теперь, несомненно привлечет римлян, которые являются с своими легионами, закроют храм, уничтожат все национальные учреждения и прежде всего синедрион, лишат

народ всякой независимости и в случае сопротивления опустошат страну огнем и мечем. Поэтому, с зловещею торжественностью заключил Каиафа, «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:50). Мысль Каиафы была для всех ясна. Он очевидно требовал смерти Христа как необходимого условия спасения народа; но он и сам не понимал, какое высокое пророчество изрекал он, предсказывая, «что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин. 11:51–52).

«С этого дня положили убить Его» (Ин. 11:53). Стражникам дано было приказание тщательно сладить за Ним, чтобы при первом удобном случае арестовать Его и подвергнуть беспощадному суду смерти. Вследствие этого Спасителю невозможно было более оставаться в Иудее, и так как не настал еще час Его, то Он на время удалился «в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим, и там оставался с учениками swoими» (Ин. 11:54). Там, в полной безопасности от всех замыслов и козней своих смертельных врагов, Он спокойно и счастливо провел последние недели жизни, окруженный только Своими учениками, которых Он в этом мирном уединении готовил к великому труду на зреющей жатве мира.

Неизвестно, сколько времени продолжалось это невольное пребывание в Ефраиме, но вот приближался праздник Пасхи, тот праздник, когда вместе с узаконенными агнцами должен был закласться и Агнец, вземлющий грехи мира. Караваны поклонников по обычай потянулись отовсюду в Иерусалим; отправился и Иисус Христос с Своими учениками. Он был погружен в великую думу о предстоявшем величайшем подвиге, и ученики, следя за Ним, не смели прерывать Его размышлений. Наконец Он остановился и подозвал их к Себе, и тогда еще раз, именно в третий раз, с более полными, более ясными, более поразительными и ужасными подробностями, чем когда-либо прежде, говорил им, что Он будет предан первосвященникам и книжникам; и осудят Его на смерть и предадут язычникам; язычники поругаются над Ним и будут бить

Его и – теперь в первый раз Он ясно открыл им о самом ужасном событии, что Он будет распят, но на третий день воскреснет. Но их умы все еще переполнены были земными мессианскими надеждами, они так были пред заняты мыслью о предстоявшем наступлении Царства Божия во всем его величии, что предсказание это как бы совершенно пронеслось мимо их ушей; они не поняли его, да и не хотели понимать совсем. И это с поразительностью доказано было новым событием, опечалившим Христа. Во время этого самого пути со стороны некоторых из учеников была заявлена крайне неблаговременная и себялюбивая просьба, показывавшая, до какой степени мало еще просвещены были души даже ближайших учеников светом Евангелия. К Иисусу Христу подошла Саломия, одна из Его постоянных спутниц, с своими двумя сыновьями, Иаковом и Иоанном, и обратилась к Нему с просьбою обещать им особенную милость. Христос спросил, чего они желают; и тогда мать от имени своих пылких и честолюбивых сыновей просила, чтобы в Царстве Своем Он посадил одного из них по правую руку и другого по левую. Христос кротко отнесся к такому их себялюбию и заблуждению. Они по слепоте своей просили о положении, которое лишь несколько дней спустя, как они должны были увидеть, занято было в позоре и мучении двумя распятыми разбойниками. Воображение их рисовало пред ними двенадцать престолов, а Он говорил им о трех крестах. Они мечтали о земных коронах, а Он говорил им о чаше горечи и о крещении кровию. Могли ли они пить с Ним эту чашу, или креститься этим крещением? Быть может более понимая теперь значение Его слов, они смело отвечали: «можем» (Мк. 10:39); и тогда Он сказал, что им действительно придется оправдать слова свои, но что сидеть по правую и по левую сторону Его придется лишь тем, кому уготовано Отцом Небесным. И подозвав затем всех Своих двенадцать учеников, Христос еще раз поучал их, как ошибочны их взгляды на Царство Небесное, и еще раз разъяснял им его истинное значение как совершенно отличного от царств мира сего.

Но вот путники перешли Иордан и вступили в равнину Иерихонскую. Это одно из самых роскошных мест в Палестине. Мягкий климат дает тропическую растительность. Смоковничные рощи в ней славились на всю страну и давали богатые урожаи. Бальзамовые растения, наполняя воздух сладостным ароматом, в то же время знамениты были своею целительною силою для ран; маис давал две жатвы, и пшеница поспевала месяцем раньше чем в Галилее. Бесчисленные рои пчел находили богатую пищу на сочных ароматических кустах и цветах, из которых наиболее дорогие породы росли только здесь, наполняя воздух сладостным благоуханием и придавая особенную прелесть самой местности. Равнина медленно поднимается от глубокой ложбины Иордана, лежащей гораздо ниже уровня Средиземного моря, по направлению к западу, и верстах в двенадцати от реки, на высоте семисот футов выше уровня ее, лежал тот знаменитый город, который некогда первый пал пред сынами Израиля при вступлении их в землю обетованную. Он много пережил превратностей в своей исторической судьбе и теперь, не смотря на положенное на него Иисусом Навином заклятие, опять гордо высился над окружающею местностью, блестя на знойном солнце белезною своих крепостей и дворцов, воздвигнутых Иродом великим. Когда Христос медленно поднимался с Своими учениками по направлению к этому городу, у ворот его совершилось одно из последних чудес на благо страждущего человечества. У ворот сидело двое нищих, которые просили милостыню у прохожих, и имя одному из них Вартиней. От проходящих этим путем поклонников они могли надеяться на хороший сбор милостыни, но не предполагали, какое ожидало их счастье. Заслышав необычайный шум проходящего народа, находившегося в особенном возбуждении, они узнали, что тут проходит Иисус Назарянин, слава о чудесах которого гремела по всей стране. Это тотчас же пробудило в них сладостную надежду, и они, забыв о всякой другой милостыне, стали кричать Ему: «*Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!*» (Мф. 20:31). Народ хотел заставить их замолчать, считая этот громкий крик непристойным в присутствии Того, который должен был войти в Иерусалим как

Мессия Своего народа. Но Христос услышал их вопль, и Его сострадательное сердце тронулось им. Он остановился и велел подозвать их к Себе. Тогда народ переменяется свой тон и говорит Вартимею (наиболее заявлявшему о себе криком о помиловании в несчастье): «*Не бойся, вставай, зовет тебя*» (Мк. 10:49). В порыве радости он поспешно сбросил свой плащ, вскочил и подошел к Иисусу. «*Чего ты хочешь от Меня?*» (Мк. 10:50) спросил Спаситель. «*Раввуни*», отвечал тот, давая Иисусу самый почетный титул, какой только был известен ему, «*чтобы мне прозреть*» (Мк. 10:50). «*Прозри*», сказал Христос, «*вера твоя спасла тебя*» (Мк. 10:51). Он прикоснулся к глазам их, и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним, славя Бога.

В Иерихоне нужно было отдохнуть, прежде чем выступить в трудный и вместе небезопасный от разбойников путь, который ведет к Иерусалиму. Он представляет собою трудный, почти непрерывный шестичасовой подъем, подошва которого гораздо ниже, а вершина почти на 3,000 футов выше уровня Средиземного моря. Двумя наиболее выдающимися классами в населении Иерихона были священники и мытари. Так как это был священнический город, то естественно бы ожидать, что Царь, сын Давидов, преемник Моисея, будет принят в доме какого-нибудь потомка Аарона. Но место, которое избрал Христос для отдыха, определилось другими обстоятельствами (Лк. 19:1–10). В городе было поселение мытарей для сбора пошлин с обширной торговли бальзамом, который добывался здесь в большем количестве, чем где-либо еще, и для наблюдения за ввозной и вывозной торговлей, производившейся между римскими провинциями и владениями Ирода Антипы. Одним из начальников этих мытарей был Закхей, вдвойне ненавистный народу как иудей и как исполнявший свою должность вблизи святого города. Его начальственное положение только усиливало народную нелюбовь к нему, потому что иудеи считали это положение как бы наградой ему за особенную ревность на службе их угнетателям римлянам, а на его богатство смотрели как на доказательство бессовестного взяточничества. Этот человек имел глубокое желание увидеть своими собственными глазами,

что за личность был Иисус; но будучи мал ростом, он не мог из-за густой толпы даже взглянуть на Него. Поэтому, когда Иисус проходил через город, он забежал вперед и взобрался на развесистые ветви смоковницы, стоявшей у дороги. Под этим деревом должен был проходить Иисус Христос, и мытарю представлялась полная возможность видеть Его – Того именно необычайного Пророка, который не только не питал обычной ненависти к мытарям, но находил Себе среди них наиболее ревностных слушателей и одного из них возвысил даже в звание апостола. Когда Иисус Христос приблизился, Закхей действительно увидел Его и радовался этому; но еще большею радостью и благодарностью забилось его сердце, когда великий Пророк, признанный Мессия Своего народа, остановился под деревом, взглянул вверх и, называя его по имени, велел ему скорее сойти вниз, потому что намеревался быть у него в доме. Закхей должен был не только видеть Его, но и принять в своем доме, ужинать с Ним и предложить Ему ночлег у себя, – презренный мытарь должен был иметь своим гостем славного Мессию. С радостью Закхей поспешил слезть с дерева и повел великого гостя к себе в дом. Но народ единодушно и громко возроптал: для него казалось непристойным, несообразным, унизительным, чтобы Царь в самой среде Своих восторженных последователей остановился в доме человека, занятие которого было символом национального унижения и который даже в этом звании, как открыто говорилось в толпе, не пользовался доброй славой. Но милостивое слово Иисуса значило больше для Закхея, чем весь ропот и все оскорблении толпы. Оно переродило его и с животворною силою воскресило в нем все добрые качества его души, которые задавлены были своекорыстием и окружающим к нему презрением. В восторге от оказанной ему великой чести, Закхей, встав из-за стола, торжественно заявил: «Господи, половину имения моего я отдаю нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо!» ([Лк. 19:8](#)). Это благородное самоотвержение презренного мытаря, который с таким прямодушием низвергал кумира своей жизни, оправдало оказанную ему Христом честь, и Спаситель благостно воскликнул: «ныне пришло спасение дому сему,

потому что и он сын Авраама» (Лк. 19:9), в лучшем смысле этого слова, как сын отца верующих. «*Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»* (Лк. 19:10), добавил Он.

Так как не только окружавший Его простой народ, но и ученики продолжали питать ложное ожидание, что скоро в Иерусалиме должно открыться Царствие Божие в его чувственном смысле, то Христос рассказал им поучительную притчу о высокознатном человеке, который «отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться» (Лк. 19:12). Самый образ взят из хорошо известного иудеям, недавно совершившегося пред тем обстоятельства, как Архелай отправлялся по смерти своего отца Ирода великого в Рим, чтобы добиться у императора царского достоинства для себя. Пред отправлением он роздал своим рабам по мина серебра, чтобы они употребили его в оборот до его возвращения. Не смотря на противодействие многих граждан, он получил царство и по возвращении воздал должное как своим врагам, так и рабам, смотря по их верности и заслугам. Один ленивый и неверный раб, вместо того чтобы пустить в оборот вверенную ему мину серебра, спрятал ее в платке и возвратил господину с непристойной и дерзкой жалобой на его жестокость. Поэтому серебро было отобрано у него и отдано тому, кто наиболее заслужил из добрых и верных рабов; последние были щедро награждены; непокорные граждане, противодействовавшие его воцарению, были схвачены и преданы смерти. Притча эта имела многостороннее приложение: она указывала на скорое удаление Христа Спасителя из мира, на ненависть, с которой отвергали Его, на долг верности в пользовании всем, что вверено; на неизвестность времени Его возвращения; на несомненность того, что по возвращении Его все должны будут дать строгий отчет; на осуждение ленивых, на великую награду всем, которые верно послужат Ему, и на конечную гибель тех, которые отвергали Его.

Шествие между тем приближалось к цели, и вот уже знакомые остовы горы Елеонской. Большинство сопровождавшего Христа народа поспешно спустилось с горы,

чтобы там в виду святого города расположиться на ночлег среди зеленеющих склонов горы, но Сам Христос предпочел остановиться в любимом им селении в Вифании, где уже ожидало Его с любовью и приветом благочестивое семейство вифанское. Там для Него приготовлен был ужин, за которым происходила благодатная беседа, снова приобретшая Христу нескольких верующих среди знатных иудеев, пришедших лично убедиться в совершенном над Лазарем чуде. Но эта беседа ознаменовалась одним замечательным событием, подготовившим решительный момент в земной жизни Спасителя. В то время как Марфа по обычаю хлопотала по хозяйственной части, Мария сидела у ног Христа и слушала Его сладостную беседу. Находясь в присутствии своего обожаемого Учителя и своего возлюбленного брата, бывшего живым свидетелем мессианского всемогущества Христа, она почувствовала непреодолимую потребность выразить Ему чем-нибудь свою любовь, свою благодарность и свое благоговение. И вот встав, она взяла алавастровую вазу индийского драгоценного нардового мира и, тихо подойдя сзади к Иисусу, разбила вазу и полила драгоценную благоуханную влагу сначала на голову Ему, а потом и на ноги, и затем, как бы не видя никого из посторонних присутствующих, вытерла Его ноги длинными локонами своих расщепленных волос, и воздух наполнился сладостным благоуханием пролитого мира. Это был поступок всецело-преданной любви, необычайного самоотречения, и бедные галилеяне, следовавшие за Иисусом, так мало привычные ко всякой роскоши, но понимая однако же цену этого дара, естественно не могли не изумиться, что такая драгоценность растрячена была в один миг. В одном же из них это благородное дело Марии пробудило низкое чувство досады и злобы, – именно в Иуде Искариоте. Его низкая натура, которую не могло облагородить и благодатное сообщество с Христом, начала уже сильно обозначаться, и он, разочаровавшись в выгодах, которых ожидал от вступления в общество Христа, начал вознаграждать себя воровством из общинной кружки. И теперь при виде щедрой жертвы Марии, которая при переводе на деньги составила бы значительную

сумму для апостольского ковчежца, находившегося в полном его распоряжении, душа его переполнилась негодованием и бешенством. Ею уже овладел диавол. Мучимый духом алчности, он с притворным человеколюбием угрюмо заметил: к чему такая трата? «*Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?*» (Ин. 12:5). Христос со скорбью провидел коварную и алчную мысль Иуды, но на этот раз лишь косвенно укорил его, защищая Марию, которая уже стала предметом неблагоприятных для нее замечаний. «Что смущаете вы женщину?» сказал Он. «*Оставьте ее; она добре дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда.* Она сберегла это миро на день погребения Моего» (Мк. 14:5–8). И к этому Он прибавил пророчество, чудесно исполнившееся до настоящего времени, что где только будет проповедано Евангелие, там с честью будет поведано и о деле ее.

Слух о том, что в Вифании Иисус Христос обратил к вере в Себя еще нескольких знатных иудеев, быстро дошел до синедриона, и он пришел в такое яростное исступление, что помышлял даже убить Лазаря, как неопровержимого свидетеля чудотворения ненавистного им Галилеянина, но в то же время еще с большей решимостью стал стремиться к подготовлению Его собственной гибели.

Отдел шестой. Последние дни земной жизни Господа Иисуса Христа

XXV. Вход Господень в Иерусалим и следовавшие за ним дела, притчи и беседы. Ответы на лукавое совопросничество фарисеев, саддукеев и книжников

В Жизни Христа наступал последний решительный момент. Злоба врагов все возрастала и изыскивала средства подорвать Его влияние на народ и даже убить Его. Теперь не время было более воздерживаться от открытого провозглашения мессианства. Доселе Христос заявлял о Себе как об обетованном Мессии в большинстве частным образом и отдельным личностям; теперь настало время объявить об этом всенародно, и самым торжественным образом заявить, что Он есть истинный Царь Мессия, истинный Сын Давидов. И Спаситель сделал это заявление Своим торжественным входом в Иерусалим.

Пред большими праздниками толпы богомольцев, собиравшихся отовсюду, имели обычай входить в святой город торжественно и со всевозможными выражениями радости. Такой вход захотел сделать и Христос, который, как общепризнанный народом пророк и славный учитель, по необходимости должен был занять видное положение; и Он воспользовался этим обстоятельством, чтобы в последний раз открыть славу Свою. Доселе Он вступал в Иерусалим обыкновенно пешком; теперь Он хотел вступить в него так, как не раз вступал некогда Его предок Давид, именно сидя на осле. Это мирное и полезное животное высоко ценилось на востоке, и для иудеев с ним связывалось не мало исторических воспоминаний, которые делали его даже более благородным и любимым в их глазах, чем гордые кони, добывавшиеся из Египта. Еще более возвышалось в глазах их значение осла вследствие торжественного заявления пророка, что на осле именно вступит в Иерусалим Мессия – Царь (Зах. 9:9). И поэтому такой именно вход Спасителя в св. город мог служить лучшим и самым наглядным провозглашением Его мессианства.

Рано утром девятого Нисана Спаситель оставил Свой мирный и гостеприимный кров в Вифании и по обычай пешком направился с Своими учениками к Иерусалиму. Спустившись в небольшую долину, сплошь покрытую смоковницами и маслинами, они приблизились к деревне Виффагии, которая подобно Вифании находилась в таком близком расстоянии от Иерусалима, что по раввинскому закону считалась как бы частью его. Тайные ученики и последователи Христа в это время жили во многих местах, и (вероятно) к одному из них, жившему в Виффагии, Он отправил двоих учеников, чтобы они взяли у него осла для торжественного входа в Иерусалим. Ученики в точности исполнили повеление и привели ослицу с молодым осленком.

Между тем до Иерусалима уже долетала молва о намерении Христа вступить в святой город, и толпы галилейских поклонников, расположившихся около города, с понятным чувством радости и самодовольства устремились на гору встречать Его, для чего по пути срезывали молодые, только что вскрывавшаяся ветки пальм и других придорожных дерев, чтобы оказать Ему особенный почет. Ученики, возбужденные этим обстоятельством, постилали свои плащи и покрыли ими осленка, на которого воссел их учитель, а народ стал устилать путь ветвями, как это было в обычай на востоке. Так некогда иудеи устилали смоковничными и пальмовыми ветвями путь Мардохею, когда он ехал из царского дворца, и персидское войско так же выражало свой восторг Ксерксу перед переправой через Геллеспонт. И вот шествие двинулось. Чрез гору Елеонскую в Иерусалим вели три дороги, но так как две из них не более как тропинки, то Спаситель избрал самый торный большой путь – именно южный, который и теперь считается лучшим. И лишь только двинулось шествие, как неудержимый восторг охватил и учеников, и всю окружавшую толпу народа. В порыве восторженной радости за своего Учителя Апостолы воскликнули: «*Осанна Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!*» (Мф. 21:9). Народ подхватил этот радостный клик, и в толпе разносилась молва о том, как Он воскресил Лазаря из мертвых. Дорога тут

постепенно поднимается на гору Елеонскую, по зеленым полям и под тенистыми деревами, и на вершине ее круто поворачивает к северу. На этом-то именно повороте впервые открывается вид на Иерусалим, который дотоле скрывается за отрогом горы. Там в прозрачном воздухе, поднимаясь из окружающей глубокой долины, стоял пред Ним знаменитый историческими воспоминаниями город, и утреннее солнце, сверкавшее на мраморных башнях и золоченых кровлях храмовых зданий, отражалось в море ослепительного блеска, пред которым зритель должен был закрывать глаза. Этот вид на знаменитый город действительно поражал своим великолепием, и многие иудейские и языческие путешественники останавливали здесь своих коней и с восторгом немого изумления глядели на это дивное зрелище. Иерусалим в то время, окаймленный целым рядом гордых башен, считался одним из чудес мира и представлял великолепное зрелище, о котором теперешний Иерусалим не может дать и приблизительного понятия. И вот этот город во всем своем величии открылся пред взором Христа, его истинного Царя! Всякого другого это величественное зрелище могло привести в восторг; но истинный Царь смотрел не на внешний блеск города, а на внутреннее достоинство его жителей, и пред Его взорами открылась такая страшная бездна неверия и порока, уже назревших для совершения величайшего и гнуснейшего преступления на земле, что этот великолепный вид поразил бесконечно сострадательное сердце Христа невыносимою болью. Он не раз плакал и проливал слезы над человеческою бесчувственностью и греховностью, но теперь Он громко зарыдал. Весь позор издевательства и вся нестерпимая боль Его страданий спустя пять дней бессильны были истогнуть хоть один стон из Его груди или вызвать хоть одну слезинку на Его истомленные веки; здесь же Его внутренняя скорбь пересилила Его Человеческий дух, и Он не просто плакал, а неудержимо рыдал, так что подавленный голос едва мог произносить слова. «*О, если бы и ты!*» воскликнул Он, когда народ в изумлении смотрел и не знал, что подумать или сказать, – «*о если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!*» (Лк.

19:42). Скорбь прервала Его слова, и когда задушенный рыданием голос несколько оправился опять, Он мог только прибавить: «но это скрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:42–44). Это был последний призыв со стороны Мессии преступному городу, избивавшему пророков, к покаянию, но так как он не внял и этому призыву, то должен был понести предсказанную ему участь. И действительно сорок лет спустя пророчество Христа исполнилось во всей его точности.

Когда Иисус оплакивал город и произносил Свое пророчество над ним, шествие приостановилось. Но теперь и народ, находившийся в долине Кедронской и около стен Иерусалима, а также и все поклонники, расположившиеся в шалашах и палатках, густо пестревших по зеленым склонам внизу, завидев приближение народной массы на горе и, услышав отголоски радостных кликов, поняли, что означало все это. Срывая с дерев зеленые ветви, народ бросился по дороге на гору встречать приближавшегося Пророка. И когда встретились эти две народные волны, одна сопровождавшая Его из Вифании и другая, вышедшая на встречу к Нему из Иерусалима, то Он оказался в средине народной массы, которая шла и впереди, и сзади, крича «осанна» и махая ветвями – до самых ворот Иерусалима. Среди толпы было несколько фарисеев, и восторг народа был для них острее меча. Что значит эти мессианские крики и царские титулы? Разве они не опасны, разве пристойны? зачем Он допускает их? «Учитель, запрети ученикам Твоим» (Лк. 19:39). Но Он не хотел останавливать их. «Если они умолкнут, сказал Он в ответ, то камни возопиют» (Лк. 19:40). И фарисеи, при всем своем озлоблении, невольно чувствовали, что они бессильны остановить прилив народного восторга. Когда шествие приблизилось к городским стенам, то весь город обят был необычайным волнением и тревогой. «Кто это? спрашивали жители, смотря на шествие из-за решеток и с кровлей, стоя на

базарах и улицах, по которым двигалось оно; и народ восторженно и вместе простодушно отвечал: «это *Иисус, пророк из Назарета Галилейского*» (Мф. 21:10–11). Внутри города народ рассеялся, а Христос направился к храму. Восторженные клики народа нашли отголоски и здесь. Даже дети, вероятно из храмового хора, кричали Ему: «*осанна Сыну Давидову*» (Мф. 21:15), и когда книжники и фарисеи с затаенною злобою обратили Его внимание на это, то Он отвечал им: «*разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?*» (Мф. 21:16). К вечеру Спаситель возвратился в Вифанию.

На другой день ранним утром Он опять направился в Иерусалим – для проповеди в храме, и по пути совершилось событие, наглядно изобличавшее лицемерие и бесплодие того народа, который некогда был избран Богом и не оправдал своего избрания. Поспешая на проповедь и не желая заставлять Себя ожидать народ, который «с утра приходил к Нему в храм слушать Его» (Лк. 21:38), Спаситель оставил Вифанию раньше завтрака и, почувствовав голод, искал глазами какой-либо смоковницы, плодами которой можно бы подкрепиться. Вдали виднелась роскошная по своей листве смоковница, обещавшая дать желаемое; но когда Христос подошел к ней, она оказалась совершенно бесплодной. Эта обманчивая внешность поразительно изображала собою бесплодие и обманчивую внешность иудейского народа и особенно вождей его, вся религиозность и благочестие которых выродились в бесплодную выставку внешней обрядности, и чтобы показать Своим ученикам, какая участь ожидает за это, Он проклял ее, – говоря: «*да не будет же впредь от тебя плода во век. И смоковница тотчас засохла*» (Мф. 21:19). Когда ученики выразили удивление этой единственности слова их Учителя, то Он прибавил им поучение касательно силы веры. Вера так всемогуща, что обладающей ею даже если скажет горе – поднимись и ввергнись в море, то совершится и это. «*И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите*» (Мф. 21:22).

Прибыв в храм и осмотревшись кругом, Спаситель с горестью увидел, что обычная иудейская алчность опять забыла

некогда преподанный Им урок и по случаю стечения народа опять превратила храм Божий в торжище. Все храмовые дворы опять переполнены были волами и овцами, продавцами голубей и ростовщиками; великолепный портик занавожен был прогоняемым скотом и оглушался гулом торгующихся голосов и звоном монет. Христос не хотел проповедовать в таком оскверненном месте. Еще раз, с смешанным чувством скорби и гнева, Он выгнал отсюда всех, и никто не осмелился воспротивиться Еgo сокрушающей ревности. Он не потерпел даже, чтобы народ нарушил тишину святилища, проходя чрез него с сосудами и делая его местом обыкновенного прохода. Огромная масса иудеев, доходившая иногда до двух и даже трех миллионов и наводнявшая священный город во время недели праздника, несомненно делала двор язычников еще более безобразным и шумным зрелищем, чем во всяко другое время, тем более, что в тот день по закону всеми поклонниками выбирался и покупался пасхальный агнец. Но ничто не могло оправдать того, чтобы дом Отца Небесного, бывший домом молитвы для всех народов, обращен был в место – более всего похожее на те грязные и мрачные вертепы, где разбойники делят злоприобретенную добычу.

Свою обычную проповедь Он начал не раньше, как по приведении храма в состояние приличия и тишины. Труд этот был теперь несомненно легче, потому что он уже раз совершился. Когда прекратилась безобразная торговая суетня, храм опять принял свой обычный вид. Страждущие приходили к Христу и Он исцелял их. Слушатели сотнями теснились к Нему, дивились Его учению, жадно ловили каждое слово из Его уст. Между другими слушателями обращали на себя внимание греки, которые, заинтересовавшись беседою и рассказами о необычайном Проповеднике, хотели даже лично переговорить с Ним, о чем и докладывали через ап. Андрея. По преданию, это были посланные от Августа V, царя Едесского, который услышав о необычайных делах Христа и вместе грозящей Ему опасности от вождей иудейского народа, предлагал Ему убежище в своих владениях. Появление этих чужеземцев показало, что настал час прославления Сына Человеческого в народах, и Он

воскликнул: «*Отче, прославь имя Твоё!*» И в ответ на это раздался голос с неба: «*И прославил, и еще прославлю*» (Ин. 12:28). Голос этот не для всех слышен был одинаково. Для многих он показался простым раскатом грома, но другие говорили, что это «*Ангел говорил Ему*» (Ин. 12:29), и только немногие слышали его раздельно.

Между тем слух о новом изгнании торжников из Храма дошел до синедриона, и члены его, оправившись немного от смущения, явились в храм с целью потребовать от Проповедника ответа на вопросы «*Какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?*» (Мф. 21:23). Вопросами этими имелось в виду очевидно вызвать Его на какое-либо такое заявление, которое, как бывало и прежде, дало бы им основание обвинить его в богохульстве и побить камнями. Но коварство это обрушилось на их собственную голову. Провидя их злую мысль, Христос с Божественною мудростью сказал им, что Он ответит им, если только они сами предварительно ответят на Его вопрос, именно: «*Крещение Иоанна откуда было – с небес, или от человеков?*» (Мф. 21:25). Вопрос этот сразу смутил совопросников, и водворилась мгновенная тишина. «*Отвечайте Мне*» (Мк. 11:29), настаивал Спаситель, прерывая их шепотливые переговоры. Но ответа не последовало: они вполне понимали значение и цель вопроса. Отклонить его, как не относящийся к делу, не было никакой возможности. Иоанн открыто и выразительно свидетельствовал об Иисусе, признавая Его, пред самыми уполномоченными от синедриона, не только Пророком, но Пророком гораздо большим Себя Самого, даже величайшим Пророком, Мессией. Признавали ли они это свидетельство, или нет? Ясно, что Христос имел право требовать от них ответа на этот вопрос, прежде чем отвечать им. Но они не могли или вернее не хотели отвечать на него. Онставил их в безвыходное положение. Они не хотели сказать «с неба», потому что они отвергли его; они не смели сказать «от человеков», потому что вера в Иоанна (как видно даже из Иосифа Флавия) была так сильна и единодушна, что открыто отвергать его значило бы подвергать опасности свою личную безопасность. Поэтому они – учители Израилевы –

поставлены были в позорную необходимость сказать: «не знаем» (Мф. 21:27). Такой ответ со стороны лиц, на обязанности которых лежало изучать закон и религию и объяснять их народу, был для них полным позором, тем более постыдным, что он дан был в присутствии множества народа. Но Христос, но своему бесконечному милосердию, не настаивал на дальнейшем расспросе, а просто ответил им: «И Я вам не скажу, какою властью это делаю» (Мф. 21:27), и затем опять продолжал поучать народ. Но так как тут присутствовали и ученыe вожди народа, то Он рассказал несколько притчей, имевших близкое отношение к ним и вообще к иудейскому народу. Так Он рассказал притчу о двух сыновьях, из которых первый, отказавшись сначала исполнить просьбу отца, потом раскаялся и исполнил ее, а другой льстиво дал обещание, но никогда его не исполнил, и затем спросил их: «Который из двух исполнил волю отца?» (Мф. 21:31). Они конечно могли ответить только «первый». Тогда Он показал им ясное и великое значение их собственного ответа. Оно состояло в том, что самые мытари и блудницы, не смотря на свое открытое и позорное нарушение закона, показывали им, – им, ученым и высокопочтенным законникам священного народа, – путь в Царство Небесное. Эти грешники, которых они ненавидели и презирали, прежде их входили в эти врата, пока еще они не были закрыты. Иоанн приходил к этим иудеям «путем праведности» (Мф. 21:32), т. е. с проповедью их принятого закона и обычая жизни, и они только на словах говорят, что приняли его, а на самом деле отвергли; мытари же и блудницы покаялись по зову его. Не смотря на свое кажущееся благочестие, они, эти вожди, раввины своего народа, пред очами Божиими были хуже тех грешников, к которым даже прикоснуться пальцем они считали осквернением.

Затем Он пригласил их «выслушать другую притчу» (Мф. 21:33), притчу о непокорных виноградарях, которые не хотели отдать плодов виноградника. Этот виноградник Господа сил был дом Израиля, народ иудейский был Его возлюбленным насаждением. Вожди и учителя, которым вверен был народ, естественно должны были отдавать господину произведения

виноградника. Но не смотря на все, что Он делал для своего виноградника, от него не было плодов, или только быть может были дикие плоды. Так как виноградари не могли представить плодов и не смели обнаружить своей непроизводительности, за которую были ответственны, то они оскорбляли, били, ранили и убивали одного вестника за другим, которых господин виноградника посыпал к ним. Наконец он послал своего сына, но этого сына, которого они узнали и не могли не узнать, они также били, выгнали вон и убили. «Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?» (Мф. 21:40). Слушатели из народа, по своему искреннему убеждению, или присутствующие фарисеи, с целью показать свое презрительное отношение ко всему, что могла означать эта притча, отвечали, что «злодеев этих он предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои» (Мф. 21:41). Второй раз таким образом они вынуждены были дать ответ, который роковым образом осуждал их самих: они своими собственными устами признавались, что справедливость Божия требует отнять у них их исключительные преимущества и передать их язычникам.

Теперь еще яснее им стали видны смысл и цель этих притчей, и они жаждали мщения. Но страх сдерживал их, потому что для народа Христос еще был великим Пророком. А Он продолжал беседу и высказал еще одно предостережение в притче о «брачном пиршестве царского сына» (Мф. 22:2). Притча эта весьма похожа на созданную раньше, в доме фарисея, именно притчу о великом ужине, но отличается от нее многими подробностями и всем заключением. Званые гости не только не обратили внимания на приглашение, но некоторые из них даже оскорбили и убили царских слуг, посланных с приглашением к ним, и за это подверглись истреблению, и город их был сожжен разгневанным царем. На пир были приглашены другие; собрались на него добрые и злые. Царь входит и замечает, что один из гостей вошел на пиршество не в брачной одежде, показав этим свое неуважение к царю и его сыну. За это он изгнан был царскими слугами и вверен во тьму

кромешную, где будет плачь и скрежет зубов (Мф. 22:13). И этот рассказ Христос заключил уже не раз высказывавшимся замечанием, что «много званных, а мало избранных» (Мф. 22:14).

Столь очевидный по своему значению и цели притчи все больше и больше озлобляли иудейских главарей и фарисеев. Ярость их была так велика, что они готовы бы были сейчас же схватить Его. Только боязнь народа удерживала их, и потому Он мог невредимо удалиться в Свое спокойное убежище. Но в эту самую ночь или рано утром на следующий день враги Его составили новое совещание (теперь по-видимому они почти ежедневно составляли совещания), чтобы обсудить, нельзя ли как-нибудь уловить Его на словах и вызвать на такое заявление, которое давало бы им полное право обвинить Его в мятежности и предать гражданской власти римлян.

На следующее утро Христос в последний раз отправился с Своими учениками в притворы храма, и лишь только Он начал Свою обычную проповедь, как явились и враги Его – с своими коварными замыслами. На этот раз фарисеи явились вместе с своими противниками иродианами, т. е. партией, главной целью которой было поддерживать дом Иродов сохранением добрых отношений к римскому императорскому двору, для чего именно необходимо было подавлять среди иудеев все национальные и патриотические движения. Такой союз фарисеев с иродианами давал знать, что они решили поставить дело Христа на политическую почву и хотели обвинить Его в политической неблагонадежности. Они хорошо знали, как римляне опасались мессианских движений в иудейском народе, – движений, для подавления которых им приходилось не раз тратить много усилий и средств. Христос недавно объявил Себя Мессией открыто пред народом; но так как тогда это объявление не повело ни к какому народному мятежу и потому не дало юридического основания для Его обвинения, то теперь они попытались добыть эти основания коварством. Прикрывая свое коварство внешним почтением и вежливостью, фарисеи подошли к Спасителю и просили Его разрешить им недоумение. «Учитель, сказали они с льстивым притворством, мы знаем,

что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо» (Мф. 22:16). Этим они как бы просили Его безбоязненно и нелицеприятно высказать им Свое личное мнение, как будто они действительно нуждались в Его мнении для своего руководства в нравственном вопросе практической важности и были совершенно уверены, что только Он один мог разрешить удручавшее их недоумение. Но напрасны были все эти лукавые подходы и извины змеиной лести. Острое жало и ядовитые зубы обнаружились сразу. «*И так скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?*» (Мф. 22:17). Он должен, думалось им, ответить да или нет. Если Он ответит да, то одного этого достаточно будет, чтобы народ отвернулся от Него как человека, признающего ненавистное иго язычников и, следовательно, не имеющего права на достоинство Мессии. Если же Он, с другой стороны, чтобы поддержать Свое влияние на народ, ответит: «нет, непозволительно», то они сейчас же поймают Его с поличным и предадут прокуратору как открытого мятежника, и Пилат немедленно и сурово расправится с Ним, как недавно расправился с другими галилеянами, кровь которых он смешал с кровью принесенных ими жертв. С затаенным дыханием ожидали они ответа, но из уст Христа раздалось слово, которое сразу разбило все их злобные ковы. «*Что искушаете Меня, лицемеры, отвечал им Спаситель, покажите Мне монету, которую платится подать*» (Мф. 22:18–19). Ему подали динарий, на лицевой стороне которого выбиты были надменные и красивые черты императора Тиверия, а на обратной его титул – Pontifc Maximus. «*Чье это изображение и надпись?*» (Мф. 22:20) спросил Христос. «*Кесаревы*», отвечали совопросники. Тогда коварный вопрос их разрешался сам собою. «*Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*» (Мф. 22:21). Если они уже настолько потеряли свою политическую самостоятельность, что пользовались кесаревой монетой, то этим самым они признавали себя обязанными и платить подать кесарю, подобно тому, как, получив от Бога свое бытие и различные блага, они должны были это Божие отдавать Богу.

Таким образом и этот замысл разлетался в прах пред Божественной мудростью Христа, и совопросники должны были смолкнуть. Но не смотря на такой ответ, они впоследствии с наглою лживостью обвиняли Христа, что Он «запрещал давать подать кесарю» (Лк. 23:2).

Главными совопросниками Христа доселе были фарисеи. Другая сильная партия, саддукейская, состоявшая из богатых классов и иерархов, мало принимала доселе участия во всем этом деле и относилась к Христу с тем высокомерным презрением, которым она вообще наделяла невежественных, по ее мнению, галилеян. Но так как теперь молва о галилейском Учителе гремела по всему Иерусалиму и им стало известно о тех необычайных ответах, которыми Он поразил фарисеев, то и саддукеи решили поближе познакомиться с Проповедником и испытать Его в знании закона и иудейского богословия. Для этого они придумали один из самых казуистических вопросов, касавшийся при том области, в которой они открыто выражали свое неверие, именно загробной жизни и воскресения. С этой целью они выбрали из области раввинской казуистики случай, что одна женщина последовательно выходила замуж за семь братьев, из которых каждый умирал бездетным, и желали знать кому из них она будет принадлежать по воскресении. Хотя и воображаемый, случай этот однако же был возможен, так как закон постановлял, что если муж умирал бездетным, то для восстановления ему семени и продолжения его имени на вдове его должен был жениться брат его, и первородный сын от этого второго брата записывался как сын умершего. Сами не веря в загробную жизнь и воскресение и предполагая, что Иисус, который, как они слышали, учил о воскресении и держался тех же воззрений на него, как и их противники фарисеи, они предвкушали удовольствие поставить Его этими запутанными вопросами в затруднительное положение и таким образом осмеять Его и самое учение о воскресении. Некоторые из раввинов имели, правда, более возвышенные понятия о загробной жизни, но большинство держалось в этом отношении самых грубых представлений. По ним, воскресение будет восстановлением людей не только в их прежних телах, но и с их

прежними вкусами и страстями; воскресшие не только будут есть, пить и жениться, но восстанут в тех же самых одеждах, в которых они ходили, даже с теми же телесными признаками и недостатками, «дабы люди могли признать, что это те же самые лица, которых они знали при жизни». Даже самый вопрос, предложенный саддукеями, находил уже у раввинов свое разрешение в том именно смысле, что «женщина, бывшая в замужестве за двумя мужьями в этом мире, в мире будущем будет отдана первому». Имея в виду все эти грубочувственные представления и вообще отрицая воскресение (учения о котором, по их мнению, не заключались в признававшемся ими Пятикнижии Моисея), они и приступили к Спасителю с своим вопросом. Но и их надменная ученость должна была понести заслуженное поражение. С обычным спокойствием Христос отвечал им, что их понятия о воскресении и загробной жизни ложны, и именно вследствие неправильного понимания ими Св. Писания. Чада мира сего женятся и выходят замуж, потому что они смертны и брак необходим для продолжения рода. Но вступившее в Царство Небесное и по своем воскресении уже не будут жениться и выходить замуж, так как они будут бессмертны подобно Ангелам, и им не будет надобности заботиться о поддержании рода. Что же касается собственно воскресения, то их мнение, что Моисей не учит о нем, совершенно ошибочно. Так он называет Бога Богом Авраама, Исаака и Иакова. Но Бог не может быть Богом лиц несуществующих, а потому патриархи, хотя тела их были мертвы, очевидно еще были живы в загробном мире и ожидали воскресения. Таким образом для Бога все мертвые еще живы, и поэтому как легко Ему воскресить их впоследствии! Ответ этот был так Божественно мудр, что даже некоторые из книжников не могли воздержаться от выражения своего восторга и открыто заявляли Ему свое одобрение: «Учитель, Ты хорошо сказал!» (Лк. 20:39).

В свою очередь фарисеи, обрадовавшись поражению своих противников, захотели еще раз испытать Его вопросом, и один из них, законник, спросил Его: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» (Мф. 22:36). В этом вопросе уже звучало некоторое признание за Ним авторитета учительства, и законник

мог действительно обратиться к Нему за разрешением затруднявшего его вопроса. Среди законников шли постоянные споры о том, какая именно наибольшая заповедь, исполнение которой наиболее соответствовало понятию праведности, и по обычаю вопрос этот запутывался в бесконечной казуистике, занимавшейся бессмысленными мелочами, вроде разделения заповедей на тяжелые и легкие, первостепенные и второстепенные, выводные и дополнительные, и так далее. Христос, провидя искренность законника, преподал ему истинное поучение в этом отношении, сказав, что главная и наибольшая заповедь состоит в любви к Богу и вторая подобная ей: *«возлюби ближнего твоего как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»* (Мф. 22:39–40). Законник вполне согласился с этим определением, и Спаситель заметил ему: *«недалеко ты от Царствия Божия»* (Мк. 12:34). Ему недоставало только веры в Христа как Мессию.

«После того никто уже не смел спрашивать Еgo» (Мф. 22:46). И тогда Христос Сам обратился к велеученым совопросникам с вопросом, ответ на который должен был просветить их касательно истинного достоинства Мессии. В своем ослеплении они потеряли из виду Его истинное достоинство и ожидали увидеть в Нем политического завоевателя, который покорит для них весь мир со всеми его сокровищами, и так как Христос не соответствовал этим ожиданиям, то они и объявили Его обманщиком, соблазнителем народа. Чтобы навести их на истину, Христос спросил их: «Что вы думаете о Христе? Чей Он сын?» Они ответили Ему, что «сын Давидов». Но сыновством определялось лишь внешнее плотское отношение Христа к Давиду, между тем из хорошо известного им псалма (Пс. 109:1) видно, что Давид называет Его и своим Господом, сидящим одесную Бога. Таким образом Царство Христа не земное, а Небесное; не понимая этого, велеученые книжники и законники очевидно совершенно не знали истинного достоинства Мессии. Если бы они понимали это, то увидели бы, что признаки Мессии находят полное соответствие в лице гонимого ими Иисуса Назарянина. – Народ с услаждением слушал эту беседу, а фарисеи и книжники

упорно молчали, злобствуя на свое поражение и бессилие сделать что-либо с ненавистным Проповедником.

XXVI. Последнее обличение Иисусом Христом книжников и фарисеев. Похвала усердию вдовицы. Беседа с учениками о разрушении храма в Иерусалиме, о кончине мира и втором пришествии. Притчи о десяти девах и талантах. Изображение страшного суда

После всего произшедшего стало для всех очевидным, что между правящими и руководящими классами иудейского народа и Христом не могло быть ничего общего. И так как фарисеи и книжники с этого времени порешили во что бы то ни стало погубить Христа, то невозможно было более относиться к ним с снисходительным терпением, как это было доселе. Нужно было окончательно обличить их пред народом, и это Спаситель сделал в Своем последнем великом обличении.

Окруженный по обычаю толпою народа, среди которого были и книжники, и фарисеи, Спаситель прямо обратился к последним, и из уст Его проремели слова обличения, которые не могли пробудить разве только мертвую совесть. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» (Мф. 23:13) начал Он Свою обличительную речь, и затем как бы громовые раскаты раздавались над ними грозные и неотразимые обличения, как они, будучи хранителями Моисеева закона, своею жизнью представляют пример самого наглого его нарушения; налагают на других бремена тяжелые и неудобносимые, а сами не хотят и перстом двинуть их; любят внешние почести и делают все на показ, между тем как жизнь их исполнена порока и хищничества; стараются о приобретении прозелитов веры, но делают их вдвое худшими против прежнего; моют и чистят внешние сосуды, между тем как сами внутри себя полны всякой скверны и неправды; вожди слепые, они оцеживают комара и поглощают верблюда; лицемерие их делало их совершенно подобными гробам, которые тщательно украшались снаружи, а внутри содержали разлагающуюся массу. «Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия

и беззакония» (Мф. 23:28). Горе им за притворное покаяние, с которым они осуждали своих отцов за избиение пророков и в тоже время носили в себе самих этот кровожадный дух своих предков, и даже переполнили и превзошли меру их преступлений еще более ужасным злодейством. На это поколение должна была пасть вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, которого они убили между храмом и жертвенником. Гроза возмездия уже сгущалась над ними и готова была разразиться всеми ужасами над их преступными головами. Но тут этот голос, гремевший праведным гневом, вдруг тронут был самою нежною, любящую жалостью к злополучному городу: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не восклинете: благословен Грядый во имя Господне» (Мф. 23:37–39), т. е. будете взывать, как взывала толпа при входе в Иерусалим, но будет уже поздно. И это пророчество во всей ужасной точности исполнилось при осаде и взятии Иерусалима, когда действительно «дом иудейский остался пуст», сделался грудой развалин и гниющих трупов.

Пылая праведным гневом и вместе состраданием, Христос оставил храм, и это уже в последний раз. Но сердце Его было печально, и Он сел во дворе женщин отдохнуть душой. На этом дворе было несколько кружек, в которые богомольцы опускали свои пожертвования. И вот среди богатых жертвователей, самодовольно опускавших в кружки золото и серебро, одна бедная вдова робко опустила свое малое приношение. Лица богатых жертвователей исказились от презрения к ничтожному приношению, меньше которого уже нельзя было приносить на храм. Она опустила две пруты, самые мелкие из ходячих монет, так что опускать одну уже не позволялось законом даже и для самых бедных. Лепта или прута составляла восьмую часть аса и стоила немного более полушки, так что все ее приношение составляло немного более денежки. Давая столь ничтожный

дар, она могла бы устыдиться своей бедности, когда кругом ее богачисыпали золотом. Но Христос был доволен ее верою и самоотвержением. Ее жертва была той «чашей холодной воды», которая, будучи подана с любовью, не останется в Царстве Его без должной награды. Вследствие этого Он захотел на веки преподать наставление, что всякое благотворение оценивается по степени совершающего при нем самоотречения; а самоотречение этой вдовы при ее бедности было гораздо больше, чем богатейшего фарисея, приносившего золото. «Ибо все они клали от избытка своего, а она от скучности своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Мк. 12:44).

Наконец Спаситель оставил и пределы храма; но ученики все еще не хотели оторваться от ветхозаветного храма и, не ясно понимая только что высказанное пророчество, хотя и невольно чувствуя его грозную истинность, они с чувством жалости осмелились еще раз обратить внимание своего Учителя на оставляемый храм, как бы желая еще раз проверить пророчество о его участи. Но Христос кратко ответил обращавшемуся к Нему ученику: «*Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется камня на камне*» (Мк. 13:2). После такого ясного заявления не могло быть больше никаких недоразумений касательно изреченного пророчества, и ученики, следуя за своим Учителем, с тяжелыми думами на сердце удалились от пределов храма. Перейдя долину Кедронскую, они пошли по крутой тропе, ведущей через гору Елеонскую к Вифании. На вершине горы они остановились, и Христос сел отдохнуть, быть может под зелеными ветвями двух великолепных кедров, некогда украшавших вершину горы. Открывавшееся отсюда зрелище способно было вдохнуть самые возвышенные мысли. С одной стороны, глубоко внизу под Ним лежал священный город, который давно уже сделался блудницей и даже теперь в этот день, последний день общественного служения Христа, окончательно доказал, что не познал времени своего посещения. Под ногами у Него расстилались склоны горы и сад Гефсиманский. На противоположном склоне выселись городские стены и посреди их широкая площадь, увенчанная мраморными колоннадами и

золочеными кровлями храма. К востоку, за обнаженными, скалистыми холмами пустыни иудейской, виднелась пурпурная гряда гор Моавитских, которые при солнечном закате сверкают подобно цепи из драгоценных камней. В глубокой, сожженной солнцем котловине колыхались мрачные воды Мертвого моря. И таким образом, смотря с вершины горы, Спаситель повсюду видел следы гнева Божия и греха человеческого. С одной стороны сумрачно сверкало Мертвое море, смолистые и одуряющие волны которого составляют постоянное свидетельство наказания Божия за плотское развращение, а под ногами был знаменитый, но преступный город, который проливал кровь всех пророков и осужден был подпасть еще более страшному возмездию за еще более гнусное злодеяние.

Христос был печален и погружен в глубокие думы. Не без чувства страха ближайшие и наиболее возлюбленные из Апостолов, Петр, Иаков, Иоанн и Андрей, подошли к Нему и, видя, что взор Его устремлен на храм, спросили Его наедине: «Скажи нам, когда это будет, и какой признак Твоего пришествия и кончины века?» (Мф. 24:3). Вопрос их видимо исходил из предположения, что разрушение Иерусалима и храма совпадет и с концом мира. Тогда Христос изложил пред ними в пророческой картине развитие и ход Царства Божия на земле, причем особенно остановился на двух главнейших событиях – гибели Иерусалима и вместе иудейского народа, как самостоятельного политического тела, и кончине мира. Разрушение Иерусалима будет лишь началом всего этого и оно должно послужить прообразом того, что имеет совершиться при страшном суде над живыми и мертвыми. Когда совершится последнее страшное событие, это составляет тайну Божества, в которую не могут проникнуть и Ангелы; но и до ближайшего события пройдет еще не мало времени, и многое явится искушений, которых нужно остерегаться. Появятся ложные Мессии и будут лестью и страхом склонять на свою сторону; но они пусть непоколебимо держатся веры в своего Учителя и Господа, все претерпят за Него, и претерпевшие до конца спасутся. Хотя пришествие Господа и кончина мира и неизвестны даже Ангелам, но есть все-таки некоторые

знамения, по которым можно судить о близости этих великих событий. К тому времени солнце и луна померкнут, звезды спадут как листья, и силы небесные поколеблются. Произойдет общее потрясение мирового порядка, и тогда Христос пошлет Ангелов с трубою громогласно собирать избранных своих от четырех ветров, от края до края. Спаситель внушал Своим ученикам во все времена наблюдать за этими знамениями и истолковывать их точно так же, как они истолковывают признаки приближения лета по распусканию листьев на смоковнице. Но день тот придет внезапно, и так как он будет днем награды всем верным рабам, то в то же время будет и днем наказания для всех тех, кто окажутся не на высоте своего назначения и неготовыми к великому дню. Чтобы еще сильнее напечатлеть в их душах это наставление о бдительности и верности и еще выразительнее предостеречь их от опасности беспечной жизни и погашения светильника бдительности, Он рассказал им две поразительные по своей простоте и вместе богатые назидательностью притчи о «десяти девах» и «талантах» и нарисовал для них картину великого дня страшного суда, когда Царь Небесный будет отделять и народы, и отдельных лиц одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов. В тот день оказавшие хоть малейшее добро наименьшему из братьев Его будут считаться оказавшими это добро лично Ему. Все сотворившие зло пойдут в муку вечную, а праведные в жизнь вечную. Но чтобы эти изречения не подали повода к каким-нибудь старым ошибочным мессианским воззрениям, Он закончил их печальным, но уже знакомым для них предсказанием, что прежде всего этого последует Его страдание и смерть. Теперь уже с полною ясностью и простотой Он открыл им и самый повод, способ и день: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха; и Сын Человеческий предан будет на распятие» (Мф. 26:2).

Так закончилась эта великая беседа на горе Елеонской. Солнце уже село, и Он встал и пошел с Своими Апостолами по дороге в Вифанию. Это уже в последний раз Он шел по этой дороге на земле, и после испытаний, утомления, возвышенной проповеди и страшных волнений этого богатого

происшествиями дня, как восхитительно приятными должны были казаться Ему эти часы тихих сумерек и вечернего покоя; как освежительны были мир и любовь, окружавшие Его в этом тихом селении и благословенном доме! Нелишне заметить, что Иисус Христос вообще не любил городов и едва ли когда-нибудь проводил ночь в их пределах. Их стадное нечестие, их неугомонная общественность, их лихорадочная суеверность, их шумное однообразие и бесцветность – все это отталкивало и возмущало нежную, чистую душу Христа. Восточный город всегда грязен; нечистоты выбрасываются на улицы; мостовых нет; бродячие собаки – единственные подбирали нечистот; животные и люди смешанно толкуются на тесных улицах и проходах. Поэтому, хотя по долгу своего служения Спаситель должен был часто посещать Иерусалим и проповедовать огромным толпам народа, собиравшимся на годовые праздники со всех областей и стран света, но при всяком удобном случае Он удалялся за городские ворота – частью для безопасности, частью по бедности, частью потому, что любил этот благословенный дом в Вифании, а частью также и потому, что Он чувствовал больше мира и радости в душе, когда ступал по траве, растущей на горах, чем по жестким камням города, и высшим блаженством для Него было общение с Отцом Небесным под тенью масличных дерев, где, вдали от людского шума и возмутительных зрелищ, Он мирно мог наслаждаться чудной красой заходящего солнца и здоровой свежестью вечерней росы.

XXVII. Определение синедриона о взятии Христа хитростью; предательство Иуды. Умовение ног, тайная вечеря и прощальная беседа с учениками. Молитва Иисуса Христа в саду Гефсиманском и взятие Его воинами

Когда праведники спали, нечестивые злой совет замышляли. В ночь на Великую Среду члены синедриона собрались в доме первосвященника Каиафы на совещание, и горячо обсуждали вопрос, что же им делать с опасным для них Галилеянином. Все планы схватить Его в храме, возбудить против Него ярость народа или подозрительность римского правительства оказывались тщетными и расстраивались сами собой – как вследствие опасения преданного Ему народа, так и вследствие Его собственной мудрости, разрушавшей все их самые коварные замыслы. Вероятно, поднимались голоса и за предоставление Ему свободы действия, пока не обнаружится сама собою сущность Его дела и учения. Но противная партия восторжествовала; на совете положено было убить Его – если не открыто, то хитрым насилием и коварством. Но как достигнуть этого? Когда они рассуждали об этом, им доложено было о том, что один из ближайших учеников и последователей Иисуса Назарянина желает сделать им важное сообщение.

В палату злого совета введен был рыжий, по преданию, иудей, который в своих лукаво сверкающих глазах обнаруживал преступное беспокойство и алчность. Это был Иуда Искариот, единственный в Апостольском лице иудей в собственном смысле этого слова, человек из Кариота, городка в области Иудеи. Он представляет собою единственную в Св. Писании личность, обреченную Самим Господом на гибель. И к этому он пришел по своей преступной любви к миру. Он был самый яркий представитель тех ложных учеников, которые присоединялись к Христу в ожидании земного царства. Но когда Спаситель неоднократно объявлял о предстоящих Ему страданиях и смерти, то он увидел, что ожидания его не оправдались; вместо царского престола ему предстояли

всевозможные лишения и гонения. Тогда он решился просто предать своего Учителя Его врагам, надеясь, что хоть этим он заработает несколько и вознаградит себя за обманутое ожидание. Алчность была его второю природой. Он уже давно стал удовлетворять ее из общинной кассы Апостолов, вверенной ими его попечению, и страсть эта овладела им теперь уже настолько, что он в выражении ее не сдерживался перед учениками, которые явно видели, что он «вор» (Ин. 12:6). Когда он на вечери в доме Симона (Лазаря) получил за свое лукавое замечание о благородном подвиге Марии укор от Спасителя, то это окончательно озлобило его, сатана вошел в него, и он решился сделаться предателем. И вот теперь в глухую ночь он прокрался в Иерусалим и предстал пред синедрионом. Высоким злоумышленникам только того и надо было, и когда Иуда спросил с них за услугу большую для себя, но ничтожную для них сумму в тридцать сребреников, то сделка была готова, условие заключено, и синедрион разошелся с сознанием успеха в задуманном деле, а Иуда, призывая на помочь все силы ада, стал обдумывать, как ему достигнуть своей цели.

Прошла среда, которую Спаситель провел в уединении, и приблизился день, «в который надлежало закалать пасхального агнца» (Лк. 22:7). Закон назначал для заклания пасхального агнца день 14-го нисана, время «между вечерами» или около солнечного заката. Но касательно смысла этого выражения книжники и законники спорили и разделялись во мнениях. По одним выражение это нужно понимать в смысле промежутка между солнечным закатом и сумерками; по другим – в смысле промежутка между явным наклоном солнца к небосклону и действительным закатом. Последнее мнение по-видимому более правильно, и агнца вероятно закалали вскоре после вечернего жертвоприношения (в девятом часу), так что после всех приготовлений закланного агнца пасхальная вечеря могла совершаться в обычный час ужина и таким образом еще в пределах 14-го нисана. Весь этот день проходил в Иерусалиме и окрестностях чрезвычайно шумно и хлопотливо, потому что не только местные жители, но все бесчисленные богомольцы

хлопотали о закупке и заклании агнца, так что в этот день иногда закалялось более двухсот тысяч агнцев. Позаботились о том же и ученики, и еще в четверг утром 13 нисана спросили своего Учителя, где бы Он желал есть пасху. Спаситель велел Апостолам Петру и Иоанну идти в Иерусалим и, указывая для них таинственный признак, сказал им, что при входе в ворота они встретят слугу с кувшином воды, почерпнутой в одном из источников для вечернего употребления; следуя за ним, они придут в дом, хозяину которого они должны передать о намерении Учителя есть в этом доме пасху с Своими учениками; и хозяин этот (по предположению некоторых Иосиф Аримафейский) тотчас же предоставит в их полное распоряжение готовую убранную горницу, снабженную необходимыми столами и лежанками. Они нашли все, как сказал им Иисус Христос, и видимо в тот же день «*приготовили пасху*» (Лк. 22:13). Когда Христос и остальные ученики прибыли в этот дом, то вечеря была уже готова, стол накрыт и расположен обычный триклиний с возлежаниями. Обычай есть пасху стоя был уже давно оставлен. Возлежание считалось наиболее сообразным и удобным положением, тем более, что оно признавалось положением свободных людей. Каждый гость возлежал во всю свою длину, облокачиваясь на левую руку, так чтобы правая могла быть свободной. По правую сторону Иисуса Христа возлежал возлюбленный ученик, голова которого поэтому во всякое время могла склониться на грудь его Учителя и Господа. На востоке, во всяком доме, серединная часть пола обыкновенно покрывается коврами или циновками, и при входе в комнату всякий снимает свои сандалии у порога, чтобы не загрязнить белых и чистых циновок пылью и нечистотой с дороги или с улицы. Все ученики так и сделали, и затем стали занимать места за столом; но при этом опущен был другой приятный обычай, который не мало ценился Христом. Ноги их наверно были покрыты пылью от хождения по знойной и каменистой дороге из Вифании в Иерусалим, и в таком случае приятно было бы освежиться для вечери омытием их после снятая сандалий. Но омывать ноги было делом рабов, и так как никто не вызвался исполнить этого доброго дела, то сам Господь

Иисус, в своем бесконечном смирении и самоотречении, встал из-за стола, чтобы исполнить рабскую службу, которой никто из Его учеников не предложил сделать для Него. Он снял с Себя верхнее одеяние, взял сосуд с водою и полотенце и молча начал умывать им ноги. Смущение и стыд повергли их в глубокое молчание, пока Он не дошел до Петра, неудержанное волнение которого выразилось в изумленном вопросе: «*Господи! Тебе ли умывать мои ноги?*» (Ин. 13:6). Ты, Сын Божий, Царь израилев, имеющий слово вечной жизни, – Ты ли будешь умывать ноги недостойного Петра? – Но Христос отвечал ему: «*если не умою тебя, не имеешь части со Мною*» (Ин. 13:8). И этого замечания довольно было, чтобы пылкий ученик воскликнул: «*Господи! не только ноги мои (умой), но и руки и голову!*» (Ин. 13:9). И Христос продолжал умовение, заявив при этом, что они, как омытые водою духовного учения из источника жизни, чисты; но, прибавил Он с грустью, «*не все*» (Ин. 13:11), и в этот момент святые руки Его быть может умывали грязные ноги предателя, только что возвратившегося с своего гнусного торга.

Ученики не обратили должного внимания на это указание и по окончании омовения заняли места за вечерей. Среднее и главное место занял Учитель, справа возлег Иоанн, а по левую сторону Спасителя по-видимому возлежал Иуда Искариот, который сам нахально занял это место, присваивая себе как хранителю общей кружки некоторое преимущество перед другими учениками. Место Петра по-видимому было на краю следующей лежанки – слева от Иуды. Когда началась вечеря, Спаситель стал объяснять им значение Своего действия, именно как наглядного урока смирения, с которым они должны относиться друг к другу. Но взор Его упал на Иуду, и дух Его опечалился. Видя, что ученики не обратили внимания на сделанный раньше намек, Христос теперь уже прямо объявил им во всеуслышание: «*истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня*» (Ин. 13:21). Как громом поразило их это заявление; страх обнял их, и они, каждый чувствуя некоторую неуверенность в себе, обращались к Учителю с вопросами: «*не я ли, Господи?*» (Мф. 26:22). Чтобы не

обнаружить пред собратьями своей виновности, Иисуса Иисуса также нехотя спросил: «не я ли, Учитель», и получил в ответ: «ты сказал» (Мф. 26:25). Но этот ясный ответ опять не замечен был Апостолами, и Петр, с своею обычною нетерпеливостью, желал точнее знать, кто именно предатель, и побуждал Иоанна, склонившегося головою к самой груди Спасителя, спросить Его, кто же именно предаст Его. И на это Христос отвечал: «тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам» (Ин. 13:26). И затем действительно, «обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Иисусу» (Ин. 13:26). Это открытие связало ужасом язык Иоанна, и он никому не передал об этом. Так как присутствие Иуды на вечери после всего этого сделалось невозможным, то Христос, делая последнее обращение к его совести, сказал ему: «что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27). И Иуда как обожженный этим замечанием поспешно вышел из-за стола и, скрывшись в темноте ночи, отправился делать свое гнусное дело, а многие из простодушных учеников и тогда все еще не догадывались, в чем состояло это дело; некоторые даже думали, что Учитель послал его за покупками к празднику или для раздачи милости нищим.

Как только удалился предатель, дух Христа как бы воспрянул от отягчавшей Его скорби, и Он с облегченным сердцем воскликнул: «Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем» (Ин. 13:31). Час этого прославления уже настал, того прославления, достигнуть которого предстояло путем унижения и муки. Ему недолго уже оставалось быть с ними, и как Он раньше говорил иудеям, так теперь сказал им, что куда идет Он, они не могут прийти. При этом Он дал им новую заповедь, исполняя которую они составят общество, совершенно отличное от людей мира сего, именно заповедь, чтобы они любили друг друга. Но Петр не довольствовался этим и хотел непременно идти туда же, куда идет Учитель, и когда строптивый ученик с самоуверенностью начал настаивать, что нет таких преград, которые могли бы воспрепятствовать ему следовать за своим Учителем, что он «душу свою положит за Него» (Ин. 13:37), то Спаситель укорил эту его самоуверенность предсказанием, что не успеет пропеть петух, как он трижды

отречется от Него. Еще яснее открыв ученикам о предстоящих Ему ужасах, Спаситель предсказывал им, что все они оставить Его в эту ночь и рассеются, но Он встретит их в Галилее по воскресении. Чтобы поддержать их дух, Он продолжал раскрывать им Свою Божественную сущность и свое отношение к Отцу Небесному. «*Я есмь, говорил Он, путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его, и видели Его*» (Ин.14:6–7). Апостол Филипп прервал эту Божественную беседу простодушным вопросом, показывавшим, как еще мало и теперь ученики понимали сущность своего Божественного Учителя. «*Господи, сказали он, покажи нам Отца*» (Ин. 14:8), и на это Христос отвечал ему заслуженными укором: «*сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?*» (Ин. 14:9–10) И затем, ссылаясь на Свое учение и на Свои дела, возможный только по соприсутствию в Нем Отца, Он стал раскрывать им, что придет Дух Святый, и Утешитель Этот, обитая в них, сделает их едиными и с Ним, и с Небесным Отцом. Полнее об изложенных Им истинах научит их Утешитель Дух, который будет послан им от Отца и воспомянет им все, о чем Он говорил им. А теперь Он оставляет им благословение мира, так как не имеет возможности поучать их много и должен вступить в страшную борьбу с князем мира сего.

Самым важным событием во время Тайной вечери было установление Христом таинства Евхаристии, как благодатного средства единения верующих со Христом. Ученики уже понимали, что их возлюбленный Учитель уходит от них, и печалились. Тогда Спаситель в утешение им и установил таинство Причащения Его Тела и Крови как истинного Агнца, внемлющего грехи мира. Во время вечери Он «*взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им, и сказал: пейте от нее все: ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов*»

(Мф. 26:26–28). И причастив их Своего пречистого Тела и всечестной Крови, Он повелел им всегда совершать это Таинство в Его воспоминание, как доселе и совершает Св. Церковь, имеющая в этом Таинстве благодатное средство даже большего единения со Христом, чем каким наслаждались ученики до установления Таинства, навсегда заменившего ветхозаветную пасху.

Но вот вечеря и прощальная беседа кончилась, и Христос сказал ученикам: «*встаньте, пойдем отсюда*» (Ин. 14:31). Они встали и вместе с своим Божественным Учителем запели один из псалмов сладостного певца Израилева, и звуки этой священной песни торжественно разносились по безмолвной тишине темной восточной ночи. После песнопения Он еще раз обратился к ученикам Своим с словом назидания и утешения. Он говорил им о необходимости теснейшего единения между Им и ими в любви, и любовь эта должна иметь свой источник в Нем, так как Он есть «*истинная виноградная лоза. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне*» (Ин. 15:1,4). Им как провозвестникам новых истин, стоящих в противоречии с тем, что считало истинным древнее человечество, придется подвергнуться ненависти и гонениям от сынов мира сего; но да не смущается дух их. В единении со Христом они найдут мужество вынести все это и восторжествовать. «*В мире будет иметь скорбь: но мужайтесь; ибо Я победил мир*» (Ин. 16:33). Закончив поучение, Спаситель возвел очи к небу и произнес великую первосвященническую молитву, в которой просил Своего Небесного Отца, чтобы Он прославил Своего Сына, совершившего ныне порученное Ему дело; затем, чтобы сохранил Его возлюбленных учеников, продолжавших продолжать Его дело на земле, и наконец молил Бога Отца, чтобы Он освятил и соделал совершенными в разуме и истине всех верующих в Него. «*Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня*» (Ин. 17:21).

После этого Христос двинулся с Своими учениками за город, и, спустившись вниз в ложбину Кедронского потока,

вошел в сад Гефсиманский. Часть этого сада существует и доселе – между потоком и горой Елеонской, и место его обозначается несколькими маслинами, из которых восьми по крайней мере приписывается мастиная древность – не менее двух тысяч лет, так что они были свидетельницами величайшего момента в душевной жизни Христа. Теперь весь сад занимает не более пятидесяти шагов, но в древности он был гораздо больше, и настолько славился изобилием масленичных плодов (олив), что от них получил самое свое название (Гефсимания – пресс или точило для добывания оливкового масла). Деревья в это время находились в нежной, весенней, недавно распустившейся листве, и лунный свет пробирался чрез них своими мерцающими лучами. Все было торжественно тихо и мирно кругом; даже птицы беспечно спали на пушистых ветвях, под покровом звездного неба, где и о них заботился Отец Небесный. Позади возвышалась гора Мория с ее искусственными террасами, ведшими к величественному притвору храма, а впереди за загородью сада начинались склоны горы Елеонской, своей вершиной закрывавшей от взоров благословенный домик в Вифании. Дух Христа был переполнен великими думами о предстоящем, и Он желал уединения, чтобы в молитве в Богу Отцу излить Свое сердце. Оставив большинство учеников у входа в сад, Он ввел трех избранных из них с Собою вглубь Гефсимании, именно Петра, Иакова и Иоанна, которые как свидетели славы Его преображения должны были быть ближайшими свидетелями и величайшей Его душевной муки. Но и их присутствие было тяжело в этот страшный час. «Душа Моя, сказал Он, скорбит смертельно» (Мк. 14:34, Мф. 26:38), и, повелев им бодрствовать, отошел от них еще дальше в чащу сада, на полет брошенного камня, и там начал молиться, чтобы подкрепить Свой дух, объятый ужасом пред тяжестью грехов человечества, которые теперь предстояло Ему поднять на Себя. Его Человеческая природа ужасалась предстоящего бремени, которое должно было понести Ему. В мучительной молитве Христос даже на миг предполагал возможность отмены страшного искупительного дела и взывал к Отцу: «Авва Отче!

все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня»; но затем Он тотчас же все предоставил воле Пославшего: «но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк. 14:36). Никогда еще с такою ясностью не выступало в Нем единение Его Божественной и человеческой природы, как именно в этот момент. Если на первый взгляд человеческая природа здесь как бы берет перевес над Божественною, то нужно иметь в виду, что этот момент был моментом величайшего самоуничтожения Христа, когда именно «Он смирил Себя и сделался послушен даже до смерти» (Флп. 2:8), всецело предавая Себя Отцу как представителя греховного человечества. Но самая способность сделать это, тесное общение с Отцом в отношении воли и совета и совершеннейшее торжество самоотвержения над человеческою немощностью – служат явными доказательствами Его Божества. И в этой страшной борьбе Спаситель не оставлен был без помощи. Как при первоначальном искущении от диавола в пустыне, так и теперь укреплял Его Ангел с небес. Зато люди, даже ближайшие Его последователи и ученики, и не помышляли оказать Ему какое-либо утешение или подкрепление. Когда Спаситель возвратился из глубины чащи к Своим ученикам, то они – спали! Спал даже и Петр, и к нему особенно Спаситель обратился с кратким укором: «Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». И тут же, как бы в извинение этой человеческой немощи, Христос с благостным снисхождением добавить: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14:37–38). Два раза еще отходил Он в чащу и повторял туже молитву и два раза по возвращении опять находил своих учеников погруженными в столь глубоки сон, что они даже не знали, что им отвечать на Его вопросы и укоры. Но в третий раз Он уже пробудил их явным указанием на приближение опасности: «вы все еще спите и почиваете? кончено, пришел час: вот предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот приблизился предающий Меня» (Мк. 14:41–42).

И в это самое время сквозь чащу дерев засветились огни и явилась целая толпа храмовых и первосвященнических служителей, которые, вооружившись мечами и кольями, тихо

подкрадывались к саду, где, как указывал им предводительствовавший этим скопищем предатель, должен был находиться Христос. Такие предосторожности были совершенно излишни, так как Христос теперь готов был отдать им Сам. Но самый этот дух безграничного самопожертвования был таким страшным обличителем совести нечестивых, что от простого заявления Христа, что это Он самый, которого они ищут, вся вооруженная толпа в ужасе рассеивалась и падала, тем более, что сам предатель два раза оказывался не в состоянии подать условленный им знак и цепенел во всем своем гнусном существе. Только уже в третий раз сатана вооружил его адским мужеством, и Иуда своими гнусными устами напечатлел предательский поцелуй. Тогда вооруженная толпа окружила Иисуса Христа и стала вязать Ему руки. Произошло всеобщее смятение, и Петр, выхватив меч, хотел защитить им своего Учителя, но неумелой рукой отсек только ухо одному первосвященному служителю Малху. Христос однако же укорил его за неразумную горячность и исцелил ухо служителю, обратившись в то же время ко всей вооруженной толпе с укорительными словами: «*как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил; и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания*» (Мк. 14:48–49). Тогда последнее мужество оставило учеников, и они «*все бежали*» (Мк. 14:50). Только Петр и Иоанн издали следовали за толпой, да еще какой-то юноша в беспокойстве бегал среди толпы, закутавшись одеялом. Но и этот мужественный последователь Христа, очевидно разбуженный уличным шумом, следовал за Учителем только пока на него не обращали внимания. Когда один из служителей, с целью удостовериться в его личности, схватил его за край одеяла, то он в страхе рванулся из рук служителя и, оставив в его руках одеяло, нагой скрылся во тьме. По преданию, это был св. Марк, который один только и рассказывает об этом событии.

XXVIII. Суд над Христом у первосвященников Анны и Каиафы. Отречение и раскаяние Петра. Иисус Христос на суде Пилата и Ирода; бичевание Его и осуждение Пилатом на смерть. Погибель Иуды, а также и других виновников злодеяния

В то время, как происходило взятие Христа под стражу, высокие злоумышленники заседали на ночном собрании, в ожидании жертвы, в доме главного вождя всего заговора – первосвященника Каиафы. Но Божественный Узник сначала отведен был к первосвященнику Анне, как старейшему иерарху, в надежде, что он, лично повидав Иисуса, своею испытанною мудростью поможет и своему зятю Каиафе, как лучше всего действовать в настоящем случае, чтобы осудить Узника и в тоже время не возбудить негодования народа.

Первосвященнический дом в Иерусалиме, как и вообще дома знатных лиц на востоке, представлял собою целый ряд зданий, расположенных четырехугольником, внутри которого был мощеный дворь, с одним или двумя входами в него. В этих зданиях не только помещались оба первосвященника, но и различные палаты для заседаний, а также и всевозможные службы, необходимые при доме столь знатных сановников. На такой двор и приведен был Христос вооруженною толпою, направившею Его прежде всего к Анне. Этот престарелый заштатный первосвященник, увидав Узника, с злорадством приступил к допросу и прежде всего «спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его» (Ин. 18:19). Вопрос был излишний и коварный, и потому Узник с правом и достоинством отвечал ему: «Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где все иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил» (Ин. 18:20–21). Таким ответом Христос напомнил неправедному судье о вопиющем нарушении им судебных законов, требовавших суда открытого, дневного и при свидетелях, а не ночного, тайного и при вооруженном скопище, и потому-то ответ этот так разъярил

окружающих служителей, что один из них дерзко ударил Христа по ланите, закричав на Него: «*так отвечаешь Ты первосвященнику?*» (Ин. 18:22). Такое дикое самоуправство служителя заставило самого первосвященника почувствовать угрызение совести, особенно, когда он услышал бесконечно кроткое замечание Христа: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18:23). Сознавая неудачность первого допроса, Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе. Это был тот Каиафа, который уже раньше «*подал иудеям совет, что лучше одному человеку умереть за народ*» (Ин. 18:14).

В доме его заседал совет. Там уже все было подготовлено для осуждения Божественного Узника. Синедрион вообще отличался как судилище мягкостью и человеколюбием, насколько он отражал дух вообще гуманного Моисеева законодательства. Вследствие этого сложилось даже правило, что «синедрион имеет своею задачею спасать, а не разрушать жизнь», и по установившемуся судопроизводству обвиняемому давались всевозможные средства оправдаться. Когда обвиняемый приводился на суд, то на обязанности председательствующего лежало обратиться к свидетелям с увещанием, чтобы они помнили высокое значение человеческой жизни и всячески заботились о том, чтобы как-нибудь не позабыть в своем показании чего-нибудь такого, что может служить в пользу обвиняемого. В уголовных делах судопроизводство не должно было происходить ночью и накануне субботы и великих праздников, а в случае осуждения приговор не мог приводиться в исполнение в тот же день, а только в следующий. Все эти правила служили для обеспечения правого суда; но теперь синедрион, собравшийся в доме Каиафы, был слишком подавлен желанием погубить ненавистного для народных старейшин Галилеянина, чтобы руководиться столь гуманными правилами, и он нарушил их во всех отношениях и представлял собою незаконное собрище злоумышленников, а не добросовестных судей. Да им и не было возможности действовать законно, потому что против предательски взятого ими Узника они не могли выставить ни

одного законного обвинения. Во всех действиях и учении Христа они решительно не могли найти ничего такого, за что можно было подвергнуть Его смертной казни и для этого им нужно было найти во чтобы-то ни стало такой обвинительный пункт, который, при известной натяжке, мог бы быть перетолкован в государственное преступление, и который давал бы им возможность передать его на суд римлянам как опасного мятежника. Таким пунктом могло быть только Его мессианство, и вот на него-то и были направлены все мысли судей.

Каиафа, наверно услышав о происшедшем в доме Анны, счел необходимым прибегнуть к допросу свидетелей. И вот были призваны свидетели, но не те, на которых указывал Христос как «знающих, что говорил Он», а лжесвидетели, заранее подобранные, с целью во что бы то ни стало найти улики обвинения против узника. Да и их трудно было сначала найти, и «хотя много лжесвидетелей приходило», но все они не соответствовали цели, так как не могли сказать ничего веского против узника. «*Наконец пришли два лжесвидетеля*» (Мф. 26:60), подававших более надежды. Они «лжесвидетельствовали против Него и говорили: мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный, и чрез три дня воздвигну другой нерукотворный» (Мф. 26:61). Хотя это свидетельство было явным искажением действительно сказанных Христом слов, но все-таки можно было основать на нем обвинение Узника в неуважении к величайшей иудейской святыне и в посягательстве на целость народного и государственного достояния. К несчастию для неправедных судей и эти лжесвидетели до того различно передавали это обвинение и настолько противоречили себе, что даже у неправедного суда не хватало смелости остановиться на нем. И вопиющая лживость этих свидетельств становилась тем ярче и постыднее, что Узник безмолвствовал. Это красноречивое безмолвие, бывшее в такой разительной противоположности с окружающим шумом лжесвидетельств и наветов, разъярило первосвященника, и он, вскочив с своего председательского места и став посредине полукруговой палаты, как раз перед Христом, запальчиво спросил Его: «что Ты ничего не

отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют?» (Мф. 26:62) – «Но Он молчал, и не отвечал ничего» (Мк. 14:61). Это окончательно вывело первосвященника из себя, и он сам обратился к Узнику с торжественными словами: «заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф. 26:63). Вопрос был поставлен прямо и торжественно, и на него Христос отвечал страшным Самооткровением, которое должно было повергнуть всех присутствующих в трепет благовения. «Ты сказал» (Мф. 26:64), отвечал Христос, употребляя общеизвестный греческий оборот, означающей торжественное подтверждение вопроса, равносильное выражению: «да, ты сказал истину, – это Я». «Даже сказываю вам, прибавил Христос: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мф. 26:64). Закоснелое сердце первосвященника и старейшин не дрогнуло и пред этим страшным Самооткровением, которое напротив лишь увеличило их ярость. С видом исступленного ревнителя закона, «тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует; на что еще нам свидетелей? вот теперь вы слышали богохульство Его. Как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти» (Мф. 26:65–66), и с этими кровожадными криками закончилось заседание.

В то время как происходило это беззаконное судбище над святым из людей, на первосвященническом дворе вооруженная толпа служителей и дворни, расположившись вокруг пылающего костра, занималась собственным обсуждением всего происшедшего. Вся эта дворня естественно была враждебно настроена к Христу, в котором видела лишь мятежного Галилеянина и издевалась над Ним и Его, разбежавшимися от страха, учениками. Однако же не все разбежались они. На этом самом дворе были двое из них, которые имели достаточно мужества для того, чтобы проникнуть в самую среду врагов своего Учителя. Одним из них был Иоанн, возлюбленный ученик, который, как неизвестный в первосвященническом доме рыбак, мог проникнуть на двор без особого затруднения, и другой – Петр, который мог проникнуть

только тайком, с опасением за свою свободу и даже жизнь. С трепетным сердцем подошел он к костру и стал греть свои коченевшие от холода и ужаса члены. Из среды толпы одна служанка, обратив внимание на незнакомца, вдруг спросила его: «*и ты был с Иисусом Галилеянином?*» (Мф. 26:69). Вопрос этот был так неожидан для Петра, что чувство самосохранения не дало ему времени обсудить свое положение, и он угрюмо и нехотя ответил: «*не знаю, что ты говоришь*» (Мф. 26:70). Однако же это заставило его удалиться от костра и направиться к выходу; но там встретила его другая служанка, и стала говорить окружающим, что «*и этот был с Иисусом Назореем*» (Мф. 26:71). Еще более смущенный этим, Петр начал клясться, что «*не знает Сего Человека*» (Мф. 26:72). Между тем его окружила толпа, и многие уже стали говорить ему: «*точно и ты из них; ибо и речь твоя обличает тебя*» (Мф. 26:73). А один из первосвященнических служителей, родственник Малху, даже прямо заявил: «*не я ли видел тебя с Ним в саду?*» (Ин. 18:26). Тогда Петр, объятый ужасом, начал «*клясться и божиться, что не знает Сего Человека*». И вдруг запел петух (Мф. 26:74), возвещавший наступление зари. Как громом поражен был Петр этим обычным пением. Ему сразу же припомнилось, что сказал ему Христос на его самоуверенное заявление преданности своему Учителю, и он, пораженный ужасом самообличения, опрометью бросился с первосвященнического двора и «*плакал горько*» (Мф. 26:75).

По произнесении смертного приговора над Христом, Он передан был под стражу дворовых служителей, и от грубых рук их потерпел первое поругание. Грубая чернь всячески издевалась над Ним, как бы желая этим угодить своим сановным господам. Последние между тем составили план и дальнейшего действия. По обычной иудейской практике, человека, над которым произносился смертный приговор, нужно было вывести за город и добить камнями. Но вследствие подчинения Иудеи римлянам у верховного иудейского судилища отнято было право жизни и смерти, так что приговор должен был получить утверждение еще со стороны римского прокуратора. Прокуратором в это время был Понтий Пилат, –

человек не мало вытерпевший от иудейского фанатизма и от глубины души ненавидевший и презиравший иудеев. В обычное время он жил в Кесарии Филипповой, но по великим праздникам обыкновенно переезжал в Иерусалим, чтобы своею вооруженною силою оберегать общественное спокойствие от всякой попытки возмущения праздничной толпы, и там его главная квартира, так называемая претория, была в одном из великолепных Иродовых дворцов. К этой то претории ранним утром следующего дня и направилась громадная процессия первосвященников и старейшин, ведших с собою связанного Христа, – с целью получить утверждение составленного ими ночью приговора. Встревоженный в необычно ранний час столь шумной процессией и предполагая какое-нибудь серьезное пасхальное возмущение, Пилат поспешно вышел в палату суда и занял свое судейское кресло, чтобы расследовать, в чем дело. Но так как иудейские старейшины отказались войти в языческую палату, чтобы не оскверниться и не потерять чрез это права есть пасху и участвовать в предстоящих богослужениях и жертвоприношениях, то Пилат принужден был выйти к ним из претории. Окинув сборище своим проницательным взглядом и заметив среди толпы бесконечно кроткого Страдальца, он строго и коротко спросил: «*В чем вы обвиняете человека сего?*» (Ин. 18:29). Вопрос этот озадачил их и показал им, что они должны быть готовы к нескрываемому противодействию их намерениям. Пилат очевидно желал судебного расследования, а они ожидали только простого пзволения предать смерти, и притом не иудейским способом казни, а таким, который они считали наиболее ужасным и проклятым. «*Если бы Он не был злодей, неопределенко и дерзко отвечали они, мы не предали бы Его тебе*» (Ин. 18:30). Но Пилат, при своем чисто римском знании закона и чисто римском же презрении к их кровожадному фанатизму, не мог решиться на действие на основании такого совершенно неопределенного обвинения и дать свое правительственное утверждение их темному, беспорядочному решению. Он не хотел быть исполнителем в деле, в котором не был судьей. Хорошо, отвечал он с гордою презрительностью, «*возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его*» (Ин.

18:31). Но этими он только принудили их к унизительному признанию, что, будучи лишены права предавать кого-либо смертной казни, они не могут обойтись без римского прокуратора. Поэтому они должны были изложить перед ним обвинение, и тут-то Каиафа постарался придать политический характер всему делу, чтобы возбудить римского правителя против Узника. Они именно стали обвинять Его в том, что Он будто бы развращал народ, запрещал платить подать кесарю и называл Себя царем. Все эти обвинения действительно были политического свойства, но самый внешний вид Христа, о котором Пилат наверно слышал и раньше, заставил его усомниться в истинности этих показаний, тем более, что свидетели не подтверждали их. Пилат обратил особенное внимание на третье обвинение, и находя его совершенно противоречащим всей внешности Узника, захотел лично допросить Его, и для этого увел Его вовнутрь претории. С удивлением взглянув на Бож. Узника в Его страшном унижении, Пилат спросил Его: «*Ты Царь Иудейский?*» (Ин. 18:33). Зная, что сам Пилат ничего не имел против Него, Христос кротко и с достоинством ответил, что Царство Его не от мира сего, как это доказывается всею Его деятельностью и поведением Его учеников и последователей, которые за своего Царя не восстают с оружием в руках. «*Итак, Ты Царь?*» (Ин. 18:37) еще с большим изумлением переспросил Пилат. Иисус отвечал: «*ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего*» (Ин. 18:37). Последнее замечание окончательно убедило Пилата в том, что Узник отнюдь не мятежник обычного рода, а просто какой-нибудь совершенно безвредный мечтатель, который наподобие греческих философов всецело занят решением вопросов об истине и тому подобных возвышенных предметах, совершенно не касающихся римской власти. Поэтому, спросив иронически: «*что есть истина?*» Пилат повернулся и, выйдя из претории, всенародно произнес свой оправдательный приговор: «*Я никакой вины не нахожу в Нем*» (Ин. 18:38).

Но это открытое оправдание ненавистного старейшинам Узника, для изловления которого потрачено было столько усилий и проведено столько бессонных ночей, только еще больше разъярило Его врагов. В ответ на оправдательный приговор Пилата они неистово закричали, что оправдывать такого Человека невозможно, так как Он обманщик, «возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места» (Лк. 23:5). Услышав, что Галилея была главным местом деятельности Иисуса, Пилат порешил отправить Его к местному правителю Ироду Антипе, находившемуся по случаю праздника также в Иерусалиме, надеясь сделать этим приятное честолюбивому царьку и вместе сбыть с рук весьма трудное дело. Ирод обрадовался этому случаю – повидать Человека, которого ему уже давно хотелось видеть. Заинтересованный слухами о Его чудесах, он теперь обратился к Нему с расспросами о Его деятельности, предполагая, что Узник в угоду царьку может при нем же совершить какое-нибудь удивительное чудо. Но Христос, зная низкую натуру этого царька, которого Он уже раньше заклеймил позорным именем лисицы, «ничего не отвечал ему» (Лк. 23:9), и раздраженный Ирод передал Узника своей придворной черни на поругание и затем вновь отправил Его Пилату (что между прочим послужило средством примирения этих двух правителей, бывших пред тем во вражде между собою), заявив, впрочем, что ничего не нашел преступного в Узнике.

Поставленный в необходимость опять решать неприятное ему дело и желая как-нибудь спасти Невинного, по его убеждению, Человека, а также и поддержать достоинство своего первого оправдательного приговора, Пилат попытался обратиться к чувству сострадания и благородства народа. По установившемуся обычью, римский правитель по случаю пасхи освобождал какого-нибудь узника, по желанию и выбору народа. Зная, что все обвинение против Иисуса есть дело первосвященников и старейшин и что народ еще недавно обнаруживал восторженную привязанность к Христу, он предположил назначить для праздничного освобождения двух узников, именно Христа и закоснелого разбойника и убийцу –

Варавву, в надежде, что народ предпочтет Того, кого он еще недавно с восторгом приветствовал как сына Давида. Но и этот план был расстроен коварством вождей, которые уже успели склонить народ на свою сторону, убедив его, что лучше просить Варавву, уже заявившего себя смелыми восстаниями против чужеземного ига, чем Иисуса, который видимо не способен был оправдать надежд на восстановление царства Давида. Поэтому на вопрос Пилата, кого освободить им, чернь закричала: «*смерть Ему, а отпусти нам Варавву!*» (Лк.23:18). Пораженный таким неистовым озлоблением, Пилат хотел затянуть дело и спросил: «*чего же хотите, что бы я сделал с Царем Иудейским?*» (Мк. 15:12). Тогда впервые раздался неистовый крик: «*распни, распни Его!*» (Лк. 23:21). Напрасно Пилат, пользуясь каждым заташьем в смятении, настаивал на своем, настаивал, правда, упорно, но с каждым моментом ослабевая все больше и больше. «*Какое же зло сделал Он?*» спрашивает опять Пилат. «*Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. И так, наказав Его, отпущу*» (Лк. 23:22). Такое нерешительное противодействие было совершенно бесполезно. Оно только выдало иудеям внутренние опасения их прокуратора и практически все дело отдавало в их руки. Все сильнее и сильнее оглашали они воздух своими неистовыми отвратительными криками: «*смерть Ему! Распни, распни Его! отпусти нам Варавву!*» (Лк. 23:18). Когда происходило это страшное судбище, представлявшее собою борьбу римского правосудия с иудейским неистовством и изуверством, Пилат получил от своей жены Проклы извещение, что она видела страшный и многознаменательный сон об Этом Праведнике и просила его быть крайне осторожным в Его деле. Тогда Пилат сделал последнюю попытку спасти Бож. Узника. С целью хоть сколько-нибудь утолить кровожадность обвинителей, он подверг Его бичеванию, а затем, надеясь пробудить к Нему сострадание, он вывел Его опять к народу и, взывая к простому человеческому состраданию, сказал: «*се, Человек*» (Ин. 19:5). Но толпа превратилась в диких зверей, оглашавших воздух однообразным ревом: «*распни, распни Его!*» (Ин. 19:5). Пилат еще раз остановился в крайнем недоумении, что именно могло

так ожесточить против Него народ. Он опять отвел Христа вовнутрь претории и вновь подверг личному допросу. Но теперь все уже было напрасно, и Христос не отвечал ему. «*Мне ли не отвечаешь? запальчиво спросил римский сановник. Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя?*» (Ин. 19:10). Но это было очевидное заблуждение с его стороны, особенно при настоящем положении дела, когда Пилат очевидно сознавал свое полное бессилие, и Христос отвечал ему: «*Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе*» (Ин. 19:11). Такой проницательный ответ еще более привязал римского правителя к таинственному Узнику, и он еще с большим усердием старался спасти Его. Испытав все средства и еще раз подвергнув Его поруганию от руки римских воинов, Пилат прибег еще к одному средству, сделав попытку подействовать на патриотизм иудейского народа. Одев Христа в царское одеяние, он опять вывел Его к народу и торжественно сказал: «*вот, Царь ваш*» (Ин. 19:14). Но появление Бож. Страдальца встречено было опять неистовыми воплями: «*Распни Его!*» и когда Пилат, начавший уже совсем терять почву под собою, спросил: «*Царя ли вашего распну?*» (Ин. 19:15) как высшие злоумышленники, а за ними и весь народ, закричали: «*нет у нас царя, кроме кесаря*» (Ин. 19:15). *Если отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю*» (Ин. 19:12). Такого оборота Пилат не ожидал, так как не предполагал, чтобы заведомые ненавистники римского владычества дошли до такого гнусного лицемерия, заявленного так всенародно. И он обят был ужасом, так как из толпы легко могли явиться доносчики в Рим, и это Пилату могло стоить не только занимаемого места, но и жизни. Тогда он окончательно потерял голову и, заботясь теперь больше о себе и своем положении, чем о правосудии, решился уступить крикам ненавистного ему народа, и свое отступление загладил лишь формальными заявлениями своей непричастности к этому делу. Он велел принести воды и, умывая руки, сказал народу: «*невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы*» (Мф. 27:24). Но это

заявление его мгновенно заглушено было воплями обезумевшей от злорадства черни: «*кровь Его на нас и на детях наших*» (Мф. 27:25). Тогда Пилат в отчаянии дал приказ воинам подготовить крест и распять на нем «Царя Иудейского».

Этот страшный в самой своей простоте приказ Пилата слышали тысячи присутствующего народа, и его несомненно слышал и Иуда Искариот. Все его гнусное дело таким образом увенчалось полным успехом, но этот успех не обрадовал его. Последний приказ Пилата прозвучал для него как грозный приговор над ним самим. В полной власти сил злобы и сатанинского ослепления Иуда находился лишь до момента совершения самого предательства в саду Гефсиманском. Уже тогда спокойный укор Спасителя: «*целованием ли предаешь Сына Человеческого?*» (Лк. 22:48) пронзил его сердце острием внезапного нравственного пробуждения и грозного самообличения, и он в ужасе бежал с места своего сатанинского злодеяния. Ослепляющий дух алчности мог и после этого отчасти поддерживать в нем бодрость самоизмышленными уверениями, что все затеянное им дело совершится к его – Иудину благополучию, но пробужденный голос совести начал раздаваться в его душе все сильнее, до степени грозного и невыносимого набата. Иуда наверно присутствовал при всех перипетиях суда и поругании над Христом; он слышал и ругательства черни над Страдальцем, и взвизги бичей, и отзвуки заушений, и безумные, исступленные вопли: «распни, распни Его!» Но можно быть уверенным, что сам он далек был от всякого участия в этих зверских неистовствах, и напротив каждый взвизг бича как бы раздавался над его собственною спиной, каждое заущение болезненно отзывалось на его собственных, мертвенно бледных щеках, и вопли: «распни, распни Его» как бы относились не к кому другому, как к нему самому – Иуде Искариоту. И о, если бы действительно все это совершилось над ним – злополучным Иудой, а не над тем вон Страдальцем, кроткого взгляда которого он теперь страшился более, чем сатана может страшиться грозной молнии небесной! И по его душе яркой чередой пронеслись воспоминания последних трех с половиною лет его жизни. Наделенный от

природы семенем зла, он был одним из тех людей, которые в условиях своего скромного существования с затаенным ропотом сносят свою незавидную долю и готовы воспользоваться первым случаем, чтобы сбросить с себя иго бедности и низкого положения, чтобы разбогатеть и возвыситься – хотя бы для этого пришлось совершить ужасающее преступление. Случай свел его с великим Учителем. Не Он ли Мессия? –мелькнула в Иуде тайная мысль; не Он ли тот ожидаемый Царь – Мессия, который, по народному верованию, должен был явиться по исполнении времен, который выведет иудеев из жалкого подчиненного положения язычникам, покорит для них весь мир, соберет для их обогащения все земные сокровища, оденет самого последнего иудея в багряницу, унизанную жемчугами и драгоценными камнями, и будет кормить их изысканными яствами, какие только может доставлять природа земная? Если так, то вступление в избранное общество такого Учителя есть очевидно дело крайне выгодное и многообещающее, и Иуда, вступая в число последователей Христа, по самому существу своей натуры, на первом плане имел именно земные выгоды. Христос, конечно, провидел его низкую, злобную, своекорыстную натуру; но принятие его в общество Апостолов было одним из тех опытов Божественного милосердия, которые часто делаются с целью привести зло в соприкосновение с самим источником добра и дать свободной воле человека возможность при помощи этого добра победить гнездящееся в нем зло. Но злая воля Иуды не поддалась обаянию и самого источника добра. Иуда мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а Бож. Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях. Он не мог не чувствовать бесконечной святости и благости своего Божественного Учителя, но проповедь Его казалась ему не соответствующею величию Мессии. Если вся задача Мессии будет именно такою, какою она являлась из проповеди Пророка назаретского, то Иуда очевидно ошибся в расчете; его мечты о земных благах разлетались в прах; он даже терял и то, что давала ему прежняя скромная доля, и взамен получал лишь залог неизбежных гонений, презрения и всяких бедствий. Так лучше

же, мелькнула в нем лукавая мысль, воспользоваться хоть чем-нибудь, – и он начал удовлетворять свою алчность воровством из общинной кружки Апостолов. Но этого ему скоро показалось мало, потому что Апостольская кружка была слишком бедна, а часто и совсем пуста. Нельзя ли поэтому сразу сделать какой-либо более крупный изворот? Дух алчности изобретателен, и обстоятельства благоприятствовали. Иуда ясно видел, с какою ненавистью вожди иудейские смотрели на опасного для их лицемерия Пророка, и порешил просто продать им своего Учителя, пока еще есть возможность для того. Но такое преступление, взятое во всей его наготе, было бы до невыносимости страшно даже и для Иуды, и он, подобно многим другим величайшим преступникам и злодеям, мог измыслить и более или менее благовидные предлоги к тому. Колеблясь между духом алчности и голосом совести, он мог оправдывать свой злодейский шаг и некоторыми благовидными соображениями. Не побудит ли Иисуса этот его шаг оставить свою проповедь бедности и самоуничижения и проявить перед Своими врагами все Свое мессианское величие, которое скорее бы способно было склонить к Нему народ? Если так, то Иуда очевидно окажет этим лишь услугу своему слишком добруму и смиренному Учителю и таким образом будет в праве рассчитывать на участие в его мессианском царстве. Если же нет, если Учитель погибнет, то значить Он все равно погиб бы; но тогда эта погибель была бы совершенно бесполезною для Иуды, а теперь он верных заполучит тридцать сребреников, – сумму, достаточную для того, чтобы купить себе участок земли, а впоследствии может получить в награду и еще взятку с целью сокрытия преступления перед народом. Такие извины сатанинской логики могли поддерживать в нем алчное возбуждение до самого совершения гнусного дела. Но затем сразу изменилось все. Совершенное им преступление молниеносно озарило его темную душу и обнаружило пред ним самим всю лживость его логики. Бледный от внутреннего терзания возмущенной совести, он в лихорадочном возбуждении и трепете следил за ходом дела, хотел верить и надеяться – вопреки всякой возможности для этого, что все это

приведет к чему-нибудь совсем иному, чем как это было в действительности; с нетерпением ждал какого-нибудь чудесного мановения со стороны Страдальца, от которого бы потряслись самые основы ада. Но все это было лишь одно предположение возмущенного своею собственною преступностью духа Иуды. Вот уже кончено все, и Пилат произнес роковой приговор. Если бы сразу и настежь отворились врата ада, то только картина того, что происходит в нем, могла бы дать достаточный краски для изображения душевного состояния несчастного предателя в этот момент. Во всяком случае Иуда не выдержал этого момента. Поспешно бросился он по направлению к храму с своею жалкою добычей, из-за которой он навсегда потерял свое славное наследие Апостольского звания, чтобы возвратить назад своим высокопоставленным покупателям тот кошелек, в котором теперь для него раздавались уже не сладостные звуки сребреников, а как бы шипенья целого гнезда смертельно ядовитых змей. Но те, которые не устрашились купить невинную кровь, теперь считали нарушением закона взять обратно заплаченные за преступную услугу деньги. Они страшились пятен крови на этих сребрениках, хотя отнюдь не помышляли о кровавых пятнах на своих собственных черных сердцах. Иуда сослужил нужную им службу, и теперь он потерял для них всякое значение. В ужасе своего мучительного исступления он проник в самый дверь священников, куда никто не смел вступать из непосвященных, и дрожащей рукой совал обратно кошелек с ценою крови невинного человека, лепеча несвязные упреки и мольбы. Но он скорее пробудил бы отзвук сострадания в гранитной мостовой храма, чем в этих закоснелых в своем фанатическом ожесточении сердцах. «Что нам до того? Смотри сам» (Мф. 27:4), – получил он сатанинский по своему бессердечию ответ. Тогда ничего не оставалось для Иуды, кроме невыносимого отчаяния. В порыве отчаянного исступления Иуда бросил злополучный кошелек и – сам бросился в бездну небытия, которая теперь, даже при всех ужасах ада, стала для него более желанным убежищем, чем жизнь на земле. Он повесился на первом попавшемся дереве, но и дерево не хотело держать его преступного тела: сук обломился под ним, и

оно «низринулось», от падения «чрево его распалось, и выпали все внутренности его» (Деян. 1:18). На брошенные им деньги было куплено за городом поле горшечника, которое сделалось местом погребения странников и получило название Акелдамы (поля крови), служа таким образом наглядным памятником ужасного события.

Так погиб злополучный предатель. Но суд Божий не замедлил проявиться и над другими виновниками этого страшного злодеяния. Главный вождь всего гнусного преступления богоубийства, римский ставленник Каиафа был низложен в следующем году. Ирод умер в позоре и ссылке. Пилат, очень скоро затем лишенный прокураторства по тому самому обвинению которого он хотел избежать преступной уступкой, гонимый несчастьями, погиб в ссылке от самоубийства, оставив по себе лишь проклинаемое имя. Дом Анны, поколение спустя, был разрушен рассвирепевшей чернью, которая с побоями и бичеваниями волокла его сына по улицам, до самого места убийства. Некоторые из тех, кто были участниками и свидетелями ужасного зрелища этого дня, и тысячи детей их были свидетелями и жертвами продолжительных ужасов осады Иерусалима, которая беспримерна в истории по своей кровожадной ожесточенности. Иудеи кричали: «нет у нас царя, кроме кесаря!» и у них действительно уже не было царя кроме кесаря. На время только оставив за ними призрачную тень местного, презренного правления, кесари один за другим оскорбляли, грабили и угнетали их, пока наконец они яростно не восстали против того самого кесаря, которого только и хотели считать своим царем, и кесарь потопил в крови храбрейших защитников развалины и пепел их оскверненного храма. Они принудили римлян распять своего Христа, считая это наказание самим ужасным, но сами они и дети их тысячами были распинаемы римлянами за станами своего города, так что недоставало уже места и леса, и воины изощряли свою изобретательность в жестокости, придумывая новые способы смертной казни для них. Они дали тридцать сребреников за кровь своего Спасителя, и сами были тысячами продаваемы за еще меньшую цену. Они избрали

Варавву предпочтительно пред своим Мессией, и для них не было уже больше Мессии. Они приняли на себя вину крови, и последние страницы их истории залиты реками их крови, и кровь эта с тех пор из века в век непрестанно проливалась с безумной жестокостью. С того времени Иерусалим и его окрестности стали как бы одним обширным кладбищем, Акелдамой, полем крови, полем горшечника для погребения странников.

XXIX. Распятие, крестные страдания, смерть и погребение Иисуса Христа

Распятие было самым ужасным и позорным видом смертной казни в древности, – настолько позорным, что самое название его, как говорит Цицерон, «никогда бы не должно приближаться к мыслям, глазам или ушам римского гражданина, а тем менее к его личности». Оно было восточного происхождения и задолго до проникновения его в Европу употреблялось у персов, финикиян и карфагенян. В Палестине оно впервые введено было Александром Великим, когда он, по взятии упорно защищавшегося Тира, воспользовался для примерного наказания его непокорных жителей этим туземным видом казни, и распял две тысячи тиран. В Риме оно введено было Крассом, который сделал страшное применение его при наказании рабов, возмущившихся под предводительством Спартака, когда именно он уставил крестами распятых рабов-мятежников всю дорогу от Рима до Капуи, и затем окончательно оно принято было в систему наказаний при Августе, и в обширных размерах употреблялось при наказании различных мятежников и крупных злодеев, нарушителей государственного закона и порядка. Для иудеев этот род смертной казни был тем ужаснее, что он был исключительно языческий. В ветхом завете если и есть указания на «повешение на древе», то это повешение обыкновенно совершалось уже над мертвым телом, или было вообще явлением исключительным, допускавшимся некоторыми царями под влиянием окружающих языческих народов. Во всяком случае для иудеев распять иудея было бы, при обычном состоянии вещей, решительно невозможностью, так как против этого возмутилось бы национальное чувство народа. И если теперь первосвященники, вожди иудейские и чернь неистово требовали распятия для Христа Назарянина, то это показывает, до какой невероятной степени злобы и ненависти довел «избранный народ» царь мира сего, хотелщий доказать этим полное торжество темного начала на земле.

Но вот приговор начал приводиться в исполнение. Воины сколотили крест, взвалили его на плечи приговоренного к смерти, и страшное шествие двинулось за город, к месту казни, на Голгофу или лобное место, названное так по своей выпуклообразной форме. За осужденным по обычаям двигалась толпа народа, и теперь она была тем больше, что самая личность Узника и все обстоятельства суда над Ним взволновали весь город с его многочисленными паломниками. По дороге тяжесть креста, на котором висели грехи всего мира, надломила истощенный всеми предшествующими духовными и телесными муками организм Христа, и Он упал под своей ношей. Чтобы не замедлять исполнения казни, воины, сопровождавшие Узника, навалили крест на встретившегося им по пути некоего Симона Киринеянина, который таким образом удостоился великой чести участия в несении искупительного креста. Вся обстановка этого ужасного шествия имела надрывающий душу характер, и многие женщины, не выдерживая всех ужасов его, горько плакали. Бож. Страдалец обратил на них внимание и увещевал их плакать не о Нем, а о самих себе и о тех ужасах, которые ожидают весь иудейский народ и обетованную землю. Рядом с Христом на казнь ведены были еще двое разбойников, распятием которых при теперешней страшной обстановке Пилат хотел навести страх на других разбойников и тем хоть отчасти подорвать сильно распространенное в это время разбойничество, часто переходившее в политические мятежи.

По прибытии к месту казни все три креста положены были наземь, и крест Иисуса как главного узника положен был для большего издевательства посредине. После этого с Него сняли все одежды и последовал самый страшный момент казни – прибитие ко кресту. Христа положили на орудие казни, руки растянули вдоль перекладины и посредине ладоней наставлено было по огромному железному гвоздю, которые ударами молотка вгонялись в дерево. По такому же гвоздю вбито было и в ноги, и затем воины с большими усилиями стали поднимать крест, с его пригвожденною живою ношею, чтобы установить его в заготовленной яме. И в этот-то ужасный момент

невообразимого страдания раздался голос Спасителя человечества с всепрощающей мольбой за своих зверских и безжалостных убийц: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Понятно, какие нестерпимые муки могли испытывать распинаемые; но муки эти были тем ужаснее, что несчастные жертвы могли долго томиться на кресте, и сами страдальцы с воплем просили окружающих предать их смерти, которую они считали избавительницей. Такова-то была смерть, на которую осужден был Христос; и хотя для Него она счастливо ускорилась от всего вынесенного Им предварительно, Он все-таки томился на кресте с полдня и почти до солнечного захода, прежде чем «испустил дух» (Лк. 23:46).

Когда уже был поднят крест, вожди иудеев впервые явно заметили смертельное оскорбление себе со стороны Пилата. В своем слепом неистовстве они воображали, что способ распятия был поруганием, направленным на Иисуса; но теперь, когда они видели Его висящим между двумя разбойниками, но на более высоком кресте, им сразу стало ясно, что эта казнь была публичным поруганием для них самих. На белой деревянной намазанной гипсом доске, так ясно выдававшейся над головою Иисуса, на кресте виднелась черная надпись на трех цивилизованных языках древнего мира, – на тех трех языках, из которых по крайней мере один наверно был знаком каждому в собравшейся тут толпе, – именно на официальном латинском, ходячем греческом и туземном арамейском. Надпись гласила, что Этот Человек, который претерпевал таким образом позорную рабскую смерть, Этот Человек, распятый в глазах всего мира между двумя злодеями, был «Царь Иудейский» (Мк. 15:26). На надписи читалось: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский» (Мф. 27:37). Когда иудеи поняли, какой злой насмешке подверг их Пилат, то это совершенно отравило им удовольствие их злорадного торжества, и они отправили к Пилату депутацию с просьбой переменить возмущавшую их надпись. «Не пиши, сказали они, Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский» (Ин. 19:21). Но смелость Пилата, так быстро улетучившаяся при имени кесаря, теперь ожила

вновь. Он рад был каким бы то ни было способом досадить и сделать наперекор людям, мятежные вопли которых заставили его утром поступить против желания и совести. Не многие могли с такою силою выражать свое высокомерное презрение, как римляне. Не удостаивая даже оправдания своего поступка, Пилат сразу же отпустил гордых иерархов с коротким и презрительным ответом: «что я написал, то написал» (Ин. 19:22).

Чтобы воспрепятствовать возможности какой-нибудь попытки снятия со креста (известны были случаи, когда преступников снимали и возвращали к жизни), около крестов была поставлена стража из четырех воинов (кватернион) с сотником. Одежды жертв всегда доставались в добычу тем, которым приходилось нести эту тяжелую и неприятную обязанность. Поэтому воины, не подозревая никакого, как точно исполняли они таинственные предсказания древнего пророчества, приступили к дележу одежд Иисуса Христа между собою. Плащ они разодрали на четыре части, вероятно распоров его по швам; хитон же был сделан из одной сплошной ткани, и раздирать его значило бы только испортить. Поэтому они порешили предоставить его в собственность тому, кому выпадет по жребию. Покончив с дележом, воины сели и сторожили распятых, коротая скучные часы едой и питьем, разговором и игрой в кости.

Зрелище было возмутительное. Большинство народа по-видимому молча стояло и смотрело на кресты; но некоторые из проходивших мимо креста, быть может некоторые из лжесвидетелей и других злоумышленников предшествовавшей ночи, все еще издевались над Иисусом в оскорбительных возгласах и насмешках, в особенности предлагая Ему сойти со креста и спасти Самого Себя, если уж Он так всемогущ, что мог разрушить храм и в три дня построить его. И сами первосвященники, книжники и старейшины, менее смущенные, менее сострадательные, чем масса народа, не стыдились срамить своих седых волос и сана, и своими издевательствами отягчать и без того нестерпимые муки Божественного Страдальца. Они перед самым крестом насмешливо

переговаривались между собою: «других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем» (Мк. 15:31–32). Чернь и воины вторили этим издевательствам, и вокруг Страдальца как бы происходило дикое торжество кровожадности и бессердечия. Но Христос стоял теперь выше всего жалкого человечества, безумно праздновавшего казнь своего Спасителя, и безмолвствовал. И это Божественное безмолвие было для некоторых сердец красноречивее всякой проповеди. Оно особенно поразило одного из разбойников, и он не только прекратил грубые издевательства, с которыми оба несчастные злодея относились к Распятому среди их, но и стал упрекать своего товарища за неуместное ругательство. В его душе совершился крутой переворот. По преданию, этот «добрый разбойник» некогда спас жизнь Св. Младенцу и Приснодеве во время их бегства в Египет, и он наверно не мало слышал о галилейском Пророке, который призывал к Себе всех грешников и мытарей. При виде бесконечно кроткого и всепрощающего лика Распятого в нем воскресло все, что оставалось лучшего в его сердце, и он, обратясь к Иисусу, умиленно воскликнул: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое» (Лк. 23:42). И на эту смиренную молитву покаявшегося злодея безмолвствовавший дотоле Христос немедленно ответил: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43).

Но около креста были не одни только враги Распятого. Были тут и люди, сердца которых страдали за Божеств. Страдальца. В отдалении стояло несколько женщин, которые смотрели на Него с мучительным ужасом и состраданием. В большинстве это были те женщины, которые служили Ему в Галилее и пришли оттуда к празднику с другими галилейскими богомольцами. Виднее всех в этой ужасом объятой группе выдавались Матерь Его Мария, Мария Магдалина, Мария, жена Клеопы, мать Иакова и Иосии, и Саломия, жена Зеведея. Некоторые из них все ближе и ближе подвигались к кресту, и томный взор Спасителя пал на Его Пресв. Матерь, когда Она с пронзившим Ее сердце оружием скорби стояла вместе с

учеником, которого любил Он. Теперешнее сиротское положение Ее поразило скорбью Его нежное сыновнее сердце, и Он даже на кресте проявил заботу о Ней. После воскресения Ей суждено было с Апостолами, и тому Апостолу, которого Он любил больше всех, который был ближе к Нему в сердце и жизни, лучше всего было поручить и заботу о Ней. Ему поэтому, Иоанну, которого Он любил больше, чем братьев своих, Иоанну, голова которого на тайной вечери склонялась к Нему на грудь, Он отдал Ее на попечение. «Жено», сказал Он Ей в немногих, но дышащих глубокою нежностью словах, «се, сын Твой» (Ин. 19:26), и обращаясь к Иоанну: «се, Матерь твоя» (Ин. 19:27). Он не мог сделать движения своими пригвожденными руками, но мог показать наклонением головы. В безмолвном волнении слушали они эти слова, и с этого времени, уводя Ее от зрелица, которое только терзало Ею душу бесплодной мукой, «ученик тот взял Ее к себе» (Ин. 19:27).

Был уже полдень, и в святом городе солнце должно было освещать страшное зрелице палящими лучами нашего лета. Но вместо этого небо было мрачно, и полуденное солнце в этот великий и страшный день Господень «обратилось во тьму» (Лк. 23:45). Это не могло быть естественным затмением, потому что во время пасхи было полнолуние: но это было одно из тех «знамений», которых напрасно добивались фарисеи во время земного служения Христа. Самый воздух, казалось, был полон предзнаменований, и под ногами дрожала и сотрясалась земля. Все это невольно должно было образумить самых безумных, и издевательства прекратились, потому что все и виновные, и невинные были объяты ужасом и трепетом. Но еще страшнее этой внешней тьмы был ужас, объявший душу Христа, несшего теперь на Себе все бремя грехов человечества, и Он в девятый час дня громко воскликнул на народном языке: «Или, Или, лама савахвани!» т. е. «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). Среди глухого движения толпы многие не рассыпали всего восклицания и уловив слово: «Или», вообразили, что Он призывает Илию, и в страхе ожидали, не придет ли действительно этот грозный мститель за правду. Между тем Христос испытывал невообразимые муки, и в этот

момент, обессилев от страдания, Он произнес глухим страдальческим голосом: «жажду» (Ин. 19:28). Один из присутствующих наполнил губку из стоявшего рядом сосуда с смесью кислого вина с водою, бывшего обычным напитком римских воинов, и, надев ее на стебель иссопа, поднес к воспаленным устам Страдальца, насмешливо замечая в то же время: «посмотрим, придет ли Илия спасти Его» (Мф. 27:49). Но вот приблизился и конец страданиям Сына Божия. Чувствуя наступление смерти, Он громким голосом возопил: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой!» (Лк. 23:46). Затем, сделав последнее усилие, Он произнес последнее слово: «совершилось!» (Ин. 19:30) и мгновенно испустил дух, при чем голова Его безжизненно упала на грудь.

Так закончилась земная жизнь Богочеловека, пришедшего спасти мир. Чтобы искупить греховое человечество от первородного проклятая и смерти, Он взял на Себя все необъятное бремя мирового греха и во искупление его перенес все как телесные, так и нравственные страдания, какие только могут выпадать на долю человека. Но на бесконечную глубину вынесенной Им нравственной муки в виду того, что Ему пришлось перенести все это от того именно народа, который в течение целых тысячелетий был воспитываем и лелеян Богом, как народ избранный и возлюбленный среди всех других народов, – народа, на котором именно покоились все надежды будущего, как светоч среди глубокой религиозно-нравственной тьмы, указывает одно замечательное обстоятельство, определяющее физиологическую причину смерти Христа. Он, как известно, скончался на кресте раньше разбойников, так что римлянам не понадобилось уже применить к Нему варварский обычай перебивания голеней, и вообще смерть последовала скорее, чем это было обыкновенно. Бывали случаи, когда распятые жили на кресте по два и по три дня; между тем Христос испустил дух через шесть часов (с 3 по 9) по пригвождении ко кресту, и это обстоятельство, особенно в виду того, что Он был в полном цвете лет и обладал благословенным здоровьем в течение всей Своей земной жизни, уже христианской древности казалось необычайным, и она

приписывала его сверхъестественной причине. Но была и ближайшая причина. Когда воин, чтобы убедиться в действительности смерти распятого Христа, вонзил Ему копье в ребра, то из образовавшейся раны потекла кровь и вода, и это решительно указывает на то, что непосредственною причиною смерти был разрыв сердца, произшедший вследствие безмерного душевного потрясения. Избыток радости или горя, как известно, часто причиняет разрыв некоторых тканей сердца, следствием чего бывает проникновение крови в так называемое околосердце или мешочек, наполненный бесцветною водянистою жидкостью, в котором именно подвешено сердце. При обыкновенных обстоятельствах только исследование, произведенное после смерти, дает возможность открыть этот факт; но в отношении Христа в этом вполне удостоверяет нас удар копья, сделанный воином. Затем при смерти от разрыва сердца наблюдается постоянное явление, что умирающий вдруг судорожно поднимает руку к груди и издает резкий, пронзительный крик. Спаситель не мог сделать такого движения рукою, так как руки Его были пригвождены, но Евангелисты ясно свидетельствуют о последнем громком вопле, за которым последовала мгновенная смерть. Таким образом Спаситель мира буквально умер от разрыва сердца. Это бесконечно любящее сердце не выдержало того позорного самоослепления, которому поддались люди, от исступленного озлобления не ведавшие того, что творили; не выдержало оно того безграничного безумия, которое заставило людей предать лютейшим мукам смерти Того, Кто пришел избавить их от рабства смерти, вырвать их из гибельной власти ада и указать им путь к вечной жизни и вечному блаженству. Поистине, велика темная сила зла, заставившая человечество собственными руками и с неистовой яростью подрубать свое собственное древо жизни, собственными руками тираниТЬ и казнить своего величайшего Благодетеля и Спасителя. При виде этого могло разорваться не только такое нежное, бесконечно любящее сердце, каким было сердце Христа, но даже и гранитное сердце гор. Не даром в момент смерти Христа скалы расселись и

солнце померкло. Совершенное злодейство возмутило даже бездушную природу.

Смерть Христа действительно сопровождалась необычайными знамениями. Священник, входивший в этот самый час в святилище для принесения вечерней жертвы, к ужасу увидел, что храмовая завеса разодралась надвое сверху донизу. Эта завеса была особенным символом тела Христова, как храмины Божества, и своим разодранием свидетельствовала, что отселе для входа во святилище открывался новый и свободный путь, который Христос «открывал нам чрез завесу, то есть плоть Свою» (Евр. 10:19). В тоже время земля потряслась и скалы расселись; огромные камни, приваленные к гробницам, отвалились от своих мест, «и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов, по воскресении Его, вошли в святой град и явились многим» (Мф. 27:52–53). Эти изумительные обстоятельства, вместе со всем, что было замечено в Распятом, смущали даже жестокое и беззаботное равнодушие римских воинов. На сотника, командовавшего ими, все это зрелище произвело особенно глубокое впечатление. Стоя перед крестом и видя умирающего Спасителя, он прославил Бога и воскликнул: «Истинно Человек Этот был праведник» (Лк. 23:47), нет, даже больше того – «Человек сей был Сын Божий» (Мф. 27:54). Даже народ, уже совсем отрезвившийся от упоения ярости, начал сознавать в своей преступной совести, что виденное им зрелище было более страшно, чем можно было ожидать, и, возвратясь в Иерусалим, бия себя в грудь (Лк. 23:48), вопил. И надо было вопить! Это была последняя капля в переполненную чашу беззакония; это было начало конца для города и для народа.

День близился к концу, и с закатом солнца начиналась суббота: «а та суббота была день великий» (Ин. 19:31), потому что вместе с субботой совпадала и Пасха. Нужно было позаботиться о снятии с крестов, чтобы не оставить следов от страшного события для светлого праздника. Поэтому старейшины иудейские обратились к Пилату с просьбою удалить распятых, и он, находя уже лишним более раздражать своих

опасных врагов, соизволил на эту просьбу и послал воинов освидетельствовать распятых и, в случае если они живы, перебить им голени для ускорения смерти, чтобы можно было затем похоронить их. Воины перебили голени только двум разбойникам, а Христос уже и без того был бездыханен, и в действительности Его смерти воин удостоверился лишь прободением Ему ребра своим копьем, вследствие чего из бока истекла кровь и вода, ясно свидетельствовавшая о наступлении смерти. Так над Христом исполнилось пророческое слово Писания: «*кость Его да не сокрушится*» (Ин. 19:36)

О самом погребении распятых преступников старейшины не заботились, предоставляя друзьям и родственникам, если были таковые, похоронить казненных в их безвестных могилах. Но о погребении Христа позаботилось одно важное лицо, которое и просило у Пилата позволения похоронить Его по своему усердию и желанию. Это был Иосиф Аримафейский, богатый человек высокой души и безупречной жизни, видный член синедриона. Он был одним из тех тайных учеников Христа, которые, сочувствуя Ему в душе, не имели по своему общественному положению достаточно мужества открыто исповедовать свою веру в Него. Только теперь страшная смерть Учителя отогнала в нем всякий страх, и он обратился к Пилату с просьбою о позволении похоронить тело Христа. Пилат из уважения к сановному просителю согласился на его просьбу, предварительно удостоверившись в действительности смерти Распятого, и благообразный Иосиф быстро приступил к делу. Мужество его влило смелость и в другого подобного последователя Христова – Никодима, который как богатый человек позаботился о самых пышных похоронах – со всевозможными мастями, как это делалось при погребении иудейских царей. Приближение субботы однако же не давало возможности для совершения всех погребальных обрядов. Они сняли тело с креста и, поспешно обвив его дорогими белыми пеленами, положили в новоизсеченную гробницу, которую Иосиф подготовил было для себя в близ лежащем саду и теперь уступил своему обожаемому Учителю. При погребении присутствовали Мария Магдалина и Мария Иосиева, которые,

по окончании погребения и после приваления огромного камня ко входу в гробницу, в печальном раздумье посидев у гробницы, отправились домой, чтобы приготовить масти и благовония для тела своего возлюбленного Учителя и Господа. Там их встретили и другие ученики и ученицы, которые, оправившись от ужаса минувшего дня, понемногу собирались вместе, чтобы в братском единении и общении провести наступавший великий праздник, бывший для них праздником глубокой скорби, безнадежного горя и безутешных слез.

Между тем необычайные обстоятельства смерти Христа не остались незамеченными и со стороны врагов Его, и в их злобные сердца начинал закрадываться непонятный для них страх. На другой же день после распятия, т. е. в субботу, против всякого обычая и закона был созван совет старейшин, на котором видимо члены синедриона поздравляли друг друга с успехом достижения важной для них цели погубления ненавистного и опасного для них Галилеянина и обсуждали, как окончательно уничтожить все следы Распятого. Они очевидно опасались, что с распятием Иисуса не окончилось еще все. Некоторые из них припоминали, что «*обманщик Тот*» (Мф. 27:63) предсказывал о Своем воскресении в третий день, и поэтому считали необходимым принять меры предосторожности, «*чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых. И будет последний обман хуже первого*» (Мф. 27:64). В этих видах они обратились к Пилату с просьбою об наряде стражи к гробу, но Пилат отклонил от себя эту новую заботу и предоставил им позаботиться об этом самим, «*как они знают*» (Мф. 27:65). Получив это позволение, они, не смотря на святость великой субботы, за малейшее нарушение которой они с такою яростью преследовали распятого ими теперь Учителя, «*пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать*» (Мф. 27:66).

XXX. Воскресение Христово. Явления воскресшего Христа. Вознесение на небо

Поставив у гроба стражу и приложив к камню печать, вожди иудейского народа с сознанием достигнутой цели пошли домой и с наступлением ночи предались спокойному и сладостному сну, вознаграждая себя за все бессонные ночи предыдущих дней. И вот настала ночь, но никто еще не знал, какой за нею должен был воссиять великий и радостный день. Весь мир погружен был в глубокий сон. Только ученики и ученицы Христовы не спали всю ночь; они провели ее, как и минувший день, в неутешных рыданиях, и теперь, едва забрезжилось утро, ученицы первые спешили в сад ко гробу распятого Учителя. Глубокая торжественная тишина царила кругом, нарушааемая лишь мерными шагами стражи, поставленной у гроба. Две ночи прошло уже со времени распятия Иисуса Назарянина, и страже нечего уже было думать о нападении на гроб приверженцев Его. Безмолвен заключенный гроб, печать его цела. Вдруг – земля страшно заколебалась, как бы будя беспечно спавший мир, и юноши, блистательные как молния, и в одеждах, белых как снег, низошли в сад с небесной высоты. Один из них приближается к пещере, прикасается к гробовой скале: мгновенно печать разрывается, тяжелый камень отваливается, и из гроба восстает окруженный небесным сиянием Жизнодавец. Стража замерла от страха. Оправившись от первого ужаса, она бросилась в Иерусалим известить о случившемся. В какое бы волнение повергла она весь город своим известием, если бы над ним не тяготел еще утренний, крепкий сон. Усиленно стучат воины в двери старейшин народа, и последние, пробудившись и оправившись от неожиданности события, тотчас же составляют совещание и принимают меры, чтобы сразу замять и потушить принесенную весть. Но все ковы лжи, которыми они хотели опять убить Жизнодавца, теперь были безлюдны. Если бы даже им удалось заставить молчать всех живых свидетелей чуда Воскресения, то свидетелями его выступили бы мертвые. Многие из мертвых, тела которых уже в момент крестной смерти

Христа почувствовали в себе ток новой жизни, восстали из гробов вместе с Начальником жизни, вошли в город и явились многим.

Совершилось величайшее чудо, все обстоятельства которого с неотразимою силою свидетельствовали о его истинности. Но никакое чудо не могло сломить закоснелого неверия вождей иудейских. Получив страшную весть, они немедленно собрались на совещание, как лучше уничтожить самый слух о чуде и не дать ему распространиться в народе. Что же они могли предпринять? Правдивыми средствами нельзя было бороться с истиной, и вот они прибегли ко лживым. Как при тайном допросе в ночь на Великую Пятницу, так и теперь они прежде всего схватились за подкуп, по-видимому не раз уже сослуживший им добрую службу. Они «довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Еgo, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали. И если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим» (Мф. 28:13–14). Воины взяли деньги и поступили, как были научены. Золото восторжествовало над совестью. Воины стали распространять лживое внушение, и «пронеслось слово сие между иудеями даже до сего дня» (Мф. 28:15), замечает Евангелист.

Не трудно было распространиться ложному внушению. Весть, что Христос действительно воскрес, такая великая, такая благодатная, радостная весть, что можно даже от радости не поверить ей, как и было с некоторыми учениками. И все-таки невозможно отрицать истинность ее, не становясь в вопиющее противоречие со всей историей, не восставая против убедительнейших доказательств, не отказываясь от здравого человеческого смысла и не заглушая в себе вообще последних остатков чутья исторической правды. Если достоверно, что жил никогда римский император Тиверий, или существовал еврейский народ, который, после того как он пригвоздил Христа ко кресту, как прах рассеялся по всему лицу земли, или что пред благовестием рыбаков, мытарей и плотников поверглись с своих алтарей властительные и изящные боги Греции и Рима; то еще достовернее и выше всякого сомнения то, что каждый год,

каждую неделю торжественно прославляет теперь лучшая часть человечества, именно чудо воскресения Христова.

О Своем Воскресении Христос не раз предсказывал Своим ученикам, и тем не менее оно было неожиданностью и для них. По свидетельству Евангелистов, ученицы Христа, проведши ночь в рыданиях, утром, когда город еще не пробудился от сна, отправились ко гробу своего возлюбленного Учителя. Они шли молча. Скорбь смыкала им уста. Но когда они подошли уже к саду, новое скорбное представление заставило их заговорить. «*Кто отвалит нам камень от гроба?*» (Мк. 16:3) сказали они в недоумении. Очевидно, Учитель в круге их неясных представлений о Нем был еще мертвый, безжизненный, и вся скорбь их любви ограничивалась лишь одним, как они при таком препятствии помажут Его миром на вечный покой в недрах земли. Не успели однако же жены мироносицы обсудить свое новое горе, как взорам их представилась неожиданная, поразительная картина: камень отвален и гроб открыт! Но это зрелище повергает их в новое недоумение и ужас. Для их маловерия видится в этом не радостное событие Воскресения, а злодейское похищение Тела. Трепетно приближаются они к самой пещере, – но из нее вдруг вырываются лучи света, и перед ними предстают два светлых, радостных юноши. Едва жены оправились от неожиданного смущения, как один из этих вестников радости сказал им: «не бойтесь! Иисуса ищете Назарянина? Что ищете живого между мертвыми? Он воскрес. Его нет здесь! Идите и посмотрите место, где положили Его» (Лк. 24:5–6, Мф. 28:5–6, Мк. 16:6–7). – Жены слышат этот радостный голос небесного вестника и в то же время от преизбытка счастья не могут понять его. В оцепенении стоят они у гроба. Небесный Вестник вывел их из этого состояния, сказав: «*Идите, скажите ученикам Его!*» (Мк. 16:7). Услышав это повеление, они «*побежали от гроба, их объял трепет и ужас*» (Мк. 16:8), так что, прибежав в общество учеников, они сначала ничего не могли рассказать. Но радость все-таки отверзла им уста, и они одна пред другой стали передавать о том, что видели и слышали – о явлении Ангелов и о тех словах, которые они им сказали. Ученики слышат и едва верят своим ушам.

Ангелы у гроба Учителя? Уверяют, что Учитель воскрес? – О, если бы все это произошло не под покровом еще не рассвеченного дня и если бы весть эта выходила не из уст возбужденных и легковерных женщин! Так думали ученики и не верили, и даже восставали против веры. «И показались им, повествует евангелист Лука, слова женщин пустыми, и не поверили им» (Лк. 24:11).

Но не все ученики равнодушно и недоверчиво отнеслись к рассказам женщин. Двое из них – Петр и Иоанн, тотчас побежали лично удостовериться в происшедшем, и побежали с такою стремительностью, что обгоняли друг друга, и Иоанн прибежал ко гробу раньше Петра. Камень был отвален и пещера открыта. Более крепкий ногами, чем мужеством, Иоанн только наклонился ко гробу, но не входил в него, пока не прибежал и Петр. Последний тотчас вошел в пещеру и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Учителя, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. После этого вошел уже и Иоанн, посмотрел и уверовал, – и оба побежали сообщить остальным ученикам виденное.

Между тем Мария Магдалина, в своей вере отличавшаяся нетерпеливостью Петра, не доверяя тому, что она сама видела и слышала в первое посещение гроба с другими женщинами, теперь одна побежала еще раз собственными глазами посмотреть на гроб. Восходившее солнце уже начало расстилать золотые лучи по вершинам окрестных гор. Прекрасный весенний день наступал в природе. Но сумрачно было на душе Марии. Тщательно осмотрев пещеру и гроб, и не найдя в нем никакого разъяснения для своих недоумений, она стояла у гроба и плакала. «Жена, что ты плачешь?» – раздался вдруг чей-то голос. Вздрогнув, она опять нагнулась к пещере и видит двух юношей в белом одеянии, сидящих один у головы и другой у ног, где лежало тело Иисуса. Не зная, кто это такие, она объясняет им причину своего плача: «Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его» (Ин. 20:13), сказала она и опять зарыдала. Но вот позади слышит она приближающиеся шаги. Быстро направляет она в эту сторону свой заплаканный взор и видит пред собой человека – кого же, как не садовника? Этот мнимый

садовник обращается к ней с вопросом: «жена, что плачешь? кого ищешь?» Но Мария не сразу поняла всю любящую силу этих слов. Занятая своими печальными мыслями, она увидела в этом обращении досужий, если даже не оскорбительный вопрос, и простодушно ответила на него: «Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20:15). – Учитель не может более скрываться. Из глубины Своего любящего милосердия Он воскликнул: «Мария!», – воскликнул тем знакомым ей, властным голосом, который тысячами привлекал к Нему сердца людей. Изумленная ученица быстро вперяет свой отуманный слезами взор, и из груди ее, помимо ее воли, вырывается радостный крик: «мой Господь и Учитель!» (Ин. 20:16). Затем она бросилась к Его ногам и слезами радости хотела омыть Его ноги, – но на этом чувственный порыв радости преображеный Учитель сказал ей: «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим, и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему» (Ин. 20:17). И обрадованная Мария, нашедшая своего Учителя, побежала в город и возвестила недоумевавшим ученикам, что воистину Христос воскрес. И разнеслось слово ее громоносным эхом по всему миру, и с тех пор повторяется миллионами верующих уст до ныне, и будет повторяться во все века.

Свидетельство Марии Магдалины скоро подтверждено было новым явлением Христа другим женщинам-ученицам. Встретив других женщин, воскресший Христос сказал им: «Радуйтесь!» (Мф. 28:9) Объятые страхом и волнением, они пали к ногам Его. «Не бойтесь, сказал Он им; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28:10).

Третье явление Христа было Ап. Петру, и о нем свидетельствует Ап. Павел, говоря, что «Он явился Кифе» (1Кор. 15:5) раньше остальных Апостолов. Но в тот же день было четвертое явление, совершившееся при весьма знаменательных обстоятельствах. Двое учеников шли в находившееся неподалеку от Иерусалима селение Еммаус. С грустью и тревогой рассуждали они об изумительных событиях

последних двух дней, как вдруг к ним присоединился неизвестный Странник и спросил их о причине их печального настроения и тревожного разговора. Они остановились и, взглянув на Незнакомца, отнеслись к Нему подозрительно и недружелюбно, и когда один из них, именно Клеопа, ответил Ему, то в ответе его прозвучал оттенок удивленности и подозрения. «*Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?*» «*О чём?*» (Лк. 24:18–19) спросил Он их. Тогда они рассказали Ему, как все надежды их на то, что Иисус был великий Пророк, который должен был избавить Свой народ, разлетались в прах и как все Его великие дела перед Богом и перед людьми окончились два дня тому назад на позорном кресте. Они описали чувство изумления, с которым на этот третий день они слышали толки женщин о видении Ангелов и достоверные свидетельства некоторых из своих собратий, что гроб был пуст. «*Но*», со вздохом недоверия и скорби прибавил рассказчик, «*Его не видели*» (Лк. 24:24) они. Тогда, упрекнув их в «несмысленности и медлительности сердца» (Лк. 24:25), Странник показал им, как через весь Ветхий Завет, начиная от Моисея, проходило одно непрерывное пророчество как о страданиях, так и о славе Христа. В такой возвышенной беседе они прибыли в Еммаус. Незнакомец хотел идти дальше, но они упросили Его остаться с ними. Когда они сели за свою простую трапезу, и Он, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им, тогда мгновенно открылись у них глаза, и не смотря на изменившийся вид, они узнали, что с ними был Господь их. Но как только они узнали Его, Он стал невидим для них. «*Не горело ли в нас сердце наше, говорили они друг другу, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?*» (Лк. 24:32). Немедленно встав, они возвратились в Иерусалим с своею чудесною и радостною вестью. Теперь уже никто не сомневался в истине этих рассказов. Они сами были встречены радостными уверениями, что «*Господь истинно воскрес и явился Симону*» (Лк. 24:34).

В тот же вечнопамятный день Пасхи Иристос в пятый раз явил Себя всем ученикам Своим. Десять учеников сидели вместе, за запертymi дверями, из боязни иудеев. Когда они

передавали друг другу и обсуждали свои радостные вести, сам Христос стал посреди их и сказал им: «мир вам» (Лк. 24:36). Необычный вид Его прославленного тела, страшное значение самого факта воскресения из мертвых – смутили и испугали их. Господь присутствовал с ними телесно, но в измененном виде. Они даже подумали, что видят духа. «Что смущаетесь?» спросил Он, «и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осаждите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги» (Лк. 24:38–40). Когда радость, изумление и недоверие боролись в них, Он спросил, нет ли у них какой-нибудь пищи, и чтобы еще более уверить их, съел в их присутствии часть печеной рыбы. Затем, еще раз сказав им: «Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посыпаю вас» (Ин. 20:21), Он дунул на них и прибавил: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:22–23).

Одного только ученика не было при этом – Фомы Близнеца. Это был человек, отзывчивого, но сумрачного характера и тугой на веру. Для него эта весть казалась слишком хорошей, чтобы можно было верить ей. Напрасно другие ученики уверяли его: «мы видели Господа» (Ин. 20:25). Он настойчиво говорил, что не поверит, пока сам не вложит собственного пальца в раны от гвоздей и собственной руки в ребра Его. Прошла неделя и сомнения Апостола оставались не опровергнутыми. В первый день следующей недели (воскресенье уже сделалось первым днем недели, и он стал священным для сердца Апостолов) все одиннадцать учеников опять собрались вместе за запертыми дверями. Христос явился им опять и после обычного приветствия и благословения подозвал Фому и велел ему подать палец свой и вложить в раны от гвоздей, протянуть руку и вложить в ребра Его и не быть «неверующим, но верующим» (Ин. 20:27). – «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20:28), с пылом убеждённости воскликнул тогда недоверчивый Апостол. «Ты поверил, сказал ему Христос, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29).

Следующее явление воскресшего Спасителя было семи Апостолам у моря Галилейского – Симону, Фоме, Нафанаилу, сыном Зеведеевым и двум другим – вероятно Филиппу и Андрею, не поименованным в повествовании (Ин. 21:1–24). В явлениях Христа наступил промежуток и, прежде чем возвратиться в Иерусалим на праздник пятидесятницы для получения обетованного излияния на Апостолов Св. Духа, Симон сказал, что он на время возьмется за старый свой промысл – рыболовство. Общей кассы у них уже не было теперь и так как другие источники существования иссякли, то прежний промысл остался единственным исходом в добывании средств честного пропитания. Другие решили присоединиться к нему, и все они отплыли вечером, потому что ночь самое лучшее время для рыбной ловли. Всю ночь трудились они понапрасну. При раннем рассвете, в сумрачной мгле на берегу показался Человек, которого они не узнали. Он спросил их, не поймали ли они чего нибудь. «*Нет*» (Ин. 21:5), последовал унылый ответ. «*Закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймете*» (Ин. 21:6). Они закинули и уже едва могли вытащить сеть от множества рыбы. Случай этот с непреодолимою силою воскресил в них память о прошлом. «*Это Господь*» (Ин. 21:7), шепчет Иоанн Петру, и тотчас же этот пылко сердечный Апостол, набросив на себя рыбачью сорочку, бросился в море, переплыл отделявшее его от Иисуса Христа пространство и весь мокрый пал к ногам Его. За ним последовали и другие, влача страшно натянувшуюся, но не разрывавшуюся сеть с ста пятьюдесятью большими рыбами. На берегу разложен был огонь, вынут хлеб и на пылающих углях пеклась рыба, – картина, которую и теперь часто можно видеть на берегах Галилейского озера. Стоявший рядом Христос велел принести еще рыбы – из той, что они поймали теперь. Симон тотчас же пошел и помог вытащить сеть на берег. И Тот, в котором все узнали Господа, хотя голос и вид Его настолько подавлял их страхом и благоговением, что они не осмеливались спросить Его, сказал им: «*придите, обедайте*» (Ин. 21:12), и раздавал им, как и некогда в Галилее, рыбу и хлеб. Во время этой благословенной трапезы Христос трижды обращался к Петру с

вопросом, любит ли он Его? И на трепещущий ответ Петра, для которого в каждом вопросе Христа как бы слышался намек на его троекратное отречение, Спаситель трижды отвечал: «*паси овец Моих*» (Ин. 21:15–17), восстановляя его таким образом в прежнем достоинстве Апостольства. К этому Христос присоединил и предсказание об ожидающем его мученичестве за дело Евангелия, когда именно Он сказал ему: «*истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам, и ходил куда хотел; а когда состаришься, то простреши руки свои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь*» (Ин. 21:18).

Затем Христос, чтобы удостоверить в Своем Воскресении не только Апостолов, но и других Своих учеников и последователей, назначил им для свидания одну из гор в Галилее, – в том месте, где прошла большая часть Его общественного служения. И там собрались не только все одиннадцать Апостолов, но и кроме их пятьсот учеников и учениц. Все они с радостью, но вместе и не без трепета ожидали обещанного явления. Для них непостижимо было существование их Учителя. Сколько раз Он являлся им, вкушал с ними, давал осязать свои раны, но неожиданные явления Его им до сих пор приводили их в смущение. Не имели они еще того Духа, который бы научил их всему. И теперь, собравшись на пустынной горе, они с радостью ожидали Еgo, но радость их была не без раздумья. Раздумье было прервано явлением Учителя. «*Увидев Его, ученики поклонились Ему; а иные усомнились*» (Мф. 28:17). Последних смущила та неожиданность, с которой предстал перед ними Учитель. Не понимая духовности существа их преображенного Воскресением Учителя, они все еще предполагали видеть в Нем прежнего, облеченного грубою плотию Иисуса. Но вот Учитель приблизился к ученикам, и они услышали из Его уст великие слова властного завещания: «*Дана мне всякая власть на небе и на земле, сказал Он. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам*» (Мф. 28:18–20). С благоговейным трепетом слушали ученики великий завет своего

Учителя. Таких слов они еще никогда не слыхали. Прежде они слышали от Учителя, что «все предано Ему Отцом Его» (Мф. 11:27, Лк. 10:22), но они понимали эти слова в смысле власти Его на земле, которая и проявлялась в знамениях и чудесах, служивших к облегчению земных страданий и бедствий людей, и имела, по их понятию, проявиться в восстановлении царства Израиля. Теперь же они услышали, что власть их Учителя простирается и на небо, и им многое стало ясно из того, что говорил им и чему учил их Учитель в прежнее время, но что они смутно понимали, часто давая совершенно противоположное толкование. Но повеление «*идти, научить все народы*» не могло не повергнуть их опять в смущение. Ведь Учитель все время проповедовал Свое учение только одному народу и даже заявлял, что Он послан только к погибшим овцам дома Израилева, а теперь повелевает им идти по всему миру, проповедовать всем народам... Кто они такие, они – бедные рыбаки, чтобы им идти по всему миру, когда они едва имеют смутное понятие о существовании каких-то других народов и когда все географическое их знание ограничивается неясным представлением о пределах своей родной страны, за которыми идет неведомый, страшный для воображения мир звероподобных «языков?» Им никогда и в голову не приходила мысль, что им придется идти учить все народы. Они и в своей-то родной стране, на своем родном языке с трудом передавали учение своего Учителя, постоянно обращаясь к Его помощи за разъяснением, – а теперь как они пойдут проповедовать по всему миру, всем народам, и притом одни, без Учителя, который оставляет их навеки? – Любвеобильный Учитель, видя смущение своих учеников, сказал им великое ободряющее слово: «*Се, Я с вами во все дни до скончания века!*» (Мф. 28:20). И радовались ученики утешительному слову, и новый прилив мужества почувствовали они в своем сердце. Умственный кругозор рыбаков расширился. Пред ними открылась перспектива всего тогдашнего мира. Пред ними в заморской синеве выступала утопавшая в обогатворении природы иupoенная чарами прекрасного Греция; пред ними открылся железный Рим с его мировым владычеством; – Египет,

с его все еще гордыми и пышными жрецами и вековечными пирамидами, – и бедные рыбаки уже не смущались идти учить народы этих просвещенных стран. С «Ним», с своим Учителем, они пойдут по всему миру. И действительно, после, когда они получили обещанного им Утешителя, они как орлы крылатые (по выражению церковной песни) облетели весь мир, и удивленные народы преклонялись перед знаменем креста.

Явившись после этого еще Апостолу Иакову, Христос затем повелел ученикам собраться на последнее свидание, назначив для этого Иерусалим.

Шумный, многолюдный город всецело погружен был в суetu обыденной жизни. Он вполне успокоился на лживой вести, распространенной воинами, что Иисус Назарянин мертвый украден Его учениками из гроба, – только начальники его с своей преступной совестью робко озирались по сторонам, прислушиваясь к народной молве, стараясь подавлять в ней проблески истины и запутывая ее новыми измышлениями. Среди этого шумного круговорота городской суеты в одной скромной горнице собирались ученики Христа, и все их помыслы сосредоточены были на ожидании Учителя. «Мир вам», раздался любвеобильный голос Учителя, неожиданно ставшего посреди их. Теперь уже не тревожило учеников никакое сомнение, – все их существо занято было беспредельною любовью к своему Учителю и грустью от предстоящей разлуки. Началась последняя прощальная беседа. Понятно содержание подобных бесед. В них излагается суть всего учения, Учитель влагает Свою душу в душу своих учеников, на которых вся Его надежда, что учение Его не умрет, а будет жить в Его живых преемниках. Божественный Учитель сделал краткий обзор всего Своего прежнего учения. «*Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами*», напоминал Он Своим ученикам, и затем воспроизвел пред ними идущие непрерывающеся цепью ветхозаветные пророчества о Нем, то, что написано о Нем «в законе Моисеевом, и в пророках и в псалмах» (Лк. 24:44). Многое здесь для учеников было еще непонятно, поэтому Учитель «отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и

воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас» (Лк. 24:45–49). Слушали ученики Божественную речь и грусть разлуки покрывалась радостью о просветлении ума, пред которым все шире открывалась таинственная область домостроительства Божия, и радостью о том обетовании, которое дает им Учитель.

Между тем приблизился час разлуки. Учитель вывел учеников из города по направлению к Вифании, на Елеонскую гору. Не достоин был кровожадный, беззаконный город быть свидетелем великого события. Никто не заметил, как маленькая группа учеников во главе с своим Учителем оставила город и, пройдя через одни из восточных ворот, спустилась в долину Иоасафатову, по которой извивался уже маловодный в ту пору поток Кедронский. Сколько раз по этому пути ходил Божественный Учитель с Своими учениками! Это путь и Его славы, и Его страданий. По сторонам дороги и по прибрежью Кедрона уныло кивали ветвями маслины и пальмы: с этих самых дерев вероломный народ срывал ветви, чтобы подстилать их на пути торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, и из окружающих же дерев сделал крест, чтобы пригвоздить к нему того же Христа. Перейдя мост, перекинутый через поток, и пройдя мимо Гефсиманского сада, путники стали подниматься на гору. Но вот они на ее вершине. Возвышаясь над всею окрестностью, Елеон открывает далекий, очаровательный вид. Как раз под горою лежит многолюдный город с своим величественным храмом, с шумною площадью – Харам; за ним на западе виднеется далекая синева Средиземного моря; на юго-востоке как в гробе колышется Мертвое море в окружающей его низменной котловине, лежащей гораздо ниже уровня Средиземного моря; на восточном склоне горы приютилась Вифания, где жили Марфа и Мария с своим воскрешенным братом Лазарем; на север тянутся необозримые холмы Галилеи, между которыми голубой лентой извивается быстроводный Иордан, на юге – Вифлеем... Сколько воспоминаний, сколько дум и теперь возбуждает эта

картина! Для учеников же с их Божественным Учителем эта картина дышала только что пережитою жизнью, на всех деталях этой картины еще лежали следы их деятельности, их чувств, их радостей и слез. Взор их невольно пробегал по всем окрестностям: вот около Вифлеема по-прежнему пастухи стерегут свое стадо, – быть может это те самые пастухи, которые первые воздали Божественному Младенцу поклонение; а вот родные галилейские холмы, среди которых прошло детство и Учителя, и большинства Его учеников; под ногами шумит беззаконный город, глухой к добру, избивавший пророков... «Иерусалим, Иерусалим!..» Вон за Вифанией торчат обнаженные сучья неплодной смоковницы: такова, Иерусалим, будет и твоя судьба!.. Но город глух, он весь погружен в свою суetu, и не хочет знать, что скоро в нем не останется камня на камне!..

Такую картину ученикам не часто приводилось видеть, и пораженные ее величием, они, забыв трогательность прощального момента, обратились к Учителю с вопросом, из которого видно было, как еще мало они понимали цель служения Христова: «*Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?*» (Деян. 1:6) спросили они. До сих пор они еще были более сынами «царства Израиля», чем сынами «царства Христа»!.. «*Не ваше дело, ответил им Учитель, знать времена или сроки, которые Отец положил в своей власти. Но примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и всей Иудее и Самарии, и даже до края земли*» (Деян. 1:7–8). Повторив им это обещание Св. Духа, который даст им силу и научить их всему, Учитель, скрестив руки, благословил их, и, когда благословлял, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Ученики подняли взоры, чтобы наблюдать за начавшимся вознесением Иисуса Христа, но вдруг явилось облако и «*взяло Его из вида их*» (Деян. 1:9). Уже с самого Воскресения Иисус Христос не был постоянно с учениками, а являлся им в разное время, и притом так неожиданно, что иногда приводил их в сомнение; так же неожиданно и удалялся Он от них. Из подобных явлений ученики должны были понять, что существо

их Учителя было свободно от дебелости и тяжести грубой материальности. Но только теперь они вполне уразумели, что их Учитель не принадлежит больше бренной земле и прославленный восшел на небо, где был от начала веков.

В немом благоговении ученики неподвижно стояли на горе, вперив свои взоры в удалявшееся облако. И долго бы ученики стояли тут в забытьи умиления, если бы их не вывел из этого состояния голос небесных Вестников. «Мужи Галилейские!» услышали они обращенный к ним голос. Ученики встрепенулись, и пред их взорами предстали два мужа в белой одежде. «Что вы стоите и смотрите на небо?» – продолжали небесные Вестники. «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1:11). И поклонились ученики Вознесшемуся, и возвратились в Иерусалим с великою радостью, где и пребывали неотлучно, пока не получили обетованного им Утешителя Духа и не облеклись силою свыше.

Так закончилась земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, и изложенная история есть лишь краткий очерк ее, как бы капля из необъятного моря. По свидетельству возлюбленного ученика, «многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21:25).

Отдел седьмой. Церковь в Палестине до рассеяния христиан из Иерусалима

XXXI. Избрание Матфея в число апостолов. Пятидесятница и сошествие св. Духа на апостолов. Первые обращенцы и состояние первенствующей Церкви

По возвращении в Иерусалим, ученики сплотились в одну общину, которая нашла себе помещение в особой горнице, быть может той самой, которая служила местом совершения Тайной вечери. Там около них собирались все верующие, между ними Пресв. Дева и другие ученицы Господа, и все они, сознавая себя особым обществом, отличным от окружающего их мира, «единодушно пребывали в молитве и молении» (Деян. 1:14). Это было малое стадо, которое сознавало свое ничтожество пред могуществом мира сего; но сила его была в молитве и надежде на тот великий дар, который они ожидали скоро получить по обетованию своего вознесшегося Учителя.

В течение десяти дней, протекших между Вознесением и Пятидесятницей, одною из первых забот Апостолов было восполнить то место, которое оказалось в их обществе за выходом из него Иуды. Это было сделано в первом же собрании верующих в Иерусалиме, которые, вследствие отсутствия многих из тех пятисот, кому Христос являлся в Галилее, собрались в числе ста двадцати человек. Страшные обстоятельства самоубийства предателя, о которых передавались различные ужасные сказания, оставили в их сердцах глубочайшую веру в непосредственное Божие возмездие виновному. Он за свое злодейство лишился своего высокого достоинствами «удалился в свое собственное место». Что его место нужно было занять кем нибудь, это считалось необходимым уже потому, что сам Христос избрал двенадцать Апостолов – по священному числу колен израилевых. Об этом позаботился ап. Петр, который обратился к собранию с речью, изложив в ней и самые условия апостольства. Существенным условием для нового апостола было то, чтобы он был свидетелем Воскресения и находился в общении с учениками во все время пребывания Спасителя с ними. Способ этого

назначения, единственный в Новом Завете, по-видимому вытекал из особого положения Церкви в течение первых дней между Вознесением и сошествием Св. Духа. Как бы чувствуя, что они еще не обладали живою силою истинного различия духов, Апостолы избрали двоих: Иосифа Варсаву, который в языческих кружках обыкновенно назывался Иустом, и Матфея, и затем, согласно ветхозаветным примерам и иудейским обычаям (Лк. 1:9), помолились Богу, чтобы Он показал того, кого Он избрал. Брошен был жребий, и он выпал на Матфея, который поэтому и принят был в число двенадцати Апостолов, и верующие во главе своих двенадцати вождей начали готовиться к великому празднику Пятидесятницы.

В первых числах месяца сивана (июня) в Палестине уже заканчивается жатва, на полях добираются последние колосья пшеницы. Так же было и в тот год, в который закончилось земное служение Спасителя мира. Окончив собирание пшеницы, иудеи готовились к празднику Пятидесятницы, причем пекли из новой пшеницы хлебы и выбирали лучших животных из своих стад для принесения их в жертву, по установлению закона. Праздник Пятидесятницы, с которым связывалось воспоминание о возведении израильского народа на степень избраннейшего между всеми народами земли и о даровании ему закона на Синае, для иудеев имел почти такое же значение, как и Пасха, и каждый из них считал своим долгом при первой возможности быть в этот праздник в Иерусалиме, чтобы там принести установленную жертву, – и это считали для себя обязательными не только палестинские, но и вне палестинские иудеи, жившие почти во всех странах известного тогда мира. Поэтому в Иерусалиме около этого времени можно было встретить иудеев – строгих ревнителей закона, прибывших из Рима, Египта, Крита, Аравии, Месопотамии, из всех областей Малой и Западной Азии, – из «всякого народа под небесами», а также прозелитов из разных языческих народов. И без того многолюдный и шумный, Иерусалим представлял в это время вид волнующегося моря людей, переполнявших и улицы, и дома, и окрестные возвышенности. Гул разноязычных говоров стоном стоял над городом.

В предпраздничные дни, когда во все ворота города входили непрерывные толпы богомольцев, осиротевшие ученики Иисуса Христа, по обыкновению собравшись в горнице, предавались молитве и невольно размышляли о пережитых событиях. Сколько событий, самых великих, страшных и радостных, совершилось на их глазах в это время. Ведь прошло только три с половиною года с тех пор, как Иисус Назарянин Своим властными словом оторвал их от их убогих занятий и они несознательно пошли за Ним, повинуясь лишь неодолимой силе этого слова, – но эти три года больше и важнее всякой вечности! Уже одного того, что пережили за это время и чему были свидетелями эти простодушные галилеяне, было достаточно, чтобы сделать из них людей сосредоточенных, глубже понимающих цель служения Христова, чем как это было прежде, когда они готовы были спорить между собой, кому быть первым в устроемом Учителем царстве на земле. Но еще к большей сосредоточенности располагало их ожидание того обетованного им Утешителя, который, возместиив им Учителя, облек бы их, по обетованию, силою свыше и научил всему, что еще смутно сознавали они.

Но вот настал день праздника Пятидесятницы. Было около 3-х часов утра. Бесчисленные толпы народа устремились к храму для молитвы и жертвоприношений. Площадь Харам стонала от говора разноязычных масс народа. Продавцы жертвенных животных громко зазывали покупателей. Левиты и священники торопливо перебегали между народом, исполняя разные священнические обязанности. Дым и пламя жертвоприношений высоко поднимались с жертвенников. Книжники и фарисеи глубокомысленно следили за направлением дыма и толковали простодушному народу, что велика милость Иеговы к избранному народу, скоро придет обетованный и провозвещенный пророками Мессия и восстановит Израилю царство великое и славное, – пониженным голосом прибавляли они, боязливо оглядываясь на римскую стражу. Так ослепленные рабы Ветхого Завета торжествовали день установления закона и не ведали, что сила закона миновала, и настала благодать! Представители Нового

Завета с грустью смотрели с высоты своей горницы на это волнующееся море непросвещенных масс. Как несмысленны и жалки были в глазах их эти люди! Многие из них прибыли из отдаленнейших стран, перенесли тяжести и громадные издержки путешествия, – и для чего же? лишь для того, чтобы засвидетельствовать свою рабскую преданность уже немеющему силы закону... Вон ревнитель закона выбирает у торговцев «агнца без порока» (Числ.6:14), как предписано в законе, и ведет его на заклание, а за ним другой ведет «козла в жертву за грех»...(Лев. 9:3) Безумные! Они не ведают, что служат тщете Ветхого Завета в то время, когда на место его миру возвещен Новый Завет благодати, служат тени, когда явилась сама действительность, ведут на заклание ягненка и козла, когда тяжесть мирового греха уже принял на себя Божественный Агнец и совершил спасение мира, пострадав, будучи заклан от этой неразумной толпы, не знающей того, что она творит... И тихо молились ученики духом и истиной – вопреки этой суевийской толпе, исполнявшей отжившую букву закона.

В виду представлявшегося взорам народного торжества в воспоминание дарования закона на горе Синае, и молитва Апостолов естественно должна была иметь своим предметом прошение к вознесшемуся Учителю, чтобы Он скорее послал им обетованного Духа, который утешил бы их в сиротстве и дал тот новый закон благодати, с благовестием которого они с радостью пошли бы по всему миру. Молитва их была услышана. Когда они молились, внезапно «сделался необыкновенный шум с неба, как бы от несущегося бурного ветра» (Деян. 2:2) или как бы от волнения вод многих; дом, где они находились, потрясся до основ как бы от урагана, соединенного с землетрясением. Не успели они еще оправиться от неожиданности этого поразившего их явления, как последовало новое явление: как бы пламя огненное осветило дом и разделяющиеся языки его почили по одному на каждом из них. Что это такое? с изумлением спрашивали Апостолы друг друга. Им известно было, что подобные явления происходили на горе Синае в день законодательства. В тот день при наступлении утра слышались

раскаты грома и ослепительные молнии пронизывали гору, которая вся дымилась и трепетала, и Господь сошел к Моисею и дал ему закон. Не дает ли и им теперь вознесшийся Учитель новый закон, из которого они научатся всякой правде? Но скоро их недоумения рассеялись. Уже в первых вопросах удивления, с которыми они обращались друг к другу, они увидели, что говорят на разных, дотоле неведомых им языках, и внутри себя чувствовали клокотание новых могучих сил. Они почувствовали себя как бы вновь рожденными. Мысли возвышенные и глубокие зароились в их умах, и вера, горячая как пламя, запылала в их сердцах. Мгновенно воспомянулось им все учение, которое они некогда слышали от Учителя, и каждое слово этого учения как раскаленное железо жгло им сердце и требовало открытого всенародного исповедания. Они поняли, что «исполнились Духа Святаго и Дух давал им провещавать» (Деян. 2:4). Тесны были для них теперь пределы горницы: неудержимая сила вдохновения влекла их в это народное море, которое волновалось перед храмом, чтобы там в богодохновенной проповеди исповедать Христа и проповедать Его слово.

Между тем и народ, пораженный происшедшими необычайными явлениями, пришел в смятение и устремился к дому, в котором находились богопросвещенные Апостолы. Апостолы вышли из дома. Взоры их сияли как молния, проникая народные толпы, и радостно озирали они эти необозримые массы, представлявшие богатую жатву для делателей и созидателей Царства Христова. И начали они вдохновенную речь. Неудержимым потоком лилась она из их уст, слагаясь из слов, из которых каждое было их сердцем, воплощеною верою и любовью к их Небесному Учителю. Что значили тогда пред ними знаменитейшие ораторы классического мира, слагавшие свои речи по правилам искусства, – речи, одушевленные лишь их убогим тщеславием? Вдохновенные речи Апостолов гремели как гром, потрясающий горы, и действовали силою молота, разбивающего скалы. Безмолвно внимали несметные толпы народа дивным речам, и дивились более этим речам, нежели тем грозным явлениям, которые привлекли их сюда. Под

первым неотразимым впечатлением этих речей, массы народные не замечали их чудесной внешней особенности. Они чувствовали только, что эти речи – необыкновенные речи, что они проникают до мозга костей, и как огонь жгут сердца слушателей. Но когда прошло первое впечатление и массы разноязычного народа переглянулись между собою, чтобы поделиться вынесенным впечатлением, они с изумлением заметили, что только что выслушанные речи каждый из них слышал на родном языке. От изумления у всех как бы застыли лица. Как! и египтянин, доселе гордившийся тем, что язык его знают лишь рожденные в земле пирамид, и грек и римлянин, считавшие свой язык достоянием лишь образованных людей, – все они теперь слышать каждый свой язык, и от кого же? – от этих невежественных, заброшенных, убогих галилеян, одно имя которых звучало презрением! Сначала немое изумление затем начало высказываться в словах и восклицаниях. Гуд восклицаний и вопросов пробежал по массам: все обращались друг к другу за разъяснением загадочного явления. «Сии говорящие не все ли Галилеяне?» (Деян. 2:7) – удивлено спрашивали в народе друг друга. «Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И опять изумлялись все, и недоумевая говорили друг другу: что это значит?» (Деян. 2:8,11,12) Но необычайное явление не всегда вызывает одно только удивление. Среди многочисленной толпы всегда найдутся люди, для легкомыслия которых нет ничего необычайного и чудесного и которые в оправдание ли своего глубокого невежества, или для достижения низких своекорыстных целей будут стараться и самое необычайное низвести на степень единственного понятной им пошлости. Нашлись такие и среди массы народа, окружавшего богодухновенных Апостолов. Эти безумцы чужды были святого удивления к необычайному явлению, и они, насмехаясь, говорили, – кивая на Апостолов: «они напились садского вина» (Деян. 2:13)(любимый утренний напиток в древности). Так кощунственное легкомыслie всегда посмеивается над святым вдохновением!

Не понять было чувственному и жестоковыициальному народу происходившего пред ним: это было чудо – великое и таинственное, тот чудесный дар, который небесный Учитель обещал пред вознесением, когда сказал, что верующие в Него «будут говорить новыми языками» (Мк. 16:17). Теперь это обетование исполнилось: Его ученики стали говорить другими новыми языками, и говорили то, чему научил их ниспосланный Утешитель Св. Дух. Всякое чудо, направленное к достижению возвышенных религиозно нравственных целей, прежде всего имеет в виду устранение естественных препятствий к этому. Так было и теперь. Учение Христа должно было проповедаться всем народам земли, а между тем их разделяла преграда в виде разности языков и наречий. Дар языков устранил эту преграду, и слово Христа свободно могло распространяться по всему миру. Как чудесный дар, он был непостижим не только тогдашней невежественной толпе, но останется таким и для высшего научного знания, и все научные попытки объяснить его представляют одно смутное гадание. Между прочим, некоторые из толкователей думали объяснить это чудо отнесением его главным образом на счет слушателей, предполагая, что Апостолы говорили своим обыкновенным языком, но слушателям под впечатлением необычайных явлений и одушевления казалось, что они каждый слышат свой родной язык, или что Апостолам действием Св. Духа возвращен был тот чистый, первобытный, общепонятный язык, который потерян был при вавилонском столпотворении, – и язык этот теперь понятен был всем народностям. Но при таком объяснении явление это остается едва-ли еще не более чудесным и таинственным. Что же касается других вольномыслящих толкователей, которые, не признавая дара языков чудом, усиливаются объяснить его естественным путем, указывая на некоторые случаи сомнамбулизма, когда одержимые им вдруг в экстазе начинали говорить дотоле неизвестные им слова и речи, то это объяснение как приписывающее чудо ненормальному состоянию, очевидно не новое, и есть лишь видоизмененное повторение объяснения современных явлению толкователей, которые, кощунственно насмехаясь, говорили: «они напились

сладкого вина»... Нет, не сладкое вино и не сомнамбулизм действовали в Апостолах, в них действовала премудрость Божия, облекшая их сверхчеловеческою силою!

Между тем гул восклицаний все более разливался по народным массам, не умевшим объяснить чудесного явления. Но среди восклицаний удивления все громче стали раздаваться насмешливые голоса кощунников, усиливавшихся дать преобладание своему легкомыслию. Минута была страшная. Делу Божию грозило общее посмеяние. Но оно никогда не посмеивается! В этот момент из среды Апостолов выступил Апостол Петр и громким голосом обратился к волновавшейся толпе: «*Мужи иудейские и все обитающие в Иерусалиме!*» (Деян. 2:14) – возопил он. Толпа, пораженная мужеством Апостола, смолкла и притаяла дыхание. А Апостол Петр продолжал: «*сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать*» (Деян. 2:14–17). Толпа умилилась сердцем, услышав пророческое слово, и Апостол Петр перешел к открытой проповеди о Христе. «*Мужи израильские!*» – воскликнул он опять. «*Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога знамениями и чудесами, которые Бог сотворил чрез Него среди вас, как и сами знаете, Сего вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили... Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти... чему все мы свидетели. Итак, Он, быв вознесен десницею Божией и приняв от Отца обетование Св. Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите... Итак твердо знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли*» (Деян. 2:22–36). Апостол кончил свою речь, но как страшный гром небесного правосудия слова ее раздавались еще в ушах тех из этой толпы, которые лишь пятьдесят дней тому назад в безумном неистовстве кричали: «*распни, распни Его!*» (Ин. 19:6). С воплем отчаяния многие бросились к Петру и другим Апостолам, восклицая: «*что нам делать, мужи братия?* Петр же сказал им: покайтесь, и

да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа» (Деян. 2:37–38). И были эти слова как целительный елей для настрадавшихся душ. В тот день крестилось около трех тысяч человек. Это были первые плоды с назревшей всенародной нивы, но богатство этих первых плодов ясно давало знать о богатстве последующей жатвы. По окончании праздника паломники разнесли молву о виденном и слышанном ими во все концы мира и бросили первые семена учения Христова на невозделанную почву язычества.

После праздника Пятидесятницы началось постепенное возрастание общества Христова, которое совершенно получает характер Церкви Христианской, с ее внешними формами и установлениями. «*Все верующие были вместе и имели все общее*» (Деян. 2:44). Они еще не сразу могли порвать с ветхозаветными установлениями, так что и самым местом их молитвы продолжал служить храм, где они и «пребывали каждый день единодушно» (Деян. 2:46); но в то же время началось и совершенно христианское богослужение, состоявшее в преломлении хлеба, по заповеди Христовой. Особенным же отличием их от остального мира было внутреннее возрождение, которое делало их совершенно непохожими на своекорыстных сынов мира сего. Одним из существенных недостатков современных иудеев было крайнее своекорыстие, поделившее их на разрозненные единицы, заботившиеся лишь о себе и бессердечно относившиеся к нуждам других. Дух Евангельской любви победил в верующих это своекорыстие, и они «*продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого*» (Деян. 2:45). Это был первый опыт того общежития, которое впоследствии нашло место в христианском общежительном монашестве. И таким образом жили первые христиане, «хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:47).

XXXII. Исцеление хромого в храме. Предостережение со стороны синедриона. Общение имений. Ананий и Сапфира. Гонения. Семь диаконов и их ревность в распространении Евангелия

Наделенные необычайными дарами, Апостолы стали проповедывать Евангелие, подкрепляя его необычайными делами. Впереди других в этом отношении был Ап. Петр, действовавший вместе с Иоанном. Отправившись в храм, они встретили у Красных ворот храма беспомощного хромого нищего, который попросил у них милостыни. Ап. Петр сказал ему: «серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян. 3:6). Когда Апостол поднял его за правую руку, то хромец, «вскочил, стал и начал ходить, и вошел с ними в храм ходя, и скача, и хваля Бога» (Деян. 3:8). Такая чудесная перемена с известным всем жителям нищим поразила всех: около Апостолов, от которых не отходил благодарный нищий, собралось множество народа, и Ап. Петр обратился к нему с проповедью, в которой на основании Св. Писания и всей ветхозаветной истории доказывал, что иудеи по слепоте своей «убили Начальника жизни» (Деян. 3:15). Но так как все это они сделали по неведению, то им осталась еще возможность для покаяния. «Итак, говорил воодушевленный Апостол, покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грехи ваши; да придут времена отрады от лица Господа» (Деян. 3:19–20).

Проповедь эта, собиравшая множество слушателей, обратила на себя внимание членов синедриона, которые, видя в ней продолжение того самого учения, которое проповедывал распятый ими галилейский Учитель, крайне вознегодовали на этих ничтожных, по их мнению, галилейских поселян, осмелившихся выступать с проповедью в храме. Апостолы были схвачены и отданы под стражу, но это лишь более содействовало успеху их проповеди. «Многие из слышавших слово их уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч» (Деян. 4:4). На другой день собрался синедрион, в

который и приведены были Апостолы. Совет составился из главных виновников смерти Христа, первосвященников Анны и Каиафы, которые теперь с смущением должны были чувствовать, что, распяv Иисуса, они не распяли Его дела. Ап. Петр на вопрос: «*какою силою или каким именем они сделали*» (Деян. 4:7) поразившее весь Иерусалим чудо, смело отвечал речью, в которой прямо говорил, что они сделали это именем того самого «*Иисуса Христа Назорея, Которого иудеи распяли, но Которого Бог воскресил из мертвых*» (Деян. 4:10). Тогда исполнилось предсказание Христа, говорившего Своим ученикам, что когда они будут приведены на суд, то им нечего будет заботиться о том, что говорить в ответ, потому что Он вложит в уста мудрость, которой не в состоянии будут противиться их враги. Необычайная смелость и бойкость речи, поражавшая тем более, что речь эта исходила из уст очевидно необразованных людей, не оставляла в совете никакого сомнения, что это были достойные последователи Иисуса, а присутствие исцеленного человека лишало возможности отвергать чудо. Поэтому синедрион решил прибегнуть к полумере, ограничившись лишь строгим запрещением проповедывать во имя Иисуса. Но Апостолы мужественно отвечали на это: «*судите, справедливо ли пред Богом слушать вас больше, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали*» (Деян. 4:19–20). Подобный ответ заставил старейшин скрежетать зубами от злобного негодования, но так как употребить какая либо крутыe меры они опасались народа, то поневоле ограничились лишь повторением угроз, с которыми и отпустили Апостолов. Верующие встретили их с восторгом и выразили свою благодарность Богу общею молитвою, представляющею собою первый пример общественной молитвы христиан (Деян. 4:24–30). «*И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и Исполнились все Духа Святаго, и говорили слово Божие с дерзновением*» (Деян. 4:31).

Дело свое Апостолы продолжали с еще большим рвением, и собрание верующих еще более выделялось своими добродетелями и своим беспримерным единодушием. «У

множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4:32). Это не значит, что первые христиане приняли мечтательную и неосуществимую на деле теорию, известную под названием коммунизма, сущность которого заключается в отвержении всякой личной собственности. Коммунизм предполагает собою обязательную отмену всякой личной собственности, между тем у первых христиан общение имений было лишь выражением внутреннего духа самоотвержения, с которым они относились к делам человеколюбия и продавали все, чтобы образовать, так сказать, фонд для помощи нуждающимся братьям. Отсюда это общение имений очевидно не было обязательным, и если некоторые лица, как напр. Варнава, левит с о. Кипра, даже продал свою землю, чтобы вырученные деньги принести к ногам Апостолов, то этот случай отмечается как выдающийся, а затем другой случай – с Ананией ясно доказывает необязательность подобного общения имений. Этот Анания с женой своей Сапфирой, увлекшись примером других, также продали свое имение, чтобы вырученные деньги внести в общую кассу христиан. Но при этом у них зашевелилось чувство своекорыстия, и они утаили часть полученной от продажи суммы и, принесши остальную часть Апостолам, уверяли, что это вся вырученная ими сумма. Ложь этого заявления явно отразилась на лице еще не совсем испорченного Анании, и ап. Петр обратился к нему с строгим обличением, говоря, что они солгали не Апостолам, а Духу Святому. «Чем ты владел, говорил Апостол Анании, не твоё ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?» (Деян. 5:4) давая ему этим знать, что продажа имения для него была отнюдь не обязательна, и для церкви дороже в ее сынах дух внутреннего усердия, а не невольного принуждения. Обличение это так сильно подействовало на Ананию, что он тут же пал бездыханным. Часа через три, когда уже делались приготовления к погребению Анании, пришла жена его Сапфира, ничего не зная о случившемся. На вопрос Ап. Петра, она повторила ложь, высказанную ее мужем Ананией; Апостол,

видя такое лукавство, обратился и к ней с подобным же обличением. «Что это, сказал он, согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух» (Деян. 5:9–10), и ее похоронили вместе с мужем. Такое страшное событие навело «великий страх на всю церковь и на всех слышавших это» (Деян. 5:11), и естественно воздержало некоторых, не чувствовавших себя достаточно подготовленными, от вступления в церковь. Но вообще дело обращения продолжалось. Апостолы с своими последователями ежедневно собирались в Соломоновом притворе храма. Чудеса их умножались. К ним выносили больных на улицы на постелях, «дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все» (Деян. 5:15–16).

Все это естественно не могло оставить в покое первосвященников и старейшин иудейских. Пред совестью их видимо разрасталась тень Распятого ими Галилеянина. Не в силах больше терпеть подобного успеха Апостолов, первосвященники опять велели схватить Апостолов и на этот раз ввергнуть их в тюрьму. Синедрион рано собрался для суда над ними. Но когда послали за ними в тюрьму, то оказалось, что Апостолов уже не было там и что освобожденные Ангелом Господним они спокойно учили в храме. В крайнем смущении члены синедриона еще раз отправили храмового начальника арестовать их, но на этот раз без всякого насилия, которое могло бы повести к опасным последствиям. Апостолы не оказали никакого сопротивления и тотчас же были поставлены там, где некогда стоял их Спаситель – по средине грозного полукруга гневных судей. В ответ на негодующее напоминание со стороны первосвященника о полученном ими предостережении, Ап. Петр прямо высказал свой взгляд на дело, что именно, когда наша обязанность к человеку сталкивается с нашу обязанностью к Богу, то мы должны скорее повиноваться Богу. Первосвященник сказал им: «вы

хотите навести на нас кровь Того Человека» (Деян. 5:28). Слова эти обнаружили в них опасение страшного возмездия за наглый вопль: «кровь Еgo на нас и на детях наших» (Мф. 27:25). Тогда синедрион не боялся Иисуса. Теперь он трепетал при мысли о мщении, которое могло быть низведено на него двумя из презреннейших учеников. Фраза эта замечательна также в том отношении, что в первый раз представляет пример уклонения иудеев называть Христа по имени, что делает также и талмуд, называющий Его большею частью неопределенным «некто». Петр не увеличивал тревоги вождей иудейских; он не сделал намека на предстоящее мщение; он только сказал, что Апостолы и Св. Дух, действовавший в них, были свидетелями Воскресения и прославления Того, Кого они убили. При этих словах члены синедриона от ярости заскрежетали зубами и стали замышлять новое на законных основаниях убийство, совершение которого однако же по их собственным правилам могло сделать их проклятыми в глазах своих соотечественников, как собрание, преданное делам крови. Этот позор был отвращен речью одного мудрого мужа между ними. Это был Гамалиил, славившийся как один из величайших знатоков закона и приобретший в христианской церкви еще большее значение как бывший учитель величайшего из Апостолов. Он дал мудрый совет подождать и посмотреть, что может выйти из нового учения, предоставленного самому себе. Это был век различных мятежных обманщиков, в роде Февды и Иуды Галилеянина, которые заканчивали открытым восстанием и были сокрушены силою Рима. Таков несомненно будет конец и этих проповедников, если только они подобные же обманщики, — и это сразу же избавит синедрион от всяких хлопот и опасностей. Но возможен и иной оборот. Дело это может оказаться от Бога; и если так, то уничтожить его невозможно, а противодействовать ему значит прямо выступать богопротивниками. Совет этот исходил от такого высокочтимого лица и сам по себе был столь разумен, что синедрион невольно склонился к нему; но чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить свою ярость, он предал Апостолов бичеванию, подвергнув каждого из них сорока ударам без одного, как это требовалось

законом. Но конечно подобное наказание отнюдь не могло ослабить ревности Апостолов, которые по-прежнему продолжали свою проповедническую деятельность в притворе Соломоновом. Наказание это не только не устрашило Петра и Иоанна, а напротив возбудило в них необычайную радость, что они «за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5:41–42).

Деятельность Апостолов конечно происходила главным образом среди местных палестинских иудеев, из которых и составилось первое собрание верующих во Христа; но вместе с тем в Иерусалиме бывало по большим праздникам множество и иудеев не палестинских, прибывавших в святой город из всевозможных стран, где только жили иудеи рассеяния, и многие из них также уверовали и крестились. Таким образом в Церкви образовалось два класса верующих – евреи в собственном смысле этого слова, и так называемые эллинисты. Эллинистами назывались вообще все те иудеи, которые, живя вне Палестины, со времени Александра Великого всецело поддались греческому влиянию и даже забыли свой родной язык. Хотя многие из них были также ревностными хранителями Моисеева закона, но самая жизнь их среди язычников и подчинение греческой культуре и греческим обычаям внушало палестинским иудеям некоторое чувство недоверия по отношению к ним, так что между ними постоянно существовало некоторое разъединение, переходившее иногда во взаимную подозрительность и враждебность. Это чувство сказалось отчасти и в Церкви Христовой, и когда число верующих умножилось, то почти неизбежным стало столкновение между этими двумя различными классами. Так именно и случилось: «произошел у Эллинистов ропот на Евреев» (Деян. 6:1). Частною причиной этого ропота было действительное или воображаемое пренебрежение к вдовам эллинистов при ежедневной раздаче пищи и милостыни. Некоторое неудовольствие могло возникнуть из-за того, что все должности в церкви находились в руках у евреев, которые естественно могли более обращать внимания на нужды своих близких

соотечественниц. Вдовы же были таким классом, который более всего нуждался в помощи. Известно, какое внимание ап. Павел обращал на их положение даже в Коринфе, и некоторые из мудрейших постановлений, приписываемых Гамалиилу, направлялись к облегчению страданий, неразлучных с их положением. Благодаря заключенности, в которой по вековому обычаю жили женщины на востоке, доля вдовы при отсутствии людей, которые могли бы заботиться о ней, могла быть действительно безотрадною. Неравенство в отношении к ним естественно могло возбудить ропот, тем более, что до своего обращения в христианство эти вдовы имели право на пособие из корвана т. е. сокровищницы храма.

Но Апостолы отнеслись к этим жалобам с тем беспристрастием и великодушием, которое служит лучшим доказательством того, как мало они были повинны в пристрастии по отношению к вдовам евреев. Созвав учеников на собрание, они сказали им, что настало время, когда Апостолам стало уже неудобно заниматься распределением милостыни, — тем делом, которое могло отвлекать их от более высоких и важных обязанностей. Поэтому они предложили собранию избрать семь человек из лиц безукоризненного характера, высоких духовных дарований и деловой мудрости для того, чтобы из них составить особую степень суждения в церкви, степень диаконов, с целью избавить Апостолов от хозяйственного бремени и дать им возможность посвятить все свои силы на молитву и пастырские труды. Совет был принят и Апостолам было представлено семь наиболее подходящих к этому положению лиц. Они были допущены к обязанностям своего служения молитвой и возложением рук, что с этого времени и сделалось обычным посвящением на должность диакона.

Эти семь избранников были: Стефан, Филипп, Прохор, Никанор, Тимон, Пармен и Николай антиохиец, обращенный из язычников. Греческие имена этих избранников показывают, что все они или большинство их были избраны из эллинистов, и таким образом не только дано было полное удовлетворение ропщущим, но и отнять самый повод к дальнейшим

неудовольствиям. Эти-то избранныки пред вступлением в должность были торжественно рукоположены Апостолами, и таким образом в Церкви уже в самом начале стали вырабатываться иерархические степени, долженствовавшие постепенно составить христианскую иерархию с ее тремя богоустановленными степенями священства. Доселе все три степени сосредоточивались в лице Апостолов, бывших и епископами, и пресвитерами, и диаконами. Нужды церковно-общественной жизни, усложнившиеся с умножением верующих, потребовали выделения этих степеней, и прежде всего, сообразно с наличной потребностью, выделена была должность диаконская, которая и вверена была семи вызванным избранныкам.

Естественным следствием этого церковного учреждения было то, что Апостолы, освободившись от забот о материальном обеспечении бедных собратьев, всецело отдались высшему служению слова, находя вместе с тем деятельных помощников в самих диаконах. И вот «*слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме*» (Деян. 6:7); теперь стали принимать христианство не только простые иудеи, но и лица священного сана. Так уже раньше в число верующих вступил левит Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, т. е. сыном утешения, — тот самый, который заявил себя примерною ревностью и самоутверждением в деле общения имений; а теперь «*и из священников очень многие покорились вере*» (Деян. 6:7), и конечно сделались пресвитерами в новой Церкви, восполняя и завершая ее трехчинную иерархию.

XXXIII. Архидиакон Стефан, его проповедь и мученичество. Гонение на учеников и рассеяние их из Иерусалима. Распространение Евангелия. Проповедь Филиппа в Самарии. Симон волхв. Обращение эфиопского евнуха. Состояние Церкви к концу царствования Тиверия

Избранные диаконы, приняв на себя заведывание делами благотворения, не только предоставляли Апостолам больше свободы в деле проповеди, но вместе с тем явились и достойными им помощниками в этом великом деле. Особенно замечателен был в этом отношении Стефан, представляющий собою одну из замечательных личностей в первенствующей церкви.

Будучи избран в число семи диаконов, св. Стефан, «исполненный веры и силы» (Деян. 6:8), сразу сделался наиболее видным из них. Он «совершал великие чудеса и знамения в народе» (Деян. 6:8), так что в этом отношении как бы стоял на одном уровне с Апостолами. Обладая необычайными дарованиями и вместе высоким образованием, он конечно не мог ограничиться в своем служении раздачей милостыни. Его влекло на более обширное и плодотворное поприще проповеди, и он действительно выступил на нее. Раздавателю милостыни конечно часто приходилось встречаться со всевозможными личностями и часто заводить беседы о христианстве и его отношении к иудейству. Доселе христиане, состоявшие в большинстве из обращенных иудеев и эллинистов, мало отличались от иудеев и продолжали соблюдать внешние формы иудейского богослужения, собираясь в храмах и синагогах. Но эта связь конечно была временная, и она должна была, по мере образования самостоятельных форм в христианской Церкви, совершенно порваться, что теперь уже начали сознавать все более просвещенные духовно люди. Впереди их стоял диакон Стефан, который и начал проповедь в этом именно духе. Местом его

проповедничества были синагоги эллинистов. Сам будучи эллинистом, он и с проповедью по преимуществу обращался к своим собратьям по положению. Проповедь его обратила на себя внимание, но вместе с тем встретила и противодействие. Эллинисты из различных стран обыкновенно имели свои отдельные синагоги, которых в Иерусалиме числилось до четырехсот, и в одной из этих синагог, к которой принадлежали либертинцы (т. е. отпущенники из рабов), киринейцы иalexандрийцы, вступили в горячий спор с Стефаном. В прения эти вмешались и еще кое-кто, именно «некоторые из Киликии и Асии», так что спор принял крайне горячий характер. Следствием этого спора было полное торжество св. Стефана над своими противниками. Эллинисты не в силах были «противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил» (Деян. 6:10). Высокомерные книжники с изумлением должны были видеть, что проповедник не был обыкновенным поселянином, каких они привыкли видеть проповедниками христианства, а обладал не только языческим образованием, но иудейскою ученостью. Спор конечно происходил касательно Мессии, и иудейские книжники, при своем извращенном представлении о Мессии, должны были приходить в ярость, слыша, что св. Стефан с непреоборимою силою доказывал им на основании св. Писания и истории, что Этот Мессия уже пришел и что народ иудейский и особенно велеученые законники, не только не узнали и не признали Его, но и распяли на кресте, как злодея. И Этот Мессия был Иисус Назарянин, проповедником Которого выступал Стефан.

Разъяренные такою проповедью и не чувствуя себя в состоянии долее противостоять ей, эллинисты прибегли к насилию. Они возбудили против него народ, и старейшин, распространяя через подкупленных лжесвидетелей слух, что он «говорил хульные слова на Моисея и на Бога, на святое место сие (храм) и на закон» (Деян. 6:11,13). Пользуясь этой поддержкой, они неожиданно напали на св. Стефана и предали его суду синедриона. Начался обычный разбор со стороны судилища, которое уже запяtnало себя вопиющим неправосудием и кровожадностью. Явились непременные члены

этого судилища – лжесвидетели, которые уверяли, будто обвиняемый говорил, «что *Иисус Назорей разрушит место сие, и переменит обычай, которые передал нам Моисей*» (Деян. 6:14). Лжесвидетельства эти были тем опаснее, что основывались на извращении истины. Св. Стефан действительно проповедовал о совершенной Христом отмене всего ветхозаветного домостроительства, но эта отмена должна совершиться не через насилие, а внутренним действием Духа Божия, как она уже и начала совершаться теперь. И эту истину он хотел торжественно выяснить пред самым синедрионом, который при всей своей предубежденности к проповеднику ненавистного имени, не мог не восторгаться красотою и богопросвещенным лицем этого человека, и «*видели лице его как лице Ангела*» (Деян. 6:15). Когда лжесвидетели истощились в своих измышленных показаниях, последовал вопрос первосвященника: «*так ли это?*» (Деян. 7:1) и на этот вопрос св. Стефан отвечал богодохновенною защитительною речью, в которой выяснено происхождение христианства как новой высшей, сравнительно с иудейством, ступени домостроительства Божия. Припомнив всю ветхозаветную историю от призыва Авраама, он самым изложением ее доказывал, что в общем ходе образования иудейской религии и закона было постепенное развитие завета и лучших обетований, чему однако же постоянно противился избранный народ. Показав таким образом на основании истории, что это они именно, его обвинители, постоянно оказывались нарушителями и противниками Бож. закона, св. Стефан изложил историю противления их отцов самому Моисею, и тут же пророчески указал на возможность их противления и тому высшему пророку, о явлении которого предсказывал Моисей. Затем, обращаясь к обвинению его в хулении храма, он показал опять исторически, как они именно являлись величайшими хулителями храма Божия и со временем Моисея постоянно уклонялись от истинного богослужения к идолослужению. Но самый храм не есть единственное место соприсутствия Бога. Хотя Соломон и построил Ему дом, но в самой своей посвятительной молитве он высказал великую мысль, что

«Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих» (Деян. 7:48–49). Общим выводом из этих доказательств была самоочевидная истина, что в основе их мнимой ревности о законе и храме лежало самое гнусное лицемерие, соединенное с грубою чувственностью и человеконенавистничеством. Увлеченный святым негодованием, обвиняемый сделался обвинителем и мужественно воскликнул: «Жестоковы́йные! люди с необрязанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы. Вы, которые приняли закон при служении Ангелов, и не сохранили!» (Деян. 7:51–53). Столь безбоязненное и страшное обличение распалило ярость членов синедриона, которые, как дикие звери, «рвались сердцами свои, и скрежетали на него зубами» (Деян. 7:54). Тогда св. Стефан увидел, что ему предстоит участь последовать за своим Учителем по скорбному пути мученичества, и взоры его обратились к небесам. Там он «увидел славу Божию, и Иисуса стоящего одесную Бога» (Деян. 7:55). Восхищенный этим дивным богоявлением превыше всякой мысли об опасности, он, как бы желая и своих врагов сделать участниками этого видения, воскликнул: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога!» (Деян. 7:56). Но этих возвышенных слов не могли выдержать чувства его слушателей. Затыкая свои уши, как бы с целью предохранить их от оскверняющего богохульства, они массой поднялись с обеих сторон полукруга, в котором сидели, и с диким ревом ринулись на Стефана. О законном решении дела теперь уже не было и речи. В своей ярости они забыли всякий закон и повлекли св. Стефана за городские ворота, чтобы там побить его камнями. Когда началось исполнение казни, мученик воскликнул: «Господи Иисусе! прими дух мой!» (Деян. 7:59). А когда израненный, истекая кровью, он мог еще стать на колена, он в духе своего Господа молился за своих убийц, и даже вопль его страдания звучал прощением, показывающим, как мало злобы

было в его суровых, произнесенных им пред тем словах: «Господи, молился он, не вмени им греха сего!» (Деян. 7:60). С этим возгласом он отошел от гнева людей в мир Божий и «почил». Тело его погребли некоторые благоговейные мужи, которые вместе с тем «сделали великий плач по нем» (Деян. 8:2).

Это был первый мученик за имя Христово, и на нем первом оправдалась великая истина, что «кровь мучеников есть семя христианства». Среди эллинистов Киликии, которые спорили с Стефаном в синагоге, был один «юноша, именем Савл» (Деян. 7:58), из города Тарса, ученик знаменитого Гамалиила. При всей своей учености, он не мог выстоять против св. Стефана и подобно другим пытал на него ненавистью, заставлявшую с злорадством смотреть на его мученическую смерть. Савл не только одобрял это гнусное убийство, но и содействовал убийцам, которые складывали у его ног свои одежды, чтобы бросить первые камни, как предписывал закон. И этот-то яростный враг христианства впервые при этом страшном случае почувствовал в своем сердце мучительную искру самообличения, которая, постепенно разгораясь во всесожигающее пламя, привела его наконец к тому, что сам он сделался «избранным сосудом» (Деян. 9:15) гонимого Христа, величайшим Апостолом и распространителем христианства.

Между тем успех врагов христианства в убииении св. Стефана послужил сигналом к общему гонению на христиан, и они для спасения своей жизни по необходимости должны были рассеяться из Иерусалима. Это невольное рассеяние однако же послужило к еще большему распространению Евангелия, и именно за пределы Иудеи, – так как «рассевшиеся ходили и благовествовали слово» (Деян. 8:4). «Так Филипп пришел в город Самарийский, и проповедывал им Христа» (Деян. 8:5), подтверждая свою проповедь знамениями и чудесами, заставлявшими народ единодушно внимать проповеднику. Там между прочим произошла встреча проповедника христианства с знаменитым волхвователем своего времени Симоном, который, выдавая себя за Мессию, обольщал простодушный народ своими чарами. Но его волхвования, состоявшие из жалких

фокусов и мнимых чудес, сразу потеряли обаяние перед лицем действительных знамений и чудес христианского благовестника, по слову которого и стал креститься народ во имя Христово. Симон, видя, что его волхвования долее не в состоянии обольщать прозревший от духовной слепоты народ, решился и сам принять крещение, надеясь через это получить новую силу для обольщения народа. Между тем слух об успехе проповеди Евангелия в Самарии дошел до Иерусалима, и Апостолы отправили туда Петра и Иоанна для утверждения новообращенных в вере, которые, прибыв туда, низвели на всех верующих через возложение рук обильного дара Духа Святого. Это последнее возбудило крайнюю зависть в Симоне волхве, и он, по своему языческому воззрению, стал предлагать Апостолам деньги, чтобы они и ему дали власть низводить через возложение рук дары Духа Святого. В ответ на эту преступную симонию (как вследствие этого стали называться все попытки получить благодать священства посредством купли) ап. Петр обратился к Симону с строгим укором, настолько подействовавшим на волхва, что он стал просить Апостолов помолиться за него. Сами Апостолы, «*засвидетельствовав и проповедав слово Господне, обратно пошли в Иерусалим, и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие*» (Деян. 8:25).

Вскоре затем Филиппу пришлось совершить еще одно важное обращение, долженствовавшее еще более решительно доказать, что настал день, когда правила иудейства должны были потерять свою силу. Руководимый Божественным внушением и голосом Ангела, он направился на юг по пустынной дороге, ведущей из Елевферополя к Газе, и там встретил свиту богатого ефиопского евнуха, занимавшего высокое положение казначея Кандакии (царицы) сильной в то время Ефиопской монархии, столицей которой был город Мероз. Есть основание думать, что эта страна до известной степени была обращена в иудейство иудеями, проникшими в нее из Египта во времена Псамметиха, потомки которого еще существуют под именем фалазиан. Евнух, точно исполняя обязанности пришельца врат, что в его положении было более

чем возможно, ездил в Иерусалим на богомолье, чтобы присутствовать на одном из великих праздников, и теперь возвращался на родину, едучи в карете в сопровождении своей свиты, он, согласно с правилами раввинов, проводил время в чтении Св. Писания и в этот самый момент громко читал по греческому переводу 70 пророчество Исаии: «*как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отвергал уст своих. В уничижении Его суд Его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо вземлется от земли жизнь Его*» (Ис. 53:7–8, Деян. 8:32–33). Филипп спросил его, понимает ли он, что читает? Евнух сознался, что все это было темно для него, и, пригласив Филиппа сесть к себе в карету, спросил его, кто же Это Такой, о Ком говорит пророк? Филипп таким образом получил возможность раскрыть христианское толкование этого великого пророчества и настолько подействовал на своего слушателя, что, когда они доехали до источника водного, евнух попросил Филиппа, чтобы он крестил его. Филипп сказал ему: «*если веруешь от всего сердца, можно*» (Деян. 8:37). И когда евнух торжественно исповедал свою веру, говоря: «*верую, что Иисус Христос есть Сын Божий*» (Деян. 8:37), то приказал остановить колесницу и Филипп тотчас же крестил его. «*Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуяся*» (Деян. 8:39). По преданию, крещенный сановник сделался проповедником Христа в своей стране, а Филипп оказался в Азоте, откуда он и начал свою проповедь в различных приморских городах вплоть до Кесарии. В этом последнем городе он по-видимому остался на постоянное жительство и имел впоследствии четырех дочерей, обладавших пророческим даром.

Таким образом к этому времени, совпадающему приблизительно с кончиной императора Тиверия (к 37 г. по Р.Х.) Церковь начала успешно распространяться среди иудеев всех наименований – чистых иудеев и презираемых самарян, среди иудеев рассеяния – эллинистов и прозелитов отдаленнейших стран. И к этому же времени главнейшие виновники смерти

Христа, испытали на себе заслуженный гнев Божий. Пилат по жалобе самарян был лишен своей должности и отправлен на суд в Рим, а первосвященник Каиафа в том же году низложен был сирийским префектом Вителлием, который стал строго преследовать злоупотребления иудейских властей.

Отдел восьмой. Церковь среди язычников от обращения Савла до его мученичества в Риме

XXXIV. Обращение Савла. Приобщение его к лицу апостолов и особое предназначение

Самый ход распространения Евангелия уже показывал, что проповедь его не должна была ограничиться иудейским народом, хотя бы и считая сюда всех сынов рассеяния, отщепенцев в роде самарян и прозелитов обоего рода. Кроме их был еще необъятный мир народов языческих, которые совершенно не соприкасались с иудейским народом, не знали ветхозаветного закона и в своей жизни руководились естественным разумом. На эти народы иудеи смотрели с высокомерным презрением как на обреченных на погибель; но и они были сыны Адамовы, и так как вина первородного греха тяготела на них так же, как и на иудеях, и даже в большей степени, потому что они предоставлены были своим собственным силам и не имели благодетельного руководительства свыше, то теперь и дело искупления должно было распространиться и на них, и даже в большей степени, соответственно их большей духовной нужде. Но для распространения между ними Евангелия требовался особый проповедник, какого еще не оказывалось между Апостолами, именно человек одинаково знакомый с иудейским и языческим миром и в высшей степени постигший тайну христианства как религии новой и всемерной. Такой проповедник и явился в лице Апостола Павла, история которого представляет поразительный пример того, как Промысл Божий при всякой духовной потребности выдвигает великих деятелей, призывая их иногда из самой среды ожесточенных врагов истины.

Во время страшной мученической кончины св. Стефана, мучители, побивавшие его камнями, складывали свои одежды «у ног юноши, именем Савла» (Деян. 7:58). Это и был великий избранник Божий. Хотя сам он видимо и не принимал участия в побиении первого мученика камнями, но был настолько ожесточен на великого проповедника христианства, что «одобрял убиение его» (Деян. 8:1), да и после этого кровожадного дела не успокоился, а «терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и

женщин, отдавал в темницу» (Деян. 8:3). Этот яростный гонитель христианства был иудей, родом из Тарса, в Киликии. Он таким образом принадлежал к иудеям рассеяния, но происходил из семейства, которое гордилось чистотою своей иудейской крови, помнило свое происхождение от Вениамина колена и самое имя своему сыну дало в честь царя из этого колена – Саула. Будучи таким образом «евреем из евреев» (Флп. 3:5), Савл вместе с тем обладал весьма важным гражданским правом, именно правом свободного римского гражданина, обеспечивавшим неприкосновенность его личности на всем громадном пространстве Римской империи. Право это вероятно было приобретено его отцом за какую-нибудь услугу римлянам во время гражданских войн и от него перешло к сыну. Тарс, расположенный на берегах Кидна в узкой плодородной равнине между Средиземным морем и снеговыми высотами Тавра, был большим торгово-промышленным городом, в котором было складочное место товаров, составлявших предмет торговли между восточной и Малой Азией. Но особым промыслом жителей было приготовление шерстяных материй, ковров и палаток из козьей шерсти, которая славилась по всему востоку, и Савл был подготовлен своими родителями к этому ремеслу, именно в качестве делателя палаток. Это не значит, что родители его были бедны и не имели возможности готовить своего сына к какому-либо более высокому общественному положению. Это просто был общий у иудеев обычай – приучать своих детей к какому-либо ремеслу, чтобы дать им возможность зарабатывать хлеб при всех превратностях жизни, и Савлу действительно пришлось не раз с благодарностью вспомнить своих родителей, когда именно ему приходилось прибегать к своему ремеслу для пропитания. Научив своего сына ремеслу, родители дали ему затем и хорошее общее образование. Так как греческий язык был ходячим в таком большом городе как Тарс, то Савл знал его в совершенстве и настолько знаком был с греческой литературой, что свободно приводил цитаты из греческих поэтов (Деян. 18:28; Тит. 1:2) и даже глубоко понимал самый дух эллинизма. Это высокое образование делало его особенно пригодным орудием для той цели, к которой

подготавлял его Промысл, именно быть «апостолом народов». Но это была лишь одна сторона в его образовании. Дав своему сыну общее классическое образование, родители вместе с тем позаботились особенно дать ему высшее образование иудейское. С этой целью Савл был отправлен в Иерусалим, где процветали различные высшие школы, и там он «*воспитан был при ногах Гамалиила*» (Деян. 22:3), знаменитейшего законника своего времени, отличавшегося не только глубиною и обширностью своей учености, но и замечательным духом терпимости к мнениям несогласных с установившимися воззрениями людей. В школе этого-то великого учителя Савл был «*тщательно наставлен в отеческом законе*» и был ревнителем по Боге (Деян. 22:3). Все это обширное образование, соединенное с высокими природными дарованиями, сделало Савла весьма видною личностью, и уже в Иерусалиме, среди фарисеев, он пользовался большою известностью не только за свою ученость, но и потому, что он «*жил фарисеем по строжайшему в иудейском вероисповедании учению*» (Деян. 26:5).

По окончании образования Савл наверно возвратился в Тарс; но город этот был теперь уже тесен для высокоученого и пылкого юноши, душа его просилась на более широкое поприще, и он вскоре опять появляется в Иерусалиме. И тут-то ему пришлось впервые столкнуться с новыми проповедниками, которые с успехом проповедывали какое-то новое, неизвестное ему учение. Высокоученый фарисей из Тарса не преминул прислушаться к этим новым проповедникам, и к ужасу и негодованию узнал, что они проповедывали отмену Моисеева закона и на место его преподавали учение какого-то темного Галилеянина, Иисуса из Назарета, который за своюмятежность и богохульство был осужден на смерть и распят между двумя злодеями. Ему как пылкому ревнителю закона и вместе высокообразованному знатоку его все это могло представляться лишь вопиющим безумием, на которое не стоило бы обращать ни малейшего внимания, если бы проповедниками этого нового учения выступали одни безграмотные поселяне, в роде тех, что толпой ходили за самым Основателем учения, а не такие

образованные эллинисты, как Стефан. Ясно, что это учение пустило уже глубокие корни и его нельзя было оставлять без внимания. Нужно было опровергнуть и поразить этих проповедников, и Савл действительно выступил против Стефана и несомненно был одним из тех «некоторых из Киликии, кто вступил в спор с Стефаном» (Деян. 6:9). Спор между такими противниками мог быть только самый горячий, и Савл к ужасу своему увидел, что при всей своей учености он «не мог противостоять мудрости и Духу, Которым говорил» (Деян. 6:10) его противник. И тогда-то ревность его приняла кровожадный характер. Позор своего поражения он мог смыть лишь кровью Стефана, и одобрял его убийство. Сопровождавшие это страшное мученичество обстоятельства не могли бесследно пройти для такого пылкого человека как Савл, и в душе у него шевельнулось страшное чувство сожаления и раскаяния, что он в своей ревности зашел так далеко, а вместе затеплилась и искра сомнения в своей собственной правоте. Но это было тяжелое чувство; нужно было подавить его, а достигнуть этого можно было только новою и усиленною ревностью в защите Моисеева закона и в гонении на врагов его. Если погублен такой высокообразованный и геройский проповедник его как Стефан, то масса его последователей уже не заслуживает никакого сожаления; ее нужно уничтожить, и тогда ненавистное учение будет вырвано с корнем. С такими мыслями и чувствами Савл, вопреки наставлениям своего великого учителя Гамалиила, положительно стал «терзать церковь» и гнал ее членов «до смерти» (Деян. 8:3; 22:4). И это гонение навело ужас на христиан. Пред лицем грозного гонителя они рассеялись и исчезли. Иерусалим по-видимому был совершенно очищен от них. Там уже не было больше проповедания или чудес у притвора Соломонова, толпы уже не собирались на улицах в ожидании прохождения тени Апп. Петра и Иоанна; в доме Марии, матери Марка, уже не было больше многолюдных собраний. Если христиане и собирались, то собирались только с боязливостью и тайком, в малом числе, и трапезы любви, если только они вообще совершались, происходили вероятно так, как

в первые дни по Воскресении, с запертыми дверями – ради страха иудейского. Некоторые из христиан понесли жестокое мучение за свою веру; менее преданные члены Церкви несомненно отпали от нее; большинство сразу же бежало еще до наступления бури гонения. Такой успех дела должен был чрезвычайно обрадовать первосвященников и старейшин иудейских, которые наконец могли надеяться на полное истребление секты, так много делавшей им хлопот. Они даже были бы довольны и тем, что сделано; но Савл хотел довести до конца, и «*в чрезмерной против них яности, преследовал даже и в чужих городах*» (Деян. 26:11). Особенno много христиан, слышал он, было в Дамаске, где они свили себе гнездо под властью аравийского князя Аretы. И вот, чтобы разорить и это гнездо, Савл обратился к первосвященнику, чтобы он дал ему полномочные письма в Дамаск, с которыми бы он мог устроить там судилище и в цепях приводить оттуда в Иерусалим всех, кого только найдет из христиан, как мужчин, так и женщин, с целью производства над ними высшего суда, примером правды и милости которого могла служить для них участь св. Стефана. И вот он, получив письма, отправился в путь, «*дыша угрозами и убийством на учеников Господа*» (Деян. 9:1), – но по неисповедимым намерениям Промысла Божия путь этот привел его к совершенно неожиданному для него исходу, и он вышел из Дамаска не грозным гонителем, с целью партией закованных в цепи и трепещущих за свою участь христиан, а смиренным и разбитым назарянином, последователем того самого Иисуса Назарянина, самое имя Которого дотоле звучало для него презрением и возбуждало в нем неистребимую ненависть.

Этот чудесный переворот совершился на дороге, неподалеку от Дамаска, близ деревни Каукабы (как указывает предание). Пред знатным путником, ехавшим в сопровождении значительной свиты, расстипалась «пустыня Дамасская», ограничиваемая на север цепью Ливанских гор, едва заметно выступающих в далекой синеве небосклона; в прямом направлении виднелись башни самого Дамаска, кровли которого ярко сверкали под палящими лучами полуденного

солнца. Путь был страшно тяжел и утомителен в эти часы дня, и Савл нетерпеливо стремился поскорее добраться до знаменитого своими садами города, чтобы отдохнуть под их сладостною тенью от пути и затем сразу же приняться за дело. И вдруг – кончилось все. Вокруг путников вдруг заблистал необычайный свет с неба. Его видел не Савл только, но и все его спутники. В Сирии и вообще полуденное солнце светит и жжет невыносимо; но этот свет с неба был еще поразительнее в своей яркости и еще пронзительнее в своем пламени. Вместе с светом, до спутников Савла донесся какой-то страшный, но невнятный голос. Как бы каким-то грозным мановением с неба они все были повергнуты в оцепенении на землю. Когда другие встали и отчасти оправились от ужаса, Савл лежал еще на земле, и в этом распростертом положены он видел необычайный Человеческий образ и слышал Человеческий голос, говорящий ему: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 26:14). Но в этот страшный момент Савл не узнал Того, Кто говорил ему, потому что он никогда не видел Его на земле. «Кто Ты, Господи?» сказал он. «Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь!» (Деяе. 22:8). Ответ этот ужасом поразил Савла, и в душе его мгновенно и в ужасающей ясности воскресло все, что он делал против Этого Иисуса Назарянина. В невыносимом трепете и ужасе он спросил Его: «Господи! что повелишь мне делать?» и на это последовал милостивый ответ: «встань, иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». «Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя» (Деян.9:6–7).

Савл встал, но все вокруг него было темно. Ослепительное видение исчезло, но вместе с ним для взора Савла померкло и самое солнце. Он был слеп. Испуганные спутники взяли его за руку и повели к Дамаску. По прибытии в город его отвели в дом Иуды, на длинной улице, которая идет через весь город и как тогда, так и теперь называется Прямою. Там с мукой в душе, в слепоте, в телесных страданиях, в умственном возбуждении, без пищи и питья, Савл пролежал три дня; а блеск поразившего его света постоянно предносился перед его темными глазами и

звуки того укоряющего голоса все еще гремели в его ушах. Никто не может сказать, что пережила его душа в эти три дня. Наконец буря его душевного состояния нашла облегчение в молитве, и затем к нему пришел один христианин, уважаемый всеми, и даже иудеями, Анания, которому Господь явился в видении и открыл, что этот безжалостный гонитель будет избранным сосудом, чтобы возвещать имя Христово пред язычниками, царями и сынами Израиля. «*И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое*» (Деян. 9:16), говорил Господь. Добрый Анания, опасавшийся сначала идти к известному всем кровожадному гонителю, не медлил долее. Он вошел в дом Иуды, и обратился к страдальцу с дорогим приветствием как к брату и, возложив руки на его затемненные глаза, велел ему встать, смотреть и быть исполненным Св. Духа. «*И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его; и вдруг он прозрел, и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился*» (Деян. 9:18–19).

Проведя несколько дней в обществе Анании, который несомненно своею беседою ободрил дух его и преподал ему начатки христианских истин, Савл совершенно возродился духовно и почувствовал себя совершенно другим человеком. Между его прежним и настоящим легла непроходимая бездна. Ему открылись глаза на сущность вещей, и теперь он к изумлению видел, что все то, в чем он полагал свою славу и свое величие, было отжившую ветошью и тьмою в сравнении с истинным светом гонимого христианства. И при одном воспоминании, что он был гонителем Церкви, ужас поражал его богопросвещенную душу и тем с большею ревностью он теперь стремился загладить это свое прошлое гонительство проповеданием Христа. Оправившись от душевного и телесного потрясения, он сразу же выступил проповедником Евангелия, и в дамасских синагогах изумлялись все, как этот яростный гонитель христианства теперь вдохновенно проповедывал Евангелие. Но душа Савла была разбита и требовала более продолжительного успокоения. Ему нужен был такой отдых, во время которого он мог бы всецело оторваться от окружающего мира, уйти в самого себя, проверить свое душевное состояние и

в уединенной беседе с Богом найти окончательное подтверждение своему призванию. И вот Савл, подобно великим ветхозаветным праведникам, удалился из Дамаска в Аравию, где и пробыл около трех лет. Только после этого продолжительного пребывания в пустыне, проведенного несомненно в глубоком душевном самоиспытании, Савл опять возвратился в Дамаск, и там начал проповедь о Христе.

Появление такого великого проповедника, о котором уже могли забыть отчасти, обратило на него общее внимание, и так как он всю свою прежнюю ученость, подкрепленную еще высшими откровениями, всецело обратил на проповедь и защиту Евангелия, то никто из иудейских книжников и законников не мог выстоять против него. Это естественно возбудило против него крайнее негодование среди иудеев, и они составили даже заговор убить его. В этом заговоре принял участие даже правитель Дамаска, который приставил стражу к городским воротам. Опасность была страшная, тем более, что она грозила в самом же начале прекратить деятельность Савла, который не успел еще хоть сколько-нибудь загладить грехов своей прежней жизни. Нужно было избежать ее, и в этом отношении помогли ему уже начавшие собираться около него ученики. Они воспользовались тем, что дома на востоке окнами выходили за городскую стену, и, посадив Савла в большую корзину, спустили его на веревке за стену, подобно тому, как в древности Раав спасла соглядатаев. Избежав опасности, Савл тогда направился в Иерусалим. Там ему уже не было места среди старейшин иудейских, и он должен был искать убежища среди новых своих собратьев-христиан. Еще будучи гонителем, он вероятно слышал об ап. Петре, который выдавался среди других Апостолов своим мужеством в проповеди и славился чудесами. С ним-то «видеться» ([Гал. 1:18](#)) и решился Савл, чтобы найти в нем мужественного друга и наставника. Ап. Петр принял его с свойственным ему радушием, так что Савл пробыл у него дней пятнадцать([Гал. 1:18](#)), и за это время познакомился и с Иаковом, братом Господним. Других Апостолов частью не было в это время в Иерусалиме, частью же они продолжали недоверчиво относиться к обращенному

свирепому гонителю, предполагая в его обращении лишь коварный прием для разузнания всех тайн жизни среди христиан. Но великодушный Варнава, сам эллинист, близко познакомившись с Савлом, убедил наконец Апостолов, что пред ними уже не прежний гонитель, а смиренный христианин, удостоившийся страшного откровения на пути в Дамаск. И тогда, будучи принят в общество Апостолов, Савл совершенно укрепился нравственно, и вновь выступил на проповедь Христа в синагогах иудейских, смело состязаясь с эллинистами, во главе которых он некогда отстаивали ветхий завет против Стефана. Такой переход его на сторону бывших своих противников естественно возбудил крайнее раздражение среди иудеев, и ему грозила участь св. Стефана. Савл был в крайнем унынии и однажды до такой степени молился в храме, что пришел в исступление. И в это время ему было новое откровение Христа, который, повелевая ему удалиться из Иерусалима, вместе с тем дал ему великое поручение быть Апостолом язычников. «*Иди, говорил Христос, Я пошлю тебя далеко к язычникам*» (Деян. 22:21). Смиленно приняв на себя это великое поручение, Савл при помощи учеников, тайно сел на корабль и, избегнув таким образом грозившей ему опасности, отправился в Кесарию, и оттуда препровожден был в Тарс, где и пробыл четырнадцать лет, готовясь к своему великому призванию – Апостольства среди язычников.

XXXV. Обращение Корнилия ап. Петром. Проповедь язычникам в Антиохии и первая Церковь из язычников. Гонение в Иерусалиме и мученичество ап. Иакова

После обращения Савла в состоянии Церкви наступило временное затишье от внешних гонений, так что «Церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались» (Деян. 9:31). Это было в первую половину царствования императора Кая Калигулы (37–39 по Р. Х.), и объяснялось тем, что в это время иудейский мир находился в страшном возбуждении, отвлекавшем его внимание от гонительства христиан. Раздраженный иудеями, император хотел доказать им свое неограниченное самовластие и повелел поставить свою статую в святилище иерусалимского храма. Такое повеление, грозившее страшным осквернением храма языческим изображением, повергло иудеев в неописанный ужас и они все свои силы употребляли на то, чтобы отвратить как нибудь подобное бедствие. И вот, когда злайшие враги Церкви вынуждены были всеми силами отстаивать ветхозаветный храм от осквернения язычниками, Церковь новозаветная «при утешении от Святаго Духа умножалась» (Деян. 9:31) и открывала свои двери для язычников. Первый шаг в этом отношении сделан был по внушению свыше ап. Петром.

Исполняя свое Апостольское призвание, ап. Петр по временам обходил разбросанные в разных местах христианские общины, назидая их в вере и проповедуя Евангелие. Свою проповедь он сопровождал и великими чудесами, которые показывали, что духовные дары, полученные Апостолами от своего Божественной Учителя, не ослабели. Так в городе Лидде Апостол именем Иисуса Христа исцелил Энея, бывшего в расслаблении восемь лет, и это чудо имело своим следствием обращение к вере не только всех жителей города, но и населения обширной равнины Саронской. Верстах в четырнадцати от Лидды находился известный портовый город

Иоппия (теперешняя Яффа). Там также была христианская община, но она была крайне опечалена тем, что одна из известнейших христианок, отличавшаяся добрыми делами и обширною благотворительностью, по имени Тавифа (т. е. серна – имя, дававшееся в древности за красоту) «занемогла и умерла» (Деян. 9:37). Эта великая потеря повергла всех христиан города в великую скорбь, и они не знали, где искать утешения. Услышав однако же, что ап. Петр находится в соседней Лидде, ученики с проблеском надежды тотчас же послали за ним, прося его прибыть к ним немедленно. Апостол действительно прибыл и утешил плачущую общину великим чудом – воскрешением Тавифы. Следуя примеру своего Бож. Учителя (при воскрешении дочери Иаира), Петр введенный в горницу, где лежала покойница, «выслал всех вон и, преклонив колена, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села» (Деян. 9:40). Подав ей руку, Апостол поднял ее и, призвав собравшихся христиан и особенно вдовиц, горько оплакивавших потерю великой для них благодетельницы, «поставил ее пред ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа» (Деян. 9:41–42).

Апостол остановился на некоторое время в Иоппии, именно в доме некоего Симона кожевника. Дом его находился на самом берегу Средиземного моря, и с плоской кровли его открывался дивный вид на море и на весь город. На эту кровлю ап. Петр ежедневно выходил молиться, и случилось так, что его молитва совпадала с молитвой одного благочестивого человека в Кесарии. Это был Корнилий, римский сотник из Италийской когорты, бывшей там на постое для поддержания власти Рима. Язычник по рождению, он обладал глубоко религиозным духом, и, не находя удовлетворения своей религиозной потребности в отживавшем язычестве, он подобно многим своими современниками принял иудейство. Тщательно исполняя законы Моисеевы, он был человек «благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостины народу и всегда молившийся Богу» (Деян. 10:2). Но и иудейство не удовлетворяло его жаждущего истины духа и в своих молитвах

он видимо просили Господа открыть ему источники истинного и совершенного Богопознания и Богопочитания. Молитва его была услышана. Однажды во время молитвы ему явился Ангел, который открыл ему, что он должен призвать Апостола Петра, и тот откроет ему учение, которым и можно спастись. Корнилий чрезвычайно испугался столь необычного для него видения, но ободренный Ангелом сделал так, как он повелел ему, именно послал за ап. Петром в Иоппию. И когда посланные приближались к городу, ап. Петру было видение, как раз подготовившее его к предстоявшему делу. Именно, взойдя около шестого часа на кровлю дома помолиться, Апостол почувствовали голод, и так как обед еще не был готов, то он занялся благочестивыми размышлениями. Под лучами плящего солнца с ним сделалось нечто в роде исступления. Пред ним отверзлось небо, и с него спускалось на землю к Апостолу нечто в роде большого полотна, поддерживаемого на веревках, привязанных к четырем краям его. В нем как в некоем ковчеге находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные, и был глас к нему: «встань, Петр, заколи и ешь» (Деян. 10:12–13). Но при всем своем голоде, еще более усиливаемом видом пищи, Петр не забыл правил своего воспитания. Среди этих животных и пресмыкающихся находились твари, которые не отбрасывали жвачки и не имели раздвоенных копыт, что все ясно было запрещено в пищу законом. Лучше умереть с голоду, чем нарушить постановление закона и есть то, самая мысль о чем возбуждала ужас в иудее. Петру казалось странным, что голос с неба без всякого ограничения велел ему убивать и есть тварей, среди которых нечистые так перемешаны были с чистыми. Мало того, самое присутствие среди них нечистых по-видимому оскверняло все полотно. Вследствие этого они с свойственною ему живостью и самоуверенностью ответил: «Нет, Господи, потому что я никогда не ел ничего скверного или нечистого». Тогда в другой раз был гас к нему: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:14–15). Так было трижды, и затем видение исчезло: полотно сразу отдернуто было на небо. Исступление кончилось. Петр был один с своими собственными

думами; все было тихо; не было ни малейшего шепота с палящего неба; у его ног безмолвно разливалось сверкающее море. Пока Апостол размышлял, что бы могло означать все это видение, на дворе появились три язычника, которые к его изумлению спрашивали именно о нем. В его уме тотчас же промелькнула мысль о связи только что бывшего видения с явлением этих язычников, и это подтверждено было ему последними, которые обратились к нему с приглашением от имени сотника Корнилия посетить его дом и преподать ему и его семейству назидание. Апостол, видя во всем этом высшее указание, немедленно согласился, и взяв с собою шестерых из собратьев христиан, отправился в Кесарию, где с нетерпением и благоговением ожидал его благочестивый сотник. Узнав о приближении апостола, Корнилий вышел к нему на встречу и повергся к ногам его. Петр тотчас же поднял благочестивого воина и, несомненно к удивлению сопровождавших его собратий, быть может даже к своему собственному удивлению, нарушил все предания своей жизни, равно как и национальные обычаи многих веков, вступив с язычником в свободный разговор в присутствии собравшихся родственников сотника. Это он делал не из забывчивости вследствие особенной восторженности, но с полным сознанием, что он, делая теперь то, что доселе считалось нечестивым, поступал согласно с Божественным откровением. Корнилий затем рассказал о причинах, побудивших его послать за Петром, и апостол начал свою торжественную речь к ним знаменитым заявлением, что теперь он с несомненною уверенностью видел, что «*Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему*» (Деян. 10:34–35). После этого апостол рассказал язычникам всю земную жизнь Господа Иисуса Христа, о Его служении и о том, как Он ходил повсюду, благотворя и исцеляя всех, страдавших под рабством диавола; затем о распятии и воскресении из мертвых, свидетелями которых были ученики, предназначенные голосом своего воскресшего Спасителя свидетельствовать, что Он есть предопределенный Судия живых и мертвых. И в то время, когда Петр продолжал разъяснять на основании пророков, что все,

кто верует в Него, должны получить прощение грехов имени Его, вдруг на этих некрещеных язычников, как и на присутствовавших иудеев, снизошло то высшее вдохновение, которое дало им дар языков, как и апостолам во время Пятидесятницы: «*Дух Святой сошел на всех*» (Деян. 10:44). Значит и язычников не отвергал Христос, значит и им открывались двери в Царство Его. В таком случае, что же запрещало креститься им? И апостол действительно крестил тут же всех уверовавших во Христа. И у этих новообращенных христиан из язычников апостол пробыл несколько дней, укрепляя их в вере и руководя в жизни. Когда весть об этом необычайном событии дошла до Иерусалима, то там некоторые из христиан и даже апостолов удивились такому свободному обращению Петра с нечистыми язычниками, и когда он возвратился, то упрекали его в этом, говоря: «*ты ходил к людям необрзанным и ел с ними*» (Деян. 11:3), т. е. осквернился общением с ними. Но когда Петр подробно рассказал обо всем случившемся, прибавив в заключение: «*кто же я, чтобы мне воспрепятствовать Богу*» (Деян. 11:17), то ученики «*выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь*» (Деян. 11:18). Так совершилось на почве христианства слияние двух враждебных и дотоле непримиримых между собою миров – иудейского и языческого. Те и другие одинаково призывались в Церковь, и единственным условием для вступления в нее считалась вера в Иисуса Христа как Спасителя мира, а не принадлежность к той или другой народности, или к тому или другому племени. Теперь уже в Церковь допущены были представители всяких верований и племен: иудеи и самаряне, эфиопский прозелит с далекого юга и язычники из самой столицы мира – Рима, и эта свобода доступа в Церковь для всех язычников получила теперь двойное подтверждение: в лице ап. Петра, принявшего первенцев из языческого мира, и в лице ап. Павла, который получил особенное поручение благовествовать языческим народам и начал уже свою великую деятельность по различным городам Сирии и Киликии.

Но это еще было не все. В Иерусалим пришло известие, что Евангелие стало успешно распространяться в знаменитой греческой столице востока Антиохии, которой суждено было скоро стать и первой столицей христианства. Антиохия, основанная в 300 г. до Р. Х. Селевком Никатором и названная так в честь его отца Антиоха, была столицей греческих царей Сирии и впоследствии стала резиденцией римских правителей провинции того же имени. Расположенная в углу, образуемом цепями Ливана и Тавра, на берегу быстрого Оронта, Антиохия занимала в высшей степени выгодное в географическом, политическом и торговом отношении положение, так как служила центром, куда сходились нити ото всех окружающих стран. Вследствие этого в ней было самое разнородное население и близко сталкивались иудеи с греками. Когда началось в Иерусалиме гонение на христиан, то часть бежавших христиан укрылась и в Антиохии, и некоторые из эллинистов не преминули обратиться с проповедью Евангелия не только к иудеям, но и вообще к смешанному населению Антиохии – к язычникам, именно грекам, на языке которых они объяснялись свободно, и к их великой радости, проповедь сопровождалась значительным успехом: «великое число, уверовав, обратилось к Господу» (Деян. 11:21). Очень возможно, что эти греки находились в таком же душевном состоянии, как и Корнилий, т. е. жаждали религиозной истины, были пришельцами врат и с радостью внимали благовестию, которое способно было исцелить их душевые раны. Так как это событие видимо совершилось уже после обращения Корнилия, то апостолы, уже не смущаясь этим обстоятельством и, видя тут действие высшего Промысла, немедленно приняли меры для утверждения новообращенных. С этой целью они отправили в Антиохию Варнаву, который как левит и вместе эллинист с о. Кипра мог служить лучшим посредником между иудеями и язычниками на почве христианского братства. Прибытие его в Антиохию сопровождалось великим благом для Церкви. Увидев во всем этом движении благодать Божию, Варнава возрадовался и своим влиятельным словом «убеждал всех держаться Господа искренним сердцем» (Деян. 11:23). И язычники, видя пред собою

мужа столь «доброго и исполненного Духа Святаго и веры» (Деян. 11:24), охотно и в значительном числе присоединялись к Церкви. Таким образом в Антиохии образовалась первая Церковь из язычников. Благодаря сильному движению отсюда населения по всем направлениям, христианство отсюда именно впервые распространилось по всем восточным провинциям империи, а затем перешло и в Европу до самого Рима.

Между тем временный мир, которым наслаждались церкви в Иудее, закончился. После насильственной смерти Калигулы, преторианцы провозгласили императором Клавдия, и одним из первых дел нового императора было награждение Ирода Агриппы I, оказавшего ему важные услуги при его восшествии на престол, царством Иудейским. Этот царек старался всеми мерами приобрести популярность у своего народа и с этой целью, будучи в душе совершенный язычник, наружно соблюдал все постановления закона Моисеева. Со смертью Калигулы конечно оставлена была мысль о постановлении его статуи в святилище храма, и иудеи опять могли свободно направить свою вражду и ненависть на христиан, которых они считали не только изуверами, но и богоотступниками, отвергавшими завет, заключенный Богом с их предками. Не пренебрегая никакими средствами, Ирод Агриппа решил воспользоваться этой именно ненавистью, чтобы особенно проявить свою мнимую ревность к закону и понравиться сильной фарисейской партии. Поэтому во время Пасхи, когда особенно возбуждался иудейский фанатизм, он «поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечем; видя же, что это приятно Иудеям, вслед затем взял и Петра» (Деян. 12:1–2). С коварною прозорливостью он направил свое оружие против главных вождей христианства, и ап. Иаков избран был первою жертвою потому, что это был старший брат возлюбленного ученика, один из первейших среди избранных апостолов и вообще человек, занимавший наиболее видное положение в Иерусалиме. И вот этот-то апостол, некогда просивший у Христа преимущества в Царстве Его, получил его теперь и был первым из двенадцати апостолов мучеником за веру.

Ап. Иакову суждено было пасть от меча мучителя перед Пасхой. Всеобщее одобрение, каким сопровождалось это кровавое дело со стороны иудеев и которое стало еще более заметным вследствие присутствия огромных масс народа, собравшегося в Иерусалим для празднования Пасхи, подстрекнуло царя, услаждавшегося голосом народного одобрения, нанести еще более жестокий удар христианам, именно арестом знаменитейшего из апостолов. С этой целью схвачен был ап. Петр, но так как перед Пасхой уже не было времени для окончания суда над ним, и иудеи не хотели сами предавать его смерти в течение праздника, то его содержали в тюрьме до истечения семи священных дней, чтобы тогда и предать смерти с возможно большою торжественностью при огромном стечении народа. День за днем апостол оставался под строгим караулом, привязанный обеими руками к двум воинам и оберегаемый другими двумя воинами. Видя всю невознаградимость лишения столь мужественного, столь преданного, столь одаренного духом и мудростью апостола, христиане иерусалимские изливали свое сердце и душу в молитвах о его избавлении. Но все казалось было тщетно. Наступила последняя ночь праздника: заря следующего утра должна была возвестить Петру о предстоявших ему пытках на суде и о страшной смерти. Казалось, пришел уже день, когда, как предсказывал ему Спаситель, другой опояшет его и поведать его, куда он не хочет. Но в этой последней крайности Бог не оставил Своего Апостола и Свою Церковь. В самую последнюю ночь в темницу явился Ангел и освободил его от уз, и избавление это было столь внезапным, таинственным и поразительным, что самому Петру, когда он вполне удостоверился в своем спасении, оноказалось как бы видением (Деян. 12:9). Кратко рассказав об обстоятельствах избавления собратьям, собравшимся в доме Марии, матери Иоанна Марка он поручил им передать тоже самое известие Иакову, брату Господню, и другим христианам, которые не присутствовали здесь, и удалился на некоторое время в безопасное уединение, между тем как Ироду оставалось изливать свое бессильное мщение на неповинном отряде воинов, содержавших стражу

при темнице. Пораженный таким странным на его взгляд событием, Ирод отправился отсюда в Кесарию и там на одном большом празднестве, во время торжественного выхода его к народу, в театре постиг его страшный гнев Божий. Пораженный смертельною болезнью, он был изъеден червями и скоро скончался в заслуженных страданиях.

XXXVI. Прибытие Савла в Антиохию. Пособие иерусалимским христианам. Отправление Варнавы и Савла на проповедь язычникам. Первое миссионерское путешествие ап. Павла. Собор Иерусалимский

Успех христианской проповеди в Антиохии предвещал богатую жатву среди языческих народов вообще. Жатвы было много, но была нужда в особых для нее делателях. На этой жатве трудился просвещенный Варнава, но он видел, что его сил недостаточно, так как нива зреяла для жатвы скорее, чем успевали его руки. Тогда он вспомнил о Савле и о его особом предназначении для проповеди языческим народам, и отправился за ним в Тарс, где он жил в уединении, готовясь на великое поприще Апостольства. Найдя его там, он вместе с ним прибыл в Антиохию, и здесь около них сгруппировалась вся церковь. Они выступили с проповедью Евангелия и учили с таким успехом, что их собрания заняли определенное место между религиозными и философскими школами этого просвещенного города, и ученики их впервые стали называться «христианами».

Антиохийская церковь, кроме духовных даров, была обильна и дарами вещественными, так как среди новообращенных было не мало лиц состоятельных, и она скоро доказала свой христианский дух щедрым благотворением нуждающимся братьям в Иерусалиме. Именно около этого времени случился сильный голод, повергший христиан Иерусалима в сильную нужду. Чтобы вывести их из этого затруднения, антиохийские христиане произвели между собою сбор и отправили в Иерусалим с этим пособием Варнаву и Савла, которые и передали его страждущим христианам. Исполнив это поручение, они возвратились в Антиохию, приведя с собою юношу Иоанна Марка, который решился следовать за ними и помогать им своими услугами.

Церковь в Антиохии между тем настолько усилилась и окрепла, что в ней почувствовалось стремление выступить на

поприще миссионерской деятельности для обращения язычников окружающих стран и городов. По внушению Св. Духа, представители церкви избрали для этой цели Варнаву и Савла, которых и отправили с молитвенными пожеланиями на великое служение. Предстоявшее им поприще было чрезвычайно трудно. Языческий мир находился в это время в наихудшем состоянии. Греция, блиставшая некогда своим умственным просвещением и славившаяся учеными и философами, представляла собою жалкую рабу, которая униженно пресмыкалась перед Римом, стараясь обольстить его своими поблекшими чарами и потворствуя самой гнусной разнузданности. Рим, славившийся простотою своих нравов, теперь потерял эту добродетель и, по выражению Сенеки, был сточной ямой всякой мерзости, или, по изречению ап. Иоанна, был блудницею, которая заставляла народы пить чашу ее блудодеяний. Находясь под гнетом необузданных полупомешанных императоров; развращаемая грязными театральными представлениями и ожесточаемая кровавыми зрелищами амфитеатра; киша всевозможными паразитами и обманщиками, острожниками и распутнейшими рабами; не имея никакой серьезной религии, никакого общественного воспитания; устрашаемая наглыми солдатами и обнищавшую чернью – столица мира представляла в этом периоде картину позора и бедствия, беспримерных в летописях мира. Задыхаясь от внутреннего измощдения, римский мир искал себе утешения в суеверии, чувственности и стоицизме. Суевере главным образом состояло в привязанности к загадочным системам восточного жречества, в возбуждающих чувственность обрядах, в ужасных умилостивительных жертвах, заимствованных из разлагавшихся мифологий Египта или из грубо чувственных религий Галатии и Фригии. Все это настолько было опасно для нравственности и порядка, что уже задолго до этого времени сенат напрасно пытался запретить обряды, совершаемые в честь Изиды и Сераписа. Но все было напрасно. Язычество видимо разлагалось и находилось в томительной агонии, которую оно тщетно усиливалось смягчить наслаждениями самой постыдной чувственности и распутства. И среди этого

поголовного развращения было лишь немного таких, которые еще ценили добродетель и держались простоты древней семейной жизни и религии. Эти немногие искали убежища в суровом стоицизме, но и он был слишком бездущен, чтобы давать хоть какое-нибудь удовлетворение настрадавшимся душам, которые жаждали истины в ее совершеннейшем выражении. И эту истину отправились проповедывать языческому миру скромные апостолы из Антиохии.

Взяв с собою Иоанна Марка, Варнава и Савл отправились в приморский порт Селевкию и отплыли на корабле на о. Кипр, как родину Варнавы и, следовательно, местность, которая могла служить наилучшим поприщем для начала великой деятельности среди язычников. На Кипре было самое разнородное население и среди его не мало иудеев, так что в главных городах были синагоги. Апостолы, хотя и имели своим главным предназначением проповедывать язычникам, однако же никогда не упускали случая благовествовать и иудеям. Это не только согласно было с заповедью их Бож. Учителя, но вместе с тем только через иудеев, именно через эллинистов и прозелитов можно было лучше всего достигнуть и язычников. Главным предметом проповеди было слово Божие и доказательство на основании его, что Иисус Христос, распятый иудеями, был Мессия, Спаситель мира. С этой проповедью они обошли весь остров, от Саламина на восточном берегу до Пафса на западном. Этот последний город, известный в греческой истории совершившимися в нем оргиями в честь Венеры, был теперь резиденцией римского проконсула, Сердия Павла. Это был образованный и знатный римлянин, но подобно всем своим современникам он уже изверился в своих богов и досуги своей службы посвящал таинственным и странным суевериям, которыми он окружен был со всех сторон. Это был вообще век, когда безверие уживалось рядом с самым грубым суеверием. Гордые римляне, потеряв всякую твердую почву в своей национальной религии, чувствовали себя вынужденными какою-то инстинктивною необходимостью искать хоть какого-нибудь сношения с невидимым миром, хотя бы даже при посредстве мистического волшебства востока. Известно, что Марий

обращался к предсказательству еврейки Марфы. В этот замечательный период авгуры, звездочеты, халдеи, математики, астрологи, маги, предвестители, предсказатели судьбы, чревовещатели, снотолкователи отовсюду во множестве стекались в Рим и приобретали такое значение, что навлекали на себя негодование как сатириков, так и историков. Некоторые из них, как Аполлоний Тианский и позднее Александр Абонотихский и циник Перегрин, обратили на себя всеобщее внимание. Едва ли было такое римское семейство, которое не содержало бы у себя своего собственного предсказателя судьбы, а Ювенал саркастически говорит, что император Тиверий, удалившись из Рима на о.Капрею, жил там окруженный «целым стадом халдеев». Тоже было с Сергием Павлом, который держал при себе в качестве волхва одного иудейского обманщика, по имени Варииуса. Когда он услышал о проповеди двух пришельцев из Антиохии, то заинтересовался и ими, и хотел послушать их учение. Но волхв (Елима) увидел в этом опасность для своего выгодного положения и, чтобы унизить апостолов, вступил в открытое состязание с ними, не стесняясь конечно ни доводами, ни оскорблениеми в своем старании убедить Сергия Павла в нелепости новой веры. Тогда Савл, с этого времени начавший называться Павлом, мужественно выступил против наглого обманщика и сразу обнаружил перед всеми его низкую алчную душу. Устремляя на ложного прорицателя свой неотразимый взор, апостол воскликнул: «*О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?*» (Деян. 13:10). И затем, заметив ужас, объявший душу обличенного лицемера вследствие этого смелого и громоносного удара, он тут же прибавил: «*И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени*» (Деян. 13:11). Заклятие мгновенно возымело силу; кудесник сразу же почувствовал, что его обман обнажен и сам он уничтожен, что он стоял перед лицем карающего правосудия. Туман заволок ему зрение, наступила для него полная тьма, и, в отчаянии растопырив руки, он искал вожатого. Все это произвело сильное

впечатление на проконсула, и он «уверовал, дивясь учению Господню» (Деян. 13:12).

Обойдя весь Кипр, проповедники сели на корабль и переправились на берег Малой Азии, именно в Пергию, в Памфилию, но юный Марк, испугавшись предстоявших трудов и опасностей, возвратился в Иерусалим. Отсюда апостолы направились в Антиохию Писидийскую, как город, который, лежа на большой торговой дороге, соединявшей его с многими соседними городами, имел большое разноплеменное и разнозычное население и представлял удобное поприще для проповеди. Но проповедь апостолов на первое время была обращена не к природным писидийцам и не к грекам, которые составляли наносный слой в населении, а к иудеям, которые прибыли туда вместе с потоком римского населения, обеспечившего за ними одинаковые права с другими жителями. В городе была синагога; в первый же субботний день апостолы отправились в нее и заняли места. Слух о их прибытии успел уже распространиться по городу, и начальник синагоги предложил им, как это обыкновенно делалось по отношению к знатным и вообще известным чем-нибудь иностранцам, сказать проповедь. Тогда ап. Павел встал и, дав знак рукою, обратился к собранию с речью, которую начал словами: «*мужи Израильяне и боящиеся Бога! послушайте!*» (Деян. 13:16). Затем, передав вкратце всю чудесную историю израильского народа, бывшую подготовлением к принятию Избавителя мира, он рассказал, что этого Избавителя-Мессию начальники иудейские не признали и без всякой вины предали распятию, положили во гроб, «но Бог воскресил Его из мертвых» (Деян.13:30). «*Итак, говорили апостолы, да будет известно вам, мужи братия, что ради Его возвещается вам прощение грехов*» (Деян. 13:38). Несмотря на то, что в проповеди этой наносился страшный удар иудейству, она произвела громадное впечатление, так что при выходе апостолов из синагоги их окружила толпа язычников (прозелитов), которые и просили их, чтобы они говорили о том же и в следующую субботу. В следующую субботу синагога уже не могла вместить всех желавших послушать дивную проповедь, так как «*почти весь*

город собрался слушать слово Божие» (Деян. 13:44). Но этот успех сразу же пробудил зависть у иудеев, так что они открыто выступили против апостола, и во время проповеди всячески противоречили ему и не стеснялись всевозможными злословиями. Дело дошло до того, что проповедь стала невозможна, и тогда апостолы высказали своим иудейским врагам заслуженную ими горькую истину. Обращаясь к иудеям, апостолы мужественно сказали им: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь через пророка Исаю, который сказал о Спасителе, что Он был предназначен во свет язычникам и во спасение до края земли» (Деян. 13:46–47). С радостью и благодарением язычники приветствовали проповедь, которую теперь исключительно им предлагались великие благословения, без законнических требований иудейства. Все, кто по благодати Божией решили войти в ряды жаждавших вечной жизни, принимали веру. Более и более начало распространяться слово Господне. Но иудеи были сильны в городе, где они держали в своих руках всю торговлю, и поэтому добились даже того, что римские власти приняли их сторону и апостолы должны были удалиться из Антиохии и направились в город Иконию, где они и могли успокоиться от пережитого волнения, потому что сюда уже не простиралась власть римского пропретора. А оставленные ими в Антиохии «ученики исполнялись радости и Духа Святаго» (Деян 13:52).

В Иконии повторилось тоже самое, что и в Антиохии. Проповедь апостолов имела большой успех, «уверовало великое множество Иудеев и Еллинов» (Деян. 14:1); но этот успех возбудил и раздражил неверующих иудеев. Возбуждение было так сильно, что город разделился на две половины, из которых одни были на стороне иудеев, а другие на стороне апостолов. Наконец дело дошло до того, что вожаки враждебной партии из иудеев и язычников составили заговор убить апостолов. Об этом им заблаговременно дано было знать, и они еще раз должны были спасаться бегством. Оставляя

тетрархию Иконийскую, они все еще продолжали путь большой дорогой и, пройдя шестьдесят верст, достигли округа Антиоха IV, царя Коммагенского, и вступили в маленький город Листру Ликаонийскую. Как в самой Листре, так и в прилегающих селениях, апостолы по-видимому проповедывали с успехом и оставались по несколько времени. При одном случае ап. Павел заметил среди своих слушателей человека, который был калека от рождения. Его очевидная жажда послушать заставила его выдвинуться вперед к апостолу, как человеку, который мог совершать чудесные дела. И он не ошибся. Устремив на больного свой взор, апостол громким голосом воскликнул: «Встань прямо!» (Деян. 14:10). Встрепенувшись от чудесной силы, калека встал и начал ходить. Все присутствовавшие поражены были этим событием, и многие в толпе от неописанного изумления закричали: «боги в образе человеческом сошли к нам» (Деян. 14:11), и называли Варнаву Зевесом, а Павла Эрмием, «потому что он начальствовал в слове» (Деян. 14:12). Молва эта разнеслась по городу и скоро появился даже жрец Зевеса, который привел волов и принес венки для совершения жертвоприношения. Не понимая туземного наречия, апостолы лишь после всех узнали, что их хотели сделать предметом идолопоклонства. Но когда они услышали об этом, то при своем живом сознании страшного величия единого истинного Бога были до такой степени поражены ужасом, как это едва ли и могли понять язычники: разрывая свои одежды, они с криками бросились к толпе, увещевали и умоляли ее верить, что они лишь обыкновенные смертные, подобные им самим, и что самою целью их миссии было отвращать их от этого пустого идолопоклонства к единому, живому и истинному Богу, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них (Деян. 14:15). Таким образом, мало по малу заставив толпу обратить внимание на свои увещания, они объяснили, что в течение прошлых поколений Бог как бы попускал всем народам ходить своими путями и не давал им особенных откровений; но даже и в те дни Он не переставал свидетельствовать о себе благодеяниями, подавая им «с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищей и веселием

сердца наши» (Деян. 14:17). Проповедь эта заставила народ разубедиться в своем заблуждении и оставить мысль о жертвоприношении, а апостолы продолжали благовествовать им о Христе. Но скоро проповедь их была прервана самым грубым образом. Из Антиохии и Иконии прибыло несколько иудеев, которые и начали возбуждать народ против апостолов, говоря: «они не говорят ничего истинного, а все лгут» (Деян. 14:19). И им настолько удалось возбудить этот ветряный народ, что чернь быстро предалась мятежу и буйству. Она стала побивать ап. Павла камнями, и, думая, что он уже мертв, вытащила его за город и там бросила. Но апостол был жив, и когда он очнулся, ученики перенесли его тайком в город, где он и оправился от страшного потрясения. После столь жестокого обращения очевидно невозможно было оставаться в Листре, и апостолы оставили этот город и направились в Дервию, где они и могли успокоиться от трудов и потрясений, так как злейшие враги их, ничего не зная о том, что ап. Павел ожил, не могли преследовать их там.

Дервия представляла собою последний пункт их миссионерского путешествия, и отсюда апостолы решили возвратиться в Антиохию. Но они не пошли ближайшим путем – через Тарс, а не смотря на все перенесенные опасности, решили возвратиться тем же путем, которым прибыли, чтобы по пути вновь побывать в только что посещенных городах и укрепить в них верующих. И вот проходя опять через Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую, они «утверждая души учеников, уверяя пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). При этом в каждой церкви рукополагали пресвитеров, вверяя им на попечение новообращенную паству. Из приморского города Атталии они наконец отплыли в Антиохию, и там на собрании всей церкви «рассказали все, что сотворил Бог с ними, и как Он отверз дверь веры язычникам» (Деян. 14:27).

Некоторое время миссионеры-апостолы мирно отдыхали от своих трудов среди общины христиан Антиохии, которые, хотя и состояли из различных народов, как иудеев, так и язычников, жили между собою в братской любви и полном согласии. Но

этот мир скоро нарушен был вторжением опасных лжебратьев, которые, прибыв из Иудеи и будучи крайними ревнителями Моисеева закона, стали учить, что в Царстве Христовом не может быть полного равенства между иудеями и язычниками, и что последнее, чтобы спастись, обязательно должны пройти ступень иудейства и подвергнуться обрезанию. Эти ревнители очевидно были из тех обращенцев, которые вступили в Церковь из сильной фарисейской партии и, пропитанные закваской фарисейства, хотели и в Церкви Христовой придерживаться своих воззрений. Такое требование грозило большою опасностью, так как внесло бы ложное понятие об отношении закона к Евангелию, Моисея к Христу, давая мысль о том, будто искупительная заслуга Христа была недостаточна сама по себе и что ее нужно было восполнить делами Моисеева закона. Вместе с тем нарушалось равенство между христианами, за иудеями признавалось преимущество, которого не имели христиане из язычников и для получения которого им приходилось принимать на себя тяжелое бремя обрезания и других постановлений чуждого им закона. Против такого заблуждения восстали ап. Павел и Варнава, как главные благовестники язычникам. Естественно возник спор, и так как он грозил нарушить мир Церкви, то христиане Антиохии порешили отправить Павла и Варнаву в Иерусалим чтобы они там вместе с апостолами и представителями Церкви обсудили этот важный вопрос. По дороге, лежавшей через Финикию и Самарию, они повсюду рассказывали об обращении язычников «и производили радость великую во всех братьях» (Деян. 15:3). По прибытии в Иерусалим, они были радостно приняты «церковью, апостолами и пресвитерами, и возвестили все, что Бог сотворил с ними, и как отверз дверь веры язычникам» (Деян. 15:4). Но фарисействующие христиане нашлись и здесь и стали настаивать, что язычников нельзя принимать в Церковь без принятия ими иудейства, «что должно обрезывать их и заповедовать соблюдать закон Моисеев» (Деян. 15:5). Тогда для решения важного предмета апостолы обратились к тому способу, который и впоследствии сделался обычным способом решения возникавших в Церкви вопросов, именно созвали

собор, составившийся из присутствовавших в Иерусалиме апостолов, предстоятелей церкви и народа. Из долгого предварительного рассуждения выяснилось, что большинство стоит за равенство язычников и только незначительная партия из фарисействующих иудеев отстаивала необходимость обрезания и вообще Моисеева закона для всех вступающих в Церковь. Тогда встал ап. Петр, чтобы своим властным словом порешить дело. Он напомнил собранию, как сам Бог при обращении сотника Корнилия и его домашних ясно решил этот вопрос: Он, Сердцеведец, даровал им Духа Святого в той же полноте, как и уверовавшим иудеям, и не положив никакого различия между ними, верою очистил сердца их. «Что же вы ныне, обратился апостол к фарисействующим, не слушаете Бога, желая возложить на выи иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (Деян. 15:10–11). Довод этот был слишком силен и исходил из уст слишком авторитетного лица, чтобы можно было противиться ему, и все собрание смолкло и «слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников» (Деян. 15:12). Затем встал ап. Иаков, брат Господень, который по строгости своей жизни пользовался высоким почтением даже среди иудеев. Он указал на то, что начавшееся обращение язычников находится в полном согласии с пророчествами и есть одно из дел домостроительства Божия. Поэтому и не должно налагать на язычников иго закона. Для них достаточно, если они будут соблюдать общие требования нравственного закона, как он выражен в «Ноевых заповедях», именно будут воздерживаться «от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (Деян. 15:20). Голос апостолов восторжествовал. Собор решил дело в этом именно смысле и отправил в Антиохию и по другим городам окружное послание с подробным изложением соборного постановления. И христиане, прочитав послание, радовались, что в таком духе братства и человеколюбия разрешен был важный вопрос о допущении язычников в Церковь Христову.

XXXVII. Второе миссионерское путешествие ап. Павла. Начало проповеди Евангелия в Европе

По возвращении в Антиохию у ап. Павла, как главного апостола языческого мира, возникло естественное желание вновь посетить основанные им церкви и удостовериться в плодах своей проповеди. И он отправился в свое второе миссионерское путешествие, которое сопровождалось самыми великими последствиями для христианской Церкви. Спутником его на этот раз был Сила или Силуан, который, как видно из самого его римского имени, по-видимому был подобно самому апостолу римским гражданином, имел связи с языческим миром и мог быть поэтому наиболее пригодным помощником и сотрудником апостола язычников.

Напутствуемые благожеланием собратий, апостолы отправились из Антиохии прежде всего в Сирию и Киликию, где и утверждали церкви. Затем они посетили города Дервию и Листру, и в последнем ап. Павел пробрел себе нового сотрудника, юношу Тимофея, который сделался возлюбленнейшим и преданнейшим учеником великого апостола. Это был сын вдовы Евники, которая как благочестивая иудеянка, но бывшая замужем за греком, дала своему сыну хорошее воспитание – в страхе Божием и в почтении к старшим. С детства он изучал Св. Писание и как по воспитанию, так и по своему характеру был человеком, который способен был на всякое самопожертвование ради веры и потому высоко ценился апостолом. Несмотря на свою молодость, он решился сопровождать ап. Павла в его великом миссионерском путешествии и оказал важные услуги и лично апостолу, и всей христианской Церкви.

Из Листры ап. Павел с своими двумя сотрудниками направился дальше, и «проходя по городам, они предавали верным соблюдать определения, постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом» (Деян. 16:4–5). Затем они прошли через Фригию и Галатию, и в этой последней стране

основана была церковь, к которой ап. Павел обращался впоследствии с особым посланием (послание к Галатам). Население этой страны состояло из потомков той великой кельтской орды, которая, выйдя из обширных степей Средней Азии, двинулась чрез Малую Азию в Европу. Там они под именем галлов за четыре века до Р. Х. сожгли и разграбили Рим, а в третьем столетии наполнили северную Грецию ужасами кровопролития и разрушительного варварства. Часть их осела и в центральной возвышенности Малой Азии. Там они усвоили греческий язык, вследствие чего стали называться галло-греками, и сделались фанатическими поклонниками Дибелы, матери богов, идолопоклонство которой сопровождалось самыми гнусными оргиями, имевшими непреодолимую притягательную силу для этого легкомысленного и увлекающегося народа. В Галатии апостол был задержан довольно продолжительное время, именно приступом особой болезни, от которой он часто страдал и видел в ней нарочито данное ему «жало в плоть» (2Кор. 12:7), чтобы он чувствовал свое ничтожество и не превозносился. По наиболее вероятному предположению, это была сильная глазная боль, которая временем подвергала апостола страшным страданиям, делала его совершенно беспомощным и лишала возможности всякой деятельности. Проповедь в Галатии была успешна. Отзывчивые ко всему новому и добруму, галаты быстро приняли Евангелие и крестились; но их непостоянство причиняло апостолу немало всяких огорчений, на которые он и жалуется в своем послании к ним.

Из Галатии прямой путь вел в соседнюю область Вифинию, и апостолы хотели направиться туда; «но Дух не допустил их» (Деян. 16:7). Им предстояло более обширное и славное поприще, и это открыто было ап. Павлу в Троаде. С этим городом связывались великие исторические воспоминания. За четыре века пред тем великий македонский завоеватель, перейдя Геллеспонт для освобождения народов Азии от тяготевшего над ними ига восточного деспотизма, в этом именно городе, стоявшем на месте древней Трои, предавался мечтанию о такой славе, которая бы затмила славу его великого

предка Ахилла. А теперь в этом же городе было видение, призывавшее апостола Павла на такое завоевание, которое должно было затмить славу великого македонского завоевателя. Ему «*предстал некий муж Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам*» (Деян. 16:9). Это был вопль западного мира, просившего апостола о том, чтобы он пришел освободить его от тяготевшего над ним ига безверия и греха. Народ, который некогда водил Европу на завоевание Азии оружием, теперь первый призывал к себе завоевателей тем духовным оружием, которое исходило из Азии.

И апостол немедленно откликнулся на призыв. Видя в этом призыв со стороны Господа благовестовать там, он решил отправиться в Македонию. В это время между прочим к нему присоединился Лука, возлюбленный врач, который, помогая апостолу своим медицинским искусством в его телесных немощах, решил следовать за ним и в его великом путешествии по Европе.

Сев в Троаде на корабль, проповедники через два дня прибыли в греческий город Неаполь и оттуда направились в главный город восточной Македонии Филиппы. С городом этим связывалось воспоминание о поражении Брута и Кассия, последних защитников республики в Риме. В память этого события император Август основал римскую колонию близ местоположения древнего города, основанного великим македонцем, и колония эта выросла в большой город, имевший, впрочем, более военный, чем торговый характер. Население его состояло из римских переселенцев и греков, и среди них было также несколько иудеев, но так мало, что у них не имелось даже синагоги, а был лишь молитвенный дом за городом при реке. В субботний день туда и направились апостолы, и там проповедь их увенчалась обращением одной богатой женщины из города Фиатиры, Лидии, которая торговала по различным городам багряницею, т. е. пурпурными матерями. Убежденная проповедью ап. Павла, она крестилась со всеми своими домашними и оказывала апостолу и спутникам самое радушное гостеприимство. Но это доброе начало проповеди в Македонии

скоро было омрачено весьма неприятным событием. Греческое язычество в это время уже потеряло свою действительную силу, и вера в богов Олимпа уступила место какой-то жалкой смеси сомнения и суеверия, причем последнее делалось тем более жалким, что появилось не мало охотников легкой наживы на счет легковерия толпы. С таким обстоятельством и пришлось встретиться апостолам. На пути в молитвенный дом им встретилась одна служанка, которая, по народному убеждению, была одержима духом порицательным, на подобие того, каким отличались знаменитые дельфийские пифии. В действительности несчастная была одержима бесом, но она прославилась своими мнимыми прорицаниями и доставляла этим большой доход своим господам. Почувствовав присутствие людей, которым дана была власть изгонять бесов, она стала неотступно следовать за ними, постоянно повторяя: «*сии люди – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения*» (Деян. 16:17). Так продолжалось несколько дней, и так как она препятствовала проповеди, то ап. Павел именем Иисуса Христа изгнал из нее духа, она исцелилась и перестала прорицать. Но это исцеление служанки возбудило крайнее негодование в ее господах, так как они лишились хорошего дохода. И вот они с яростью обрушились на апостолов, повлекли их на площадь к начальникам и обвиняли их в том, что они, будучи иудеями, возмущают город и проповедуют обычай, которых римлянам не следует ни принимать, ни исполнять. Городская чернь стала на их сторону, а за нею, не расследовав дела, пошли и городские воеводы, которые «*сорвав с них одежды, велели бить их палками. И дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их*» (Деян. 16:22:23). Заключив из такого приказания, что узники виновны в каком нибудь особенно тяжелом преступлении, тюремщик ввергнул их в наиболее крепкое внутреннее помещение темницы и велел кроме того забить им ноги в колоду, т. е. в брус, имевший пять отверстий, в которые забивались руки, ноги и шея преступников. Тюремщик на этот раз забил апостолам в колоду только ноги, но и такое положение после перенесенных на площади побоев было

мучительно тяжелым. Но великие благовестники не пали духом и в течение ночи оглашали мрачные стены темницы сладостными песнопениями, к которым невольно прислушивались все узники. И вот в самую полночь вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы. От страшного сотрясения двери темницы открылись; цепи узников сорвались с колец в стене (Деян. 16:26). Пробужденный от сна и увидев двери темницы открытыми, начальник тюрьмы тотчас же извлек свой меч и хотел убить себя, думая, что его узники бежали, а в таком случае он сам должен был отвечать за них своею жизнью. Самоубийство в то время было обычным убежищем от бедствия, и в Филиппках быть может сочтено было бы не только естественным, но и героическим поступком. Ап. Павел однако же тотчас заметил его намерение, и всегда в совершенстве владея собою даже среди опасности, закричал ему громким голосом: «*не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь*» (Деян. 16:28). Все эти обстоятельства – землетрясение, приступ внезапного ужаса, порыв радости, отвратившей его от самоубийства, скромная терпеливость и спокойное прощение со стороны узников – расплавили сердце этого человека. Попросив света, он бросился во внутренность темницы и в трепете волнения повергся к ногам Павла и Силы. Затем, освободив их ноги от колод и выведя их из внутреннего заключения, он воскликнул: «*государи мои, что мне делать, чтобы спастись?*» (Деян. 16:30). Самый тон речи показывал в нем глубокое благоговение. И апостолы отвечали ему: «*веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой*» (Деян. 16:31). Глубоко тронутый, начальник темницы тотчас же собрал все свое семейство, омыл им раны, и получив первые уроки Евангельской истины, крестился со всем своим домом. Такой оборот дела крайне смущил и городских воевод, и они, опасаясь какого-либо мщения себе за вчерашние жестокости, отправили ликторов с наказом выпроводить апостолов поскорее из города. Но апостол Павел захотел и воеводам преподать урок осторожности на будущее время. Послав ликторов за самими воеводами, апостол строго сказал им: «*нас, Римских*

граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас» (Деян. 16:37). Ликторы отправились с этой вестью к воеводам и она повергла последних в немалую тревогу. По своему невежеству, предубеждению и начальственному высокомерию, они совершили вопиющее нарушение римского закона. Они осудили двух римских граждан, не дав им узаконенного права на открытое судопроизводство, и, осудив их, оскорбили высокое право и привилегию гражданства выводом их к позорному столбу и бичеванием. Этим они нарушили римский закон пред глазами всей черни форума, и притом в присутствии лиц, из которых иные по крайней мере совершенно охотно могли ввязаться в дело и донести обо всем этом высшим властям. Своим поступком они публично оскорбили величие Рима. Им грозила крайняя неприятность самим предстать на суд проконсула с ответом за это вопиющее беззаконие: поэтому они поспешили извиниться перед апостолами и просили их поскорее удалиться из города. Но апостолы, чувствуя за собою великое право римского гражданства, не сразу исполнили эту просьбу низких воевод, а отправились в гостеприимный дом Лидии, поучали там собравшихся христиан, и затем с миром оставили город.

Оставив Филиппы, апостолы-миссионеры прошли города Амфиполь и Аполлонию, с которыми связывались некоторые из знаменитейших событий греческой истории, и затем прибыли в Фессалонику, которая была столицей всей Македонии и вместе резиденцией римского проконсула. В этом городе была синагога, в которой и проповедывали апостолы иудеям и язычникам-прозелитам, доказывая и открывая на основании Св. Писания, «что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых, и что Сей Христос есть Иисус» (Деян. 17:3), которого и проповедывали они. Многие из слушателей, особенно греков и знатных женщин, уверовали; но такой успех снова возбудил ненависть среди неверующих иудеев. Они подговорили городскую чернь и с нею напали на дом одного знатного христианина, Иасона, где жили апостолы, вытащили их на городскую площадь и кричали, что «эти всесветные

возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса» (Деян. 17:6–7). Но ненавистникам не удалось достигнуть своей цели. Власти города, расследовав дело, нашли обвинение недоказанным и отпустили обвиняемых. Однако же возбуждение в городе было так велико, что апостолы не нашли возможным продолжать свою проповедь и под покровом ночи оставили Фессалонику и отправились в ближайший к ней город Верию, и только Тимофея временно оставлен был в Фессалонике для утверждения новообращенных в вере.

В Верии было также большое иудейское население, но эти иудеи были «благомысленнее Фессалоникских» (Деян. 17:11), и ап. Павел мог отдохнуть среди них от пережитых потрясений. По обычанию, он проповедывал в синагоге, и верийцы не только не препятствовали ему в этом отношении и не отвергали проповедуемого Евангелия с слепым фанатизмом, как это было в других местах, но сами ежедневно и прилежно исследовали Св. Писание, чтобы проверить доводы и ссылки ап. Павла с подлинным свидетельством слова Божия. Следствием этого было то, что как греки, так и многие из иудеев уверовали, – не только мужчины, но и женщины из более почтенных классов. Среди этих добродушных верийцев апостол наверно провел несколько недель покоя, потому что во время своего пребывания там ап. Павел два раза задумывал намерение опять идти к своим возлюбленным фессалоникцам. Непредвиденные обстоятельства воспрепятствовали этому (1Фес. 2:18), и положение этой преследуемой церкви так озабочивало его душу, что или из Верии, или впоследствии из Афин он опять отправил к ним Тимофея, чтобы он и донес ему о ее состоянии. В Верии в лице Сопатра был приобретен один преданный и верный друг, оказавший важные услуги как лично ап. Павлу, так и делу христианства вообще.

Но конечно нельзя было надеяться, чтобы все также хорошо шло и в будущем, особенно когда известие об успехе проповеди ап. Павла в Верии дошло до синагоги фессалоникской. Ненавистное имя Павла подобно искре воспламенило злобную

ярость иудеев, и они тотчас же отправили посланных для возбуждения против него черни и в Верии. Ап. Павел заблаговременно получил предостережение об этом от одного из своих преданных друзей. Противостоять этой настойчивой и ожесточенной вражде, которая теперь преследовала проповедников из города в город, не было никакой возможности. И так как было ясно, что Павел, а не Сила был главным предметом преследования, то ими было порешено, что Павел должен опять удалиться из города, а Сила и снова присоединившийся к ним Тимофей, которые были его сотрудниками во время пребывания в Верии, должны были остаться там, чтобы иметь попечение о нуждах церкви и поливать то доброе семя, которое начало произрастать в ней. Опасность видимо была велика, и удаление совершилось поспешно и вероятно под покровом ночи. Так князь мира сего яростно преследовал великого проповедника Царства Христова; но он и сам не знал, какой готовил удар своему владычеству над миром, когда он с такою яростью и поспешностью гнал апостола язычников в самые центры просвещеннейшаго язычества. Собратья проводили ап. Павла до берега моря, и там он сел на корабль, который привез его в столицу всего образованного человечества – Афины.

XXXVIII. Ап. Павел в Афинах. Речь его в ареопаге. Жизнь и проповедь в Коринфе. Первые послания

Когда корабль пристал к знаменитой афинской пристани – Пирею и пред взором апостола язычников открылся знаменитый город, то не трудно предположить, какой поток мыслей прошел по душе Павла. Пред ним лежал город, слава которого гремела по всему миру и одно имя которого приводило в восторг каждого образованного человека. Еще в школе Савл, быть может, лелеял себя мечтой – побывать в этом центре мировой учености, куда стекались для довершения своего образования молодые люди со всех концов земли. Теперь эта мечта осуществилась – но в каком виде? Текущий Павел шел сюда не учиться, а учить... Всякого смущала бы такая разительная перемена в положении; но тот, кто облечен был силою свыше и неустранимо шел на встречу всевозможным опасностям и даже смерти, богоизбраненный проповедник креста – смело вступил в философский город.

Проходя по улицами города, апостол с удивлением смотрел на богатство и разнообразие его исторических и художественных памятников. Все здесь живо напоминало величественные образы великого прошлого. На улицах и на площадях стояли статуи великих мужей и героев; но рядом с ними зоркий взгляд апостола заметил множество и таких статуй, которые изображали – богов: перед ними курились жертвенники. Подобных статуй с прилежащими к ним капищами здесь было таки много, что ап. Павел возмутился духом. Но еще более возмутился дух его, когда он присмотрелся к самим афинянам: одни с благоговением преклонялись перед идолами, другие с усмешкой проходили около них, и на всех лежала печать како-то пустоты и легкомыслия. Нет, афиняне, как бы сказал сам себе возмущенный апостол: не свет вы миру, а тьма для него! Не даром причудливый мудрец среди дня зажигал факел, чтобы с ним найти между вами хоть одного человека... Опечаленный взор апостола еще раз пробежал по рядам курящихся жертвенныхников человеческого неразумия; на одном из

жертвенников взор его остановила на себе надпись, гласившая: «Неведомому Богу». Лицо апостола просветлело, и он сразу же понял, что и душа языческих афинян искала истинного Бога и несознательно поклонялась Ему под видом этого «неведомого Бога» (Деян. 17:23). Это ободрило апостола, и он, как бы почувствовав в себе новый прилив могучих сил, быстро пошел на городскую площадь.

Площадь по обыкновению была переполнена народом: одни собирались тут по торговым делам, другие из любопытства услышать что-либо новое, третья послушать философов, которые тут же, тряся своими длинными волосами и размахивая широкими плащами, вели философские прения и излагали философские идеи. Философия в это время находилась уже в полном упадке, и так называемые философы, не давая ничего нового, занимались лишь пустым и высокопарным пересказом учений своих великих предшественников, при этом извращая их до того, что все оказывалось, по выражению Цицерона, вверх дном. Поэтому, когда ап. Павел выступил с проповедью ученья, которое поражало своею новизною, самобытностью и жизненностью, то она сразу же обратила на себя внимание и многие стали прислушиваться к ней. Ободренный успехом, апостол, побывав в синагогах для беседы с иудеями, стал ежедневно ходить на площадь и день ото дня все больше слушателей собиралось вокруг боговдохновенного проповедника. Наконец на него должны были обратить внимание и некоторые из философов, видимо оставшихся без слушателей. Злоба и досада кипела в их сердце на неизвестного им проповедника, но все-таки любопытство пересилило злобу, и они стали из-за толпы прислушиваться к проповеди дерзкого незнакомца, решившегося соперничать с ними. А вдохновенная проповедь его могучим потоком разливалась по массам и какою-то чудной силой приковывала внимание народа: толпы как бы замерли, и мертвая тишина была лучшим одобрением проповеди апостола вместо шумных рукоплесканий, какими обыкновенно рассеянная и праздная толпа наделяла дутые речи философов. Философы с затаенной завистью видели необычайное действие учения неизвестного

проповедника на массы; но странно, что они, мудрецы, сами ничего не могли понять из нее. Весь запас их философского знания не давал им силы понять новое учение, подобного которому они не встречали ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у Эпикура, ни у Зенона, ни у других столпов философии, которые, по их понятно, исчерпывали до дна все море премудрости. Бывшие в толпе стоики и эпикурейцы, дотоле враждовавшие между собою, теперь удивленно переглянулись, стараясь друг у друга найти разрешение поразившей их загадки. Но взоры тех и других выражали лишь одно тупое недоумение. Глухой ропот досады пронесся между ними. Некоторые из более смелых философов попытались вступить в спорь с апостолом и остановить его речь возражениями; но возражения как раскаленные уголья возвращались и падали на их головы: в речи апостола им не было соответствия. Укрывшись в толпе, возражатели опять недоумевая рассуждали между собою: «что же хочет сказать этот суеслов?» (Деян. 17:18). Так эти «безумцы в своей мудрости» хотели позорным именем заклеймить великого проповедника Евангельского учения, но не закрыли они этим своего безумия, еще яснее оно выглянуло из-под их философской внешности. Другие по-видимому более вслушались в новое учение и говорили: «кажется, он проповедует о чужих божествах» (Деян. 17:18), и злобная нота зазвучала в этих словах. Как! Этот дерзки пришлец не думает ли возмущать народной совести? Он не чтит Минервы, священной покровительницы города, не признает прославленных богов народных, храмы и статуи которых во множестве украшают улицы и площади! Он осмеливается подрывать народную веру! Он возмутитель против религии, государства и установившегося порядка, он развратитель народа и юношества... Таким злобно-коварным языком заговорили те из философов, для низкого честолюбия которых ничего не стоило прибегнуть к самому бесчестному средству, лишь бы только устранить ненавистного соперника. Один из самых великих и добродетельных философов древнего мира, Сократ, принужден был выпить чашу яда именно обвиненный как подрыватель народной веры и развратитель юношества...

Ослепленные злой мудрецы готовы были тут же расправиться с неизвестным им проповедником, если бы не боялись народа, который лучше их понимал своим простым чувством истину проповедуемого ему и мог страшно отомстить оскорбителям любимого проповедника. В виду этого злобствующие ненавистники, прикрыв свою злобу невинным любопытством, пригласили апостола Павла в ареопаг, чтобы он там подробнее изложил пред руководителями народа свое новое учение. Не вспоминали ли они тайно при этом, что именно в этом верховном судилище изобличавший подобных им софистов мудрец некогда присужден был испить смертоносную чашу?

На скалистом холме против Акрополя под открытым небом собрался верховный совет – ареопаг. На высеченных в скале скамьях восседали члены ареопага – именитые граждане города, государственные деятели, полководцы, философы, поэты. По склонам холма и в прилегающей долине толпился народ. По средине площадки, образуемой скамьями, возвышались один против другого два массивных камня: при формальных судебных заседаниях на одном из них становился обвиняемый, на другом обвинитель². На один из них, как можно думать, теперь поставлен был апостол Павел. Его взорам представилось блестящее собрание, никогда не виданное им дотоле. Над ним висело безоблачное небо, откуда он некогда услышал Божественный голос, призвавший его к апостольскому служению. Апостол почувствовал в своем сердце палящий огонь апостольской ревности. Окинув собрание огненным, проницательным взглядом, пред которым невольно должно было дрогнуть сердце коварных философов, апостол начал речь. «Афиняне!» воскликнул он. Собрание напрягло слух. «По всему вижу я, продолжал апостол, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:22–23). Лица присутствующих вытянулись от изумления. Слова неизвестного проповедника звучали такою уверенностью и такою силою, какой и тени не представляли туманные речи философов, и в то же время так близко касались всех

слушателей, что все невольно переглянулись между собою. Не восстал ли перед ними великий Платон, который один только мог говорить с подобною силою и таким языком, что им заговорили бы сами боги, если бы сошли на землю? Или не возродился ли перед ними мощноязычный Демосфен, от речей которого трепетали цари? – Речь апостола звучала как речь этих героев греческого красноречия. Пред блестящим собранием ареопага действительно был Платон, но Платон высшей Евангельской философии, – действительно Демосфен, но Демосфен Божественного слова... Для некоторых же слушателей, именно философов, страшным громом иронии загремели последние слова оратора. Они, эти тщеславные, высокомерные мудрецы, блиставшие праздным и никому ненужным фразерством, с тупым недоумением останавливались перед таинственною надписью на жертвеннике и не могли дать ответа на инстинктивный запрос народной мысли; и вот явился проповедник, который с смелою уверенностью и неотразимою силою убеждения разрешает загадку. Злоба с новою яростью закипела в них; но эта злоба была теперь совершенно бессильна: апостол одним словом лишил ее юридической основы, сказав, что он проповедует не чужих богов, а только проливает свет знания о том Боге, которому народ уже несознательно поклонялся. Так коварно подготовленный суд над вестником Божественной истины всею силою осуждения обрушился на врагов его!

Между темъ вдохновенный проповедник продолжал свою речь. Как прозрачные струи живительного источника лилась она из его уст и оживотворяла ум и сердце слушателей. Это была глубокая, неведомая им дотоле философия, но в то же время она была проста для понимания и с неотразимою силою действовала на сердце. Это была простая речь, но в тоже время каждое слово ее как молния пронизывало душу слышавших его и явственно отпечатлевалось на лицах их. С необыкновенною ясностью изложив возвышенное понятие о Боге, до которого едва осмеливались подниматься величайшие мудрецы древнего мира, и показав на основании известных народных поэтов все неразумие поклонения сделанным руками

человеческими идолам, апостол наконец перешел к проповеди о призвавшем его на апостольское служение Господе, которому он посвятил весь свой гений, всю свою жизнь. «*Итак, говорил он, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем всюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых»*...(Деян. 17:30–31). Вдруг в ареопаге произошло смятение: услышав о воскресении из мертвых, последователи эпикурейской философии не имели сил более сохранять спокойствие; последние слова в устах вдохновенного проповедника как огненные стрелы вонзились в извращенный чувственном философией сердца их и открыли пред ними ужасающую картину праведного возмездия за ту бездну греха, в которой проходила вся их жизнь, руководившаяся грубочувственным началом: станем есть и пить, ибо завтра умрем. Но чтобы скрыть от присутствовавших свою сердечную боль, они прикрыли ее насмешкой, и стали насмехаться над страшным для беззакония учением. На стоиков это учение произвело более спокойное впечатление, и они не прочь были еще послушать его, но, воспользовавшись суматохой, они равнодушно, а может быть не без иронии, сказали апостолу: «*об этом послушаем тебя в другое время*» (Деян. 17:32), и конечно не старались уловить этого времени.

Смятение в собрании продолжалось. Видя невозможность дальнейшей проповеди, апостол вышел из ареопага. Скоро разошлось и все собрание, и каменные сиденья членов ареопага, столь же жесткие, как и их сердца, опять опустели. Итак, неужели бесплодно осталось слово апостола? – Нет, живо и действенно слово Божие: оно глубоко запало в сердца некоторых из присутствовавших и принесло свой плод. «*Некоторые мужи, пристав к Павлу уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними*» (Деян. 17:34). Это был первый трофей Евангелия в центре философского язычества. Такова была первая встреча Евангелия с языческою философией. Уже при первой встрече с ним дотоле непреоборимая владычица умов смущилась и сразу

почувствовала грозную для себя силу неведомого пришельца. Но, смутившись, она не захотела сразу преклонить пред ним своего знамени. Еще целых пять веков она усиливалась поддерживать свое знамя во имя язычества и мудрости его: но червь времени неустанно точил древко этого знамени, и оно наконец рухнуло, склонившись к подножию креста.

Из Афин ап. Павел отправился в Коринф. При тогдашнем состоянии это был еще более знаменитый город, чем Афины, так как он именно считался главною римскою резиденцией Греции. Омываемый двумя морями, с одной стороны Ионийским и с другой – Эгейским, Коринф соединял в себе пышную роскошь Азии с культурой Европы. С самой глубокой древности он славился своими искусствами и науками. Разрушенный в 146 г. до Р. Х. римским полководцем Муммием, он вновь построен был Цезарем и сделался столицей Ахеи, и к этому времени опять достиг своего прежнего блеска. Его прекрасный климат, богатства, стягивавшиеся с востока и запада, громадный наплыв иностранцев и купцов, все это содействовало чрезвычайной изнеженности и вместе распущенности нравов, которую известен был Коринф не только по всей Греции, но и по всему миру. Бесстыдный кульп Афродиты находился там в полном процветании, и «коринфский образ жизни» вошел даже в пословицу для обозначения самой необузданной распущенности. Рядом с утонченным богатством уживалась самая жалкая бедность, которая тоже заражена была господствующими пороками, и народная масса Коринфа представляла собою ту страшную бездну безотрадного падения, до которой только может доходить человек. Чтобы основать Церковь Христову в этом царстве греха и развращения, требовалось не только богоизбранное слово такого проповедника, каким был ап. Павел, но и явно высшая помощь, нравственное чудо.

С своею проповедью ап. Павел обращался здесь уже не к высшим образованным классам, которые в Афинах достаточно обнаружили свою закоснелость в мнимой философской мудрости, а к тем жалким подонкам общества, которые более всего нуждались в утешении Евангелия. Деятельность его

началась среди мелких ремесленных классов, состоявших отчасти из иудеев, и первыми плодами проповеди было обращение к вере семейства Акилы и Прискиллы, которые, бежав из Рима вследствие указа императора Клавдия об изгнании иудеев, прибыли в Коринф и начали заниматься скромным ремеслом – делания палаток. Обращение этого семейства было великим благом для апостола. Он подружился с ними на всю жизнь, нашел у них помещение и даже работал вместе с ними, добывая себе этим насущный хлеб. По субботам он занимался проповедью в иудейской синагоге и приобрел еще нескольких последователей, и между ними Криспа, начальника синагоги. Но так как иудеи Коринфа вообще враждебно отнеслись к апостолу, то он, «*отрясши одежды свои, сказал: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам*» (Деян. 18:6). С этого времени он оставил синагогу и исключительно обращался с проповедью к язычникам, среди которых и имел значительный успех. Среди обращенных язычников были известные впоследствии Гай и Стефан, отличавшиеся истинно христианским гостеприимством и любвеобильною благотворительностью (Рим. 16:23; 1Кор. 16:15–17). Местом своих собраний апостол избрал дом некоего Иуста, находившийся подле синагоги, и там был первый храм молитвы и собраний коринфских христиан. Враждебное отношение иудеев на время привело было апостола в уныние, и он хотел прекратить свою проповедь; но дух его подкреплен был ночным видением Господа, который сказал ему: «*Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто тебе не сделает зла; потому что у Меня много людей в этом городе*» (Деян 18:9–10). Это видение успокоило и ободрило апостола, и он оставался в Коринфе полтора года, поучая его жителей слову Божию.

Но злоба иудеев не ослабевала и с течением времени распалялась до неистовства, особенно когда они видели свое бессилие выстоять против неотразимых доводов апостола, разрушавших самые кровные их убеждения и надежды. Они воспользовались первым случаем, чтобы только отомстить ненавистному проповеднику. В это время в Аханию назначен был

новый проконсул, Галлион, брат знаменитого философа Сенеки, и подобно ему – человек в высшей степени просвещенный и гуманный. Пользуясь его неопытностью и рассчитывая на некоторую безнаказанность, иудеи произвели мятеж, схватили ап. Павла и поволокли его на площадь, требуя от проконсула суда над ним по обвинению в том, что он «учит людей чтить Бога не по закону» (Деян. 18:13). Хотя император Клавдий и изгнал иудеев из Рима, но их религия была все-таки *religio licita*, то есть дозволеною со стороны государства; но религия «этого человека», как настаивали они, хотя и могла сходить под названием иудейства, была совсем не иудейством. Это была фальшивая подделка под иудейство и, направляясь против Моисеева закона, тем самым становилась *religio illicita*, недозволенной религией. Таково было обвинение, на котором с гвалтом настаивали иудеи, и лишь только оно выяснилось, ап. Павел готов был выступить на самозащиту. Но Галлион не намерен был утруждать себя выслушиванием этой беспорядочной процедуры. Вполне зная и уважая существующие законы и, вместе с тем, отличаясь чисто римскою нелюбовью к льстивопримирительному языку и еще более тем римским высокомерием к народу, который он, подобно своему брату, вероятно ненавидел и презирал, он прекратил все это дело заявлением, что их обвинение против Павла, как нарушителя Моисеева или вообще какого бы то ни было закона, какой только он мог признавать, было крайне безосновательно. «Если бы тут было какое-нибудь гражданское преступление или против нравственное действие, то я имел бы причину вникнуть в дело и выслушать вас, но когда дело идет об учении, о простых именах и о вашем законе, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом» (Деян. 18:14–15). Потушив таким образом дело, Галлион приказал ликторам очистить суд, что они и сделали с примерным усердием, «прогнав их из судилища» (Деян. 18:16). Такой оборот дела ободрил городскую чернь, которая давно уже ненавидела иудеев за их отщепенство и бесчеловечное ростовщичество, и вот она схватила главного иудейского вожака, Сосфена, начальника синагоги, и тут же пред судилищем, на глазах Галлиона, подвергла его

беспощадным побоям, и это был вполне заслуженный урок их собственному буйству и изуверству.

После нанесения такого удара иудейской дерзости, для ап. Павла наступил период продолжительного покоя, и он в течение его продолжал не только проповедывать слово Божие в самом Коринфе, но и наблюдать за состоянием церквей в других городах. Его сотрудники то и дело посещали окрестные церкви и доносили ему о их религиозно-нравственном состоянии. Среди некоторых юных церквей, оставшихся без руководительства в вере, возникали различные недоумения, для разрешения которых требовалось авторитетное слово самого апостола; но так как сам он занят был проповедью в Коринфе, требовавшем его постоянного личного присутствия, то он для назидания других церквей прибег к тому способу, который впоследствии пробрел громадное значение для Церкви, именно к письменности. И в Коринфе именно написаны им были первые послания. Поводом к ним был слух, дошедший до него из Фессалоники, что там среди христиан возникли недоумения касательно второго пришествия Господня и воскресения мертвых, и вот в разъяснение этих недоумений апостол и написал одно за другим два послания, известные под названием «первого и второго посланий к Фессалоникам». Так как написание этих посланий требовало значительного труда, то апостол обыкновенно не сам писал их, а диктовал писцу, и собственноручно прибавлял лишь заключительное приветствие, которое и служило для христиан доказательством подлинности посланий. Так положено было начало богодохновенным посланиям апостола народов.

Устроив все дела в Коринфе, апостол наконец оставил его, чтобы посетить Иерусалим к предстоявшему великому празднику Пятидесятницы. При отбытии из Коринфа он принял на себя обет назорейства и вместе с Акилой и Прискиллой отплыли в Ефес, знаменитый порт Средиземного моря, находившийся в постоянных торговых сношениях с Коринфом. Благочестивая чета осталась в Ефесе, где она могла рассчитывать на хороший заработок, а апостол отправился далее в Кесарию и Иерусалим, и оттуда поспешил в Антиохию.

Там он, среди своих возлюбленных собратий, провел несколько дней мира и радости, столь необходимых для него после перенесенных трудов и пережитых потрясений.

XXXIX. Третье миссионерское путешествие ап. Павла. Пребывание в Ефесе. Послания к Галатам и Коринфянам. Мятеж в Ефесе

Но такой неутомимый деятель, каким был апостол Павел, не мог долго наслаждаться покоем. Его манил простор широкой деятельности, хотя бы и, сопряженной с необычайными трудами и опасностями, и он, чувствуя на себе обязанность пастырского руководительства основанных им многочисленных церквей, за несколько дней отдыха составил план третьего великого миссионерского путешествия, именно с целью посетить все основанные им церкви. И вот он, «проведши в Антиохии несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников» (Деян. 18:23). В Галатии он сделал распоряжение, чтобы по воскресным дням производились сборы милостыни в пользу бедных Иерусалима, и затем, обойдя окрестные церкви, направился в Ефес, который и избран был им на этот раз центром его апостольской деятельности. И лучше этого нельзя было избрать города, из которого бы Евангелие легко могло распространяться по всей Азии.

Ефес, как столица древней Ионии, был очагом той знаменитой ионийской цивилизации, которая по пересаждении ее в Грецию нашла высшее развитие в Афинах. Находясь неподалеку от залива Средиземного моря, между Смирной и Милетом, Ефес был тем знаменитым городом, где встречались между собой восток и запад, Азия и Европа, и множество торговых кораблей совершали постоянные рейсы между ним и Коринфом. Но несмотря на прилив в него западных воззрений, он сохранял с необычайною верностью религию древних азиатских богов, и самым почитаемым божеством его была Артемида. Это была известная азиатская Астарта, лишь под греческим названием, и культ ее, как основывавшейся на боготворении грубых производительных сил природы, отличался самою необузданною распущенностью. Храм ефесской Артемиды славился во всем мире и считался одним из чудесъ

света. Сожженный Геростратом, он вновь построен был с еще большим великолепием, так что своею славою Артемида затеняла другие божества Азии. Так как храм этот пользовался правом убежища, то около него обыкновенно собиралось все преступное и грязное, и это, вместе с развращающим влиянием самого культа, делало Ефес одним из самых развращенных городов мира. Подобно Коринфу, он был одним из самых больших городов языческого мира, и в нем встречались и уживались всевозможным религии и идеи. Как и в других больших городах, в нем была и синагога иудейская, а рядом с ней уживались и такие школы, которые представляли собою нечто среднее между иудейством и христианством; была наприм. школа учеников Иоанна Крестителя, которые, приняв его проповедь покаяния, считали ее окончательною и составили особую общину. Разнообразие религиозных школ и общин содействовало чрезвычайному возбуждению религиозной мысли и в иудейской синагоге часто выступали проповедники, блиставшие красноречием и силою своей проповеди. Особенно замечательным был из них Аполлос, который, будучи родом из Александрии и получив воспитание в ее знаменитых философско-религиозных школах, приводил слушателей синагоги в восторг своими проповедями. Особенностью его учения было то, что он под влияниемalexандрийских ученых, считая обычный взгляд на ветхозаветную иудейскую религию слишком грубым, старался примирить ее с философией и поэтому давал библейским сказаниям символический смысл. Вместе с тем он по-видимому уже имел некоторые сведения и о христианском учении, из которого он также заимствовал некоторые части. Вообще это был человек чрезвычайно образованный, глубокий знаток Св. Писания и высокодаровитый оратор. Во время отсутствия ап. Павла он познакомился с Акилой и Прискиллой и, ближе познакомившись от них с христианством, совершенно склонился на его сторону и затем решил отправиться в Коринф. Обрадовавшись приобретению для церкви такого славного проповедника и заметив, как его проповедническая деятельность могла бы быть полезна среди тонких и развитых греков, они написали для него

рекомендательное письмо к коринфским старейшинам. В Коринфе его красноречие произвело громадное впечатление, и он сделался крепкой опорой для собратий. Он с таким искусством воспользовался проповедью ап. Павла, насколько он мог познакомиться с нею из бесед с Прискиллой и Акилой, что в своих публичных спорах с враждебными иудеями с непреодолимою силою, на основании их собственного Писания, довязывал мессианство Христа и таким образом был сколько приятен христианам, столько же страшен для иудеев. Он поливал то, что насадил ап. Павел.

Ап. Павел прибыл в Ефес уже по отбытии Аполлона и по обычай сделался постоянным посетителем синагоги, где он также проповедывал Евангелие. Тут он прежде всего обратился к тем, которые были подготовлены к христианству блестящими проповедями Аполлона, а затем и вообще стал проповедывать истины христианства иудеям. Так как он преподавал христианство не под заманчивой философской формой, а во всей его простоте и прямоте, то естественно проповедь его возбудила неприязнь среди закоснелых иудеев, и дело дошло до того, что апостол после трехмесячного труда нашел себя вынужденным оставить синагогу и нанял для собраний своих учеников и слушателей школу некоего Тиранна, одного из языческих софистов, которых было в то время много в Ефесе. Это новое место богослужебного собрания дало апостолу возможность видеть своих собратий ежедневно, между тем как в синагоге это было возможно лишь три раза в неделю. Его труды и проповедничество не остались без успеха. В течение целых двух лет Ефес служил для него центром миссионерской деятельности, и так как слава его проповеди начала распространяться повсюду, то он несомненно сам предпринимал небольшие путешествия по окрестным местам, так что, по свидетельству св. Луки: «все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Эллины» (Деян. 19:10). В самом Ефесе слава о нем достигла необычайной степени – особенно вследствие великих чудес, «которые Бог творил руками Павла» (Деян. 19:11). Даже платки и опоясания его имели целебную силу, и слава о нем распространилась

настолько, что многие из иудейских заклинателей, занимавшихся волшебством и всевозможными притчаниями (такими заклинателями переполнен был суеверный Ефес), стали завидовать ему. Один из них, Скева, попытался подражать ему, в надежде, что, употребляя мало понятное ему имя Иисуса, он будет так же успешно совершать чудеса, как их совершал ап. Павел. Но двое из его сыновей, занимавшихся заклинаниями, потерпели полную неудачу, которая повела к полному искоренению подобного шарлатанства в Ефесе. Их позвали для совершения заклинания над человеком, который очевидно страдал буйным беснованием. Обращаясь к злым духам, они воскликнули: «заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует» (Деян. 19:13). На этот раз однако же заклинание не имело силы. Бесноватый с злую усмешкой ответил им: «Иисуса я знаю, и Павел мне известен, а вы кто такие?» (Деян. 19:15) и затем, бросившись на них, с неимоверною силою изорвал на них одежду и нанес им такие побои, что они едва вырвались из дома – избитые и нагие. Столь замечательное событие не могло остаться незамеченным. Молва о нем с быстрой молнией разнеслась среди болтливых ефесян и произвела немало ужаса и смущения, следствием чего было одно чрезвычайно благотворное событие. Оказалось, что в Ефесе заклинаниями занимались не только язычники, но и некоторые из новообращенных христиан. Устрашенные происшедшим, они откровенно раскаялись в своем грехе и в доказательство искренности своего покаяния принесли свои дорогие каббалистические книги, служившие для них орудием их ремесла, и публично сожгли их. Это тайное чернокнижие практиковалось в таких широких размерах, что ценность книг, сожженных таким образом чернокнижниками в порыве покаяния, восходила до пятидесяти тысяч драхм серебра, что составит не менее 12,500 рублей золотом. Этот необычайный костер, который наверно продолжался довольно значительное время, был столь поразительным обличием господствующего легковерия, что это несомненно было одним из обстоятельств, которые придали проповедничеству ап. Павла столь обширную известность по всей Азии.

Во время своего двухлетнего пребывания в Ефесе апостол не только проповедывал устно, но и письменно. Чрез своих сотрудников он вел постоянные сношения с различными церквами, и в назидание двух из них, именно коринфской и галатийской, он написал два послания, известные под названием «послания в Галатам» и «первого послания к Коринфянам». Первое из них было вызвано печальным слухом, что галаты, с такою охотою принявшие веру от ап. Павла по своему обычному легкомыслию увлеклись другими проповедниками, именно иудействующими противниками апостола. Последние с целью разрушить дело ненавистного им апостола, стали так заманчиво изображать галатам преимущества сынов Авраама, что у них явилось даже желание «быть под законом» (Гал. 4:21). Вместе с тем в их душах был подорван и самый авторитет ап. Павла. Чтобы предостеречь их от этого опасного заблуждения, апостол и написал им послание, в котором с изумительной ясностью выставляет преимущества Нового Завета над Ветхим и говорит, что сыны Авраама не те, что ведут плотскую родословную от него, а именно верующие во Христа (Гал. 3:7,29). В защиту своего апостольства он напомнил им о своем необычайном обращении, присовокупив при этом, что проповедуемое им Евангелие не есть человеческое, ибо он «принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал. 1:11, 12). Послание к Коринфянам вызвано было совершенно иными обстоятельствами. До апостола дошел печальный слух, что коринфские христиане, нарушив братское единение, поделились на несколько партий и на подобие греческих школ, носивших имя того или другого софиста, одни считали себя последователями Павла, другие – Аполлоса, третьи – Кифы и некоторые Христа. Некоторые из братий дошли до такого заблуждения, что стали отрицать воскресение мертвых. Вторглась в среду церкви и нравственная распущенность, которую вообще отличался Коринф, и община терпела в своей среде одного гнусного грешника, от которого с омерзением отвращались даже язычники. Все эти нестроения и заставили апостола обратиться к Коринфянам с обширным посланием, в

котором он с апостольскою властью увещевал их оставить свои разделения, так как за всех их распался один и тот-же Христос, а все остальные проповедники лишь простые служители слова: они насаждают и поливают, но возвращает Бог. «*Посему и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий*» (1Кор. 3:7). Источником этих разделений была умственная гордость коринфян, и апостол напомнил им, что для них как христиан земная мудрость должна стоять уже на втором плане, «*потому что немудрое Божие премудрее человеков*» (1Кор. 1:25). Оправдывая затем заблуждение тех, которые отрицали воскресение мертвых, и повелев строго наказать тяжкого грешника, апостол делает целый ряд наставлений по различным вопросам церковно-общественной жизни и заключил собственноручно любвеобильным приветствием: «*Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь*» (1Кор. 16:23–24).

По истечении двух лет, апостол, считая свое дело в Ефесе законченным, составил план дальнейшего путешествия. Он предполагал после Пятидесятницы оставить Ефес, чтобы еще раз посетить церкви Македонии и Ахали, основанные им во время второго путешествия, и отплыть из Коринфа для пятого посещения Иерусалима, после которого уже он надеялся увидеть и Рим, великую столицу тогдашнего цивилизованного мира. Сообразно с этим планом он уже отправил двух из своих сотрудников, Тимофея и обращенного им в Ефесе Ераста, в Македонию с повелением им присоединиться опять к нему в Коринфе. Ераст, бывший казначей города, был человеком влиятельным и потому лучше всего мог позаботиться как о приготовлениях к приему апостола, так и о приведении в исполнение еженедельных сборов, которыми в это время сильно занят был ап. Павел. Посещение Иерусалима делалось необходимым в видах доставления бедствующим христианам этого города милостыни, которую апостол теперь собирал среди основанных ими церквей из язычников. Но план этот расстроен был одним событием, которое подвергло самую жизнь апостола страшной опасности и ускорило его отбытие из Ефеса.

Наступил май месяц, в котором в Ефесе бывала знаменитая ярмарка Ефесия, ознаменовывавшаяся целыми рядами празднества, посвященных Артемиде. Во время этих празднеств деревянное изображение богини, по народному сказанию сошедшее с неба, выставлялось в храме на всеобщее поклонение. В течение целого месяца город был переполнен народом, стекавшимся из всех окружающих стран, и стоном стонал от всякого рода дикований. Пышные и нарядные процесии постоянно двигались к храму, жрецы и разные заклинатели пожинали богатую жатву на ниве народного суеверия; устраивались всевозможные увеселения и игры, и все это сопровождалось самым диким пьянством и разгулом. При таких обстоятельствах неизбежны были и взрывы народного фанатизма, которыми часто ознаменовывались торжества в Ефесе. Тоже самое случилось и теперь. В этом году замечалось видимое уменьшение бесшабашного разгула вовремя Ефесии, и причина этого упадка была вполне известна. Не только в Ефесе, но и во всех главных городах проконсульской Асии был возбужден глубокий интерес проповедничеством некоего Павла, который в самой столице идолопоклонства, как известно, спокойно проповедывал, что те, когдa сделаны человеческими руками, совсем не боги. Много народа склонилось к принятию этой проповеди; еще более было таких, которые по крайней мере под влиянием ее стали равнодушно относиться к бессмысленной обрядности и причитаниям, и даже к храмам и идолам. Следствием этого было то, что в Ефесе *«произошел не малый мятеж против пути Господня»* (Деян. 19:23). Павел и его проповедь, «братья» и их собрания – были у всех на языке, и не мало ропщущих проклятий произносилось против них жрецами и жрицами, а также и сотнями приживалок, собирающихся вокруг всякого большого учреждения. Наконец это худо скрываемое озлобление прорвалось наружу. Более всего убытков понес от уменьшения благоговения к богине и ее святыни некий серебряных дел мастер, по имени Димитрий, который продавал поклонникам маленькие серебряные модели храма и изображения в память посещения ими Ефеса и его храма. Да и не только в Ефесе, но и в каждом знаменитом

центре языческого культа спрос на эти вещи вызывал большое предложение их со стороны промышленников. Димитрий нашел, что его промышленность начинает подрываться, и он, прикрываясь ревностью к храму и богине, решился, насколько это было возможно для него, принять меры с целью остановить грозящее ему разорение. Созвав на собрание всех художников и простых рабочих, занимавшихся этим ремеслом, он обратился к ним с речью, в которой сначала возбудил их страсти предостережением о грозящем им разорении, а затем взывал к их дремлющему фанатизму об отмщении за оскорбленное величие их храма и упадающее великолепие богини, которую-де боготворила вся Асия и весь мир. Речь эта была как бы искрой для горючего материала. Среди слушателей раздался яростный крик: «*Велика Артемида Ефесская!*» (Деян. 19:28) и по всему городу началось смятение. Пылая мщением к главному виновнику понесенных убытков, мятежные художники и ремесленники хотели схватить самого ап. Павла, но не найдя его лично, схватили двух его сотрудников Гая и Аристарха, и повлекли их в театр – на отмщение и поругание толпы. Узнав об опасности своих возлюбленных сотрудников, апостол хотел сам идти в театр, чтобы пожертвовать собою; но власти города удержали его, так как опасались усиления народного смятения. Смятение это грозило опасностью побоища не только христианам, но и иудеям, которых народ не различал от христиан. Чтобы отвратить эту опасность, из среды иудеев выступил некий Александр, попытавшийся обратиться к толпе с речью, что иудеи отнюдь не повинны в этом деле. Но лишь только толпа разглядела иудейские черты оратора, как заглушила его речь яростным криком: «*велика Артемида Ефесская!*» (Деян. 19:34) и готова была приступить к одному из тех ужасных побоищ, которые не раз претерпевались иудеями в Александрии и других больших городах востока. Опасность была страшная, но к счастью она отвращена была мужеством городского блюстителя порядка, пользовавшегося общим уважением населения. Пренебрегая всякою личною опасностью, он смело выступил пред лицо разъяренной толпы и обратился к ней с спокойною, но внушительною речью, которая образумила

толпу. «Ефесяне! воскликнул он: какой человек не знает, что Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета? Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными, и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемиды не обокрали, ни богини вашей не хулили. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания, и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сбоще» (Деян. 19:35–40). Речь эта сразу произвела поразительное действие. Смятение прекратилось. Умная речь всеми уважаемого человека заставила толпу раскаяться в своем неразумном мяте же и испугаться его возможных последствий, как это намекнул в своей речи блюститель порядка, попеременно действовавший лестью, запугиванием, вразумлением и успокоением. Она живо напомнила им, что так как Асия была сенаторскою, а не императорскою провинцией и управлялась поэтому проконсулом с несколькими чиновниками, а не пропретором с легионом солдат, то они сами были ответственны за сохранение доброго порядка и наверно были бы сочтены виновниками нарушения спокойствия. День беспорядка мог на целые годы невыгодно отозваться на их привилегиях. Да и вообще такое смятение со стороны ефесян было (как доказывал блюститель порядка) недостойным, так как величие их храма не подвергалось никакому оскорблению; оно не оправдывалось ничем, так как нельзя было ничего доказать против этих лиц; оно было излишне, так как под рукой были и другие более законные средства для возмездия им; наконец, если ни гордость, ни справедливость не могли повлиять на них, то по крайней мере страх римлян мог воздержать их. Народ крайне устыдился своего поступка, и блюститель порядка получил возможность распустить его из театра.

Таким образом опасность для христиан и иудеев была отвращена на время, но лично для ап. Павла дальнейшее

пребывание в городе сделалось невозможным, так как одного появления его достаточно было бы для нового воспламенения дикого фанатизма ефесян. Поэтому он поспешил оставить город и направился в Македонию.

XL. По пути в Македонию. Второе послание к Коринфянам. В Коринфе. Послание к Римлянам. Состояние римской церкви

По оставлении Ефеса ап. Павел направился в Троаду. Незадолго пред тем он отправил одного из своих юных спутников, именно Тита, в Коринф, чтобы чрез него убедиться, какое действие произвело там его первое послание, и велел ему прибыть к нему на встречу в Троаду. Но напрасно прождав его там, апостол наконец решил сам посетить церкви Македонии. Он нашел их в цветущем состоянии, видел их преданность себе, твердость в вере, закаленную гонениями, и готовность содействовать сбору милостыни в пользу бедствующих христиан Палестины. Все это было великим утешением для апостола после испытанных им огорчений и невзгод. Наконец к нему присоединился и Тит, и передал ему о том спасительном действий, которое произвело его послание к коринфянам. Беспорядки исчезли, преданность апостолу усилилась, и вообще наступило видимое улучшение в церковно-религиозной и нравственной жизни Коринфа, хотя и не совсем еще восстановилось полное спокойствие. Враги апостола пытались набросить тень сомнения на самое право апостольства Павла, – но это уже была бессильная злоба, не имевшая для себя достаточной почвы. Чтобы еще более посодействовать восстановлению мира в Коринфской церкви, ап. Павел написал второе послание к Коринфянам, в котором изложил чувства радости по случаю умиротворения церкви и преподал целый ряд новых наставлений по различным вопросам. В этом послании между прочим апостол подтвердил свои права на апостольство, указал на перенесенные и переносимые им бедствия и страдания за Христа, а также упомянул о том, какой крест дан ему Христом на всю жизнь, чтобы он не превозносился, именно «жalo в плоть, ангел сатаны» (2Кор. 12:7). Это «жalo в плоть», как уже сказано было выше, вероятнее всего была глазная болезнь, от которой апостол страдал постоянно, и она становилась иногда столь

мучительною, что лишала его всякой возможности деятельности и вынуждала обращаться к Богу с слезной молитвой об облегчении. «*Трижды молил я Господа о том, говорить апостол, чтобы удалил его от меня; но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моеей, ибо сила Моя совершается в немощи*» (2Кор. 12:8–9). И как бы в подтверждение этого апостол только что пред тем рассказал о том необычайном откровении, которого он некогда удостоился, именно, когда он был восхищен до третьего неба, в рай, и «*слышал неизреченные слова, которых человеку невозможно пересказать*» (2Кор. 12:4). Это откровение ему было вскоре после обращения его, и с того времени он своею неутомимою, по истине геройскою деятельностью вполне оправдал свое избрание, потрудившись и перенеся за дело Христово даже больше всевозможных бедствий и страданий, чем другие апостолы. Как служитель Христов, он, по его собственным словам, гораздо более «*был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день прибыль в глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, чато в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе*» (2Кор. 11:23–27). Пред таким величаем апостольских трудов должен был смолкнуть язык самых ярых его врагов, и в Коринфе водворился мир, так что когда апостол прибыл туда, община приняла его с распластертыми объятиями.

В Коринфе апостол встретил большинство своих возлюбленнейших соработников – Тимофея, Тита, Аристарха, Луку и многих других, в сообществе с которыми он провел три месяца, устраивая дела церкви и вместе наблюдая за состоянием окрестных и македонских церквей. Коринф находился в частых сношениях с столицей мира Римом, и

апостол невольно лелеял в себе мысль побывать там, чтобы и там возвестить Евангелие Христово, именно в центре языческого мира. Но обстоятельства не давали ему возможности предпринять теперь же это великое путешествие, тем более, что апостолу известно было, что там уже существовала христианская церковь, и он не хотел строить на чужом основании. Поэтому апостол на время ограничился заочными сношениями с римскою церковью, через посредство собратий–христиан, которым по различным делам приходилось совершать путешествие между тремя главнейшими центрами мировой торговли – Ефесом, Коринфом и Римом.

Неизвестно, когда собственно христианство проникло на берега Италии и в Рим. Но можно с вероятностью думать, что Евангелие впервые занесено было туда некоторыми из тех иудеев и прозелитов из Рима, которые в день Пятидесятницы и сошествия Св. Духа слышали богоодновенную речь ап. Петра в Иерусалиме. Иудеев было много в Риме, особенно с того времени, когда Помпей значительное число их после завоевания Палестины переселил в столицу мира. Там они не замедлили обнаружить ту изумительную самопомощь и изворотливость, какою уже отличались в то время среди других народов. В рабы они не годились и не принимались, скоро добились своего освобождения и начали быстро размножаться и богатеть. Дружеские отношения, существовавшие между Августом и Иродом Великим, еще более содействовали улучшению их положения, и на заре христианской эры они уже настолько признавались составной частью римского населения с правами и собственною религией, что политически мудрый император отвел им особый квартал за Тибром, который они и занимали в течение последующих веков. Из мрачных переулков этого квартала они ходили продавать серные спички, старое платье и разбитую посуду, а также выходили на Цестиев или Фабрициев мосты просить милостыню и предсказывать судьбу. Скоро они размножились до того, что стали внушать опасения правительству, и императоры не раз издавали указы об изгнании их из столицы. Один из таких указов, именно указ Клавдия (Деян. 18:2), повел к дружбе ап. Павла с Акилой и

Прискиллой, и его вероятно можно отожествлять с той мерой, о которой упоминает Светоний в знаменитом месте, где он говорит об «Impulsor Chrestus» («мятежник Хрест», как неправильно римляне произносили имя Христа). Если так, то почти несомненно, что христиане не были отделены от иудеев в этом общем несчастии, причиненном их мессианскими разногласиями. Но, как признает Тацит, говоря о попытке изгнать астрологов из Италии, эти меры вообще были бесполезны. Иудеи, оставив на время Рим, скоро опять возвращались в него. Их подпольный прозелитизм даже уже в царствование Нерона получил столь сильное развитие, что Сенека, отзывавшийся об иудеях как «самом дурном народе в мире», свидетельствует о их необычайном распространении. Поэтому, когда ап. Павел писал свое послание к Римлянам, иудеи, несмотря на неотмененный еще указ Клавдия, данный только шесть лет пред тем, составляли уже настолько большую общину, что опять были предметом беспокойства императорского правительства. На большие праздники они массами отправлялись в Иерусалим, соединяя с этим часто и торговые предприятия, и вот там именно некоторые из них слышали проповедь ап. Петра и сделались первыми благовестниками Евангелия в столице мира. Этим самым нисровергается верование римской церкви, что основателем христианства в Риме был ап. Петр. Предание это, как известно, расширено было впоследствии даже до того, что ап. Петр признавался первым епископом Рима, где будто бы он епископствовал двадцать пять лет. Но подобное предание не находить никакой опоры в истории, которая напротив может допустить лишь одно, что ап. Петр потерпел в Риме мученическую кончину, одновременно с ап. Павлом. Такое начало христианства в Риме вместе с тем дает возможность понять, каков был первоначальный состав римской церкви. Сначала она состояла из иудеев и прозелитов, но затем в нее стали вступать и многие из язычников, так что языческий элемент скоро сделался даже преобладающим. Но этот языческий элемент состоял не столько из самих римлян, сколько из греков, которых было много в Риме и которые скорее

примкнули к христианской церкви, чем высокомерные римляне. Потому-то в заключительной главе послания ап. Павла к римлянам так много лиц с греческими именами. Но эти имена принадлежат большею частью к средним и низшим классам общества. Христианство находило себе сначала приверженцев не среди богатых и знатных, а среди мелких торговцев и промышленников, среди воинов, рабов и отпущенников императорского дворца и той челяди, которая ютилась в густо населенных «голубятнях» (*columbaria*), как назывались в Римеnochлажные дома и жилища бедного рабочего люда. Среди личных друзей апостола в это время в Риме находились известные Акила и Прискилла, которые после временного отсутствия опять возвратились для заработка в Рим, где их дом был местом собраний для верующих. Как вообще велика была римская церковь по составу входивших в нее членов, об этом можно судить потому, что во время Неронова гонения их погибло там, по свидетельству Тацита, «великое множество». На это указывает также то обстоятельство, что в заключительной главе послания к Римлянам апостол посыпает приветствие поименно двадцати шести лицам, т. е. таким лицам, которые по своему положению в церкви требовали личного упоминания. Многие из них приветствуются апостолом как знакомые ему, сотрудники и сродники, и это объясняется тем, что многие из обращенных апостолом христиан оказались впоследствии в Риме и усилили собою римскую церковь, успевшую скоро пробести такую известность среди других церквей, что о вере ее членов «возвещалось во всем мире» (Рим. 1:8).

К этой-то церкви в самой столице тогдашнего мира и обратился ап. Павел с посланием, которое по глубине богословской мысли и высоте богодохновенного откровения истины христианства занимает справедливо первое место среди посланий великого апостола язычников. Много могло быть у него побуждений к этому. Как апостолу язычников, ему конечно хотелось лично возвестить Евангелие в том центре мира, из которого лучи христианского благовестия лучше всего могли распространяться по всему миру, так что проповедь там

могла бы быть естественным завершением проповеди языческому миру вообще; и так как обстоятельства пока не позволяли ему предпринять такого далекого путешествия, то он и ограничился письменным изложением своего благовестия. Но могли быть и другая более частные причины. Между двумя классами, составлявшими римскую церковь, по-видимому возникли споры о преимуществе, как это случалось почти везде, где только иудеи сходились с язычниками. Так как основателями церкви были иудеи, то естественно они старались занять первенствующее положение в ней и конечно опирались при этом на свое звание как избранного народа, которому дан был закон и все обетования. Закону они стали придавать такое значение, что без него не признавали возможности спасения или оправдания перед Богом. С другой стороны, язычники, протестуя против такого притязания, заявляли, что они имели свой закон нравственный, который достаточен был для подготовления их к принятию в церковь, что их мудрецы были не менее богодухновенны, как и ветхозаветные пророки. То и другое притязание было очевидно опасным заблуждением, и пока дело не дошло до открытого разрыва, апостол и поспешил разъяснить им великую истину спасения. Прежде всего он обратился к язычникам и доказал им, что их мнение, будто естественного закона нравственности достаточно в известном смысле для спасения, неосновательно, и это доказывалось тем самым обстоятельством, что языческий мир к этому времени пришел в состояние ужасающего нравственного падения. Достаточно было взглянуть на те ужасы нравственного тлена, которые ярче и бесстыднее всего выступали именно в Риме, чтобы видеть, как неосновательно было это положение язычников. Ужасная картина той бездны безнравственности, которую изображал апостол в первой главе своего послания к Римлянам (1:24–32), и должна была служить опровержением их неосновательных притязаний. С другой стороны неосновательны были и притязания иудеев. Хотя на их стороне большое преимущество уже в том отношении, что им именно «вверено было слово Божие» (Рим. 3:2); но одного этого недостаточно для спасения. Нужно оправдать это доверие

Божие. А отсюда «*не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, а от Бога»* (Рим. 2:28, 29). Одним словом, так как и иудеи и эллины одинаково находятся в рабстве греху, то и оправдание становится возможными ни в силу закона или обрезания, ни в силу естественного разума, но в силу единой спасающей веры во Христа, – такой веры, которая по своей жизненности способна устраниТЬ всякий вопрос о законе и о добрых делаХ, так как они сами являются неизбежно как плоды на здоровом и исполненном жизненных соков дереве. В таком то именно смысле «*человек оправдывается верою, независимо от дел закона*» (Рим. 3:28). Затем апостол подробно развивает эту основную мысль, подтверждая ее примерами и цитатами из Св. Писания, и, изложив ряд назидательных истин, заключает всевозможными благожеланиями и приветствиями римским христианам, вместе с выражением желания лично побывать в знаменитой столице мира. Писцом послания был сотрудник апостола Тертий, а отправлено оно было с Фивой, диаконисой церкви Кенхрейской, около Коринфа. Представляя последнюю римским христианам, апостол просит их принять ее как прилично святым и помочь ей, в чем она будет нуждаться; «*ибо, добавляет он, и она была помощницею многим и мне самому*» (Рим. 16:1,2).

XLI. По пути в Иерусалим. Воскресное богослужение в Троаде. Беседа в Милете с ефесскими пресвитерами. В Тире и Кесарии

Закончив свое служение в Коринфе и собрав значительную милостыню для бедствующих христиан св. города, ап. Павел решился еще раз побывать в Иерусалиме, именно к празднику Пасхи. Он хотел прямо отплыть из Коринфа на корабле в Сирию, но накануне отплытия сотрудниками его открыт был низкий заговор со стороны иудеев, имевший целью погубить апостола во время морского пути, что очень легко было для них вследствие связей с матросами и прямого подкупа их. Поэтому ап. Павел вынужден был отправиться сухим путем через Македонию, в сопровождении своих друзей и сослужителей, и Пасху провел в Филиппах в мирном и любвеобильном кругу своих учеников и сотрудников, среди которых опять был и летописец его деятельности св. Лука. Затем уже он отплыл в Асию и остановился на недельный отдых в Троаде.

В этом городе случилось одно событие, показывающее, что у христиан в это время были уже правильные богослужебные собрания по воскресным дням. Накануне отбытия апостола было вечернее собрание, на котором присутствовала вся церковь Троадская, собравшаяся в последний раз послушать сладостной беседы великого проповедника. Собрание было в одной из горниц, т. е. тех верхних комнат третьего этажа, которые были самым прохладным и приятным отдалением дома на востоке. Горница пылала светильниками, и из уст апостола лилась богодохновенная беседа, продолжавшаяся до полночи, и все в безмолвном благоговении слушали ее. На подоконнике одного из открытых окон, затворки которого были настежь открыты для доступа прохладного морского ветерка, сидел юноша, по имени Евтих. Время было очень позднее, беседа необыкновенно затянулась, предметы, о которых шла речь, вероятно превосходили его разумение. Хотя он сидел в самом приятном месте комнаты, где мог пользоваться свободным доступом свежего воздуха, однако же жар от людного собрания

и свет многих светильников, а также непрерывный поток речи проповедника совершило усыпили Евтиха. Незаметно для других он начал опускаться, отяжелевшая голова упала на грудь, и затем с криком ужаса он свалился в окно и упал с третьего этажа вниз на двор. Произошло общее смятение, и раздались крики, которыми сразу был прерван голос проповедника; некоторые из собравшихся бросились вниз по лестнице, чтобы посмотреть, что случилось. Бедный юноша лежал без чувств и поднят был замертво. Крик ужаса вырвался у окружающих; но «Павел, сошедши вниз, пал на него, и, обнимая его руками, сказал: не беспокойтесь, потому что его жизнь в нем» ([Деян. 20:10](#)). Утишив этим замечанием возбуждение, он оставил юношу под благотворным влиянием покоя и тишины, а также быть может и доброй заботливости диаконис и других присутствующих женщин; потому что повествование просто прибавляет, что апостол опять пошел вверх и после «преломления хлеба» (как называлось евхаристическое священное действие) и совершения трапезы, которая, после называлась агапой, он продолжал беседовать с собранием до рассвета дня и затем вышел. Тем временем Евтих вполне оправился, и его привели живого – очевидно в верхнюю комнату, и не мало утешились все.

На следующее утро апостол отправился с своими спутниками в дальнейший путь и чрез насколько дней они прибыли в Милет. Так как корабль должен был простоять там насколько времени, то апостол воспользовался этим обстоятельством, чтобы повидаться и побеседовать не только с местными христианами, но и с пресвитерами церкви буйного Ефеса. С этой целью он послал вестника в Ефес, отстоявший верст на пятьдесят от Милета, чтобы они прибыли повидаться с ним. Пресвiterы радостно воспользовались случаем еще раз повидать своего великого архиастыря и прибыли к нему в Милет на следующий же день, который был вероятно воскресенье. Этот день он провел в их обществе, и прежде чем расстаться с ними, обратился к ним с речью, в которой глубоко трогательными чертами изобразил свою деятельность в Ефесе. «Вы знаете, сказал он, – как я с первого дня, в который

пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлению Иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам ни проповедал бы и чему ни учил бы вас всенародно и по домам, возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершил поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне вот я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию. Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онprobрел Себе Кровию Свою. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуите, памятуя, что я три года, ночь и день, непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал, сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили (и при этом он протянул пред ними свои тонкие, истощенные трудом руки) руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:18–35). Эта речь, которая так ярко изображает неутомимое трудолюбие, глубокое смижение, полнейшую самоотверженность его апостольского служения, произвела на всех глубокое

впечатление. Он закончил свою беседу среди взрыва плача, и когда они прощались с ним, тревожась за его будущее, тревожась и за свое собственное будущее, то все склонили свои головы к нему на шею и горячо целовали его, огорченные особенно его замечанием, что они уже никогда не увидят его как видели доселе, никогда не будут больше смотреть на дорогое им лицо своего учителя, который столько вынес ради их и которого они так любили. Если ап. Павел возбуждал к себе сильную ненависть в своих противниках, то вместе с тем он также вдохновлял к себе и самую сильную любовь и привязанность. Он должен был, по буквальному выражению св. Луки (Деян. 21:1), вырваться от них. Печальные и подавляемые разными мрачными предчувствиями, они пошли с ним к кораблю, который в это время ожидал его, и можно быть уверенным, что ап. Павел горько плакал, когда он вступал на палубу корабля, и в свою очередь на берегу плач собратий раздавался до тех пор, пока паруса не слились в неясное белое пятно на далеком горизонте и пресвитеры ефесские с тяжелым сердцем возвратились назад, чтобы еще раз, уже без всякой надежды на помощь от своего духовного отца, встретить испытание, ожидавшее их в городе Артемиды.

Корабль благополучно прибыль в Патару, и оттуда апостол, пересев на другой корабль, шедший в Финикию, отправился в знаменитый своею морскою торговлею Тир. Там было насколько христиан, и с ними апостол прибыл семь дней. Любвеобильные и преданные апостолу братья получили особое внушение свыше о предстоявшей апостолу опасности в Иерусалиме и просили его, чтобы он оставил свое намерение и не ходил в Иерусалим. И сам апостол имел предчувствие об опасности, но во всем полагался на высший Промысл, и чрез неделю оставил Тир, напутствуемый слезами и молитвами местных собратий, которые с женами и детьми провожали своего великого учителя. Проплы whole на корабле до Птолемаиды, апостол с своими сотрудниками направился сухим путем в Кесарию. Там он пробыл насколько дней, и это были последние счастливые дни той свободы, которую он наслаждался дотоле. Богу угодно было освежить его дух кратким промежутком радостного

общения и покоя. В Кесарии они гостили у того, кто был связан с ап. Павлом тесными узами глубочайшего сочувствия, именно у Филиппа евангелиста. Будучи подобно ему просвещенным еленистом, диакон Филипп, как известно, был одним из первых, кто выказал апостолу Павлу то сочувствие и ясное понимание, без которых было бы невозможно самое дело апостола народов. Это был Филипп, который благовествовал ненавистным самарянам и имел смелость крестить ефиопского евнуха. Судьба этих двух благородных тружеников была тесно связана между собой. Яростное гонение Савла фарисея и было главной причиной, которая повела к рассеянию церкви Иерусалимской и таким образом видоизменила назначение семи диаконов. Вследствие бегства от этого именно гонения изменилась деятельность Филиппа. С другой стороны эта новая деятельность началась именно тем, что составляло задачу всей жизни Павла апостола. Когда ап. Павел и Филипп беседовали между собою в эти немногие драгоценные часы, они могли перебрать в своей душе много трогательных воспоминаний о тех днях, когда свет небесный, некогда сиявший на лице Стефана, обращенном к небу в агонии мученичества, предзнаменовательным огнем отразился также и на лице юноши, имя которого было Савл. И помимо общения мыслей и воспоминаний, ап. Павел во время пребывания своего в доме Филиппа мог пользоваться нежным уходом четырех дочерей его, которые, воспитавшись под благотворным влиянием своего отца, посвятили себя на девственную жизнь и на служение Евангелию.

В Кесарии ап. Павел получил новое предостережение об угрожавшей ему опасности. Сюда прибыль из Иудеи пророк Агав и, приняв символический образ древних пророков, подошел к ап. Павлу, развязал пояс, которым подвязан был его хитон, и, связывая им себе руки и ноги, сказал: «так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников» (*Деян. 21:11*). Собратья уже и сами знали о связанной с предстоящим посещением опасности, но они еще не имели доселе столь определенного извещения об этом, равно как и не предвидели, чтобы

иудейское нападение могло окончиться римским тюремным заключением. Услышав это, сотоварищи ап. Павла усердно просили его, чтобы он остался в Кесарии, а они одни отправятся в Иерусалим и доставят приношение от языческих церквей; и даже члены Кесарийской церкви присоединили свои слезные мольбы к мольбам его возлюбленных сотоварищей, упрашивая его не идти на явную опасность. Но апостол был непреклонен. «*Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?*» сказал он им – «я не только хочу быть узником, но готов и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян. 21:13). Тогда всем стало ясно, что дальнейшие упрашивания были бы мучительны для него и вместе бесполезны. Поэтому они успокоились и отерли свои слезы, говоря: «*да будет воля Господня*» (Деян. 21:14).

XLII. Ап. Павел в Иерусалиме. Мятеж в храме. Арест апостола и отправление его в Кесарию. На суде Феликса

Наступал праздник Пятидесятницы, и к нему то теперь поспешал ап. Павел. В Иерусалим по обычаю собралось множество народа, так что не без труда можно было найти помещение. Но оно найдено было в доме некоего Мнасона Кипрянина, одного из ранних учеников, и под его-то кровом апостол мог найти отдых после столь долгого путешествия. Братья приняли великого апостола с радостью, и на другой день состоялось торжественное собрание христиан под председательством Иакова, брата Господня, и там апостол Павел, «приветствовав их, рассказал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его» (Деян. 21:19). Тогда собрание, выслушав его, «прославило Бога» (Деян. 21:20), но в то же время нашло себя вынужденным предупредить апостола об угрожающей ему опасности. В Иерусалиме было много уже уверовавших иудеев, целые тысячи, считая с теми, которые отовсюду прибыли на праздник, «и все они были ревнителями закона» (Деян. 21:20). Они очевидно принадлежали к той многочисленной партии, которая считала закон необходимым для спасения, по крайней мере собственно для уверовавших иудеев, и поэтому подозрительно относились к проповеди ап. Павла о том, что закон уже потерял свое значение. Народная молва об этой проповеди доходила до них в искаженном виде, и в Иерусалиме все наслышались о том, что апостол «учил иудеев, живущих среди язычников, отступлению от Моисеева закона, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих, не поступали по отеческим обычаям» (Деян. 21:21). Этот слух, поддерживаемый и раздуваемый врагами апостола, настроил против него всех палестинских и особенно иерусалимских иудеев-христиан настолько враждебно, что самое появление его в святом городе было небезопасно. Но если уже он явился, то нужно было как-нибудь опровергнуть ложный слух и доказать всенародно неосновательность его. Собрание посоветовало ап.

Павлу с этою целью исполнить обряд назорейства и взять на себя издержки четырех других лиц из христиан-иудеев, также принявших на себя обет, но неимевших достаточно средств для покрытия всех необходимых при этом обряде расходов. «Тогда узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь исполнять закон» (Деян. 21:24). Опасность действительно была большая. Народ, раздраженный несправедливым притеснением римлян, находился в крайнем возбуждении и готов был излить свое недовольство на первом, кто только мог возбудить его подозрение. Вследствие этого апостол согласился на предложение и в течение семи дней совершал в храме обряд назорейства вместе с другими четырьмя собратьями, расходы которых он взял на себя. Вот уже был последний день обряда, и казалось, все окончится благополучно, как вдруг сразу все изменилось, и апостол едва не сделался жертвой народного изверства.

Среди огромной толпы богомольцев на дворах храма появилось насколько иудеев из Ефеса и других городов Асии. Когда они увидели знакомого им апостола, то тотчас же запылали огнем яростного фанатизма. В лице его они увидели страшного богоотступника, который учил «отступлению от Моисеева закона» и теперь осмеливался своим присутствием осквернять пределы народной святыни. Известие о его присутствии мгновенно распространилось по возбужденной толпе богомольцев и чернь заволновалась. Дикие азиаты бросились на апостола и неистово кричали: «*мужи израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; при этом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие*» (Деян. 21:28). С ап. Павлом было насколько обращенных им греков, которых будто бы апостол и брал с собою в храм и тем, по мнению мятежников, осквернил его. Иудеи чрезвычайно ревниво оберегали свою святыню от вторжения иноплеменников и иноверцев, так что существовала даже особая «стена разделения», на которой надпись на греческом и латинском языках гласила, что: «*никто из чужеземцев не должен вступать за эту стену под страхом смерти*». Тут таким образом представлялся великолепный

случай для должного отмщения отступнику, который учил отступлению. Толпа бросилась на ап. Павла и крик «на помошь!» разносился повсюду по улицам. Защищаться было невозможно. Но ап. Павла спасла святость места и бдительность римской стражи. Когда буяны, чтобы не осквернить храма кровию, поволокли апостола за его пределы, римский сотник, стоявший на страже в башне Антонии, заметил народное смятение и, опасаясь бунта, тотчас же отправил к Лисию, коменданту башни, с известием о случившемся. Лисий быстро явился на место происшествия с отрядом воинов и избавил апостола от рук его разъяренных врагов. Взяв его под стражу, Лисий обратился к нему с вопросом, «*кто он такой и что сделал*» (Деян. 21:33). В ответ поднялись в толпе такие беспорядочные крики, что ничего нельзя было разобрать, и отчаявшись достигнуть чего-нибудь определенного при таком положении дела, Лисий приказал вести апостола в казармы. Но лишь только он успел подняться на лестницы, ведущие на вершину здания и затем в крепость, как чернь, опасаясь, что она будет лишена удовольствия совершить свое мщение, сделала на него новое нападение с дикими криками «*смерть ему!*» (Деян. 21:36) и ап. Павел, будучи не в силах от полученных побоев идти сам, взят был солдатами на руки и унесен из толпы. Он был избавлен от участия быть разорванным на куски главным образом тем, что Лисий держал его вблизи себя. И когда спасший его отряд уже готов был вступить в казармы, ап. Павел обратился к Лисию по греческий: «*можно ли мне сказать тебе нечто?*» – «*Ты знаешь по-гречески?*» (Деян. 21:37) удивленно спросил комендант; «*так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?*» (Деян. 21:38). Этот неизвестный египтянин незадолго перед тем произвел большой мятеж, подавление которого потребовало немало усилий со стороны римлян. Хотя мятежники были разбиты и казнены, но сам египтянин скрылся, и теперь у Лисия явилось невольное предположение при виде ап. Павла, не он ли этот египтянин. «*Нет*», отвечал Павел, «*я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города;*

прошу тебя, позволь мне говорить к народу» (Деян. 21:39). Такая смелость со стороны человека, который только что спасен был от неминуемой смерти от рук этого самого народа, поразила Лисия, и он позволил ему обратиться к народу с объяснением. Апостол смело выступил вперед, дал знак рукою о своем желании говорить, и когда наступила тишина, он на еврейском языке обратился к народу с длинною речью, которую начал словами: «*Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание пред вами»* (Деян. 22:1). Народ, заслышив еврейскую речь, еще более стих, и апостол подробно рассказал историю своей жизни и обращения. Речь была вдохновенна и поражала своим красноречием, — но изуверство не преклонилось и перед такою речью. Лишь только апостол в своем рассказе дошел до сообщения о том, что он в видении получил повеление идти с проповедью к язычникам, как вся чернь опять заволновалась. Слово «язычники», подтверждая их подозрения, опять воспламенило их фанатизм. Лишь только он произнес его, как поднялся страшный крик: «*истреби от земли такого, ибо ему не должно жить!*» (Деян. 22:22). Восточная чернь, обезумев от бессильной ярости, выла, гоготала, проклинала, скрежетала зубами, размахивала руками, рвала на себе одежды, бросала пригоршнями пыль в воздух, сопровождая все это самыми дикими телодвижениями, к каким только способен необузданный фанатизм. Но ап. Павел был недоступен для неистовой ярости иудеев. У них доставало смелости потрясать воздух своими отчаянными и дикими криками и делать двор храма как бы убежищем толпы сумасшедших, но они не осмеливались броситься на выставленное против них острие римских мечей. В страшном возбуждении Лисий приказал увести узника в казармы и подвергнуть его пытке посредством бичевания, так как совершенно не понимая того, что говорил ап. Павел, он хотел узнать, что именно он сделал для возбуждения этих яростных криков. Воины тотчас же связали ему руки, раздели его донаага и согнули его в положение той страшной и часто роковой пытки, которой недалеко от этого самого места некогда подвергался и Спаситель. Три раза уже пред тем ап. Павел переносил розги

римских ликторов; пять раз он подвергался иудейскому бичеванию по сорока ударов без одного. Здесь предстоял новый вид муки, именно от бича, который римляне употребляли для принуждения посредством пытки к сознанию в истине. Но на этот раз ап. Павел, не потеряв самообладания даже в крайности, возразил против приказания. Он смело заявил, что он римский гражданин и свободен от телесного наказания. Это заявление привело в смущение и самого Лисия, который мог опасаться неприятностей себе, если бы апостол принес жалобу на обращение с ним, и он постарался поскорее сдать узника на суд синедриону, чтобы избавиться от всякой ответственности по этому, очевидно скорее религиозному, чем гражданскому делу.

Собрался синедрион, на который введен был Лисием узник – ап. Павел. Председателем синедриона был первосвященник Анания. Это был такой же высокомерный, преданный миру и маловерный саддукея, как и другие из ехиднина дома Анны, но он еще превосходил их своею жестокостью и ненасытною алчностью. С алчным бессердечием и жадностью он доводил низших священников почти до голодной смерти, лишая их принадлежащих им десятин, и вообще был таким хищником, что посыпал своих слуг с дубинами на гумна для забирания десятин силою. Должность первосвященника он занимал в течение периода, который по этим смутным временам был необыкновенно продолжителен, хотя и прерывался его отсутствием, когда он в качестве узника отправлен был в Рим отвечать за свои преступные действия. При этом случае, благодаря низким проискам, он по-видимому выиграл свое дело; но впоследствии был низложен, и лишь немногие пожалели о нем, когда он был вытащен из водосточной трубы, куда он спрятался, и был убит разъяренными мятежниками. И вот под предводительством такого-то первосвященника и заседал синедрион, собравшийся судить апостола. С детства привыкши благоговейно относиться к верховному судилищу народа и к его главе, апостол верил в его правосудие и хотел в речи объяснить свое положение. Став в обычное положение оратора, он начал свою речь словами: «*мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня*» (Деян. 23:1). Но

едва апостол высказал первое положение своей защитительной речи, как Анания с безобразною противозаконностью приказал приставам суда бить его по устам. Пораженный столь вопиющим оскорблением, столь незаслуженным насилием, ап. Павел устыдился за верховное судилище своего народа и, не стерпев столь грубого попрания всякой справедливости, воскликнул: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Как ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закона велишь бить меня?» (Деян. 23:3). Присутствующие по-видимому изумлены были смелостью укора ап. Павла и сказали ему: «Первосвященника Божия поносишь?» (Деян. 23:4). Гнев апостола иссяк в этом мгновенном взрыве, и он тотчас же извинился с достоинством и самообладанием. «Я не знал, братия», сказал он, «что он первосвященник», прибавляя к этому, что если бы он знал это, то не обратился бы к нему с укорительным названием «стены подбеленной», потому что он всегда поступал по наставлению св. Писания: «начальствующего в роде твоем не злословь» (Деян. 23:5).

Когда улеглось вызванное этим случаем смятение, началось разбирательство дела, и сразу же оказалось, что члены синедриона по-прежнему главным образом разделялись на две партии: саддукейских священников и фарисейских старейшин и книжников. Последнее были популярны и многочисленны, а первые богаты и могущественны. Ап. Павлу хорошо было известно, что эти две партии находились между собою в непримиримой вражде, которая смолкла только в присутствии предмета общей ненависти. Он знал также, что одним из главных предметов спора между ними был вопрос касательно невидимого мира и жизни за гробом. Видя поэтому, что он не встретит в этом суде ни справедливости, ни милосердия, он решил бросить между ними яблоко раздора, и, среди вавилонского смешения языков, закричал: «мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мёртвых меня судят!» (Деян. 23:6). Такое заявление тотчас же заставило фарисеев стать на его сторону, и они схватились с своими злейшими врагами – саддукеями и их главою первосвященником Ананией, который был так нелюбим

фарисеями, что столетие спустя все еще ходили среди них рассказы о его насилиях и алчности. Тотчас же поднялся страшный шум гневных голосов, и книжники, которые держали сторону фарисеев, все поднялись для того, чтобы объявить ап. Павла невинным. «*Ничего худого мы не находим в этом человеке; если же Дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу»* (Деян. 23:9). Иудеи, даже эти знатные иерархи и раввины, опять выказали полную неспособность к самообладанию. Даже в священных пределах синедриона последовало столь сильное смятение, что ап. Павлу еще раз грозила опасность быть разорванным на куски, и на этот раз притом руками ученых и знатных лиц. Лисий, более и более изумляясь буйности иудеев, которые сначала с таким единодушием напали на Павла в храме и половина которых в синедрионе по-видимому теперь боролась в его защиту, порешил не отдавать своего согражданина ожидающей его позорной участи и приказал воинам увести его из синедриона. И там, в казармах чужеземных завоевателей, Господь опять явился своему мужественному апостолу и сказал ему: «*дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме»* (Деян. 23:11).

Но жизнь апостола была небезопасна в Иерусалиме, даже под прикрытием римлян. На другой же день открылось, что против него составился со стороны фанатиков заговор, скреплённый клятвою. Фанатизм иудейский в это время находился в крайнем возбуждении, и всевозможными смутами и насилиями доведен был до болезненного исступления. Развелось множество тайных убийц или так называемых сикариев, которые готовы были вонзить кинжал во всякого, кто только казался опасным для народа, его веры или политических прав. И теперь сорок человек поклялись не есть и не пить, пока они не убьют ап. Павла. Узнав об этом отчаянном заговоре, Лисий тайно и под сильным военным прикрытием отправил узника в Кесарию, к своему начальнику, прокуратору Феликсу, с формальным отношением об узнике и его деле. Феликс был отпущенником императора Клавдия и принадлежал к тем прославившимся своею низостью и алчностью Римским

администраторам, которые добивались своих должностей низкой лестью и подкупом и пользовались своим положением для постыдной наживы на счет вверенных их управлению областей. По свидетельству римского историка Тацита, Феликс был в одно и то же время распутный и жестокий, свои почти царские обязанности исполнял с духом раба. Чтобы закрепить за собою положение в Иудее, он женился на Друзилле, дочери Ирода Агриппы, и считая себя безнаказанным, он грабил и всячески оскорблял иудеев, но зато и должен был постоянно бороться с страшными мятежами, поднимавшимися то сикариями и разбойниками, то ложными миссиями. Иудеи ненавидели его, и он ненавидел их. От такого человека нельзя было ожидать справедливости, но так как апостол был римский гражданин, то это одно и могло служить залогом того, что прокуратор станет на его сторону против ненавистных ему старейшин иудейских.

Для разбирательства дела Феликс вызвал членов синедриона в Кесарию. Хотя такое путешествие и не особенно приятно было членам верховного судилища, но нельзя было обойти его, и в Кесарию отправился и сам первосвященник Анания, с целью во что бы тони стало отомстить человеку, который назвал его «стеной подбеленной». Для большего успеха в деле иудеи наняли даже особого адвоката, Тертулла, и повели дело самым формальным образом. После обычного допроса свидетелей начались судебные речи, и первое слово было предоставлено Тертуллу. Наговорив много льстивых любезностей Феликсу, Тертулл стал обвинять узника, во-первых, в том, что он был общественною язвою, жившую возбуждением раздоров между иудеями по всему миру, во-вторых, что он был коновод назаретской ереси; и в-третьих, что он пытался осквернить храм. Вследствие этого-то именно иудеи схватили его и хотели судить согласно с своим собственным законом, но Лисий насильственно вмешался в их дело и взял его из их рук, приказав его обвинителям явиться к прокуратору. Прокуратор, обратившись к Лисию, мог вполне удостовериться в истине этих обвинений. Когда речь кончилась, иудеи, за неимением настоящих свидетелей, одень за другим стали

говорить против ап. Павла, подтверждая истинность всего сказанного Тертуллом (Деян.24:1–8). Тогда прокуратор, уже достаточно убежденный, что это, как известил его Лисий, была какая-нибудь иудейская смута касательно мелочей Моисеева закона, надменно дал знак узнику, чтобы он сказал что-нибудь против обвинения. В своей речи ап. Павел просто и с достоинством заметил, что он мог защищать себя тем с большим удовольствием перед Феликсом, что последний был теперь прокуратором весьма значительное время и поэтому, вследствие своего знакомства с иудейскими делами, легко мог уяснить себе сущность дела. Он мог удостовериться, что прошло лишь двенадцать дней с праздника Пятидесятницы, на который апостол прибыл совсем не с мятежными целями, а просто помолиться в Иерусалим, и что в течение этого времени он не беседовал ни с кем и не имел случая привлекать толпы или производить возмущение ни в храме, ни в синагоге, ни в какой-либо части города. Поэтому он положительно опровергал первый и третий пункты обвинения и требовал от иудеев, чтобы они представили свидетелей в подтверждение их. Что касается до второго пункта, то он действительно принадлежит к особому обществу; но это такое же общество, как и то, к которому принадлежат они сами, так как он поклоняется Богу, поклоняться которому его, как иудея, учили с детства, открыто принимал все Св. Писание, верил, подобно большинству из них, в воскресение праведных и неправедных. Вследствие этой именно веры он всегда старался быть с чистою совестью как перед Богом, так и перед людьми. Пред тем он не был в Иерусалиме в течение пяти лет и, при возвращении с милостыней для бедных своего народа и с приношениями для храма, иудеи нашли его в храме, где он спокойно очищал себя по закону. В мятеже, который последовал затем, он неповинен. Он поднят был некоторыми азиатскими иудеями, которые должны бы присутствовать в качестве свидетелей и отсутствие которых было доказательством слабости обвинения против него. Но если нельзя было привести их в качестве свидетелей, то он требовал от самих обвинителей, чтобы они изложили результат своего суда над ним перед синедрионом, и доказали,

есть ли у них хотя одна улика против него, кроме его восклицания, сделанного им во время разбирательства его дела в синедрионе, что его судили по вопросу о воскресении из мертвых.

Обвинение, очевидно, оказывалось несостоятельным. Сделанное ап. Павлом изложение обстоятельств дела прямо противоречило единственному сделанному против него показанию. Разногласия в учении между иудеями и им никоим образом не могли послужить предметом судебного разбирательства, так как они касались вопросов, которые не подлежали ведению римского закона. Ап. Павлу не было надобности доказывать учение назарян или оправдывать себя в принятии его, так как в это время оно еще не было объявлено *religio illicita* (религией недозволенной). Феликс вполне сознавал это. Он имел гораздо более точное знание об этом учении, чем иудеи и их нанятый адвокат. Он не хотел передать Павла синедриону, что могло бы быть опасным и было бы несомненно несправедливым; но в тоже время он не хотел и оскорблять этих влиятельных лиц. Поэтому он отложил разбирательство дела и именно на основании отсутствия Лисия, который мог бы быть важным свидетелем в деле, обещая дать свое окончательное решение, лишь только последний прибудет в Кесарию.

Ап. Павел был отведен под стражу, но Феликс дал особое приказание сотнику, чтобы стража не была к нему жестокою и чтобы друзьям его позволялся свободный доступ в его тюрьму. С своей стороны Феликс был так заинтересован узником, что призывал его потом к себе, чтобы показать его и своей жене Друзилле. Апостол не преминул воспользоваться этим обстоятельством, чтобы обратиться к Феликсу с строгими обличениями за его неправды. Совесть прокуратора была тронута и он хотел даже совсем освободить узника, если бы ап. Павел понял его намек и обещал дать ему взятку. Так как апостол не имел денег, да и не хотел искать освобождения столь низкими средствами, то и должен был в течете двух лет томиться в римской тюрьме в Кесарии. Но и самого Феликса скоро постигла заслуженная участь. Через год после

заключения апостола в тюрьму в Кесарии произошла кровопролитная схватка между греками и иудеями, и так как победа осталась на стороне иудеев, которые решились жестоко отомстить своим врагам, то Феликс выслал против них свое войско и произвел страшное избиение их. По жалобе на него в Рим, он был отзван с своей должности и с целью выпутаться из затруднения должен был истратить большую часть своего неправедно приобретенного богатства. На его место в Кесарию прокуратором был назначен Порций Фест, при котором опять и рассматривалось дело ап. Павла.

XLIII. Разбирательство дела ап. Павла перед Фестом. Ап. Павел и Агриппа II. Апелляция к кесарю. Путешествие в Рим и кораблекрушение

Новый прокуратор был человек более достойный и справедливый, и на первых же порах заявил себя быстрою распорядительностью и деловитостью. Он прибыл в Палестину около месяца августа и чрез три дня по своему прибытии в Кесарию прямо отправился в Иерусалим. Одним из первых вопросов, с которыми он должен был встретиться, было дело ап. Павла. Двухлетнее тюремное заключение, воспрепятствовавшее осуществлению злого умысла иудеев, не могло подавить в них смертельной ненависти к человеку, который свободным предложением Евангелия язычникам давал в их глазах одно из самых роковых предзнаменований угрожающего им падения. Страшное побоище на площади рынка между иудеями и сирийскими греками, послужившее причиной отставки Феликса, оставило после себя неискоренимую вражду, и кесарийские иудеи единодушно требовали немедленного наказания ап. Павла. Когда Фест прибыл в Иерусалим, то его встретили с воплем о том же, и смерть Павла требовалась не только чернью, но и депутатиями главнейших представителей Иерусалима, предвидимых Измаилом Бен-Фаби, новым первосвященником.

Иудеи всегда со свойственною им ловкостью пользовались неопытностью всякого вновь прибывшего к ним правителя, с целью по возможности настроить его в свою пользу, пока он еще не успел освоиться с своим положением и естественно хотел произвести на всех благоприятное впечатление. Но Фест не принадлежал к числу тех низких и слабохарактерных прокураторов, которые готовы были совершить преступление, лишь бы приобрести популярность. Палестинские иудеи скоро нашли, что им приходилось иметь дело с человеком, который отнюдь не склонен был потворствовать им. Народ, во главе с своими иерархами, просил его, в качестве первой милости им, не исключать дело ап. Павла из их ведения, но привести узника

в Иерусалим, чтобы еще раз подвергнуть его суду синедриона, на котором будут приняты все меры к тому, чтобы он не мог увернуться от этого суда при помощи возбуждения богословских распрай между ними. В действительности эти обрядники, гораздо менее смущавшиеся убийством, чем церемониальным осквернением, уже позаботились о том, что если Фест согласится на их просьбу, то их наемные убийцы немедленно покончат с ап. Павлом еще на дороге. Фест однако же проник в их злые умыслы и уклонился от согласия на их просьбу, под благовидным предлогом, что так как ап. Павел теперь находится в Кесарии, то он немедленно возвратится туда и вполне выслушает их жалобы. Так как иудеи продолжали настаивать на своей просьбе, то Фест дал им высокомерный и чисто римский ответ, что у римлян не в обычай жертвовать жизнью личности в пользу ее обвинителей и что поэтому он должен поставить обвиняемого на личную ставку с обвинителями и дать обвиняемому полную возможность самозащиты. Первосвященник с своими соучастниками, находя, что они ничего не могли выиграть ни запугиванием Феста, ни лестью ему, должны были еще раз ограничиться составлением наиболее влиятельной депутации для того, чтобы иметь успех в обвинении.

Чрез восемь или десять дней затем Фест возвратился во дворец в Кесарию и на следующий же день занял свое судейское место на трибунале для выслушания этого дела. Иудеи теперь уже нашли возможным обойтись без наемного адвоката и судопроизводство превратилось в сцену запальчивого шума, в котором ап. Павел на многие обвинения против него отвечал спокойным отрицанием. Иудеи, с шумом окружая судилище, повторяли свои обвинения его в ереси, святотатстве и измене; но так как против него не выступало ни одного свидетеля, то ап. Павлу ничего не оставалось, как вновь изложить обстоятельства дела. В это время иудеи по-видимому точнее определяли сущность обвинения, именно, что Павел возбуждал смуту в иудеях рассеяния, причем старались запугать Феста, как некогда запугали Пилата, именем кесаря (Деян. 25:8). Но Фест ясно видел, что имел перед собою

неподсудное ему дело, так как весь вопрос касался предмета, который входил в область иудейского богословия, и что если бы даже была хотя капля истины в иудейских обвинениях, все-таки ап. Павел не был виновен ни в чем таком, что бы приближалось к уголовному преступлению. Желая положить конец этой сцене (а для достоинства благовоспитанного римлянина ничего не могло быть противнее этих воюющих физиономий, сверкающих глаз и злобных выкриков презренных жидов), Фест спросил ап. Павла, желает ли он идти в Иерусалим и подвергнуться суду синедриона под его покровительством. Практически – это было предложение перенести дело от римской юрисдикции к иудейской. Но ап. Павел очень хорошо знал, что он гораздо более мог рассчитывать на справедливость в руках римлян, чем в руках иудеев, преступления которых теперь приводили к гибели самый Иерусалим. Иудейские суды постоянно и с яростью обвиняли его; языческие трибуналы с такими судьями, как Галлион, Лисий, Феликс, Фест, даже такое чудовище, как Нерон, всегда признавали его невинным. Но ему уже надоели эти отсрочки, это яростное повторение клеветы, которую уже он опроверг десять раз; ему надоело быть яблоком раздора для взаимной вражды, равно как надоели и произвольные капризы областных правителей. Скучные казармы Кесарии для пламенной ревности Павла были столь же ужасны, как и мрачная тюрьма Жахер для свободной души Иоанна Крестителя, и он жаждал выйти из этого томительного состояния. Он видел, что ему нечего было больше ожидать от первосвященников или прокураторов, и поэтому он воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы избавиться от всего этого. Как римский гражданин он имел одно важное преимущество, именно то право обращения к кесарю, которое было одним из высших преимуществ римского народа. Ему стоило только произнести слово «appello» и на время должны были смолкнуть все враги, жаждавшие его крови. Он решил воспользоваться этим правом. Прокуратор был лишь тенью кесаря. Его предложение по-видимому было добросовестно, но ап. Павел предвидел его последствия. «Я стою», сказал он, «пред судом кесаревым, где мне и следует

быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо если я не прав и сделал что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть: а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им», и затем он воскликнул: «требую суда Кесарева» (Деян. 25:10–11) (Caesarem appello). Заявление это сразу должно было положить конец всему судопроизводству, и прокуратор утвердил это требование, торжественно произнеся: «ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян. 25:12). Таким образом великому апостолу народов скоро предстояло отправиться в столицу мира, куда он уже давно стремился духом, но отправиться – в узах.

Но прежде чем отправиться в Рим, ап. Павел имел случай провозгласить истину христианства пред блестящим собранием главнейших представителей иудейского и языческого мира, именно по случаю прибытия в Кесарию Агриппы II. Этот царек, последний из Иродов, прибыль с своей сестрой Вереникой в Кесарию для заявления своего почтения новому прокуратору. Это была любезность, которой нельзя было опустить без ущерба для себя, и поэтому они последовательно делали подобные же визиты каждому новому прокуратору. Царская власть Агриппы, при тогдашнем ее положении, зависела не от народной поддержки, а просто и единственno от воли императора; поэтому «иудейские царьки» подобострастно пресмыкались даже перед римскими прокураторами. Во время этого-то визита Агриппы Фест обратил внимание своего высокого гостя на затруднительное дело узника Павла. Он рассказал Агриппе о той яности, которая возбуждалась во всем иудейском народе при одном упоминании имени этого человека и о бесплодности результатов только что законченного суда. Как бы иудеи ни старались исказить сущность дела, ясно было, что она состояла в тонкостях Моисеева закона, а также в вопросе «о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив» (Деян. 25:19), и вообще в предметах, которые не входили в юрисдикцию Феста. Агриппа выразил согласие «послушать этого человека» (Деян. 25:22), и Фест на следующий же день позаботился об удовлетворении желания

царька. Он приказал приготовить для этого случая особое помещение и пригласил всех главных начальников войска и главнейших обывателей города. Ироды любили зрелища, и Фест удовлетворил их страсть величественным церемониалом. Он несомненно явился в своем пурпурном плаще, с полной свитой ликторов и телохранителей, которые с оружием в руках стояли позади золочёных кресел, поставленных для него и его высоких гостей. Св. Лука ясно говорит, что Агриппа и Вереника торжественно вступили в преторию: она несомненно в блеске всех своих драгоценностей, а он в своем пурпурном одеянии, оба с золотыми коронками на головах, и в сопровождении большой свиты во всей роскоши восточного одеяния. Когда введен был в это блестящее собрание ап. Павел, то по изложении Фестом сущности дела Агриппа важно сказал апостолу: «позволяется тебе говорить за себя» (Деян. 26:1). Окинув собрание своим проницательным взглядом, апостол, протянув руку по обычаю древних ораторов, начал речь замечанием, что он был особенно счастлив делать свою защиту пред царем Агриппой, потому что этот князь получил от своего отца (усердие которого в исполнении закона как писанного, так и устного, было всем известно) тщательное воспитание во всем, касающемся иудейской религии и обрядности, и поэтому не мог не чувствовать интереса к вопросу, в котором он был столь компетентным судьей. Поэтому он просил терпеливо выслушать его и еще раз изложил известную историю своего обращения из строгого и изуверного фарисея к вере, заявив, что мессианская надежда его народа уже действительно исполнилась в лице того Иисуса Назарянина, последователей Которого он сначала яростно гнал, но Который, лично открыв ему славу Свою, привел его к познанию, что Он воскрес из мертвых. Почему эта вера могла бы казаться неправдоподобною и его слушателям? Такою она сначала была и для него самого; но как он мог противостоять личному свидетельству самого Христа? И как он мог не повиноваться небесному голосу, Который послал его открыть глаза как иудеям, так и язычникам, чтобы они могли обратиться от тьмы к свету и от силы сатаны к Богу, чтобы по вере в Иисуса они могли принять отпущение грехов и часть со

святыми? Он не был непослушен этому велению. В Дамаске, в Иерусалиме, по всей Иудее и впоследствии среди язычников он был проповедником покаяния и обращения к Богу, а также и соответствующей этому жизни. Вот почему иудеи схватили его в храме и хотели разорвать его в куски; но в этой, как и во всякой другой опасности, Бог пришел к нему на помощь, и свидетельство, которое он приносил малым и великим, не было ни богохульством, ни богоотступничеством, а простой истиной, прямо согласной с учением Моисея и пророков, что именно Мессия должен был подвергнуться страданиям и что из Его воскресения из мертвых должен воссиять свет для просвещения как язычников, так и его народа. Апостол был увлечен потоком богодохновенного красноречия, но для Феста все это казалось столь необычайным и чудовищным, что он не вытерпел и прервал оратора грубым замечанием: «безумствуешь ты, Павел! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия» (Деян. 26:24). Это неожиданное восклицание остановило величественный поток красноречия апостола, но оно не ослабило его изысканной вежливости. «Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла» (Деян. 26:25). Но не Фест был главным лицом, к которому была обращена речь апостола, и притом он едва ли и мог понять подобные доводы. Иное дело Агриппа. Он читал Моисея и пророков и от множества свидетелей слышал по крайней мере о тех событиях, на которые указывал Павел. К нему поэтому апостол обратился с доказательством своего совершенного здравомыслия. «Ибо, сказал он, знает об этом царь, пред которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило» (Деян. 26:26). И затем, желая продолжить нить своей аргументации в том самом пункте, где она была прервана и где могла быть наиболее поразительной для иудея, он спросил: «Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь» (Деян. 26:27). Но Агриппе не хотелось вмешиваться в это рассуждение, а тем менее выразить свое согласие, и поэтому он нашел удобным уклониться от ответа полунасмешливым замечанием. «Ты

скоро, пожалуй, и меня сделаешь Христианином!» (Деян. 26:28) сказал он с полуподавленной улыбкой, и этим ловким изворотом придворной любезности уклонился от ответа на серьезный вопрос ап. Павла. Его изысканное замечание несомненно прозвучало очень остроумным для всего знатного собрания, и они с трудом могли подавить свой смех при одной мысли о том, что Агриппа, любимец Елавдия, друг Нерона, склонится к убеждению этого странного иудея! Чтобы Павел мог сделать царя христианином – это казалось слишком смешным. Но смех этот был тотчас же подавлен, когда апостол со всею пылкостью искренно любящего сердца воскликнул: «молил бы я Бога, чтобы скоро ли, долго ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме» – прибавил он, поднимая свою скованную руку, – «кроме этих уз» (Деян. 26:29). Они видели, что это был не простой узник; человек, который мог приводить такие доводы, как приводил он, и говорить так, как говорил он – очевидно был личностью, какой они еще никогда не видели или не знали ни в мире иудейства, ни в мире язычества. Но было бесполезно продолжать это зрелище. Любопытство теперь с достаточностью было удовлетворено, и теперь, более чем когда-либо, стало ясно, что хотя и можно считать Павла-узника мечтательным энтузиастом или восторженным фанатиком, но он никоим образом не был уголовным преступником. Царь, вставая с своего седалища, дал знак о прекращении заседания, и когда знатное собрание начало расходиться, то со всех сторон слышались замечания, что Павел не заслуживает смерти или даже заключения. Решение Агриппы было вполне в пользу его оправдания. «Этого человека», сказал он Фесту, «можно было бы освободить, если бы он не потребовал суда у кесаря» (Деян. 26:32). Решение этого дня спасло жизнь ап. Павлу еще на несколько лет.

Согласно заявлению ап. Павла, он вместе с другими подобными же узниками отправлен был на корабле в Рим, под римским конвоем, находившимся под командой сотника Юлия. Узникам пришлось плыть на одном из тех кораблей, которые снабжены пшеницей и другими хлебными произведениями всепожиравшую столицу мира – Рим. Была уже глубокая осень,

и время приближалось к закрытию навигации, и потому, когда корабль, борясь с противными ветрами, кое-как доплыл до так называемых Хороших Пристаней, на южном берегу о. Крита, неподалеку от города Ласеи, то ап. Павел, успевший и в печальном положении узника приобрести к себе уважение окружающих, советовал остаться здесь на зимовку, справедливо предостерегая от дальнейшего плавания в столь бурное время. Но неподалеку находился порт Феникс, – обычная зимняя стоянкаalexандрийских кораблей, – и потому капитану корабля захотелось непременно зимовать там, тем более, что при обыкновенных обстоятельствах для этого требовалось лишь несколько часов плавания. С капитаном согласился и сотник Юлий, и корабль действительно двинулся в путь.

Мягкий южный ветерок надул паруса, и все по-видимому предвещало счастливое плавание к месту предположенной зимовки в порте Феникс или, как он в русском переводе называется, Финик. Но увы – этот ветерок оказался как бы обманчивой песнью сирены, манившей корабль к себе для погибели. Лишь только они обогнули соседний мыс, как из ущелий критской Иды рванулся страшный ураган – Эвроклидон, который тотчас же захватил корабль и с дикой яростью повлек его за собой по грозно колыхающемуся морю, делая тщетными все усилия отважных моряков. Некоторое облегчение доставил было оказавшийся на пути островок Клавда, но тут представилась новая опасность стать на мель, за чем неизбежно последовала бы полная гибель. Все усилия поэтому употреблены были на то, чтобы как-нибудь отвратить эту опасность, что и удалось сделать, и корабль опять подхвачен был ураганом и с дикою силой понесся по безбрежному морю, и притом уже совсем в ином направлении от Финика. Свист и рев урагана, яростно рвавшего снасти и мачты, огромные свирепые валы, как щепку бросавшие грузный пшеничный корабль и обдававшие палубу пенистой холодной влагой, раздирающий скрип разламывающихся балок и скреп злополучного корабля – все это было страшным признаком предстоящего кораблекрушения. Скоро от разрыва балок открылась сильная

течь и, чтобы предотвратить полное крушение корабля, оказалось необходимым кое-как связать его канатами. Все, не исключая узников, а, следовательно, и ан. Павла, до изнеможения работали на водокачках; но вода все прибывала, и понадобилось выбрасывать груз, чтобы хоть сколько нибудь облегчить корабль. Несколько суток прошло так – страшных и мрачных; не видно было ни солнца, ни звезд, так что «исчезала, наконец, всякая надежда к спасению» (Деян. 27:20). Тринадцать дней так носились они по воле урагана, находя существенную поддержку в мужественном ободрении великого апостола. Наконец, на четырнадцатый день, при окружающем непроглядном сумраке ночи, чуткий слух моряков среди рева бури расслышал своеобразный шум берегового прибоя. Они, очевидно, были недалеко от берега, – но где, и не разлетится ли сейчас вдребезги злополучный корабль, со всею силою наскочив на скалистый утес? Отчаяние придало новые силы матросам, которые однако же теперь больше заботились уже о собственном спасении и, сдержав корабль брошенными якорями, сами захотели обманным образом сесть на спасательную лодку и выбраться на берег, оставив корабль его собственной злополучной судьбе, которая бы скоро и постигла его, если бы воины, по совету ап. Павла, не помешали выполнению их бесчеловечного плана. С рассветом дня действительно показался берег, на отлогую часть которого путешественники и направили свой полуразрушенный корабль; но далеко не доходя до берега, он носом врезался в песок, «а корма разбивалась силою волн» (Деян. 27:41). Оставалось одно спасение – бросаться в воду и всякими средствами – вплавь, на досках и других осколках разбитого корабля – пробираться к берегу. Но что делать с узниками? Не воспользуются ли они этим случаем для побега? А за каждого узника воины отвечали своею жизнью. В отчаянии они порешили лучше убить их на палубе, чтобы освободиться от дальнейшей ответственности, и они несомненно исполнили бы свое намерение, если бы благородный сотник Юлий, видимо понявший все величие и благородство ап. Павла, свою властью не отвратил этого кровавого замысла. Кое-как все перебрались на пустынный

берег и там около наскоро и общими усилиями сложенного костра, насквозь промокшие, иззябшие и голодные крушенники отогревали свои закоченевшие члены. Дым от костра привлек туземных жителей, которые и объяснили, что это был остров Мелит (ныне Мальта). Таким образом ураган унес их на 900 верст дальше порта Финик, и вследствие окончательной гибели корабля им пришлось перезимовать по необходимости на этом именно острове Средиземного моря.

Остров Мелит в то время находился в зависимости от Сицилии и управлялся сановником, упоминаемым на надписях с тем именно титулом, который придан ему в повествовании св. Луки о кораблекрушении, именно с титулом протоса (Деян. 28:7). Вследствие своего выгодного положения на Средиземном море и удобных гаваней, Мелит всегда имел важное значение в торговле и войне. Сначала это была просто колония финикиан, и жители ее продолжали говорить испорченным финикийским языком и во времена ап. Павла. От карфагенян остров после пунической войны перешел к римлянам. Он славился своим медом и фруктами, хлопчатобумажными произведениями, превосходным строительным камнем и особой породой собак, высоко ценившейся римскими аристократами. Незадолго до невольного посещения его ап. Павлом, он сделался постоянным убежищем киликийских пиратов, производивших опустошения среди торговых кораблей. Одно это обстоятельство служит достаточным доказательством того, что остров населен был слабо и изобиловал лесами.

Жители приняли крушенников с добротою и помогали им в собирании дров для отогревания закоченевших от холода и сырости членов. Ап. Павел также собирал дрова. Но когда он, принеся большую охапку сухого хворосту, бросил его в огонь, из него выскочила отогревшаяся ехидна и «повисла на руке» (Деян. 28:3) апостола. Увидев висящую у него на руке ядовитую змею и заметив, что он колодник, простодушные островитяне начали переговариваться друг с другом, что это должно быть какой-нибудь убийца, когда его спасшегося от моря праведное мщение преследует и на суще. Апостол же, нисколько не встревоженный, спокойно стряхнул гадюку в огонь, не потерпев

никакого вреда. Туземцы ожидали, что он сейчас же упадет замертво. Долго они с тревогой наблюдали за ним, и когда заметили, что не последовало никакого вреда, то подобно грубым жителям Листры переменили свой взгляд, и говорили, что он Бог.

В течение трех месяцев, до начала февраля, когда открывалась навигация, кораблекрушенники жили на Мелите, и в продолжение этого периода, благодаря опять влиянию ап. Павла, как с ним, так и с его соратниками жители обращались с крайнею добротою. Неподалеку от места кораблекрушения лежал город, называемый теперь Альта Веччия, резиденция Публия, правителя острова, который был вероятно легатом претора Сицилии. Так как сотник Юлий был знатною личностью, то этот римский сановник, так называемый протос, оказал ему любезное гостеприимство, в котором дозволено было принять участие и ап. Павлу с его друзьями. Случилось, что в это время отец Публия лежал в горячке, осложнившейся болью в животе. Св. Лука был врач, но его искусство было не так действительно, как сила молитвы ап. Павла, который, войдя в комнату больного, помолился у его постели, возложил на него руки и исцелил его. Слух об этом исцелении распространился по всему острову, вследствие чего жители отовсюду начали приводить к нему больных, и они получали исцеление. Можно быть уверенным, что ап. Павел, хотя и не основал здесь церкви, не упустил благоприятного случая для проповеди Евангелия. Он произвел на всех глубокое и в высшей степени благоприятное впечатление, и со всех сторон был окружен знаками почтения. Во время кораблекрушения они наверно потеряли все, кроме быть может тех денег, которые можно было спасти на себе; поэтому они крайне нуждались в помощи и в изобилии получали ее от любви и благодарности островитян, для которых невольное пребывание апостола было источником великих духовных и телесных благодеяний.

С открытием навигации, сотник Юлий посадил своих узников на другой Александрийский корабль «Диоскуры», который также зимовал на острове Мелите и теперь направлялся в Рим. В начале февраля корабль направился

сначала в Сиракузы, где простоял три дня, и затем поплыл в Ригию, уже на итальянской стороне Мессианского пролива. Оттуда с хорошим попутным ветром корабль быстро прибыл в Путеолы, один из главнейших торговых хлебных портов Италии, и узники должны были оставить его и идти дальше сухим путем. В таком бойком порте оказалось несколько христиан, которые радостно встретили апостола, проведшего у них по их желанию неделю, что вместе с тем служит явным доказательством чрезвычайной любезности сотника к великому узнику. «*А потом пошли в Рим*» (*Деян. 28:14*).

Столица мира была уже не далеко отсюда, всего лишь в 200 верстах. Весть о приближении великого апостола быстро распространилась среди местных христиан, и они вышли встречать его на знаменитую Аппиеву площадь. Чрез семнадцать верст дальше, в Трех Гостиницах, они встретили другую группу христиан, которые также ожидали их. Хотя в Риме не много было преданных ап. Павлу людей, но он знал могущество, многочисленность и мятежность огромного собрания синагоги в большом городе, а от их благосклонности или враждебности в значительной степени должна была зависеть, говоря по-человечески, его будущая судьба. Естественно поэтому, что когда он увидел эту небольшую толпу христиан, то возблагодарил Бога и ободрился вследствие такого доказательства их любви. Его ничто так не ободряло и не вдохновляло, как именно человеческое сочувствие, и приветствие со стороны этих собратий должно было озарить счастливым предзнаменованием его приближение к городу, в который он, при всем своем давнем желании видеть его, вступал теперь при гораздо более печальных обстоятельствах, чем когда-либо мог ожидать.

Наконец вот и столица мира – с ее бесконечными улицами и обширными площадями, переполненными морем человеческих существ. Апостол вступили в Рим в седьмом году царствования Нерона. Так исполнилась давнишняя мечта великого апостола народов, хотя он и вступил в Рим не свободным проповедником, а скованым узником. Там он до разбирательства дела отдан был под военный надзор, который

однако же был настолько легок, что апостолу предоставлялась значительная свобода, которой он и пользовался для славы Божией и распространения веры Христовой.

XLIV. Ап. Павел в Риме. Двухлетние узы. Послания, написанные из Рима – к Филиппийцам, Колоссянам, Ефесянам и Филимону. Освобождение апостола и послание к Евреям

Освоившись со своими новым положением в Риме, ап. Павел прежде всего хотел обратиться с проповедью Евангелия к своим собратьям по крови – иудеям. Призвав к себе главнейших представителей иудейского населения столицы, он обратился к ним как к «братьям» и старался разъяснить им свое положение. Он уверял их, что не враждебен их народу и не разрушает их учреждений. Не смотря на это, он был схвачен в Иерусалиме и предан римским властям; однако же римляне, по расследовании дела, объявили его совершенно невинным и готовы были освободить, если бы противодействие иудеев не принудило его перенести свое дело на решение кесаря. Апостол всячески старался дать им понять, что он отнюдь этим не имел в виду восстановить римскую власть против своего народа, и что причина его оков была вера в исполнение той мессианской надежды, которую питал весь Израиль. Ответ иудеев был очень дипломатичен. Разделения в их собственной среде, возникшие, вследствие споров о Христе, возбудили во всех такое негодование против них, что каких-нибудь десять лет перед тем они подверглись разорительному и позорному изгнанию из Рима, по указу императора Клавдия. Указ этот, правда, не был со всею строгостью приведен в исполнение; но иудеям не хотелось опять подвергаться столь разорительному бедствию. Поэтому они дали неопределенный ответ, заявив (насколько истинно – мы не знаем), что ни письменно, ни словесно не получали никакого худого известия об апостоле. Если бы кто-либо из иудеев и отправились с целью поддерживать перед кесарем обвинение против него со стороны синедриона, то они могли отправиться в путь только в одно время с Юлием и таким образом могли быть задержаны теми же бурями. Иудеи однако желали узнать от ап. Павла сущность его религиозных воззрений, а в виду того, что он был заведомый христианин, они

могли сказать только, «что об этом учении везде спорят» (Деян. 28:22). Чтобы ближе познакомиться с этим учением, они выразили желание еще побеседовать с апостолом и в следующий раз пришли к нему в значительном числе. Иудеев в это время в Риме было до 60,000 тысяч, у них было семь синагог, и одних начальников было столько, что вероятно только к ним и мог обратиться апостол со своею проповедью. В течение целого дня, от рассвета до вечера, он излагал перед ними свое личное свидетельство и приводил доводы из Св. Писания. Что беседа его не прошла бесследно, это видно из самой ее продолжительности; но все-таки лишь немногие убедились, а все другие остались при своем неверии. Беседа к концу получила даже несколько бурный характер, и прежде ее окончания ап. Павел обратился к неверующим с речью, в которой он приложил к ним место из пророка Исаии, некогда приводившееся и Спасителем, именно, что они не узрят и не услышат, ибо не хотят ни видеть, ни слышать, и что их слепота и глухота есть карающее следствие огрубения сердец их. И затем он строго предостерегал их, что спасение Божие теперь посыпалось язычникам, и что последние услышать предлагаемое им благовестие.

С этих пор ап. Павел пошел своей собственной дорогой, не делая никаких дальнейших сношений с своими упорными соплеменниками. В течение целых двух лет он оставался в Риме узником, но жил на своем собственном иждивении, ободряемый посещениями своих наиболее преданных и возлюбленнейших соработников, среди которых были Лука, Тимофея, Аристарх и другие. Он конечно мало мог надеяться на правосудие от императора, который в это время, по выражению Тацита, уже явно склонялся к преступной жизни, и потому он пользовался всяkim случаем для проповедания слова Божия, хотя бы даже тем суровым воинам, которые ежедневно сменялись для стражи над ним. Узы его впрочем во все время двухлетнего заключения были настолько легки, что он «принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царстве Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28:30–31).

Причину столь продолжительного узничества апостола понять нетрудно. Для разбирательства его дела необходимо было личное присутствие его обвинителей – иудеев, которые однако же замедлили явиться. В первый год тюремного заключения апостола в Рим являлась из Иерусалима депутация, во главе с первосвященником Измаилом и казначеем храма Хелкией – по спорному вопросу между Агриппой, прокуратором и иудеями касательно храмовой стены. Если даже этой депутации поручено было заняться и делом ап. Павла, то она едва ли могла заняться им, так как в Риме к ней Нерон отнесся подозрительно, да и сами иудеи находили до времени нужным затягивать дело и таким образом возможно дольше держать в заключении апостола, добиться осуждения которого они едвали могли надеяться когда-нибудь пред римским правительством. А между тем для апостола это узничество было временем непрестанных апостольских трудов, которые были так успешны, что у него скоро явились духовные чада, рожденные им в узах (Флп. 4:10), и проповедь его проникла даже до дома кесарева (Флп. 4:22).

Но апостол не ограничивался и этою деятельностью. Находясь в узах в далеком Риме, он не переставал пещься и о других основанных им раньше церквях. Он поддерживал постоянные сношения с этими церквами через своих сотрудников и собратий, попеременно прибывавших в Рим из самых отдаленных стран и вновь отправлявшихся в них с разными поручениями от апостола. Поэтому ап. Павел имел полную возможность следить за состоянием всех известных ему церквей и в случае нужды, не имея возможности лично преподать им наставление, обращался к ним с посланиями. Таких посланий написано было им четыре, из которых три обращены к церквам и одно к частному лицу, по частному случаю. Это именно послания к Филиппийцам, Колоссянам, Ефесянам к Филимону. Все эти послания исполнены того же духа отеческой любви, которым дышат и другие послания ап. Павла, и вместе с тем представляют и дальнейшие стадии в раскрытии тех истин Евангелия, проповедание которых особенно вверено было апостолу языков и которые состояли в

проводившими отмены древнего подзаконного рабства. Они направлялись отчасти против иудействующих, продолжавших рабски держаться форм отмененного закона, и отчасти против новых заблуждений, начинавших зарождаться уже на почве самого язычества, каким был так называемый гностицизм, и таким образом ясно свидетельствуют о том, с какою зоркостью апостол стоял на страже охранения основанных им церквей от всякого угрожавшего им с той или другой стороны нападения враждебных сил.

Послание к Филиппийцам было написано апостолом в выражение своей личной любви и преданности им за то попечение, которое они обнаруживали об апостоле в его узах: они именно прислали ему денежное вспомоществование, которое и дало ему возможность жить в Риме на собственном иждивении. Пособие было принесено Епафродитом, преданным сотрудником апостола, вынесшим в пути тяжкую болезнь. С ним же, при его возвращении, апостол отправил и послание, в котором изливается в чувствах любви и благодарности, сообщает о своей узнической жизни и говорит, что «узы его о Христе сделались известными всей претории» и Евангелие проповедовалось даже в доме кесаря.

Послание к Филиппийцам написано было по-видимому уже к концу двухлетнего узничества апостола. Раньше его написано было послание к Колоссянам, т.е. к жителям города Колосс. О нем нигде не упоминается в истории миссионерских трудов апостола, так что неизвестно, когда именно апостол посещал этот город, да и посещал ли когда-нибудь во время своих миссионерских путешествий. Это был древний, но уже падавший город Фригии, лежавший на большой дороге между Ефесом и Евфратом. Расположенный на берегу р. Лика, он находился по соседству с городами Лаодикией и Иераполем, которые с течением времени и затенили его собою. Церковь там основана была вероятно кем нибудь из ближайших сотрудников апостола, но он сам относился к ней с необычайным вниманием и радостно получал все известия, свидетельствовавшие о добром состоянии церкви. Так между прочим известие принес апостолу в Рим колосский гражданин Епафрас, бывший по-

видимому священнослужителем церкви и «всегда подвизавшийся за членов ее в молитвах, дабы они пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу» (Кол. 4:12). Но вместе с доброю вестью апостол услышал от Епафраса и известие об угрожающих церкви опасностях со стороны разных лжеучителей, именно иудействующих, которые пользовались всяkim случаем, чтобы разрушить дело апостола и возвращать обращенных им под отмененное иго подзаконного рабства. Иудействующие проповедывали колоссянам вместе с тем какую-то гностическую философию, и апостол предостерегает от нее как от «пустого обольщения, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Затем апостол преподает ряд наставлений в области религиозно-нравственной и общественной жизни и в заключение шлет приветствие от себя и своих ближайших сотрудников, между которыми упоминается Епафрас, Лука «возлюбленный врач» (Кол. 4:14), Аристарх, Марк и другие. Послание было отправлено с Тихиком и Онисимом, которые должны были словесно передать подробности о римской жизни апостола. Послание заканчивается обычным собственноручным приветствием апостола, в котором он говорит: «*приветствие мою рукою, Павлою. Помните мои узы. Благодать со всеми вами. Аминь*» (Кол. 4:18).

Для доставки послания по назначению вместе с Тихиком был отправлен еще Онисим, которого апостол называет своим «верным и возлюбленным братом» (Кол. 4:9), из среды самих колоссян. Он нес и другое письмо от апостола к одному частному лицу, именно к своему бывшему господину Филимону, и трепетал за свою судьбу. Он был раб Филиона, но провинившись перед ним в чем-то и опасаясь наказания, бежал от него и как беглый раб искал убежища в грязных трущобах Рима. Там он скитался несколько времени и скоро конечно прожил то, что мог украсть у своего господина. Ему предстояла неминуемая гибель от голода и всеобщего отвержения. Но в этой крайней бедственности он и обратился к великому апостолу, который с истинно отеческою любовью принял и обласкал его, и тем спас не только его тело, но и душу.

Негодный фригийский раб, который по римским законам заслуживал лишь вечной каторги или даже распятия на кресте, принят был в общество христиан и сделался «братьем возлюбленным». Чтобы окончательно восстановить его в его человеческих правах, апостол отправил его в Колоссы с письмом к его бывшему господину Филимону, знатному и богатому человеку, занимавшему выдающееся положение среди колосской церкви. В этом послании апостол трогательно убеждает простить Онисима, которого апостол называет своим сыном, «родившимся в узах его». «Он был, пишет апостол, негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его» (Флм. 1:11). Затем апостол убеждает Филимона принять опять Онисима, но «не как уже раба, но выше раба, как брата возлюбленного» (Флм. 1:16). До какой степени любвеобильный апостол заботился об Онисиме, показывает то, что он обещается в послании лично заплатить за Онисима все, что он оказывается должным Филимону. Свое послание апостол заключает выражением уверенности, что Филимон исполнит обращенную к нему просьбу и сделает даже более ее. Вместе с тем он просит и приготовить себе помещение, так как надеется уже на скорое освобождение. – Послание к Филимону не смотря на свою краткость имело громадное общественное значение в смысле выяснения отношения христианства к величайшему злу языческого мира – рабству. Доселе законы почти всех народов цивилизованного мира делили людей на два разряда – свободных и рабов, полноправных и бесправных, и человеческое достоинство признавалось только за первыми. Это воззрение до такой степени укоренилось в сознании древнего человечества, что оно не могло представить себе общества без рабов как особых рабочих существ, обязанных беспрекословно исполнять волю своих господ. Даже величайшие мыслители, как Платон и Аристотель, признавали такое деление людей необходимым и смотрели на рабов как на бездушное орудие. Рим во всей силе осуществил это воззрение и развил рабство до ужасающих размеров. Рабами были переполнены все дома и поместья богатых и знатных лиц, и закон относился к ним с таким бесчеловечием, что позволял

жестоким и капризным господам всячески издеваться над ними, по личному капризу или за малейшее преступление казнить, распинать или даже отдавать их на съедение собакам на пса́рне и рыбам в садках. Бывали случаи, как за малейшее преступление какого-нибудь раба против господина избивался весь его род, хотя бы никто из других его членов не имел ни малейшего отношения к преступлению, и такая жестокость прямо подтверждалась особым законом. Такое положение дел, лишая рабов (а они были вдвое многочисленнее свободных) всякого человеческого достоинства, низводило их на степень безгласного рабочего скота, и с другой стороны разворачивало господ, развивая в них ложное сознание своего неизмеримого превосходства над подобными же им людьми. И отсюда рабство сделалось величайшим общественным злом, от которого разлагались самые основы общественно-государственной и нравственной жизни древнего человечества, и происходили ужасные потрясения и кровопролития, как это было особенно в последний период Римской республики. И вот теперь апостол возвещал истину, до которой не могли подняться величайшие умы древности, именно, что раб есть такой же человек, как и его господин, в нем живет такая же душа, как и в других, и под благотворным нравственным влиянием самый негодный раб может сделаться братом возлюбленным, как это и было с Онисимом. Этим наносился решительный удар рабству, именно в самой его основе. Христианство не провозглашало отмены рабства, что повело бы к бесплодным восстаниям рабов и кровопролитиям, и напротив этот же апостол, который писал послание к Филимону, в других своих посланиях не редко увещевал рабов повиноваться своим господам. Но самая идея духовного равенства и братства раба с господином разрушала самые основы рабства, и это зло отселе должно было неизбежно умаляться и исчезнуть, как умаляется и исчезает льдина под все более разгорающимися лучами весеннего солнца.

Посланным в Колоссы приходилось ехать через Ефес, и этим обстоятельством апостол воспользовался для того, чтобы написать, послание и своим возлюбленным Ефесянам, с

пресвитерами которых он так трогательно беседовал и прощался проездом чрез Милет. Как написанное почти одновременно с посланием к Колоссянам, послание к Ефесянам имеет в своем содержании много общего с ним. В нем кроме уяснения главной истины, что Христос есть глава Церкви и всего существующего, виновник нашего спасения и залог нашего будущего наследия, подробно уясняется сущность Новозаветной Церкви, ее иерархическое устройство и отношение в ней между пастырями и пасомыми. В последних главах даются различные нравственные наставления мужьям и женам, родителям и детям, господам и рабам, и вообще всем членам Христианской Церкви.

Все эти послания очевидно написаны были уже незадолго до освобождения апостола от его двухлетнего пребывания в узах. В некоторых из них, как в послании к Филиппийцам и особенно в послании к Филимону, апостол высказывает явную надежду на скорое решение своего дела и именно в его пользу, так что просил Филимона подготовить для него даже помещение. Но дело решилось не скоро, и можно было опасаться даже всего худшего, потому что состояние дел в Риме все более ухудшалось. Нерон с каждым годом становился все более жестоким и распутным деспотом, который удалял от себя всех более или менее честных слуг престола, каким был напр. известный философ Сенека, и вверил власть приближенным любимцам, которые всячески поощряли гнусные наклонности императора. При таком состоянии вещей трудно было надеяться на правосудие, тем более, что Нерон, убив свою жену, Октавию, женился затем на своей наложнице Поппее, которая, как прозелитка иудейства, находившаяся под влиянием иудеев, могла и своего мужа-императора враждебно настроить против ненавистного им апостола. К счастью в отношении дела апостола в Нeronе восторжествовали его лучшие чувства. При всем своем сумасбродстве, Нерон, воспитанный под влиянием строгой дисциплины Сенеки, сохранил в себе отчасти чувство справедливости и римской добросовестности. Поэтому, когда ему представлено было дело апостола, то он, вероятно считая его простым соплеменником и

единоверцем Поппеи, без дальнейшего расследования дела оправдал его.

По освобождении от уз, апостол решил отправиться на восток для посещения своих возлюбленных церквей. При этом ему невольно вспомнилось, что ему придется встретиться главным образом с своими единоплеменниками и бывшими единоверцами – евреями. Некоторые из них приняли христианство, но большинство отвергало его и старалось даже всячески противодействовать его распространению. Эта мысль болью отзывалась в сердце апостола, и он решил обратиться к своим соотечественникам с посланием, в котором окончательно выяснял их заблуждение и показывал истину и превосходство христианства, для которого все ветхозаветное домостроительство было лишь подготовлением. Все это апостол и изложил в своем знаменитом послании к Евреям, в котором вместе с тем окончательно развито и выяснено христианское учение об оправдании, именно, что человек оправдывается верою, доказываемою добрыми делами. Послание написано из Италии, так как в нем есть приветствие от «италийских» (собратий), и именно вскоре по освобождении апостола от уз, когда он собирался посетить восток (Евр. 13:23–24).

XLV. Деятельность ап. Павла по освобождении его от первых уз. Посещение востока. Пастырские послания к Тимофею и Титу. Путешествие в Испанию. Новый арест в Ефесе, вторые узы в Риме и мученическая кончина

После своего освобождения от первых уз, ап. Павел вероятно исполнил свое желание посетить основанные им на востоке церкви, хотя в этом отношении, за отсутствием прямых исторических свидетельств, существует лишь несколько предположений. По наиболее вероятному предположению, подтверждаемому преданием, апостол еще раз посетил Иерусалим и затем отправился посетить и те церкви, которые, не смотря на свою духовную связь с ним, однако же еще «не видели лица его в плоти» (Кол. 2:1), именно Колоссы, Лаодикию и Иераполь. Найдя помещение, как он и предполагал, в гостеприимном доме Филимона, апостол еще раз обозрел окрестные малоасиатские церкви и между прочим Ефесскую. Так как в этой последней им замечены были разные беспорядки в церковной жизни и даже зародыши заблуждения, от которого он пророчески предостерегал ефесских пресвитеров в прощальной беседе с ними в Милете, то, оставляя Ефес, он нашел необходимым оставить там себе преемника по управлению церковными делами, и эту важную должность вверил Тимофею, который и был первым епископом вне круга апостолов. Обязанности, возложенные на Тимофея, были важны и сложны. Он должен был управлять пресвитерами, многие из которых были старше его по летам, распределять между ними вознаграждение по трудам каждого из них, разбирать распри и жадобы, заведывать делами благотворения и женских общежитий, рукополагать пресвитеров и диаконов. Кроме того, молодому епископу приходилось умиротворять страсти недовольных его главенством, да и самим апостолом, которого уже по преклонности лет некоторые считали не способным к дальнейшей апостольской деятельности и к управлению церквами. Пользуясь продолжительным

отсутствием апостола, в Ефесе появились дерзкие самозванцы, которые в роде Именея, Филита и Александра выступили с новыми вероучениями, противными истинному христианству, и отвергали авторитет апостола. С одной стороны, заблуждение иудействующих, с другой бредниalexандрийской философии начали распространяться среди ефесских христиан и омрачать их светлую и чистую веру, которую они восприняли от апостола. В виду стольких затруднений апостол не оставил юного епископа без своего авторитетного руководительства и вскоре по отбытии из Ефеса написал к нему первое послание, в котором и изложил ему ряд наставлений, как действовать в затруднительных обстоятельствах. В этом послании между прочим апостол преподавал своему возлюбленному сыну и сотруднику завещание «воинствовать как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере. Таковы, прибавляет апостол, Именей и Александр, которых я предал сатане, чтоб они научились не богохульствовать» (1Тим. 1:18–20). Все послание наполнено истинно пастырскими наставлениями, в которых мог навидаться Тимофеем при исполнении своего высокого долга архипастыря церкви столь большом и шумном городе, каким был Ефес. Свое послание апостол закончил повторением высказанного раньше предостережения. « О Тимофеем! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры. Благодать с тобою» (1Тим. 6:20–21).

Из Ефеса апостол по-видимому отправился в Македонию, побывал в Коринфе и оттуда посетил, вместе с своим другим возлюбленным сотрудником Титом, остров Крит или Кандиу. На южных берегах этого острова апостолу уже пришлось побывать во время короткой стоянки того alexандрийского корабля, который потерпел полное крушение у о. Мальты. Можно было думать, что тогда же апостолом народов посевы были семена христианства на этом острове; но так как кратковременной остановки в «Хороших Пристанях» было слишком недостаточно для этого, то вероятнее предполагать, что первые семена

христианства занесены были сюда теми критскими иудеями, которые слышали чудесную проповедь ап. Петра в праздник Пятидесятницы. Критяне не пользовались доброю славою и даже их соотечественник Эпименид сочинил о них колкую эпиграмму, которая гласила: «kritяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые»; поэтому неудивительно, что христианство у них не произрастало с таким успехом, как было в других местах. Оно скоро смешалось с различными местными иудейскими суевериями и в самой церкви начались неурядицы. Чтобы устроить там церковные дела и поддержать истину христианского благовестия, апостол оставил в Крите Тита, рукоположив его также, как и Тимофея, во епископа. Тит был также одним из самых преданных и возлюбленных членов благородного кружка друзей и учеников ап. Павла. Так как он был грек по рождению, то ап. Павел, обращенцем которого он был, брал его с собою в Иерусалим во время того достопамятного посещения, которое закончилось признанием свободы язычников от ига Моисеева закона (Гал. 3; Тит. 1:4). Тит находился в особенно близких отношениях с Коринфом, в который апостол и посыпал его три раза во время беспорядков в этой легкомысленной общине (2Кор. 7–8). Та теплота, с которой ап. Павел всегда говорит о нем как о своем брате, сотоварище и сотруднике, а также тоскливо беспокойство, которое делало его положительно несчастным, когда ему не удалось встретить его в Троаде, показывают, как он дорог был апостолу в качестве помощника в его великих апостольских делах. Чтобы поддержать его в трудных обязанностях возложенной на него должности, апостол вскоре по отбытии с Крита написал к нему послание, наполненное, как и послание к Тимофею, различными наставлениями, в которых он мог нуждаться при прохождении своего епископского служения во вверенной его управлению церкви. Послание это известно под названием «Послания к Титу». В нем апостол между прочим предостерегает Тита от разных лжеучителей и выказывает ему «обличать критян строго, дабы они были здравы в вере, не внимая иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихихся от истины» (Тит. 1:13–14). Как апостол раньше

наставлял Тимофея, так он наставлял теперь и Тита – «удаляться глупых состязаний и родословий, и споров, и распрай о законе; ибо они бесполезны и суетны» (Тит. 3:9). Между прочим в этом послании впервые говорится о «еретиках» в точном церковном смысле этого слова, как людях, которые не только порвали с Церковью, но и с здравым учением ее. Апостол преподал наставление, как относиться к подобным людям. «*Еретика, говорит он, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден*» (Тит. 3:10–11).

Благоустроив церковные дела на востоке, апостол опять отправился на запад и на этот раз, по преданию, проник даже в Испанию, куда уже давно устремлялась мысль апостола (Рим. 15:24). Этот далекий Иберийский полуостров в то время считался такою же страною чудес, какою впоследствии считалась для старого света новооткрытая Америка. Сказочные богатства страны привлекали к ее берегам многочисленных переселенцев и промышленников, и скоро дикая страна с ее жалкими лачугами туземных дикарей покрылась цветущими городами и прорезана была великолепными римскими дорогами. Иберийцы быстро освоились с римской культурой, восприняли римский язык и римские обычаи, и из среды их стали выходить известные мыслители и писатели, каковым был между другими и знаменитый философ Сенека, уроженец испанского города Кордобы. Такая страна представляла богатое поприще и для христианской проповеди, и ее по преданию принес сюда великий апостол народов, желавший в точности исполнить заповедь своего Божественного Учителя, повелевавшего идти научить все народы –до края земли.

Пребывание ап. Павла в Испании не только было новым успехом Царства Божия в мире, но и послужило в руках Промысла Божия средством сохранения жизни апостола от великой опасности, которой она несомненно подверглась бы, если бы он остался в Риме. Около этого именно времени в Риме разразилась страшная буря, поднятая языческим миром против христианства. Безумство Нерона, который год от году все более превращался в страшное чудовище порока и всякой

гнусности, завершилось в десятый год его царствования ужасным пожаром, который в годовщину сожжения Рима галлами вновь превратил столицу мира в груду пепла и развалин. Народ выведен был этим ужасным бедствием из терпения и жаждал мщения. В народе ходила зловещая молва, что виновником страшного бедствия будто бы был сам Нерон, который не только не принимал никаких мер к прекращению разрушительной стихии, но с высоты своей дворцовой башни в полном театральном одеянии, в виду грозного зрелища, воспевал взятие Трои. Мало того, после пожарища он не только не предпринимал каких-либо мер к облегчению бедственной участи жителей, но воспользовался пожаром для того, чтобы захватить возможно больше пустопорожнего места, на котором и стал с безумною роскошью возводить себе так называемый «золотой дом», заявляя, что теперь-то он наконец обзаведется помещением хотя сколько нибудь приличным его человеческому достоинству. Все это невольно содействовало зарождению и распространению подозрения в виновности Нерона в этом ужасном бедствии. Опасность очевидно грозила страшная, от которой не могли бы спасти императора никакие силы окружавшей его преторианской гвардии. Нужно было отвратить эту опасность, и Нерон с сатанинским бессердечием свалил всю вину на невиннейших и смиреннейших из людей, именно на римских христиан, с которыми он уже знаком был отчасти из суда над ап. Павлом. Народ жаждал мщения, и лишь только указаны были ему эти его мнимые враги, как обрушился на них с истинно зверским ожесточением и кровожадностью. Сам Нерон стал во главе этого гнусного злодейства, и улицы, только что опустошенные пожаром, обагрились кровью тысячей ни в чем неповинных людей. И к стыду человечества, в этой ужасной бойне невинных людей приняли участие не только чернь, но и (по крайней мере нравственно) просвещеннейшие люди того времени. Повествуя об этом избиении христиан, просвещенный римский историк Тацит не преминул высказать при этом несколько самых гнусных клевет на христиан, о которых он очевидно имел лишь весьма смутные представления. «Нерон, по словам Тацита, подверг обвинению и мучил самыми

изысканными наказаниями класс ненавидимых за свои гнусности людей, которых простой народ называл христианами. Христос, основатель этой секты, был казнен во время царствования Тиверия прокуратором Понтием Пилатом, и пагубное суеверие, подавленное на время, начало возникать опять не только в Иудее, где особенно укоренилось это зло, но даже в городе, куда со всех сторон стекается все ужасное и постыдное, и находит себе приверженцев». Высокомерное презрение воспрепятствовало Тациту хорошоенько познакомиться с верою и жизнью христиан, и говоря о них, он ограничивается лишь самыми безосновательными обвинениями против них. Он говорит о их учении как диком и постыдном, хотя оно дышало миром и чистотою; он обвиняет их в том, что они одушевлены неискоренимою ненавистью, между тем как основною истиной их учения было всеобщее человеколюбие. Народ, говорит он, назвал их «христианами»; хотя они, по его мнению, и неповинны возводимом на них обвинении в качестве мятежных поджигателей, за что их и предавали мучительной смерти, все-таки они, в его глазах, представляли собою такой класс преступных и гнусных сектантов, которых можно было относить к одному разряду с худшими подонками римского общества. Затем Тацит говорит, что сначала «схвачены были те, кто признавались (в принадлежности к христианству), и затем по их показаниям осуждено было громадное множество их не столько по обвинению в поджигательстве, сколько за их человеконенавистничество». Тут очевидно знаменитый римский историк совершенно вторил молве уличной черни и, обвиняя христиан в человеконенавистничестве, явно смешивал их с иудеями, которых он в другом месте обвинял именно в том, что они «враждебны ко всем, кроме самих себя». Но он вместе с тем дает и страшную картину самого гонения. «Для казни над ними, говорит он, применены были всевозможные издевательства. Покрыв их шкурами диких животных, их отдавали на съедение бродячим собакам или пригвождали к крестам; бросали в огонь и сжигали после сумерек в видеочной иллюминации. Нерон предложил для этих зрелищ свои собственные сады и устроил конный бег на колеснице, сам

смешиваясь с чернью, в одежде всадника, или разъезжая посреди нее. Отсюда, как ни виновны были жертвы и как ни заслуживали самых худших наказаний, к ним начало проявляться чувство сострадания, так как народ сознавал, что они приносились в жертву не ради общественного блага, а лишь с целью удовлетворить дикую кровожадность единичного человека». Там, где теперь вздымается громадный храм ап. Петра, некогда были сады Нерона. В эти ужасные дни они были запружены торжествующими толпами народа, среди которого в своем легкомысленном унижении скакал император, а по всем сторонам невинные люди медленно смертью умирали на позорных крестах. Вдоль аллей этих садов в темные осенние ночи горели ужасные факелы, под которыми почва чернела и багровела от потоков дымящейся крови: каждым из этих живых факелов был мученик-христианин в своем огненном одеянии. В тоже время в находившемся амфитеатре, в виду 22,000 зрителей, голодные собаки растерзывали на куски некоторых из лучших и чистейших мужей и жен, с гнусною изобретательностью закутанных в шкуры медведей или волков! Так Нерон крестил в крове мучеников город, которому предстояло в течение веков быть столицей целой половины мира!

Хотя апостол Павел и избег главной бури гонения на христиан и мог еще несколько времени продолжать свою деятельность по распространению Евангелия и утверждения церквей, но видимо приближался и его конец. Гонение, воздвигнутое на христиан в Риме, нашло сочувственный отголосок и во многих провинциальных городах, где различные представители римской власти, рабски прислушиваясь к пульсу общественной жизни в самом Риме, подобострастно подражали ему и во вверенных их управлению городах, чтобы выказать свое усердие на службе кесарю. Неудивительно, что положение христиан после этого повсюду сделалось тяжелее и опаснее, так как они стали повсюду возбуждать против себя подозрение и вражду, и последняя делалась тем более дерзкою, что всегда могла рассчитывать на поддержку власти. Этим не преминули конечно воспользоваться злые враги ап. Павла, и по

возвращении его с далекого запада на восток приняли все меры к удовлетворению своей ненависти к нему. Когда он вновь посетил Ефес, то некий медник Александр, вероятно из числа тех ремесленников и художников, которые уже раз жаждали крови апостола и произвели страшное смятение в городе, указал на него властям как на опасного врага общественного спокойствия (2Тим. 4:14–15). Вследствие этого апостол был вновь арестован и опять в узах отправлен в Рим. Там он уже не пользовался такою сравнительною свободою, как это было при первых узах, потому что на христиан смотрели как на опасных государственных преступников. Но даже и в этом тяжелом положении апостол продолжал свою проповедь всем, кто только приходил с ним в соприкосновение, и пробрел еще нескольких обращенцев (2Тим. 4:21).

По улицам Рима между тем все еще громко раздавался яростный крик черни, требовавшей преследования христиан. «Ко львам христиан!» – этот крик сделался как бы девизом уличной черни со времени великого пожара. Поэтому и суд над апостолом не мог откладываться надолго. Но нужно иметь в виду, что не смотря на возбужденность страстей, римский суд сохранял свое строгое беспристрастие, каким он прославился по всему миру и какое не раз испытывал и ап. Павел. Разбирательство его дела должно было совершиться по всем правилам римского судопроизводства. Как римский гражданин апостол мог лично защищать свою невинность, и так как на лицо не оказалось достаточных свидетельств для решения дела, то суд над апостолом был отсрочен на некоторое время и апостолу пришлось опять пойти в мрачную темницу для ожидания своей участи. Из этой темницы он написал свое последнее послание, именно второе послание к своему возлюбленному Тимофею. Напомнив ему о том, чтобы он «взгревал полученный им чрез рукоположение дар Божий» (2Тим. 1:6), апостол повторил свое предостережение против непотребного пустословия таких лжеучителей, как Именей и Филлит, равно и предсказывал о том, какие еще тяжкие дни ожидают Церковь. Затем, говоря о своем положении, апостол прямо заявляет, что он уже становится жертвою, и время его

отшествия настало. «*Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его*» (2Тим. 4:7–8). Указав на свое томительное одиночество, так как все его сотрудники, за исключением Луки, разошлись по разным странам, он просил Тимофея прийти к нему возможно скорее и взять с собою Марка, который оказался ему нужен для служения. Вместе с тем апостол наказывал Тимофею, что когда он пойдет, то захватил бы с собой и фелонь, который он оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные. Затем, предостерегая Тимофея от Александра медника, причинившего апостолу столько зла, он заканчивает передачею приветствия от новообращенных им братий – Еввула, Пуда, Лина и Клавдии. «*Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь*» (2Тим. 4:22).

Неизвестно, успел ли Тимофея застать ап. Павла еще в живых. Дело его подверглось новому разбирательству, и на этот раз большинство судей, быть может под давлением черни, склонилось к обвинительному приговору, и ап. Павел осужден был на обезглавление. Мученическая кончина его совершилась в 13-й год царствования Нерона, именно 29 июня, каковой день и чтится Церковью как день памяти величайшего из апостолов вместе с его собратом – апостолом Петром, потерпевшим мученичество в один день с ним.

Так закончил свою жизнь великий апостол народов, послуживший Евангелию более всех других апостолов. Это был поистине избранный сосуд Божий, в котором вложены были самые великие и разнообразные дары. «Многим и другим святым давал Бог великие дарования, говорит один новейший жизнеописатель ап. Павла, но ни один еще святой Божий не достигал такой высоты в стольких дарованиях, никогда не получал даров Св. Духа в столь щедром излиянии, не носил в своем смертном теле столь очевидную печать Господа. В течение своей жизни он был отнюдь не позади верховнейших из апостолов, и несомненно величаво вздымается над величайшими из всех святых, которые когда-либо с того

времени старались следовать его примеру в служении и преданности Господу». Оставленные им после себя послания сделались одним из неисчерпаемых источников истинного богопознания и духовного назидания, и христианский мир справедливо почитает в нем своего величайшего учителя, пред которым бледнеют все другие последующие деятели на ниве Божией.

Отдел девятый. Завершение апостольского века

XLVI. Апостольская деятельность и мученическая кончина ап. Петра. Соборные послания ап. Петра. Деятельность других апостолов

Одновременно с ап. Павлом потерпел мученическую кончину и ап. Петр, который таким образом закончил свою апостольскую деятельность также в столице того языческого мира, первенцев которого он некогда первый принял в Церковь Христову. Но он, как известно, скоро должен был уступить поприще деятельности среди языческого мира тому, кто специально был призван быть апостолом язычников, и действительно он скоро всецело предоставил это великое поприще ап. Павлу и сам стал почти исключительно проповедывать Евангелие среди иудеев как Палестины, так и других стран. Как один из верховых апостолов, он хорошо был известен всем главным церквам. В Коринфе, при разделении местных христиан на партии, одна ставила на своем знамени имя Петра или Кифы. Он основал несколько церквей в различных областях Малой Азии и для утверждения их в вере обращался к ним с посланием, в котором между прочим поименовывает и сами страны. Именно он обращался с посланием к «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии, избранным» (1Пет. 1:1). Этим указанием отчасти определяется то апостольное поприще, которое он проходил. Но он не ограничивался и этими странами, и в своей апостольской ревности проник даже в Вавилон, чтобы и в этой стране пленения возвестить своим единоплеменникам истину Евангелия. По свидетельству Иосифа Флавия, в Вавилонии было множество поселений иудейских, которые славились своим богатством и щедрыми приношениями храму. Последние были так ценные, что, по свидетельству того же историка, требовалась две крепости для охранения их, и когда эти приношения отправлялись в Иерусалим, то их сопровождало несколько тысяч иудеев, чтобы обезопасить их от разбойнического нападения парфян. Проповедь ап. Петра среди вавилонских иудеев

сопровождалась благословенным успехом и в своем первом послании он передает малоазиатским церквам и приветствие от «церкви в Вавилоне» (1Пет. 5:13), которую он называет «избранною». Из этого же послания видно, что сотрудниками его в это время были Силуан и Марк, которые были в свое время и сотрудниками ап. Павла. Это обстоятельство показывает, какое тесное общение существовало между апостолами и как они, действуя так сказать на противоположных концах мира, находились в постоянных сношениях чрез одних и тех же сотрудников и соработников на Евангельской ниве.

Уже в преклонных летах, ап. Петр, как бы следуя за общим течением жизни, стремившейся к Риму как к центру, отправился в столицу мира. О пребывании его там существуют только неясные предания. По учению Римской церкви, он будто бы был первым епископом Рима и епископствовал двадцать пять лет. Но это учение находится в явном противоречии с очевидными хронологическими данными, показывающими, что апостол прибыл в Рим только незадолго до смерти. Главными событиями во время его пребывания в Риме были, согласно с позднейшими сказаниями, совершенные им обращения Филона и сенатора Пудента с его двумя дочерьми Праксидой и Пуденцианой, и его публичное состязание с Симоном волхвом. Этот обманщик, потерпев неудачу в воскрешении умершего юноши (каковое чудо было совершено ап. Петром), наконец попытался обольстить народ уверением, что он подымется на небо. Но по молитве апп. Петра и Павла он был оставлен поддерживавшими его демонами и грохнулся на землю, разбившись в кровь. Во время Неронова гонения ап. Петр будто бы, по настойчивым просьбам христиан, хотел удалиться из Рима. Но когда он вышел за Капенские ворота, то встретил Господа, несущего свой крест, и спросил Его: «Господи, куда Ты идешь?» – «Я иду в Рим, сказал Христос, вновь потерпеть распятие за тебя». Апостол, чувствуя всю силу этого кроткого укора, возвратился назад и был заключен в темницу в Туллиануме. Там он обратил к вере своего тюремщика, чудесно источая для его крещения источник из каменного пола темницы. Видя, как его жену вели на казнь, он радовался этому ее

путешествию в «отчество» и, называя ее по имени, громким голосом призывал ее к радостному мужеству: «о, помни Господа!» Сам он был казнен в один день с ап. Павлом. Они расстались на Остийской дороге, и ап. Петр был затем отведен на вершину Яникула, где он и распят был, но не в обычном положении, а по его собственной просьбе – вниз головой, потому что он считал себя недостойным умирать одинаковым способом с своим Господом. Незадолго до смерти он написал второе соборное послание, как последнее завещание тем, которым он раньше проповедывал. В этом послании между прочим апостол предостерегает христиан от разных лжеучителей, «которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель». В послании делается между прочим ссылка на послания ап. Павла, с завещанием, что в них «есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают (извращают), как и прочие Писания» (2Пет. 3:16). Эта ссылка показывает опять, что апостолы вели проповедническую деятельность общими силами, взаимно делясь и своими посланиями, в которых вырабатывалось богословие вселенской Церкви.

Если скучны известия о верховном апостоле Петре, то еще скучнее они о других апостолах. Пробы в Иерусалиме до иерусалимского собора, они затем, как орлы крылатые, разлетелись по всем направлениям с проповедью Евангелия, и о деятельности их не сохранилось никаких письменных памятников, так как она запечатлевалась только на сердцах тех, которые принимали ее. Вследствие этого о них сохранились лишь неясные отголоски в предании.

По свидетельству предания, ап. Андрей избрал поприщем своей апостольской деятельности берега Черного моря, так называемую Скифию. Берега этого моря были усеяны богатыми греческими колониями, находившимися в постоянных сношениях с северными народами, от которых сырье материалы, привозившиеся из глубины страны, сплавлялись по морю в Малую Азию и Грецию. Причиной, почему он избрал поприщем своей апостольской деятельности эту именно страну,

могло быть то, что он сам находился в ближних сношениях с греками, как показывает и самое его греческое имя, и потому мог более рассчитывать на успех. По позднейшему преданию, он не ограничивался и берегами Черного моря, а отправился и вглубь самой страны, и там на Киевских горах, водрузив крест, он произнес свое великолепное пророчество о том, что благодать Божия воссияет на этих горах и возникнет великий город. Апостол Андрей потерпел мученическую кончину в г. Патрах, в Ахалии, будучи распят на особого рода кресте (х), который известен под названием Андреевского.

Св. Иаков, брат Господень, по смерти Иакова Зеведеева, был епископом Иерусалимской церкви и отличался такою строгостью жизни, что пользовался великим уважением даже иудеев, так что ему дозволен был вход во святилище, хотя это право предоставлялось только священникам. Он потерпел мученическую кончину в самом Иерусалиме, и главным виновником его смерти был первосвященник Анна (Ганан) Младший, последний из сыновей первосвященника Анны, упоминаемого в Евангелии. Ненависть ко Христу и христианам уже привела дом Анны к обагрению своих преступных рук кровию Христа и первомуученика св. Стефана, к одобрению убийства Иакова, сына Зеведеева, и к стараниям добиться смерти и св. ап. Павла. Также неусыпная враждебность теперь вовлекла младшего Ганана, человека буйного и повелительного темперамента, в новое преступление. Он воспользовался неожиданно благоприятным случаем для того, чтобы предать смерти брата Господня и таким образом нанести еще один удар христианской Церкви. Фест, справедливость которого спасла жизнь ап. Павлу и который был одним из самых почтенных римских прокураторов Иудеи, умер после краткого двухгодичного управления. Преемником ему был назначен Альбин, но до его прибытия прошел небольшой промежуток, во время которого Иудея находилась только под отдаленным надзором легата Сирии. Агриппы II не было в Иерусалиме. В такое время дерзкий и жестокий саддукея, каким был этот первосвященник, легко мог побудить синедрион превысить свой авторитет и вновь присвоить себе право совершения смертной

казни, которая, строго говоря, уже не принадлежала ему. Он надеялся, что этого правонарушения римляне или не заметят или взглянут на него сквозь пальцы, так как они были очень терпимы во всем, что делалось в интересах всякой законом дозволенной религии, и естественно не имели охоты вмешиваться в дело, которому не придавали политического значения. Одушевляя синедрион своею собственюю смелостью, Ганан уговорил его арестовать Иакова и других главенствующих христиан и побить их камнями. Обвинением против них несомненно служило богохульство, так как во всяком случае Иакова нельзя было обвинять в «преступлении закона». Если бы Иаков был столь же ненавидим, как св. ап. Павел, то быть может ничего бы не оставалось и говорить больше. Но Иаков в Иерусалиме, подобно Анании в Дамаске, был глубоко уважаем иудеями, не менее чем и христианами. Он также был «муж благочестивый по закону, одобряемый всеми иудеями, живущими там» (Деян. 22:12). Не только простые обращенцы в христианство, но и некоторые из самых почитаемых в городе и известных законников также опечалились от этого безумного убийства благочестивого назорея. Они решились защищать таких граждан от дерзости кровожадного дома и принесли жалобу Агриппе II. Этот царь слышал защиту ап. Павла пред Фестом и был способен лучше взглянуть на христианство, чем сколько считалось политичным со стороны его коварного и беспринципного отца. Они также жаловались новому прокуратору Альбину, который теперь находился на пути из Александрии в Иерусалим. Следствием этого было то, что Альбин написал Ганану строгий выговор за его беззаконное насилие, и Агриппа почувствовал, что он мог, не подвергая опасности свою популярность, лишить его первосвященства, хотя он занимал его только в течение трех месяцев. – От ап. Иакова осталось одно соборное послание. Побуждением к его написанию послужили внешние бедствия верующих, особенно из иудеев, а также злоупотребление учением об оправдании верою. Поэтому в нем с особеною настойчивостью излагается важность добрых дел в оправдании. Кроме того, в нем даются

различные наставления и между прочим излагается учение о таинстве елеосвящения и исповеди.

Св. Иуда (брат) Иаковлев проповедывал в разных странах Азии и потерпел мученичество в Финикии. Ему принадлежит краткое соборное послание, в котором апостол предостерегает верующих от различных нечестивцев, которые «вкрадались» (Иуд. 1:4) в церковь и идут в ней путем Каиновы, причиняя соблазны на вечерях любви и всячески богохульствуя.

Св. ап. Филипп проповедывал во Фригии и Скифии и потерпел мученичество в Иераполе.

Св. ап. Варфоломей (Нафанаил), по преданию, путешествовал в Индию и принес туда Евангелие св. Матфея. После проповеди в Ликаонии и Армении, он, по преданию, или был казнен содранием с него кожи, или распят головою вниз в Албанополе, в Армении. Ему приписывается замечательное изречение, что «богословие в одно и тоже время и велико, и очень мало, и Евангелие широко и велико, а также сжато».

Св. ап. Матфей, по преданию, проповедывал в Парфии и Эфиопии и в последней потерпел мученичество чрез сожжение. По одному древнему свидетельству, он питался только травою и вел образ жизни, по своей простоте и самоотречению приближавшийся к аскетическому.

Св. ап. Фома называется апостолом Индии и, по преданию, основал христианские общины в Индии, и доселе называющие себя его именем. По другому преданию он проповедывал в Парфии. В четвертом столетии его гробница показывалась в Едессе.

Св. ап. Симон Зилот проповедывал Евангелие по одному преданию – в Вавилоне, по другому – на Британских островах, где и был распят.

Св. ап. Матфий, который избран был в число двенадцати по жребию, был из числа семидесяти. Проповедывал в Эфиопии, и потерпел мученическую кончину в Иерусалиме.

Этими скучными известиями и ограничиваются наши сведения о духовных родоначальниках новозаветного человечества. Эти светильники мира исчезли от наших чувственных взоров, но мы знаем, что они озарили и

просветили мир. Они не искали себе земной славы, но искали славы Божией и спасения человечества, и эта их деятельность увенчалась чудесным успехом. Рыбаки галилейские, обойдя весь мир, сделали такой чудесный «улов человеков», подобного которому еще не представляет история духовно-религиозной жизни человечества.

XLVII. Восстание иудеев и разрушение Иерусалима. Значение этого события в истории церкви

Все двенадцать апостолов, за исключением одного ап. Иоанна, закончили свою апостольскую деятельность раньше события, которое имело громадное значение для утверждения Церкви в мире, именно в смысле окончательного разрушения ложных мечтаний иудеев о земном мессианском царстве. Этим событием было разрушение Иерусалима и храма.

Иудеи никогда не могли примириться с наложенным на них игом языческих победителей и постоянно с ненавистью относились к римлянам, выжидая лишь случая, чтобы освободиться от них. В этом отношении они были самыми непокорными и мятежными подданными Рима. Все другие народы сравнительно легко мирились с наложенным на них игом, и даже некоторые из них считали для себя это иго благом, потому что сильная рука завоевателей водворяла внутренний и внешний мир на место нескончаемых междуусобных войн, истощавших их нравственные и физические силы. В религиозном отношении языческие народы также легко мирились с завоеванием и скоро привыкали видеть в римском пантеоне общее для себя святилище, а в римском императоре общее для себя воплощение божества. Совершенно иное дело иудеи. Вся их история отделяла их от языческого мира непроходимою пропастью. Как народ избранный, которому вварена была на хранение великкая религиозная истина, они справедливо считали себя светом, лучи от которого должны были со временем распространиться и на все другие народы. Это нравственно-религиозное превосходство в умах иудейского народа с течением времени приняло более вещественный характер и ожидаемый ими Мессия представлялся ими уже не только как избавитель человечества, но и политический завоеватель, пред которым должны были преклониться все другие народы. Эту мечту иудеи лелеяли в течение целых веков, и вот к ужасу их – ко времени пришествия Мессии, как указывали все признаки, они сделались рабами жестоких

язычников и вошли в качестве незначительного народа в составе громадной империи, где по-видимому должна была погибнуть политическая свобода всех народов. Таким образом все их мечты как бы разлетались в прах пред безнадежною и мрачною действительностью. Но они не могли примириться с этим и подчиненность римлянам считали лишь временною, ожидая, что придет же наконец ожидаемый Мессия и свергнет ненавистное иго. Когда истинный Мессия пришел, но не был признан ими как несоответствующий их ожиданиям, то это поставило иудеев в еще более печальное и безотрадное положение. Они видели, как целые массы народа признавали Мессией того именно назаретского Пророка, которого они не только отвергли, но и предали лютейшим мукам и позорнейшей казни, и это невольно подрывало в них и ту мессианскую надежду, которая доныне поддерживала их дух, так как невольно должна была заползать в их сознание роковая мысль, не действительно ли Мессию распяли они. Если так, то погибала всякая надежда на будущее. И вот, колеблясь между этими мрачными сомнениями и полуразрушенной надеждой, иудеи становились из года в год все более недовольными, раздраженными и мятежными. Этому не мало содействовали и сами римляне. К иудеям они относились с полным презрением и пренебрежением и, считая их самым грязным и злым народом, не старались даже о привитии им своих гражданских порядков, как они делали это с другими народами, а просто держали иудеев в своих суровых руках и смотрели на них как на доходную статью. Вся Иудея была отдана на откуп компаниям сборщиков податей, которые через своих подчиненных мытарей вытягивали из народа последние соки, повергая народную массу в неоплатные долги и нищету. При назначении самых правителей римляне не задумывались над выбором, и обыкновенно посыпали в Палестину лиц, которые уже едва ли годились для других провинций. Большинство прокураторов были люди без всяких нравственных правил, они смотрели на вверенную их управлению страну исключительно как на доходную статью и прибегали ко всевозможным вымогательствам и неправдам. Номинальные иудейские царьки,

будучи в полной зависимости от римлян, заботились единственно о поддержании добрых отношений с последними и с этой целью подавляли всякие народные движения. Высшие классы народа, особенно саддукеи, державшие в своих руках первосвященническое достоинство, были также чужды народу и, исключительно заботясь о своих собственных интересах, находили за лучшее бесславно пресмыкаться перед римскими властями, чем стремиться к политической независимости народа. Патриотизм сохранялся еще только среди фарисеев, которые только и мечтали о низвержении римского ига; но этот класс был слишком лицемерен, чтобы открыто принимать какие-нибудь меры в облегчении участи народа, и если стремился к политической независимости, то отнюдь не из участия к народу, а только из болезненного честолюбия, которое не находило достаточного удовлетворения при наличном состоянии вещей.

И вот таким образом иудеи более полстолетия с недовольством сносили ненавистное иго. С каждым годом иго становилось тяжелее, недовольство росло, и в тоже время меркла надежда на чудесное избавление со стороны Мессии. Прокураторы часто сменялись, но с каждым разом являлись все более хищные прокураторы, которые доводили иудейский народ до неистового ожесточения. Уже Феликс и Фест, которым приходилось рассматривать дело ап. Павла, озnamеновали свое правление многими жестокостями и неправдами, но следующий прокуратор Альбин был еще хуже и сделал из своей должности безобразный источник хищничества, так как за деньги продавал все, даже безнаказанность самым опасным преступникам. «Не было такого зла, говорит Иосиф Флавий, которого бы он не сделал во время своего правления». Но ему наследовал Гессий Флор, который даже превзошел его в этом отношении. По отзыву того же иудейского историка, это был как бы палач, присланный для казни преступников. Хищничество его было так велико, что опустели от его грабительства целые города и округи. Не довольствуясь этим, он хотел воспользоваться и сокровищами храма. От имени императора он потребовал, чтобы ему выдано было из храмовой сокровищницы семнадцать талантов. Когда иудеи отказали, то он хотел с вооруженною

силою проникнуть в сокровищницу. Но этого уже не могли вынести иудеи и воспротивились ему силою. Произошло уличное побоище, которое заставило Флора отказаться от своей попытки. Раздражение между тем достигло небывалой степени. В городе образовалась партия, решившаяся отложитьсь от римлян. В храме состоялось собрание под председательством Елеазара, сына Анании, и на нем решено было отвергнуть ежегодное приношение императора храму, делавшееся со временем Юлия Цезаря. Это был прямой знак отвержения зависимости от Рима, восстание против Кесаря. Отсюда сделалась неизбежною война, и действительно началась та знаменитая иудейская война, которая беспримерна в истории мира по сопровождавшим ее ужасам ожесточения и кровопролития.

Когда на окончательную просьбу удалить ненавистного Флора, иудеи получили отказ, то в Иерусалиме произошел мятеж и восставшие захватили в свою власть город и укрепленную башню Антонию, избив находившийся в ней римский гарнизон. Спасся только один сотник, который купил себе пощаду принятием обрезания. Державший римскую сторону первосвященник Анания спрятался было в водосточной трубе, но был найден, вытащен оттуда и убит. Мятеж распространился по всей Палестине и Сирии и сопровождался повсюду не только избиением римских гарнизонов, но и кровопролитными побоищами между греками и иудеями, смертельная вражда между которыми в это время достигла наибольшего ожесточения. Для подавления мятежа к Иерусалиму двинулся правитель Сирии Цестий Галл, но он при Вефороне потерпел поражение, которое еще более подняло дух мятежников и распалило их фанатизм. Тогда оказалось, что наличных римских сил недостаточно было для подавления восстания, и римское правительство отправило на место восстания Веспасиана, одного из лучших своих военачальников, которому дано было в распоряжение вполне достаточное войско для того, чтобы отомстить иудеям за понесенный римлянами позор. Веспасиан первый свой удар направил на Галилею, которая защищалась стотысячным войском из

молодых людей под начальством известного иудейского историка Иосифа Флавия. Понятно, что последнему трудно было с своим наскоро набранным и необученным войском выстоять против испытанной храбости римлян, и города падали один за другим, подвергаясь страшному истреблению со стороны раздраженных римлян. Первым городом пала Гадара, и в нем, равно как и в окрестных деревнях, все мужчины, женщины и дети поголовно были преданы избиению. В течение сорока шести дней И. Флавий защищал Иотапату; на 47 день она была сдана изменой. 40,000 иудеев пали во время осады, 1,200 были взяты в плен и город предан пламени. В Аскалоне было избито 10,000 евреев. В Иафии было убито их 27,000, а женщины и дети были проданы в рабство. На горе Гаризиме многие самаряне погибли от жажды, и 11,600 человек пало от меча. В Иоппии было избито 8,400 человек, а сам город сожжен. Но значительное число беглецов спряталось в руинах и жило грабежом и разбойничеством. С приближением римских воинов, эти иудеи бежали на корабли, но на следующее утро над ними разразилась буря, и, после ужасной сцены отчаяния, 4,200 человек из них утонули, и их тела выбросило на берег. Тарихея был сильно укрепленный город на берегу озера Тивериадского. Римляне обещали жителям пощаду, но не смотря на это, когда город был взят, 2,200 старых и малых были избиты 6,000 наиболее сильных отосланы были Нерону для работ по прорытию Коринфского перешейка, и 30,400 граждан этого и соседних городов, включая и тех, которых Веспасиан отдал Агриппе и, были проданы в рабство. После этого страшного истребления почти весь округ подчинился победителю. Гамала однако же еще противилась. Она считалась своими гражданами неприступною, так как построена была на вершине горы, доступной только по одной дороге, пересеченной глубоким рвом. Агриппа тщетно осаждал ее в течение семи месяцев. Тогда к ней приступил и сам Веспасиан. Теснимые голодом, от которого многие умерли, некоторые из граждан побросались вниз с крутизны или спасались чрез водосточные трубы. Наконец, римляне взяли и этот город. Опять произошло страшное избиение. Спаслись только две

женщины; 4,000 человек были избиты при защите, и 5,000 бросились сами вниз с крутизны. Все остальные, даже женщины и дети, были изрублены в куски или сброшены вниз со скал. Гора Фавор, которую укрепил И. Флавий, еще держалась. Римляне притворным бегством вызвали некоторых из ее защитников за город, а остальные были принуждены к сдаче вследствие недостатка воды. Так начался тот страшный суд над народом иудейским, о котором предсказывал некогда Христос, говоря, что «*тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира до ныне, и не будет*» (Мф. 24:21).

Смерть Нерона и провозглашение Веспасиана императором на некоторое время приостановили эту истребительную войну; но она началась опять и еще с большим ожесточением, когда Веспасиан поручил закончить начатое им дело усмирения иудеев своему сыну Титу. Тит прямо двинулся к Иерусалиму и начал правильную осаду его. Это было в апреле 70 (74) года. Тит располагал восьмидесяттысячным войском, которое и окопалось вокруг города. В Иерусалиме всего было только 2,400 обученных воинов, но город был переполнен десятками тысяч пасхальных поклонников и беглецов, которые теперь за стенами его искали себе убежища и принимали участие в защите стен своего города. Римляне делали мирные предложения, но иудейские зилоты не хотели ничего слышать и отвергали их. С обеих сторон были оказываемы чудеса храбрости, и если осаждающие превосходили своих противников военным искусством, то, зато осажденные возмещали недостаток у себя военной опытности почти безумною яростью в схватках. Но катастрофа была неизбежна. Все в этой осаде указывало на страшный суд Божий над иудейским народом. Это не было обыкновенное историческое событие, и это сознавалось самими иудеями. В городе носились рассказы о страшных предзнаменованиях предстоящей гибели. Еще лет за пять до осады в праздник Пасхи в Святом святых сиял в самую полночь какой-то таинственный свет, виденный в течение трех часов; огромные медные врата храма, для открывания которых требовалось двадцать человек, вдруг отворились сами собою и не могли быть закрыты. В праздник Пятидесятницы священники

слышали какой-то таинственный голос в храме, говоривший: «уйдем отсюда». Наконец на облаках видны были огненные воины, которые вели ожесточенную войну, покрывшую облака кровью. За четыре года до войны, когда город еще наслаждался миром, в Иерусалиме появился какой-то странный человек, по имени Иисус, сын Анании, и в праздник Кущей начал зловеще кричать в храме: «Голос от востока, голос от запада, голос от четырех ветров небесных! Голос против Иерусалима и храма, против мужей и жен; голос против всего народа». Народ пытался заставить его замолчать и подвергал всевозможным побоям, но он все продолжал повторять одно и тоже, прибавляя еще: «горе, горе жителям Иерусалима». Он не переставал делать эти зловещие возгласы до самой войны, и уже во время осады воскликнул: «горе и мне!» и был убит камнем, брошенным из римского метательного снаряда.

Осаждающие между тем все крепче облагали город. Иерусалим начал терпеть нужду в припасах, и многие стали бежать из него; но Тит начал предавать всех таких беглецов распятию. Самый город сделался местом самых безумных побоищ между соперничающими партиями и ужасных насилий и грабежей. Зилоты под предводительством Елеазара предались открытому разбойничеству. А римляне все подвигались к стенам, и их метательные снаряды производили страшное опустошение на улицах. Ко всем этим ужасам присоединился страшный голод. Все запасы, сделанные частными жителями, были разграблены зилотами, и все испытывали ужасные муки голода. Женщины и дети с плачем бегали по улицам, выпрашивая куска хлеба; молодые люди ходили как тени и замертво падали от изнеможения. Носились даже страшные слухи, как матери убивали и пожирали своих собственных детей. Ежедневные жертвы в храме прекратились за недостатком жертвенных животных и отсутствием священников, большинство которых или были избиты в самом городе, у самых жертвенныхников, или бежали из города и были распяты римлянами. Наконец римляне проломили городскую стену, ворвались в город и взяли приступом башню Антонию. Оставалось взять еще храм, так как около него и в нем

собрались все дошедшие до яростного исступления иудеи. Но и этот последней оплот иудейства не мог выстоять против напора римлян, и среди воплей, самоубийств и ужаснейшего побоища храм был взят и превращен в пепел. Великий жертвенник был завален убитыми. Дворы храма утопали в крови. Шесть тысяч испуганных женщин и детей с воплем ужаса погибли среди пламенеющих развалин храмовых притворов. Римляне поставили знаки своих легионов на том месте, где было Святое святых. Овладев верхним городом, они перестали убивать только тогда, когда окончательно истомились от побоища. По свидетельству И. Флавия, у Тита было искреннее желание сохранить храм, но его повеление не было исполнено его воинами, увлеченными яростным пылом битвы. С другой стороны, по свидетельству римского историка Сульпиция Севера, Тит имел преднамеренную цель искоренить христианство и иудейство одним ударом, думая, что если будет исторгнут иудейский корень, то христианская ветвь погибнет сама собою. Самые рослые и красивые юноши были оставлены для триумфа победителей. Из народа все свыше семнадцатилетнего возраста осуждены были на каторжные работы в египетских рудниках. Другие были отосланы в качестве подарка различным городам для убийства их дикими зверями или гладиаторами, или для взаимного истребления в провинциальных амфитеатрах. Молодые люди обоего пола продавались в рабство. Даже в течение тех дней, когда делалось это распределение, 11,000 человек погибли от недостатка пищи; одни – потому, что их стражка не хотела им дать ее, а другие потому, что не хотели принимать ее. И. Флавий определяет число пленных, взятых во время войны, в 97,000, а число тех, которые погибли во время осады, в 1.100,000. Все число погибших во время войны определяется страшною цифрою в 1.337,490, а число пленных в 101,700; но даже эти расчеты не включают всех потерь во время многих стычек и битв и не принимают во внимание множества тех, которые на протяжении всей страны погибли от бедствия голода и болезней. Можно вполне сказать, что народ этот был как бы обречен на истребление; 2,000 гниющих тел найдены были даже

в подземных ходах города. Во время осады все деревья в окрестностях были вырублены, и отсюда весь вид местности с ее обугленными и окровавленными развалинами настолько изменился, что всякий, кто бы вдруг прибыл в нее, не в состоянии был бы узнать, где он находится. Самый город был, по-видимому, столь неприступен с его массивными и несравненными укреплениями, что Тит открыто заявлял, что в этой победе он явно видит руку Божию.

Так совершился страшный суд Божий над иудейским народом, который по своей жестоковыиности не познал времени своего благодатного посещения, не принял обетованного Мессии и таким образом не исполнил своего великого предназначения. Как бесплодная смоковница, он был срублен у самого корня и прекратил свое национальное существование. Событие это имело чрезвычайно важное значение для Церкви. Оно показало даже иудействующим, которых было не мало среди христиан, что иудейство отжило свой век, и Ветхий Завет решительно прекращен всемогущею рукою Божией. Церковь Христова должна была стать в полную независимость от иудейского храма и Моисеева закона, и это все теперь совершилось само собою, при самых поучительных обстоятельствах. Когда в 120 году на развалинах Иерусалима построена была Элия Капитолина и христианам был позволен свободный доступ в нее, между тем как ни один иудей не смел приближаться к ней, то церковь иудействующих практически прекратила свое существование. «До этого времени», говорит Сульпиция Север, «почти все христиане в Иудее соблюдали закон, в то же время покланялись Христу как Богу; но по Божественному установлению это иго закона должно было быть снято от свободы церкви». Церковь Элии Капитолины не была уже по преимуществу иудейскою, и даже формально отдала себя от иудеев. В первый раз в 137 году она избрала своим епископом Марка из необрязанных язычников. Событие это многознаменательно доказывало, что даже в Иудее будущая судьба Христианской Церкви не была более в опасности от иудеев. Церковь тогда окончательно и навсегда освободилась от уз синагоги и могла спокойно осуществить предсказание

Христа о том дне, когда истинные поклонники будут поклоняться не на горе и не в Иерусалиме, а будут поклоняться на всяком месте – духом и истиной.

XLVIII. Удаление христиан из Иерусалима пред осадой его. Ап. Иоанн, его жизнь и деятельность

Страшный суд Божий, постигший народ иудейский за его неверие и жестоковыность, совершился во исполнение ясных предсказаний Христа. В своей прощальной беседе, под грустным впечатлением окончательного отвержения со стороны избранного народа, Христос предсказал, что он опять скоро посетит народ иудейский, но посетит уже в качестве грозного судии, для праведного возмездия ему. Посещение это должно было совершиться еще при жизни того самого поколения, которое повинно было в отвержении Христа и совершении ужаснейшего преступления богоубийства. «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет» (Мф. 24:34), и предсказание это в точности соответствовало страшной действительности. Сначала, говорил Христос, «услышите о войнах и о военных слухах; восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф. 24:6–7). И действительно весь восток в это время был в чрезвычайном возбуждении, Иudeя в открытом восстании, а войска из Испании, Галлии и Германии с одной стороны и из Иллирии и Сирии с другой устремлялись в Рим для решения вопроса, к кому после смерти Нерона должен был перейти императорский престол. «Будут глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24:7): и римские историки передают, что в это именно время с особеною силою обрушивались на человечество эти страшные бедствия. На небе были необычайные знамения: над Иерусалимом в течение целого года перед войной горела страшная комета в виде серпа, наводившая своим видом ужас на жителей. «Все же это начало скорбей» (Мф. 24:8). Вслед за ними должны были прийти дни, когда «враги обложат тебя (Иерусалим) окопами, и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не останется в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:43–44). «Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира до ныне, и не будет» (Мф. 24:21). Но этому

страшному суду должны были подвергнуться только иудеи. Все же «узнавшие время посещения» не подлежали ему и могли избегнуть его бегством из Иудеи в горы. Христос указал и признак, по которому христиане могли узнать о приближении бедствий, чтобы заблаговременно искать убежища. «Когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте, тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы» (Мф. 24:15–16). Всем хорошо известно было, что разумелось под мерзостью запустения. Это именно – водворение римлянами языческих знамен на священной почве св. города, и христиане воспользовались этим предостережением. Лишь только Тит расположился с своим войском пред городом и поднял свои языческие знамена, как христиане вспомнили об этом предостережении Христа и бежали в гористый город Пеллу за Иорданом. Иерусалим был обречен на неминуемую гибель, потому что в духовно-нравственном отношении он был труп, а «где будет труп, там сберутся орлы» (Мф. 24:28), – как они именно и собирались для растерзания этого трупа. Пелла сдавалась главным средоточием Церкви Христовой до тех пор, пока император Адриан не позволил христианам возвратиться на восстановленное пепелище погибшего города.

Этот страшный суд Божий совершился уже после смерти апостолов, которые, как и предсказывал Христос, в большинстве были преданы на мучения и убиты; но один из них пережил это бедствие, именно тот, о котором Христос сказал: «если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прийду» (Ин. 21:22). Это именно Иоанн, «ученик, которого любил Иисус» (Ин. 21:7). Ему суждено было долее всех других апостолов сиять на небосклоне апостольского века, и он сошел с апостольского поприща почти уже с окончанием этого века.

О жизни его после вознесения Иисуса Христа на небо известно очень мало. Приняв на себя великую обязанность сыновнего попечения о Пресв. Деве Марии, он всецело отдался исполнению этого высокого долга, и лишь изредка выступал на поприще открытой апостольской проповеди. Однако же он именно вместе с ап. Петром на первых порах был главным проповедником и провозвестником воскресшего Христа и ему

же пришлось одним из первых давать ответ пред синедрионом, привлекшим их к суду за проповедь о Христе. В течение этого времени ап. Иоанн видимо жил в Иерусалиме, хотя быть может по временам и отлучался из него в другие местности Палестины. При новом взрыве гонительской ревности синедриона он схвачен был с другими апостолами и ввержен в темницу. После чудесного освобождения ночью Ангелом, при рассвете следующего дня они еще раз были схвачены и приведены в синедрион. На этот раз они были арестованы без насилия, так как гонители опасались насильственного вмешательства народа в их пользу. До безумия однако же уязвленный твердостью апостолов, которые на всевозможные доводы первосвященника отвечали, в лице своего представителя ап. Петра, что они обязаны отказать в повиновении убийцам своего Господа, синедрион серьезно был занят вопросом: предать ли их всех смерти, и от совершения этого рокового преступления их отклонил только своим мудрым советом Гамалиил. Они решились однако же подвергнуть апостолов бичеванию, и тогда ап. Иоанн впервые узнал, что значило претерпеть позор и телесное мучение за своего Господа. Но это мучение не достигло имевшейся в виду цели. Апостолы радовались, что они сподобились перенести позор ради имени Христа, и ежедневно в храме проповедывали Его Евангелие. Затем, после путешествия в Самарию для утверждения новообращенных, ап. Иоанн почти совсем сходит с поприща исторически известной деятельности. О его движениях и жизни можно судить только по некоторым намекам в его посланиях и по сохранившимся о нем преданиям. Из Иерусалима он по-видимому направился по стопам апостола народов – в Рим, и там пережил страшное время гонения на христиан. Есть предание, что он сам подвергнут был мучению и ввержен в котел с кипящим маслом, но вышел из него еще более здоровым и юным. Хотя жизнь его и сохранена была для блага Церкви, но впоследствии он был схвачен в Риме и отправлен в ссылку на полупустынный остров Патмос, и именно «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 1:9). Там он удостоился великого откровения о будущих судьбах

Церкви и мира, каковое откровение и изложено им в «Апокалипсисе». По освобождении от ссылки, ап. Иоанн поселился на жительство в Ефесе, и эта столица Малой Азии сделалась центром его апостольской деятельности. Из Ефеса апостол мог следить за жизнью всех окружающих церквей и часто предпринимал путешествия для личного обозрения их.

Здесь апостол наблюдал за возрастанием церкви Христовой до конца своей жизни, и при нем с особенною ясностью стало развиваться то зло, от которого уже предостерегали и другие апостолы, именно зло лжеучительства. Зло это удобнее и скорее всего могло развиться именно в Ефесе, так как этот город был центром умственной жизни всей Малой и западной Азии и находился в постоянных сношениях с славившейся своими философскими школами Александрией. Там явилось много таких личностей, которые, не удовлетворяясь простым пониманием христианства, стали излагать его с философской точки зрения, и так как Евангельская истина не укладывалась ни в какую философскую систему, то являлось неизбежным извращение истины, доходившее до еретического заблуждения и полного отрицания христианства, т. е. до антихристианства. Таких антихристов было в Ефесе уже много, но самым видным из них был Керинф. Это был один из тех людей, которые колеблются подобно волнующемуся морю и увлекаются всяким ветром учения. Так, он перемешивал и перепутывал различные иудейские заблуждения с языческими представлениями, и из этой смеси у него образовалась собственная система, по своему духу совершенно еретическая. Он учил, что мир сотворен добродетелью или силою, гораздо низшею сравнительно с истинным Божеством; что Иисус родился не от Девы, а от Иосифа и Марии, и отличается от людей только необычайною добротою; что Божественный Христос только временно нисходил на человека Иисуса, именно во время крещения, а во время страдания Он опять отлетал в свою Плирому, будучи неспособен к страданию, и что вообще Иисус был только учитель, а не искупитель человечества. Все эти воззрения выходили у него из того ложного положения, что между Богом и

матерей не может быть никакого взаимообщения и Бог настолько удален от человека, что не может иметь непосредственного отношения с ним; отсюда само собой являлось отрицание воплощения Божества; а затем, так как материя считалась источником зла, то проповедовалось учение об угнетении матери или тела, и это естественно приводило таких еретиков или к чрезвычайному аскетизму, разрушавшему тело без должного обуздания его страстей, или же к антиномианской распущенности, которая тоже должна была разрушать тело, но совершенно противоположным путем, чрез постыдное самоуслаждение. Ясно, что такое учение и в религиозном и в нравственном отношении было полным отрицанием истинного христианства, именно было антихристианством. С этими то лжеучителями и приходилось бороться ап. Иоанну. Он их прямо изобличал как антихристов. «Всякий отрицающий, что Иисус есть Христос, Сын Божий», другими словами, всякий утверждающий, как утверждал Керинф, что исторический человек Иисус не был в полном смысле Бог, есть, по торжественному заявлению ап. Иоанна, антихрист (1Ин. 2:22). Вопреки этому лжеучению сам апостол торжественно проповедывал, что Иисус есть Христос, что Христос есть Иисус, что Иисус есть Бог, что Иисус не какое-либо отдельное существо от Сына Божия, но тождествен с Ним. По мнению гностиков, Божество «пришло и снизошло на Иисуса подобно птице по воздуху». Но ап. Иоанн свидетельствует всем своим Евангелием и посланиями, равно как и Апокалипсисом, что Бог сделался человеком и обитал в нашем человеческом естестве нераздельно. Привычный Сын Божий не только наполнял все существо Иисуса, который был Он сам, но также наполнял всех верующих, которые рождены от Бога, а не от «хотения плоти». Он наполняет все Божественною жизнью и славою. Все эти истины ап. Иоанн изложил в своих трех посланиях, особенно в первом, где он вместе с тем предостерегает верующих от *антихристов*, которых тогда появилось уже «много» (1Ин. 2:18). В этом же послании апостол с особеною силою внушает верующим любить друг друга, и «любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Ин.

3:18). «*Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь*» (1Ин. 4:8). Другие два послания ап. Иоанна более кратки и написаны – второе «избранной госпоже» (2Ин. 1:1) (неизвестно, отдельной ли личности, или церкви) и третье некоему «взлюбленному Гаю» (3Ин. 1:1). В обоих этих посланиях апостол восхваляет их любовь к истине, предостерегает от лжеучителей и людей злонамеренных.

В Ефесе же ап. Иоанн написал свое Евангелие, которое должно было служить историческим подтверждением всей его проповеди. Оно как бы написано на текст из его первого послания: «*Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир единородного Сына своего, чтобы мы получили жизнь через Него*» (1Ин. 4:9). И вместе с тем оно направлено было против тех лжеумствований, которые проникли из Александрии в Ефес и смущали простую веру христиан. Так как среди этих умствований было и учение о Логосе, проповедывавшееся иудейско-александрийским философом Филоном, и так как это учение наверно находило последователей и среди христиан, которые готовы были подводить под это модное в то время учение и все христианство с неизбежным егоискажением, то ап. Иоанн и начал свое Евангелие изложением истинного учения о том Божественном Слове, которое не было простым отвлечением ума, как учили Александрийцы, а «было в начале у Бога и само было Бог» (Ин. 1:1), и это «*Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как единородного от Отца*» (Ин. 1:14).

О жизни ап. Иоанна в Ефесе сохранилось насколько преданий, ярко рисующих этого доблестного стража церкви и последнего из апостолов. Одно из этих преданий рассказывает, что однажды он хотел войти в одну из больших общественных бань (термы), как вдруг его известили, что там находится Керинф. Услышав это, апостол тотчас же вернулся назад, восклицая: «убежим отсюда, чтобы баня не обрушилась на наши головы, ибо там Керинф, враг истины». Рассказ этот показывает, до какой степени апостол избегал общения с еретиками, и давал верующим наглядный пример, как нужно

удаляться тех еретиков, которые извращали основную истину христианства. Другое предание рассказывает случай, свидетельствующий о той полноте отеческой любви, которую пылал Иоанн к своим духовным чадам. По временам он предпринимал апостольские путешествия для обозрения церквей, рукоположения пресвитеров и вообще устроения церковных дел. В одном городе он увидел юношу замечательной наружности, красивого лицем и, по-видимому, одаренного превосходными способностями. Обращаясь к только что рукоположенному епископу, Иоанн сказал: «особенно препоручаю тебе этого юношу, в присутствии всей церкви, и беру Христа во свидетельство того». Епископ обещал иметь о нем попечение, а Иоанн, прежде своего возвращения в Ефес, еще раз повторил ему о своем препоручении. Епископ взял юношу к себе, воспитывал его тщательно и наконец окрестил. Воображая, что, запечатлев его печатью Христовой, он уже тем окончил дело свое, епископ ослабил свой надзор. Молодой человек ознакомился с другими юношами своего возраста и распущенной нравственности, стал вскоре злоупотреблять рано дарованною ему свободою. Сотоварищи завлекли его сначала на пиршества, затем повели его грабить ночью прохожих и наконец увлекли во множество преступлений. Юноша вскоре привык к порочной жизни и увлекся ею тем более, что одарен был замечательным умом. Падая все более, он из сотоварищей своих образовал шайку разбойников, а сам стал атаманом, и превосходил прочих в насилиях и жестокости. Несколько времени спустя, дела церковные снова привели Иоанна в тот же город. Устроив их, апостол обратился к епископу с требованием о возвращении ему залога, т. е. юноши. Епископ со слезами отвечал, что юноша тот умер, и «умер для Бога», добавил епископ, «предался греху, потерялся и стал разбойником; он оставил церковь и пошел в горы с шайкою душегубцев». Услышав слова эти, апостол разодрал одежды свои, глубоко вздохнул и, ударив себя по голове, сказал: «действительно, я оставил душу брата с хорошею стражею! Дайте мне коня и проводника!» В таком положении, как был, оставил он церковь, сел на коня и поспешно удалился. По прибытии в указанное

место был он взят передовою стражею. Вместо того, чтобы стараться умилостивить разбойников и бежать, он воскликнул: «ведите меня к начальнику вашему, я для того и приехал». Тот ожидал его вооруженным, но когда узнал Иоанна, то пораженный стыдом бросился в бегство от него. Апостол, не взирая на свою старость, бросился в погоню за ним, крича: «сын мой! зачем бежишь от отца твоего? Я стар и безоружен! Сжался надо мною!.. Сын мой, не бойся! Ты еще можешь надеяться на спасение. Я удовлетворю за тебя Христа, охотно умру за тебя, как Господь за нас умер. За тебя отдам я душу свою. Остановись и поверь мне... я послан от Христа». Наконец молодой человек остановился, опустил голову, отбросил свое оружие и повергся в объятия апостола, скрывая правую руку свою, виновную в стольких преступлениях. Он просил помилования и затем, трепеща, начал горько плакать, и слезы его были столь обильны, что стали как бы новым крещением. Апостол обещался исходатайствовать ему помилование от Господа, тут же молился вместе с ним, целовал его и затем, приведя его в город, опять ввел его в церковь Христову, как великий пример покаяния и живое торжество своей апостольской любви. Так он на деле исполнил заповедь Христа об отыскании заблудшей овцы и дал всем христианским пастырям пример истинно самоотверженной любви к своим пасомым, пренебрегающей для их спасения даже явною опасностью для собственной жизни.

В последнее годы своей жизни ап. Иоанн собирал вокруг себя учеников, которым и преподавал истины Евангелия. Среди учеников и слушателей его между другими были знаменитые впоследствии мужи св. Поликарп, Папий и другие. С летами он сделался уже так немощен, что не мог сам ходить в церковь и на христианские собрания, и ученики носили его туда. Но он не мог уже и поучать, как раньше, и беседу свою на различных собраниях ограничивал словами: «детки! любите друг друга». Ученики и братья, наскучив слушать от него все одно и тоже, наконец сказали ему: «учитель! зачем ты нам повторяешь это постоянно?» Иоанн же отвечал им следующими, истинно достойными его словами: «это заповедь Господня, и если

соблюдете ее, то и довольно». Он умер, достигнув почти столетнего возраста, и погребен был в Ефесе, где его гробница сделалась местом паломничества христиан, приходивших поклониться праху «ученика, которого любил Иисус» (Ин. 21:20).

XLIX. Священные книги Нового Завета. Книги исторические, учительные и Апокалипсис

С последним апостолом сошел в могилу последней очевидец дел Христовых на земле, тот свидетель, который «видел славу Его, славу как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Но с прекращением апостольского века Церковь не должна была лишиться апостольского слова, потому что иначе она осталась бы без надлежащего руководства в деле веры и жизни, память о делах и учении Христа и апостолов могла с течением времени затемниться и через это лжеучительство могло получить еще большую возможность затемнять светлую истину Евангелия своими человеческими измышлениями. Отсюда апостолы и первые их последователи скоро пришли квшенному им свыше убеждению о том, чтобы истинное слово Евангельской проповеди предать письменности и таким образом сохранить его на все времена. Так явились священные книги христиан, составившие с течением времени Новозаветный канон, т. е. правило веры и жизни Церкви Новозаветной. Первыми книгами были послания апостолов, вызванные необходимостью поучения церквей заочно, но затем явились и книги исторические, в которых подробно излагалась в поучение грядущих поколений история земной жизни Иисуса Христа и Его главнейших апостолов. Как в Ветхом Завете домостроительство Божие совершалось сначала устно и затем заключено было в писанный закон, так и Новозаветное домостроительство должно было со временем заключиться в письмена, именно с целью дать непреложное правило веры, на которое всегда можно было ссылаться при опровержении всякой возникающей ереси. Этую именно цель и имели в виду священные писатели Нового Завета, как это видно из их собственных заявлений. Так св. Иоанн писал свое Евангелие с той целью, «дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31) При исполнении этой великой задачи апостолы имели высшую помощь посланного им Духа Святого, который научал их всему и напоминал обо всем, что говорил им

Христос, основоположник Нового Завета. Отсюда то, что написано ими, имеет безусловную истинность, как об этом и говорит возлюбленный ученик: «сей ученик и свидетельствует о сем, и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин. 21:24).

Священные книги Нового Завета написаны разными лицами, в различное время и по разным побуждениям; но так как писатели были руководимы одним и тем же Духом Святым, то в многоразличии книг обнаруживается с различных сторон одна и та же истина, так что все новозаветные книги, соединенный в канон, составляют как бы одну целую книгу, разделенную на части. Всех книг в новозаветном каноне двадцать семь, и они разделяются на исторические, учительные и пророческие. К историческим книгам принадлежать четыре Евангелия и книга Деяний Апостольских; к учительным все апостольские послания в количестве двадцати одного и к пророческим книга откровения или Апокалипсис. Большая часть этих книг написаны на греческом языке, который, как самый распространенный в то время был наилучшим орудием распространения истины. Написанные на нем книги могли быть свободно читаемы самыми разно племенными народами – от Атлантического океана до Евфрата, так как знание этого языка считалось необходимою принадлежностью образования у всех народов, входивших в состав Римской империи, да и в самом Риме образованные классы не только считали своим долгом изучать этот язык и его литературу, но даже употребляли его в общежитии, как язык модный и интеллигентный.

Самою раннею из исторических книг признается Евангелие от Матфея. Оно написано, по преданию, через восемь лет по Вознесении, вероятно в Палестине. Автор его – апостол Матфей, возведенный Христом в высокое апостольское достоинство из презираемого положения мытаря. Как сборщик пошлин, он обязательно должен был уметь читать и писать, и это свое знание, употреблявшееся сначала на низкое дело – записи собираемых пошлин, он по возведении его в апостольство употребил на письменное изложение жизни Того Божественного Учителя, Который призвал его к высшей духовной жизни. Свое Евангелие, по преданию, он написал на

еврейском языке, так как предназначал его в поучение своим единоплеменникам, и именно книжникам, с целью указать на основании Св. Писания исполнение на Иисусе всех пророчеств, находящихся в Ветхом Завете о Мессии. Но еврейский подлинник в скором времени был переведен на греческий язык, и этот перевод, как явившийся в век апостольский и, следовательно, под высшим руководством апостолов или даже самого ап. Матфея, имеет значение равносильное с подлинником. Сообразно с назначением Евангелия, оно написано с тою целью, чтобы показать обращенным иудеям, что Иисус Назарянин и есть Мессия, Которого они ожидали. Следя за всеми событиями земной жизни Спасителя, ев. Матвей при каждом случае отмечает, как то или другое событие находится в теснейшем соотношении с ветхозаветным пророчеством. Отсюда у него постоянно повторяется изречение: «сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит» (Мф. 1:22; 2:15, 2:23 и др.). Всякое более важное сообщение подтверждается ссылкой на Ветхий Завет, и таких ссылок у него больше, чем у других апостолов, не менее 65, из которых в 43 случаях делается буквальная цитата, а в остальных лишь указание на общий смысл. Евангелие состоит из двадцати восьми глав, начинается изложением родословия Иисуса Христа от Авраама и оканчивается прощалью беседою Христа с апостолами пред Вознесением, когда Он повелел им идти научить все народы, крестя их во имя Отца, и Сына и Св. Духа, и дал им славное обетование пребывать с ними «во все дни до скончания века» (Мф. 28:20).

Второе Евангелие написано св. Марком, который в юности носил двойное имя – Иоанна Марка, причем последнее имя, довольно употребительное у римлян, было принято им сначала как прозвище, но затем оно с течением времени совершенно вытеснило собою первое, так что в посланиях ап. Павла о нем упоминается уже только под этим последним именем. Он был сын известной Марии, в доме которой не раз бывали собрания апостолов в Иерусалиме после Вознесения. В дом этой именно Марии прибыл ап. Петр после своего чудесного избавления из темницы (Деян. 12:12) и там именно в это время «многие

собрались и молились. С этого времени по-видимому юный Иоанн Марк глубоко привязался к верховному апостолу. Пылая юношескою ревностью потрудиться для Христа, он отправился с ап. Павлом и Варнавой (которому он доводился племянником – Кол. 4:10) в качестве прислужника во время их первого великого миссионерского путешествия, но не выдержал всех сопряженных с ним трудов и из Пергии возвратился домой (Деян. 12:25; 13:13). Это обстоятельство впоследствии послужило предметом не малой распри между ап. Павлом, который был недоволен таким нарушением со стороны Марка принятого им на себя обязательства, и Варнавой, который как дядя старался смягчить вину своего племянника и хотел взять его даже и во второе миссионерское путешествие, чему решительно воспротивился ап. Павел. Но это нисколько не унизило Марка в глазах глубокопроницательного апостола, который впоследствии сам призывал его к себе, во время своего второго тюремного заключения в Риме, как человека, который нужен был ему для служения (2Тим. 4:11) и который уже доказал свое усердие в служении апостолу во время его первого тюремного заключения (Кол. 4:10; Фил. 1:24). Он именно был связующим звеном между ап. Павлом и Петром, и из Рима путешествовал, по-видимому с поручением от узника Павла, в далекий Вавилон, где проповедывал Петр. Для последнего он был «переводчиком» – в буквальном ли смысл этого слова, или в смысле истолкователя учения ап. Петра, каким он и является в своем Евангелии, по преданию, записанном именно со слов ап. Петра. Из Вавилона он сопровождал своего учителя в Рим, и после мученической кончины ап. Петра послан был с проповедью в Египет и там основал церковь в Александрии, был епископом основанной им церкви и там же потерпел мученическую кончину. Свое Евангелие Марк написал по просьбе слушателей ап. Петра, желавших получить от него писанное изложение точного учения верховного апостола. В ответ на эту просьбу Марк подробно изложил все, что он слышал от ап. Петра о земной жизни Иисуса Христа, и вследствие этого его изложение отличается чрезвычайною наглядностью и живописностью,

обнаруживающими именно свидетельство ближайшего очевидца излагаемых событий. Евангелие свое он видимо предназначал сначала для язычников, отсюда оно отличается совершенно иным характером, чем Евангелие от Матфея. В нем редко делаются ссылки на Ветхий Завет, но зато часто объясняются различные иудейские обычаи, как напр. едение опресноков в праздник Пасхи, омовение рук и сосудов, – каковые объяснения были бы совершенно излишними для иудеев, как их действительно и обходит молчанием ев. Матфей. Евангелие написано им или в Риме, или в Александрии, между 50 и 60 годами. В нем изображается по преимуществу время торжественного служения Мессии, когда Он победоносно выступал против греха и злобы мира, и темой для него как бы служили слова ап. Петра: «*Как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых дьяволом, потому что Бог был с Ним*» (Деян. 10:38). Евангелие состоит из шестнадцати глав, начинается с изображения явления Иоанна Крестителя и оканчивается сообщением, как после вознесения Христа апостолы «*пошли, и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями*» (Мк. 16:20). В нем одном только между прочим рассказывается о том неизвестном юноше, который в ночь взятия Христа воинами выбежал на улицу в одном одеяле, и когда один из воинов схватил его за одеяло, то, вырываясь из рук воина, он оставил одеяло в его руках, и убежал совершенно нагой (Мк. 14:51–52). По преданию и вероятному предположению, юноша этот и был сам повествователь, св. евангелист Марк, умолчавший о своем имени.

Третье Евангелие написано св. Лукой, известным сотрудником ап. Павла во время его миссионерских путешествий. Имя Лука есть сокращенная форма от Лукан или Луцилий. Родом он был из Антиохии Сирийской, но неизвестно какого происхождения. По своему образованию он был врач, и ап. Павел называет его своим «взлюбленным врачом» (Кол. 4:14), так как вероятно не раз пользовался его медицинским искусством при своих различных немощах, так часто

удручавших его во время его великих трудов. Но медицинское образование не было достоянием высших классов в древности, и часто напротив составляло принадлежность нарочито обучавшихся для этого рабов. Можно думать, что он занимался медицинской практикой в приморских городах и на самых кораблях, и во время одного из путешествий ап. Павла он и сделался для него «врачом возлюбленным». По другому преданию, он был вместе с тем и живописец, и написанные им иконы доселе чтутся православною церковью как особая святыня. Неизвестно, когда он собственно был обращен в христианскую веру, но по одному преданию он был из числа семидесяти учеников Христа и таким образом был очевидцем событий земной Его жизни. Первое историческое свидетельство о его личности застает его в Троаде, где он присоединился к ап. Павлу и разделял с ним путешествие в Македонию, вследствие чего при описании этого путешествия в книге Деяний Апостольских он с этого времени употребляет первое лицо множественного числа «мы» (Деян. 16:10). Обращение его наверно совершилось раньше, иначе было бы что-нибудь сказано об этом, между тем он совершенно умалчивает о своем обращении и присоединяется к апостолу как уже вполне знакомое ему лицо. Св. Лука путешествовал вместе с апостолами до города Филипп и по-видимому остался там, так как о нем уже не упоминается в повествовании об остальной части второго миссионерского путешествия. Во время третьего путешествия он опять присоединился к апостолу и именно в Филиппах (Деян. 20:6) и путешествовал с ним через Милет, Тир и Кесарию в Иерусалим, и там видимо пребывал во время всех смут, поведших к тюремному заключению ап. Павла. С этого времени он уже не разлучался с ап. Павлом, путешествовал вместе с ним в Рим и разделял все ужасы страшного кораблекрушения, столь живо и подробно описанного им в книге Деяний. После смерти ап. Павла история совершенно умалчивает о нем, но он видимо продолжал дело своего великого учителя, который сам раньше высоко ценил своего «возлюбленного врача» и во втором послании к Коринфянам лестно отзывался о нем как о «брате, во всех церквях

похваляемом за благовествование» (2Кор. 8:18). По преданию, он потерпел мученическую кончину, получая таким образом венец наравне с большинством апостолов. – Свое Евангелие он, по-видимому, написал около 60 года по Р. Х. Во время путешествий с ап. Павлом он научился глубоко понимать его учение, как наиболее сильное и глубокое воспроизведение учения Христова в его многоразличных приложениях, и как очевидец дел Христовых он в подробности знал и земную жизнь самого Христа. Это по вдохновению Св. Духа и послужило для него побуждением написать Евангелие, которое он в частности предназначал для некоего «достопочтенного Феофила» (Лк. 1:3), очевидно пользовавшегося большим уважением в христианской церкви и желавшего «узнать твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк. 1:4). До этого времени уже были в обращении Евангелия Матфея и Марка, а также и другие различные повествования «о совершенно известных событиях» (Лк. 1:1); но ев. Лука хотел «*по тщательном исследовании* всего сначала, *по порядку описать*» (Лк. 1:3) достопочтенному Феофилу земную жизнь Спасителя, насколько он сам был ее очевидец и знал о ней от других «очевидцев и служителей Слова» (Лк. 1:2). Так как Феофил, по предположению, был из язычников, то и все Евангелие вообще было написано для христиан из язычников. Поэтому родословие Христа в нем ведется не от Авраама только, как в Евангелии Матфея, а от Адама, как родоначальника всех людей. Жизнь Христа излагается по преимуществу с ее исторической стороны, и повествование отличается обстоятельностью, особенно в первых главах, где излагаются события, предшествовавшие рождению Спасителя. Евангелие состоит из 24 глав и заканчивается повествованием о вознесении Христа на небо, после чего апостолы «*возвратились в Иерусалим с великою радостью, и пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога*» (Лк. 24:52–53).

Четвертое Евангелие написано «влюбленным учеником» Иоанном, который по высоте своего учения о Боге Слове получил в Церкви высокое название Богослова. Евангелие

написано им в Ефесе, уже в преклонные годы своей жизни. После разрушения Иерусалима Ефес сделался средоточием христианской Церкви на востоке, и вместе с тем был центром вообще умственной жизни востока, так как в нем сталкивались представители как греческой, так и восточной мысли. Там именно учил и первый ересиарх, Керинф, который искажал христианство именно привнесением в него грековосточных элементов, в свою очередь заимствованных им в Александрии. При таких обстоятельствах особенно необходимо было для Церкви иметь руководство для своей веры, которое бы обеспечивало от окружающих заблуждений. Имея в лице ап. Иоанна одного из ближайших свидетелей и очевидцев «служения Слова», христиане Ефеса стали просить его, чтобы он описал им земную жизнь Спасителя. В это время уже были Евангелия первых трех евангелистов, но только один из них, именно Матфей, был из числа двенадцати, но и он призван был уже после Иоанна и во всяком случае не принадлежал к кругу избраннейших учеников, чего именно удостоился Иоанн. Когда христиане принесли Иоанну и самые книги первых трех евангелистов, то он похвалил их за истинность и правдивость повествования, но нашел, что в них много опущено весьма важного. При повествовании о Христе, пришедшем во плоти, необходимо говорить о Его Божестве, так как иначе люди с течением времени начнут думать о Христе лишь по тому, каким Он являлся в земной жизни. Вследствие такого заявления христиане и просили его написать Евангелие в таком именно духе, и он соизволил на их просьбу. Поэтому он свое Евангелие и начал не с изложения человеческой стороны в жизни Христа, а именно Божественной стороны, с указания на то, что воплотившийся Христос есть Слово изначальное, то самое, которое «в начале было у Бога и Само было Бог» (Ин. 1:1), – то Слово, через которое все начало быть, что произошло. Такое указание на Божество и предвечное бытие Христа необходимо было также в виду распространявшихся Керинфом заблуждений касательно Иисуса, которого он считал лишь простым человеком, принялшим на Себя Божество только временно, в период от крещения до страданий, а также в виду

александрийских лжеучений о разуме и слове в их приложении к отношению между Богом и Его Словом изначальным. Что касается самого повествования, то оно служит именно дополнением к прежним трем Евангелиям. Все трое прежних евангелистов рассказывали по преимуществу о служении Христа в Галилее, так что многие важные события, совершившиеся в Иудее, обойдены ими молчанием. Дополняя их, евангелист Иоанн и описывает по преимуществу служение Христа именно в Иудее, причем Он именно повествует о посещении Христом Иерусалима на великие годовые праздники вместе с другими паломниками. Хотя таким образом в Евангелии Иоанна и восполнены многие события в жизни Христа, незаписанные в прежних Евангелиях, но жизнь Его так необъятна в своей деятельности, что, по собственному заявлению Иоанна, если бы писать о всем подробно, то и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21:25). Евангелие от Иоанна состоит из двадцати одной главы и заканчивается предсказанием Христа об ожидавшей Петра и Иоанна участи в будущем, а также и свидетельством самого Иоанна, что «истинно свидетельство его» (Ин. 21:24).

Четвероевангелием исчерпывается с четырех сторон земная жизнь Христа, насколько она может быть исчерпана в своей необъятности богодохновенными свидетелями истины. Но для поучения христиан недостаточно было описания жизни только самого Христа, потому что дело Его продолжали апостолы, задача которых состояла не только в том, чтобы поливать посеянное семя Евангелия, но и распространять его среди всех народов земли, за пределами земли обетованной. Такая деятельность не могла не оказывать весьма важного влияния на жизнь Церкви и потому необходимо было иметь сведения и о деятельности апостолов, по крайней мере вскоре после вознесения Христа на небо. Этой потребности Церкви и удовлетворил ев. Лука, когда он после своего Евангелия написал тому же достопочтенному Феофилу вторую книгу, известную под названием «Деяния святых Апостолов». Эта книга начинается с того, на чем оканчиваются Евангелия, т.е. с повествования о вознесении Господнем, после которого

апостолы возвратились в Иерусалим, и взойдя в горницу, «все единодушно пребывали в молитве и молении» (Деян. 1:14). В первых главах описывается, как избранием Матфия было восполнено священное число двенадцати апостолов, нарушенное гнусным предательством Иуды, и как эти ученики получили Св. Духа в день Пятидесятницы, того Утешителя Духа, Который, по обетованию Христа, должен был облечь их силою свыше и воспомянуть им все, о чем Он Сам говорил им. Затем рассказывается, как богодохновенные апостолы начали проповедывать о воскресшем Христе иудеям и язычникам и как те и другие были допущены в Церковь. Главным деятелем на первых порах был ап. Петр, которому именно выпала честь приобрести первых обращенцев из иудеев и ввести первых язычников в Церковь Христову. Но так как, в виду неверия большинства иудеев, Церковь в будущем должна была по преимуществу собирать себе чад из язычников, то Бог воздвиг особого апостола язычников, ап. Павла, описанием трудов которого и занимается вся остальная часть книги Деяний. Книга «Деяний Апостольских» состоит из двадцати восьми глав и заканчивается сообщением о том, как ап. Павел по прибытии в Рим в качестве узника «жил целых два года на своем иждивении, проповедуя Царстве Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28:30–31). Таким окончанием отчасти определяется и время ее написания. Она написана очевидно именно во время первых уз ап. Павла в Риме, когда при все ухудшающемся состоянии правительства в Риме трудно было надеяться на освобождение его от уз и потому приходилось считать деятельность апостола язычников как бы законченною.

После пяти исторических книг в новозаветном каноне следуют семь соборных посланий апостолов Иакова, Петра, Иоанна и Иуды. Соборными они называются или потому, что посыпались не к одной какой-либо определенной церкви, а целому округу или собору церквей, или потому, что они посыпались от лица Церкви соборной. За соборными посланиями следуют четырнадцать посланий ап. Павла к разным церквам и лицам и новозаветный канон заканчивается

пророческою книгою – Апокалипсисом или «откровением святого Иоанна Богослова».

Апокалипсис, по свидетельству св. Иринея, написан был Иоанном Богословом «в конце царствования Домициана». Это было время гонения на христиан, и сам ап. Иоанн был в ссылке на о. Патмос. Там, в этом невольном уединении на скалистом малонаселенном острове, апостол сподобился великого откровения о будущих судьбах Церкви. Будучи «в духе в день воскресный», он услышал громкий голос возвестивший ему: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу» (Откр. 1:10–11). Затем некто «подобный Сыну Человеческому» (Откр. 1:13) повелел апостолу написать послания ангелам (епископам) семи азиатских церквей, с выражением в этих посланиях похвалы или порицания за состояние той или другой церкви. Из этих посланий явствует, что требуется от церкви ее верховным Главою и какие именно дела могут служить к ее процветанию, равно как и приводить к упадку, и в них начертан Божественный план для деятельности пастырей церкви на все времена. После посланий было новое видение: «и вот дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего». И затем следует целый ряд таинственных видений, в которых под символами семи печатей, семи труб и семи фиалов ярости постепенно изображаются будущие судьбы Церкви в истории. Ей предстояло и предстоит перенести множество скорбей и бедствий, но так как с нею Тот, который сказал, что и врата адовы не одолеют ее, то все закончится судом над змием как воплощением исконного человеконенавистника и над его слугами, и тогда настанет бесконечное торжество Христа, брак Агнца с Его невестою Церковью, и последует полное обновление мира. «Се, гряду скоро, говорил в заключение Сын Человеческий, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр. 22:12). И свидетель всего этого таинственного и великого откровения отвечал: «ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20) и за ним повторяют это все

истинно верующие чада Церкви, чающие второго пришествия Господня – судить живых и мертвых.

Так составился канон книг Св. Писания Нового Завета. Но эти книги были богодохновенным воплощением веры христианской Церкви лишь в ее наиболее существенном содержании и отнюдь не исчерпывали всего, что составляло предмет этой веры. Рядом с Священным Писанием Церковь имела еще другой не менее важный источник учения, именно устное предание. Под преданием разумеется вся сумма религиозного знания, которая не вошла в книги Св. Писания и осталась достоянием церкви в устной передаче от одного поколения к другому. А эта сумма великая, потому что даже не вся жизнь Иисуса Христа вошла в книги и осталось незаписанным столько дел и чудес Его, что при подробном описании их самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21:25). Большинство апостолов также не оставили после себя писаний, и все их учение таким образом сделалось достоянием Церкви только в форме предания. Даже и те апостолы, которые записали свое учение, оставили многое из него незаписанным, хотя и весьма существенное для веры (2Фес. 2:15; 1Кор. 9:2 и др.). Некоторые из самых книг Св. Писания составлены писателями, которые, как напр. ев. Марк и Лука, не были личными очевидцами всех описываемых ими событий, а описывали их на основании устного свидетельства очевидцев и, следовательно, по преданию. Отсюда предание по своему содержанию гораздо шире Св. Писания и служило даже к определению канона и истолкованию последнего. Только при помощи предания можно было определить, какие именно книги написаны были богодохновенными учителями христианства в отличие от подложных сочинений, равно как и при помощи его только можно было правильно истолковывать все те места в св. книгах, которые оказывались неудобопонятными (2Пет. 3:16). Будучи достоянием Церкви, св. предание сохранилось в своей чистоте благодаря тому, что оно непрерывно проповедовалось пастырями и содержалось паствою, воплощалось во всем строе церковной жизни, в праздниках и обрядах, в благочестивых обычаях, в молитвах общественных и частных, в символе веры,

в правилах и в порядках христианского общества. Все это вместе, служа воплощением предания, и было тою сокровищницею, к которой Церковь всегда прибегала и в последующие века, когда нужно было выяснить ту или другую религиозную истину и опровергнуть то или другое заблуждение.

L. Первенствующая церковь и ее учреждения. Богослужение первенствующих христиан

Если для христиан оказалась потребность в священных книгах как воплощении того учения, которое составляло основу их веры и правило их жизни, то для них также необходимо было и богослужение, как внешнее выражение их внутреннего отношения к Богу и Спасителю Христу. Хотя по учению Христа в Новозаветной Церкви сужение Богу должно было совершаться в духе и истине, потому что Бог есть Дух, но этим положением отнюдь не исключалось внешнее богослужение. Им только разрушалось древнее верование, что богослужение должно ограничиваться одним определенным местом. Это последнее верование естественно вытекало из общего ветхозаветного домостроительства, по которому Бог для сохранения истинной веры среди погруженного в идолопоклонство человечества не только выделял особых личностей и целый народ в качестве носителей и хранителей истины, но и назначал особое место своего соприсутствия, каковым был храм иерусалимский, служивший наглядным знаменем истинной веры для всех, кто принадлежал к церкви ветхозаветной. Теперь, когда с основанием новозаветного царства к нему должен был принадлежать не избранный только народ, но весь род человеческий, такое ограничение места соприсутствия Божества сделалось излишним. Бог как Дух присутствует везде, где только собираются истинные поклонники, на всяком месте владычества Его. Это положение не только ясно высказано Христом в Его знаменитой беседе с самарянкою ([Ин. 4:23–24](#)), но и подтверждено прямыми изречениями, что где только соберутся два или три во имя Его, там Он посреди их. Всякое такое собрание верующих во Христа составляло церковь, которой предоставлялись известные права в отношении суда над отдельными ее членами, как видно из изречения Спасителя, что о согрешающем и нераскаивающем брате нужно поведать церкви, и если он не послушает и приговора церкви, то отсекается от нее и становится на один уровень с язычником и

мытарем (Мф. 18:17). Эти частные указания на церковь как особое учреждение нашли окончательное утверждение в том великом поручении, которое Христос сделал своим ученикам, когда Он дал им власть вязать и решить, велел идти во весь мир и крестить всех во имя Св. Троицы, и для исполнения этого великого дела ниспоспал им высшую помочь в лице Духа Святаго.

Как особое учреждение Церковь Новозаветная также должна была получить определенные внешние формы, которыми члены Церкви связывались между собою в одно целое тело. Во главе ее в век апостольский стояли родоначальники новозаветного человечества – апостолы, которые сосредоточивали в своих руках всю священную власть и вместе все обязанности священного служения. Это был век необычайных даров, когда преизбыток их, проявлявшийся часто в отдельных лицах и целых собраниях, делал излишним более точное распределение служений или обязанностей. Но с течением времени, когда с увеличением числа верующих усложнились обязанности служения, по необходимости должно было совершиться распределение этих обязанностей между отдельными классами служителей Церкви, и таким образом образовалась новозаветная иерархия с ее тремя священными степенями. Выделение происходило постепенно, по требованию обстоятельств. Сначала выделена была апостолами степень диаконов, как это и вызывалось необходимостью по случаю известного пререкания между Ереями и Еллинистами. Тогда именно апостолы нашли нужным и благовременным освободить себя от попечения о материальных нуждах Церкви, чтобы иметь возможность «постоянно пребывать в молитве и служении слова» (Деян. 6:1–4). Затем, когда обязанность проповедания Евангелия постоянно отвлекала апостолов от непосредственного духовного попечения о верующих, то из среды последних были избраны особенно достойные старцы, которые через рукоположение апостолов получали особый дар священства и становились пресвитерами отдельных общин или церквей. Такими пресвитерами чаще всего сначала были новообращенные из иудеев лица священного сана, которые

таким образом продолжали свое священное служение и в Церкви Новозаветной (Деян. 6:7). Сами апостолы продолжали оставаться высшими иерархами Церкви и в качестве таковых сладили за благосостоянием церквей той или другой области или страны. Но скоро Церковь распространилась так широко, что даже и этого высшего служения апостолам не представлялось возможности совершать лично, особенно когда им по делам миссионерства приходилось совершать далекие путешествия и надолго отлучаться от основанных ими церквей, как напр. это было особенно в жизни и деятельности ап. Павла. Чтобы не оставить некоторых церквей без ближайшего наблюдения за их внешнею и внутреннею жизнью, апостолы назначали особенно доверенных себе лиц епископами над отдельными округами и через рукоположение давали им власть в свою очередь рукополагать достойных лиц в низшие степени священства и вообще надзирать за состоянием церквей. Такими епископами ап. Павел назначил своих возлюбленных соработников Тимофея и Тита, которым впоследствии преподал особые правила и руководства в их служении, изложенные в обращенных к ним посланиях. Таким образом из апостольской власти, первоначально сосредоточившей в себе все служения, постепенно выделились все три степени новозаветной иерархи, как они существуют и теперь. Из такого способа выделения степеней становится понятным, что сначала степени эти не строго разграничивались между собой, так что епископы часто отправляли служение, составляющее принадлежность пресвитеров, вследствие чего и самые названия епископ и пресвитер не имели еще строго технического значения, что могло установиться только впоследствии. После выделения этих отдельных служений из полноты апостольской власти сами апостолы сделались верховными служителями Церкви, каждый в той области, где он проповедывал Евангелие и основывал церкви. Как представители отдельных церквей они были совершенно равноправны между собой, каждый заключал в себе всю полноту апостольской власти в Церкви; но чтобы через это не возникло какого либо разъединения в важнейших вопросах

учения и жизни, как это возможно было даже и для апостолов, которые как люди с сложившимися воззрениями могли расходиться между собою даже и при общем руководительстве их от Духа Святаго, то с этою целью положено было основание особого высшего учреждения в Церкви, именно собора, первый примерь которого и представляется в соборе Иерусалимском. Этому учреждению апостолы передали всю полноту своей власти, и соборы именно впоследствии решали все важнейшее вопросы, какие только возникали в Церкви в области учения и жизни.

Кроме трех иерархических степеней в Апостольской Церкви были и особые служения, обуславливавшиеся преизбытком даров Духа Святаго, составлявшим высокое преимущество Церкви этого именно века пред последующими веками. Таковы были служения пророков и евангелистов. Пророками назывались как те, кто имели дар предсказывать будущее, так и те, кто по особому Божественному вдохновению изъясняли Св. Писание чрез сопоставление ветхозаветных пророчеств с новозаветными событиями и тем подтверждали истину Евангелия. Такие пророки составляли особый класс учителей Церкви, каковыми были Агав (Деян. 11:27–28; 21:10), Иуда и Сила (Деян. 15:32). Даром пророчества иногда обладали и женщины, каковы были напр. четыре дочери диакона Филиппа, которые посвятили себя в девстве на служение Богу и Его Церкви (Деян. 21:9). Пророки предлагали свои наставления в церковных собраниях и были таким образом богодохновенными проповедниками с кафедры Церкви Апостольской, обладавшей и другими многоразличными и чрезвычайными дарами, каковым был напр. и дар языков, т. е. вдохновенного говорения на незнакомых языках. Пророки были обычными истолкователями таких проповедей (1Кор. 14:1–40). Затем были еще евангелисты или благовестники. Это были люди, посвятившие себя на проповедание Евангелия. Должность эта обыкновенно соединялась с одною из иерархических степеней, и ее исправляли по преимуществу сотрудники апостолов, каковыми были напр. диакон Филипп и Тимофей (Деян. 21:8; 2Тим. 4:5).

Как необходимы были в Новозаветной Церкви священные лица, так необходимы были и священные времена, которые исключительно посвящались на служение Богу. В Церкви Христовой всякое время было священно и посвящалось Богу; поэтому в ней сначала не было таких установленных законов времен, которые бы нарочито выделялись для особого служения Богу; христиане могли во всякое время и каждый день сходиться на собрания и совершать богослужение, назидаться чтением Св. книг и совершать вечери любви. Но такой порядок возможен был только в самое первое время, когда вся жизнь христиан всецело горела огнем восторженной веры. С течением времени, когда пыль первоначальной восторженности уступил место более спокойному состоянию, по необходимости должна была установиться система священных времен, на подобие ветхозаветных. Самым священным днём сделался день воскресения Христова, заменивший собою ветхозаветную субботу. В этот день в воспоминание радостнейшего события христиане обыкновенно собирались для общественного богослужения, как это было напр. в Троаде, где воскресное богослужение нарушено было падением юноши Евтиха (Деян. 20:7). За богослужением в этот день ап. Павел установил собирать милостыню в церквях Галатийских и Коринфской – в виду того именно, что богослужение этого дня посещалось большим числом христиан, чем в остальные дни. Ко времени написания Апокалипсиса воскресный день уже совершенно ясно обозначался, и в этот именно день, как наиболее священный, было видение ап. Иоанну (Откр. 1:10). Впрочем, многие из уверовавших иудеев не сразу перешли к празднованию воскресного дня и продолжали придерживаться ветхозаветной субботы, соединяя с этим празднованием постановления законнической праведности. Обличая таковых, ап. Павел и писал Галатам, чтобы они «не возвращались к немощным и бедным вещественным началам», не порабощали бы себя им и не наблюдали с фарисейскою привязанностью и формализмом «дни, месяцы, времена и годы» (Гал. 4:9–10). – Рядом с еженедельными праздниками вошли в употребление и годовые, каковыми были Пасха и Пятидесятница. Новозаветный праздник

Пасха совершался христианами в память страданий и воскресения Христа, которые прообразовались Пасхой ветхозаветною. Праздная новозаветную Пасху, христиане вместо заклания агнцев, как это было у иудеев, с торжеством совершали установленное Христом таинство евхаристии и приобщались Тела и Крови Христовых. Но в самом времени ее празднования церкви расходились между собою. На востоке христиане приурочивали его к четырнадцатому дню нисана и праздновали таким образом вместе с иудеями, но другие, и по преимуществу на западе, считали это совпадение неудобным и относили свою Пасху к ближайшему после этого числа воскресному дню. В этом разнообразии времени праздника не было ничего предосудительного, потому что Церковь не держалась с рабскою точностью определенных форм, тем более, что и тот и другой обычай находили освящение в предании апостолов – первый в предании Иоанна Богослова и второй в предании апп. Петра и Павла. Но так как впоследствии из-за этого вопроса возникли пререкания между восточными и западными церквами, то первый вселенский собор окончательно определил время празднования Пасхи в первый воскресный день после 14-го нисана, как именно праздновали его западные церкви. – Вторым годовым праздником был праздник Пятидесятницы. Так как он означенован был для апостолов сошествием Св. Духа, то в Церкви христианской с ним и стало по преимуществу соединяться воспоминание об этом великом событии. – Рядом с праздниками, как днями веселия, были и посты как дни покаяния. Сначала не было для этого установлено какого-либо определенного правила для всех, и христиане постились по внутренней потребности своей духовной жизни, помня наставления Спасителя о значении поста (Мф. 17:21). Пост обыкновенно соединялся с молитвой пред каким-нибудь великим делом, как это напр. было пред отпущением Савла и Варнавы на миссионерскую проповедь (Деян. 13:3). Определенных постановлений о посте не было, но можно с уверенностью полагать, что среди христиан, пылавших ревностью в подражании Христу, не было недостатка в лицах, которые по примеру Его постились не по одному или двум дням

в неделю только, как было у иудеев, но и содержали сорокадневный пост, получивший в Церкви название четырехдесятницы.

Что касается собственно священнодействий или богослужения, то оно слагалось постепенно. Первоначально оно состояло из молитв и песнопений, проповеди и пророчеств, заключавшихся совершением евхаристии, которая сделалась центральным пунктом христианского богослужения. Проповедывать позволялось всякому, кто только чувствовал призвание к тому, кроме женщины, но так как впоследствии такая неограниченность этого права приводила к беспорядкам, как это особенно было в Коринфе, славившемся своим искусством красноречия, то потребовалось ограничить это право и ввести некоторые определенные правила в этом отношении, как это и сделал ап. Павел в своем первом послании к Коринфянам (1Кор. 14). С течением времени проповедь сделалась почти исключительным достоянием предстоятелей Церкви. В общем богослужение было весьма простое, как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам. Хотя свидетельства эти по большей части относятся уже к послепостольскому веку, но между первыми веками до полного торжества христианства существовала такая тесная связь, что свидетельство об одном совершенно приложимо и к другому. Когда уже начались гонения на христиан, Плиний младший, наместник Вифинии, приказал произвести расследование касательно веры и жизни христиан. Добытые сведения он изложил в одном письме к императору Траяну. «Христиане», говорится в этом письме, «заявляют, что они имеют обыкновение собираться в определенный день пред солнечным восходом и петь общие песни Христу, как Богу; что они далее связывают себя обетом (очевидно разумеется обет, даваемый при крещении) не совершать никаких преступлений и особенно в том, чтобы сохранять себя чистыми от грабежа, воровства, прелюбодеяния, лжи и обмана. После этого они обыкновенно расходятся, но потом собираются опять, чтобы совершить общую трапезу и притом совершенно обыденную и невинную». Еще точнее изображает богослужение первенствующих

христиан Иустин Философ: «в воскресный день бывает собрание всех, которые живут в городах или селениях, и там читаются писания апостолов или книги пророков, пока у нас имеется время для того. Затем, когда чтение окончено, предстоятель обращается к собранию с словом назидания и увещания ревностно подражать тем славным примерам. После этого мы все вместе встаем и возносим наши молитвы, а по совершении молитвы, приносится хлеб, вино и вода, и предстоятель по возможности совершают молитвы и благодарения. Собрание отвечает возглашением «аминь», и затем происходит раздаяние освященных предметов, которые принимает всякий присутствующий и которые отсутствующим разносятся диаконами. Состоятельные и благорасположенные люди уделяют каждый по своему желанию, и собранные дары передаются настоятелю, который оказывает ими помочь вдовицам и сиротам, равно как и посещенным болезнью, находящимся в темницах, короче – всем тем, которые находятся в нужде». Сначала вместе с евхаристией, а затем и отдельно от нее, совершались «вечери любви», как на это уже указывается в письме Плиния. Вся община, как одно семейство, собиралась на общую трапезу. Тертуллиан подробно изображает эти вечери любви, как они совершались в его время. «Наша трапеза», пишет он, «самым своим названием показывает то, что она есть. Она обозначается словом, которым греки называют любовь (αγάπη). Производимые при этом расходы служат к поддержанию бедных ради милосердия. Это достойный повод к нашей трапезе. Поэтому судите о порядке нашего остального поведения, как он соответствует нашему религиозному долгу, который ничего не позволяет низкого, ничего неумеренного. Мы не садимся за стол раньше, чем не вознесена молитва к Богу; мы едим столько, сколько нужно голодному; мы не пьем больше того, сколько полезно стыдливым; мы насыщаемся в сознании, что и в течение ночи мы должны молиться Богу; мы говорим друг другу, помня, что нас слышит Господь. По окончании трапезы, все призываются к прославлению Бога, и кто может сообщить что-либо из Св. Писания или от своего собственного духа, тот и делает это. В

этом заключается испытание, насколько мы упились. Молитвою заканчивается все собрание и мы расходимся, не для того, чтобы заниматься бездельем на улицах, но чтобы продолжать свое упражнение в добродетели и честном житии». В недавно найденном «Учении Господа чрез двенадцать апостолов», древнейшем церковном документе, сохранились и молитвы, которые произносились при евхаристии. О хлебе произносилась такая молитва: «мы благодарим Тебя, Отче наш, за жизнь и познания, которые Ты даровал нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки. Как этот разломленный хлеб рассеян был на горах, собран был и сделался единым, так да соберется и Твоя Церковь от всех концов земли в Царство Твое. Ибо Твоя есть слава и сила чрез Иисуса Христа во веки». О чаше произносилась молитва: «мы благодарим Тебя, Отец наш, за священную лозу Давида, Твоего раба, которую Ты открыл нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки». Затем, в заключение следовала общая благодарственная молитва: «мы благодарим Тебя, Святый Отче, за Твое Святое имя, которому Ты уготовил место в нашем сердце, и за познание, веру и бессмертие, которые Ты открыл нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки! Ты, Всемогущий Господи, сотворил все ради имени Твоего. Пищу и питие дал людям, дабы они благодарили Тебя. Нас же Ты сподобил Божественной пищи для земной жизни чрез Сына Твоего. Помяни, Господи, Церковь Твою, спаси ее от всякого зла и пробуждай в любви Твоей, собери ее от четырёх ветров в Царство Твое, уготованное Тобою. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. Да придет благодать и да прейдет мир сей. Осанна Богу Давидову! Кто свят, да приступить к сему, кто нет, да покается. Маранафа. Аминь». После этого все приобщались Тела и Крови Христовой, все духовно соединялись на вечери любви и затем с поцелуем братства и мира расходились по домам. Это простое богослужение христиан отличалось такою искренностью и сердечностью, что, по свидетельству ап. Павла, даже неверные, видя и слыша его, падали ниц, покланялись Богу и говорили: «истинно с вами Бог» (1Кор. 14:24–25).

Таинство евхаристии, постоянно совершаясь при богослужении, было только одним из тех семи священных действий, которые получили название семи таинств и служили к освящению жизни христиан в ее различных отношениях. Эти таинства, сущность которых заключается в требовании святости от всех членов Церкви и в распространении действия благодати и даров Св. Духа на все стороны жизни, ясно выразились в определенных формах уже в век апостольский. Из них Крещение было как бы дверью в Церковь Христову, и оно совершалось через погружение в воду и предварялось наставлениями в вере. За Крещением следовало рукоположение и впоследствии Миропомазание, через которое низводились на новокрещенного дары Духа Святаго. Покаяние служило средством очищения от вновь содеянных грехов, и оно совершалось или пред всею церковью (в особенно важных случаях), или отдельно пред пресвитерами. Чрез таинство Священства низводились дары Духа Святаго на лица, призванных к священнослужению; таинством Брака освящался союз между христианскими супругами, и таинство Елеопомазания совершалось над больными в надежде исцеления и отпущения грехов. Освящая таким образом христианина во всех путях его жизни, таинства эти поддерживали начала святости в Церкви и делали ее, по слову апостола, святою и непорочную (Еф. 5:27).

L1. Жизнь первенствующих христиан. Чистота и святость семейной жизни. Положение женщин и детей. Рабы и господа. Любовь к ближним

Вера первенствующих христиан не была лишь внешним исповеданием, а проникала своею животворящею силою всю жизнь их, делая их «святыми и непорочными». Основывая Церковь как царство не от мира сего, Христос основывал особое общество людей, которые вопреки нравственному растлению окружающего мира должны были представлять собою истинный свет добродетели и быть солью земли. И христиане глубоко сознавали это и своею жизнью вполне оправдывали свое высокое назначение.

Так как древнее человечество разлагалось в самых своих основах, именно в семейном отношении, то для возрождения его необходимо было прежде всего оздоровить и возвысить семейную жизнь, и в Церкви Христовой она именно нашла для себя оздоровляющую соль. Христианство совершенно обновило семейную жизнь, предоставляя браку свободу, наполняя его новым духом, отводя женщине приличное положение, делая ее опять из рабыни мужа его помощницей. В древности брак, как и все другие отношения, имел свой центр тяжести в государстве. Целью его было производить граждан для государства. Поэтому и всякий обязан был по отношению к государству вступать в брак, и государство, в виду ослабления брачных связей, наконец считало себя в праве наказаниями принуждать к исполнению этой обязанности. Христианство провозгласило брак свободным, и, уважая личную свободу, предоставило каждому на волю, вступит ли он в брак, или нет. Оно, напротив, не только не принуждало к браку, но и придало особенное значение безбрачной жизни, в чем именно и проявилось торжество христианства над ложным языческим воззрением на брак. Возвысив его на степень Божественного установления, Церковь и совершила его соответственным этому воззрению образом. Он совершался с ведома и согласия общины. О предполагаемых браках докладывалось пресвитеру, и они

совершались с его благословения. Брак, заключенный без содействия Церкви, не считался у христиан истинным браком. В христианстве брак получил гораздо более высокую цель, чем какая была известна в язычестве. Он есть, по выражению одного христианского учителя, залог добродетелей для брачующихся, к их собственному воспитанию и воспитанию их детей для вечности.

Каждое семейство должно было служить отображением Церкви, по слову Спасителя: где соберутся двое или трое во имя Мое, там Я посреди их (Мфю 18:20). Муж и жена в христианском браке не только делались одною плотию, но и важнее того – одним духом, именно духом одной веры. Вследствие этого по необходимости возвысились и самое положение женщины в семействе. Хотя по Божественному установлению в браке муж должен быть господином, но весь характер домашности и семейной жизни определяется гораздо более женою, чем мужем. Потому-то в языческом мире и не могло быть здоровой семейной жизни, что женщина не занимала должного положения. У греков она была рабою мужа; у римлян, хотя и уважалась больше, но все-таки по отношению к мужу была совершенно бесправною. Древность никогда не признавала за женщиной полного человеческого достоинства. Полным человеком считался только мужчина. Христианство освободило женщину от этого рабства и этого бесправия, поставив женщину в равное положение с мужчиной во всем том, что было высшего в жизни, именно в отношении к Христу и Царству Божию. Она есть также сонаследница вечной жизни. «В том совершенстве», как выражает эту мысль Климент Александрийский, «одинаково должны участвовать муж и жена». Из этого само собою следует все остальное. Если она по естественному течению жизни и оставалась подчиненною мужу, то все-таки она уже не была его служанкой, а его помощницей. «Ты не почел недостойным рождения Твоего Сына от жены» – говорится в одной молитве древней церкви. Это рождение Сына Божия от жены дало женщине вообще другое положение. Правда, как Бог создал женщину для служения, так и в Церкви ее призванием было служить. Публично женщина не должна

была учить в собрании, потому что это значило бы предоставлять ей право, которое не принадлежит ей. Но так как все в Церкви есть служение, даже учительная должность и должность правления, то в этом не было никакого унижения для женщины, потому что таким постановлением ей отводилось лишь соответствующее место в порядке, установленном Богом при творении. Эмансипированные женщины суть продукт языческого духа, и во времена упадка, даже в Риме, не смотря вообще на низкое воззрение на женщину, было множество эмансипированных женщин, которые проводили ночи в кутежах с мужчинами и даже сражались в гладиаторском вооружении. Христианские женщины, напротив, достойно выступали как матери, которые воспитывали для Церкви истинно добродетельное поколение. Язычники часто смеялись над тем, что в христианских общинах так много было женщин. Вследствие этого они в насмешку называли христианство религией старух и детей. Но они скоро должны были узнать, что христианство делало из этих женщин, должны были невольно признать различие между языческою и христианскою женщиной. Там страсть к нарядам, суетность, безмерное кокетство, – здесь простота и естественность; там бесстыдство и распущенность, – здесь целомудрие и скромность; там женщины, проводившие свое время в приготовлении туалетов и за самым туалетом, которым они блистали в театре и цирке, в пиршествах и на праздниках, – здесь были жены, ставшиеся угодить своему мужу, матери, жившие для своих детей; там расслабленный ноль, искусственно накрашенный и убранный, – здесь героини, которые не бледнели и при виде львов в амфитеатре, которые спокойно склоняли свои головы под меч. «Какие женщины встречаются среди христиан!» изумленно воскликнул язычник Ливаний.

Евангелие впервые предоставило человеческие права и детям. В древности дети были совершенно бесправны. Отец мог безусловно распоряжаться ими по своему произволу. Он мог принимать их и воспитывать, но мог также, если только хотел этого, выбросить и умертвить. Римский закон «Двенадцати таблиц» выразительно признавал это право за отцом. Платон и

Аристотель снисходительно смотрели на то, если родители выбрасывали детей, которых они не в состоянии были воспитать, или которые, как слабые и больные, не могли быть полезными, государству. Тот, кто принимал выброшенного таким образом ребенка, мог распоряжаться им по своему произволу и даже обращать его в рабство. Отеческая власть над детьми была безгранична, простираясь даже на жизнь и смерть их. Христианство впервые научило людей смотреть на детей как на дар Божий, как на вверенный им залог, за который они были ответственны перед Богом. Оно налагало на родителей высокую задачу воспитывать своих крещенных детей как чад Божиих для Его Царства. Таинство крещения совершалось над всеми детьми, и таким образом и самые малютки делались участниками благословений и всех преимуществ христианства.

При таком взаимоотношении членов семьи всякий христианский дом был как бы храмом Божиим. В нем прилежно читалось слово Божие, ревностно и благоговейно совершались молитвы. «Если у тебя есть жена, говорится в одном древнем наставлении, то молись вместе с нею; брачный союз да не будет препятствием к молитве». Пред каждой трапезой они не только молились, но и вкушали часть принесенного из церкви благословенного хлеба. При каждом выходе и входе, при одевании и обувании, при умывании, при возжигании света, ложась и вставая они клали на себя крестное знамение; и это не был простой мертвый обычай, но живое воспоминание о Распятом, о крещении в Его смерть и о принятых на себя во время крещения обязанностях. Над всею жизнью христианина лежал отпечаток спокойной и священной серьезности. Христиане знали, что они соль земли и свет мира, и старались соответствовать этому призванию. Их взоры уходили в будущность к своему Господу, Который обещал прийти опять, и, в ожидании Его скорого пришествия, они с ревностью старались об освящении своей жизни, без чего никто не мог предстать перед Ним. Вся их жизнь была как бы военною службою под начальством Христа, их военачальника. Ему они в крещении клялись в верности, отвергаясь диавола и всех дел его. Их знаменем был крест; их паролем было исповедание веры; их

оружием, с которым они день и ночь стояли на страже, пребывая в бодрствовании, была молитва. «Не будем никогда ходить невооруженными», убеждает Тертуллиан, «днём будем находиться в стоянии, ночью в бдении. Во всеоружии молитвы будем охранять знамя нашего военачальника; молясь, будем ожидать трубы Архангела». Часто раздавались в христианских домах и псалмопения. Утро начиналось обычным чтением Св. Писания и молитвою, которая заканчивалась славословием, после чего все члены семейства давали друг другу поцелуй мира и расходились на свои дневные работы. Вечером день опять заканчивался общей молитвой и вечерней песнью, которая и теперь поется прав. Церковью, именно песнью: «Свете тихий».

Не менее благотворное влияние христианство оказало и на отношения между господами и рабами.«Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (Тит. 2:11). Перед таким благовестием не могло долго удержаться древнее рабство. Христианство заявляло, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). «Христианская праведность делает в наших глазах равными всех, которые носят имя человека», заявляет один древний учитель Церкви. «Он сын, а сыны свободны. Так как Христос освободил нас от греха и рабства закону, то во всем водворилась свобода. Где Дух Господень, там и свобода» (2Кор. 3:17). Между тем как у язычников достоинство человека ценилось по его внешнему состоянию, это последнее для христиан не имело никакого значения, и истинное внутреннее достоинство ценилось совершенно независимо от него. Раб или господин – это есть лишь нечто случайное. Раб может быть в истине, именно внутренне, свободным, а господин может быть в истине, именно внутренне, рабом. Есть только одно истинное рабство, и именно рабство греха, и одна только истинная свобода, именно свобода во Христе. Но поэтому именно Христианская Церковь совершенно далека была от мысли тотчас же освобождать рабов. Она даже и в этом отношении признает существующий порядок и учит рабов видеть в нем

Божие устроение. «Каждый оставайся в том, в чем он призван» (1Кор. 7:20), гласить основное правило апостола. Внутренняя свобода имела столь большое значение у христиан, что пред нею часто совершенно стушевывалась внешняя гражданская свобода. Тем не менее нельзя сказать, чтобы Церковь оставила все в прежнем положении. Новое начало внутренне изменяло и преобразовывало отношения господ и рабов. Обхождения с рабами со стороны их христианских господ и отношения христианских рабов к своим господам тотчас же делались иными. Они смотрели на себя как на братьев, и ап. Павел в послании к Филимону пишет о рабе его Онисиме: «прими его навсегда, не как уже раба, но выше раба, как брата возлюбленного» (Флм. 1:15,16). Между ними, как членами Церкви, уже не было никакого различия. Они собирались в тот же самый дом Божий, молились одному и тому же Богу, исповедовали одного и того же Спасителя, вместе пели священные песни, вкушали от того же самого хлеба и пили из той же самой чаши. Все это невольно совершенно иначе настраивало господина по отношению к своим рабам. Он уже не мог относиться как к бездушной вещи к тому, кто был его братом во Христе. Пред всяkim рабом, вступавшим в Церковь, открывались все ее преимущества, и он мог достигнуть даже епископства. Случалось впоследствии даже так, что раб был пресвитером той же самой общины, к которой принадлежал его господин как простой член. Это естественно часто приводило к освобождению рабов. Хотя Церковь и не настаивала на этом, чтобы не поощрять плотских стремлений рабов к свободе, но если господин сам отпускал раба, смотрела на это благосклонно, как на дело похвальное. Поэтому случаи освобождения бывали часто. Некоторые, обращаясь в христианство, освобождали всех своих рабов в самый день крещения, или избирали для их освобождения какие-либо торжественные праздники Церкви, особенно Пасху, чтобы засвидетельствовать о своей благодарности за воспринятую благодать. Об одном богатом римлянине времени Траяна рассказывается, что он, сделавшись христианином, в праздник Пасхи даровал свободу всем своим рабам, которых у него было

1,250 человек. С третьего столетия вошло в обычай освобождение рабов производить в церкви в присутствии священника и общины. Господин за руку подводил рабов к алтарю, там прочитывалась освободительная грамота и в заключение священник произносил благословение. И внешним образом дело ставилось так, что они должны были благодарить за свою свободу Церковь. Она являлась тем, чем была, именно, хранительницей и раздающейницей свободы. По своем освобождении рабы в христианской общине не оставляемы были на произвол судьбы, как это часто было в язычестве, а продолжали пользоваться содействием Церкви в устроении своей жизни. Их прежние господа считали своим долгом помогать им и делом, и советом, как своим христианским братьям, и таким образом они оказывались неотчужденными от общества, но делались его ближайшими членами, так как христианская община научала их правильно пользоваться своею свободою и воспитывала из них деятельных и полезных людей.

В основе такого отношения к рабам лежало то, что христиане совершенно иначе относились к труду. Он не считался у них, как у язычников, позором для свободного человека, но честью; христиане видели в нем не унизительное рабство, но Божественное установление, обязательное для всех людей. Ведь и сам Господь был тружеником, был сыном плотника, и апостолы были также тружениками: Петр – рыбаком, Павел – делателем палаток. Отцы Церкви часто говорят, что рабочие люди лучше знают Бога, чем языческие мудрецы. «Вы найдете у нас рабочих, – говорить Афинагор, – которые, если и не могут словами доказать преимущества нашего учения, доказывают его делами». Если для христиан закрыты были некоторые положения в жизни, как напр. военная служба, государственный должности, должности при храмах, на которых язычники зарабатывали себе хлеб, то тем больший почет и значение приобретал у них собственно ремесленный труд. Опоминавшееся выше «Учение двенадцати апостолов» повелевает общинам принимать всякого, кто приходит во имя Господне, но с испытанием. Если он странствующий, то по

возможности должно оказывать ему пособие; но все-таки он не может оставаться более двух или трех дней. «Но если он остался у вас и он ремесленник, то он должен трудиться и есть. Если он не знает ремесла, то по своему разумению заботьтесь, чтобы у вас не проживал какой-нибудь празднолюбец под именем христианина. Если он не хочет работать, то это человек, который делает из христианства промысел: – удаляйтесь от общения с таковыми». Так называемые «Апостольские постановления» также выразительно увещевают всех членов общины к усердному труду, «ибо праздных ненавидит Господь Бог наш». Епископу вменялось даже в обязанность помогать ремесленникам в приискании работы. Величайшие мудрецы древности, Платон и Аристотель, объявляли труд за нечто такое, чем не мог заниматься свободный человек, не унижая себя; ап. Павел убеждает, чтобы каждый трудился и ел собственный хлеб, и категорически поставляет правило: кто не работает, тот не должен и есть (2Фес. 3:10). И христианские общины действительно руководились этим именно правилом, из которого затем и создался новый мир, представивший в себе более великого и славного, чем сколько видели и могли воображать Платон и Аристотель.

В послании к Ефесянам ап. Павел, увещевая новообращенных христиан жить по правилу принятой им веры, говорит: «*кто крал, впред не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделять нищим*» (Еф. 4:28). В этих словах вполне определялось истинное назначение труда. Трудиться нужно не только для приобретения средств жизни для себя, еще менее для обогащения и наслаждения, но для того, чтобы служить братьям. Такого правила и держались христиане первых времен. Трудясь собственными руками, они своими заработками помогали своим нуждающимся собратьям. Для язычников это было нечто совершенно новое. «*Новую заповедь даю вам*» (Ин. 13:34), так Христос провозгласил свою заповедь о любви к ближним. «По тому познают вас, что вы Мои ученики, что вы любите друг друга» (Ин. 13:35). В древнем языческом мире все было совершенно иначе. Всякий исключительно преследовал свои

собственные интересы, нисколько не заботясь о других, потому что язычники знали только земную жизнь, и у них не было никакой другой цели, как счастливо прожить именно здесь. И самое счастье в основе было только насаждением, хотя оно и понималось то в более грубом, то в более высоком смысле. Собственная личность у них есть центр, около которого вращалось все. Античный человек презирал всех, кого он привлекал на служение себе, ненавидел всех, которые противились ему. «Человек человеку волк» – таково было основное воззрение древнего дохристианского мира. Отсюда он не знал снисхождения к слабым, сострадания к угнетенным. В этом отношении бессердечным эгоизмом проникнуты даже мысли Платона, благороднейшего среди древних мудрецов, о государстве. Все нищие, по его мнению, должны быть изгнаны из государства, бедных не должно принимать, если они больны. Если телосложение рабочего не достаточно крепко, чтобы противостоять недугу, то врач без смущения может оставить его, так как этот рабочий уже бесполезен для продолжения своего ремесла. «Плохую услугу, говорит Плавт, оказывает бедному тот, кто дает ему есть и пить, потому что то, что он дает ему, только ухудшает и удлиняет ему жизнь к его бедственности». Добро можно было делать только тем, которые нам делают добро; тех же, которые делают нам зло, можно было только ненавидеть, даже должно было ненавидеть их. По Аристотелю гнев и месть – законные страсти; без них у людей не было бы сильных побуждений к добру. О самоотречении, о любви, которая может больше давать, чем принимать, и особенно о любви к врагам древний мир не имел никакого понятия. Себялюбие было основным началом его жизни, а отсюда древний мир не знал никакой благотворительности. От этого бездушного себялюбия могла избавить человечество только любовь, провозглашенная христианством. И эта любовь возродила его. Жизнь первобытных христиан всецело проникнута была этою братскою любовью. Ничто так не изумляло язычников, ничто не было так непонятно для них, как эта именно любовь среди христиан. «Смотрите», кричали они, «как они любят друг друга!» Между собою христиане называли

себя братьями, и это братское имя было не словом только: они и в действительности жили как братья. Целование, которым они приветствовали друг друга при совершении евхаристии, не было простою формою; христианская община действительно была одним семейством, все ее члены – чадами единого Небесного Отца. Всякий служил другому, всякий молился за других. Все у них было общее. Даже незнакомец, приходивший издалека, если только он приносил одобрительное письмо от своей общины, доказывавшее, что он христианин, был принимаем как брат, и все относились к нему как к брату. «Они любят, не зная друг друга!», изумленно говорит один язычник. Все это, конечно, представляло полнейшую противоположность языческому изречению: «человек человеку – волк». Эта братская любовь затем расширялась до всеобщей любви к людям. Родившаяся из любви и живущая в любви христ. община была истинным органом для осуществления любви. Она прежде всего обнимала тех ее членов, которые каким бы то ни было образом нуждались в помощи, но затем расширялась, чтобы обнять любовью и тех, которые стояли еще вне общины. Ведь и их должно привлечь к христианской общине. Отсюда любовь действовала в миссионерском духе. Она никого не исключала, как никого не исключает и милость, из которой она происходит, не исключала даже врагов, даже гонителей.

В христианских общинах отдельные лица несомненно много совершали дел любви и от себя. Христианин ревностно следовал слову Господню: «просищему у тебя дай, и от желающего занять у тебя не отвратись» (Мф. 5:42). В «Учении двенадцати апостолов» говорится: «не будь таким, который раскрывает руки для взятия, но сжимает для давания. Не смущайся давать, и когда даешь ее делай этого с неохотою. Ибо ты узнаешь, кто есть славный создатель награды. Не отказывай нуждающемуся, но разделяй все с твоим братом, и не говори, что это твое. Ибо если вы сотоварищи в бессмертном, то кольми паче в земном».

Обыкновенною формою приношений было приношение для совершения вечери любви. Члены общины приносили свои дары большею частью натурой, и из них требующаяся часть

хлеба и вина выделялась для евхаристии, а остальное шло в пользу духовенства и бедных. Имена жертвователей записывались на таблицах, так называемых диптихах, и поминались в молитве. За умерших дары приносили их родственники в день поминования их, — обычай, который поддерживал живую и постоянную связь между настоящей и загробной общиной. Сами усопшие этим как бы продолжали служить общине. Затем делались приношения при особых обстоятельствах — по случаю радостных событий, в день крещения и т. д. Попечением общины призревались бедные, и особенно вдовы. Ап. Павел прилагал особые попечения о них и давал особые правила для выдачи им пособий. Если они действительно вели честную вдовью жизнь, то они пользовались высоким почтением в общине и попечениями до самой кончины, за что они в свою очередь должны были оказывать общине услуги, напр. в воспитании детей. Бедные сироты воспитывались под надзором епископа именно вдовами. Мальчики учились ремеслу и получали, по достижении известного возраста, необходимые ремесла для занятия; девицы, в случае если они не давали обета оставаться в девстве, вступали в брак с своими христианскими собратьями. Часто принимались и выбрасывавшиеся язычниками дети, которых иногда бывало много, и по христиански воспитывались вместе с другими сиротами. Христианская община принимала участие в них и в последующей жизни, в случае если их положение было особенно тяжелым и опасным для их христианской веры и христианской жизни, и вообще помогала им устроиться в жизни.

Таким образом любовь к ближним была знаменем всей жизни христиан, и поэтому именно знамени все могли узнавать, что это люди не от мира сего, а именно сыны Царства Божия на земле, ученики Христа, провозгласившего заповедь о любви.

LII. Борьба язычества с христианством и торжество Церкви

Хотя любовь не только к ближним, но и к врагам была главной заповедью, которую проповедывал Христос и Его апостолы, но древний языческий мир, закосневший в холодном себялюбии, не хотел понять этой заповеди и уступить место тем, которые осуществляли ее в своей жизни. Те начала, которыми жил древний языческий мир, были столь же противоположны началам христианства, как вода и огонь. При столкновении их по необходимости должна была начаться борьба. Сам Спаситель ясно предсказывал об этом, когда Он говорил своим ученикам: «не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Он не скрыл, какая борьба предстояла Его ученикам, борьба на жизнь и смерть. «И будете, говорит Он, ненавидимы всеми за имя Мое. (Лк. 21:17). Возложат на вас руки и будут преследовать вас. Будут отдавать вас в судилища, в синагогах своих будут бить вас (Лк. 21:12). И убивающий вас будет думать, что он совершает этим службу Богу (Ин. 16:2)». Все это так именно и было, да и не могло быть иначе, потому что языческий мир был царством греха, властвовавший в нем князь мира сего невольно почувствовал для себя в христианстве разрушительную силу, которой он неминуемо должен был уступить свое господство, сокращавшееся по мере распространения Евангелия, как благовестия об искуплении человечества от рабства греху и смерти.

Христианство от самого начала выступило с ясным сознанием, что ему предстоит покорить себе мир. Апостолы помнили, что они посланы были Господом проповедывать всем народам, крестя их в новую веру, и они самоотверженно исполнили великое поручение. С чудесною быстротою христианство перешло за пределы Палестины, начало распространяться среди язычников, сначала в Антиохии, откуда великий апостол народов пронес благовестие о нем из города в город через всю Малую Азию в Европу, в Грецию и оттуда в

самую столицу мира – Рим. С такою же быстротою христианство было распространено другими апостолами на восток, север и юг, до Вавилона, берегов Черного моря и Александрии, так что к концу апостольского века все громадное Римское государство было покрыто сетью христианских общин, живших между собою в самом тесном единении, а в самом Риме, по свидетельству Тацита, уже ко времени гонения Нерона, христиан было «огромное множество». Причиной такого быстрого распространения была как богодухновенная ревность христианских проповедников, которые как орлы крылатые пронеслись по всему миру с своим чудесным благовестием, так и самое состояние языческого мира, томившегося от неверия и нравственного растления и жаждавшего возрождения. На призыв христианства сразу же откликнулись все утружддающиеся и обремененные, особенно в низших классах, из которых главным образом и составлялись первые христианские общины, хотя в непродолжительном времени в Церкви стали появляться и лица из высших классов, и даже члены императорского дома. Но эти обращенцы были все-таки лишь отдельными избранныками, а остальной мир в своей необъятной массе оставался совершенно чуждым христианству и относился к нему не только с презрением, но и враждой, которая возрастала в кровожадную ненависть по мере самых успехов христианства.

Христианство по самой своей сущности было столь необычным и новым явлением и так не согласно было с теми воззрениями, которыми жил древний языческий мир, что язычники в своей массе решительно не способны были понять его. Для них прежде всего совершенно непонятным было уже духовное бого поклонение христиан. Без храма и идолов, без жертвенныхников и жертвы язычник не мог представить себе религии. Так как у первобытных христиан богослужение совершалось «в духе», т. е. без внешних церемониальных форм, то язычникам казалось, что они совсем не имели и не признавали Бога. Правда, они знали, что христиане говорили о каком-то невидимом, вездесущем Боге. Но для язычников это было непонятно. В одном христианском сочинении, написанном Минуцием Феликсом в защиту христианства, выведен язычник

Цецилий, который, защищая язычество, высказывает взгляды, общие в то время всему языческому миру. По поводу учения христиан о невидимом и вездесущем Боге он восклицает: «Какие нелепости воображают себе христиане! О Боге, которого они не видят и никому не показывают, они рассказывают, что Он приходит и уходит, знает и судит дела людей, их слова и даже тайные помышления. Они делают из Него какого-то шпиона, неутомимого сыщика, который постоянно в движении. Но как же Он может заниматься каждым человеком в отдельности, если Он сразу занят всеми? Или как может Он заботиться о всех, если Он всецело предан каждому отдельно?» Невидимый Бог в глазах язычников совсем не был Богом. Поэтому христиане казались им совершенными безбожниками и нечестивцами. «Долой безбожников!» – такой крик постоянно раздавался среди черни во время гонений на христиан. Если же они и допускали, что у христиан был свой Бог, то в отношении их рассказывались все те нелепости, которые приписывались иудеям, именно будто они поклонялись голове осла. Во втором веке было довольно распространено изображение, представлявшее фигуру человека с ослиными ушами, в тоге и с книгой в руках, и надпись гласила: «Это Бог христиан». Недавно в развалинах императорских дворцов в Риме, в одном месте, которое видимо служило караульней для часовых, найдено грубо начертанное углем на стене изображение, которое представляет висящего на кресте человека с ослиной головой и под нею стоять надпись, сделанная плохими греческими буквами: «Анаксамен молится своему Богу». Ясно, что это была насмешка солдат-язычников над своим товарищем из христиан.

Такие грубые религиозные понятия, какказалось язычникам, только и были возможны в той общине, которая состояла, по их мнению, из поддонков общества, разных безместных ремесленников и беглых рабов. Отсюда всякий образованный язычник относился к христианству с высокомерным презрением, которое переходило в отвращение вследствие того, что будто бы у христиан с грубой религией соединялась самая безнравственная жизнь. О них рассказывались чудовищные вещи. Их тесную связь между собой, их братскую взаимную

любовь, их крепкую привязанность друг к другу – даже до смерти, язычники никак не могли объяснить себе иначе, как предположением, что они принадлежали к тайному преступному союзу, вступление в которое будто бы сопровождалось страшною клятвою и ужаснейшими обрядами. В своих собраниях на вечерях любви, как с ужасом рассказывали язычники, христиане ели человеческое мясо и пили человеческую кровь. Во время подобной ужасной вечери, рассказывалось далее, они пьянели, гасили свет, и в наступившей темноте наступал самый отвратительный разврат и совершились самые гнусные оргии. Замечательно, что эти нелепые слухи находили доверие даже среди образованных язычников, и отголосок их заметен даже в сочинениях знаменитого историка Тацита.

Но и помимо этих слухов, нелепость которых неизбежно должна была обнаружиться с течением времени, христиане все-таки были ненавистны язычникам уже потому, что они, на их взгляд, были чужды всего великого, прекрасного и благородного, враждебны всякой гуманности и явные человеконенавистники. Так как происхождение самой их религии коренилось в варварстве и невежестве, то они естественно, по мнению римлян, презирали всякую науку и всякие искусства. Их учителя, как утверждал впоследствии известный противник христианства Цельс, будто бы проповедывали: «смотрите, чтобы никто из вас не предавался науке, лукава наука; наука удаляет от здравия души, от мудрости своей погибают люди». Так как христиане удалялись от общественной жизни, не принимали участия в удовольствиях язычников, не разделяли их интересов, то они считались негодными для жизни, как темный и боящийся всякого света класс людей. Жизнь их казалась язычникам безотрадною и мрачною. Забота христиан о спасении души была, на взгляд язычников, верхом безумия. Она была не только не понятна для них, но и положительно казалась им смешною, и таким образом христиане в их глазах были в одно и то же время и самыми неразумными, и самыми жалкими из людей, так как они ради неизвестного будущего, с целью избежать воображаемой муки и достигнуть

воображаемого блаженства, отказывались от несомненных благ настоящей жизни. Издаваясь над верованием христиан в загробную жизнь и воскресение, Цецилий восклицал: «ведь вы, несчастные, не восстанете опять и в то же время не пользуетесь жизнью теперь».

Все эти и подобные упреки, поддерживавшие ненависть и вражду в язычниках к христианам, делались совершенно опасными для последних вследствие того, что могли быть обращены в политическую сторону. Так как общественно-государственная жизнь была всецело проникнута язычеством, то, понятно, христиане по необходимости должны были удаляться от нее. Хотя апостол ясно заповедовал христианам «повиноваться вся кому начальству ради Господа» (Тит. 3:1) и «всякой власти предержащей», и христиане свято хранили эту заповедь, но вообще к языческому государству они все-таки должны были относиться отрицательно, так как их интересы уже не связаны были с интересами Римского государства и не совпадали с его величием и славой. Они избегали военной службы и общественных должностей, потому что всякий воин и должностной человек по самой своей службе обязаны были присутствовать при общественных жертвоприношениях. Вследствие этого язычники говорили о христианах: «вы народ ленивый, бесполезный и бездеятельный в государственных делах, так как всякому честному человеку надлежит жить для отечества и государства». Языческая религия была совершенно национальной и совпадала с интересами одного народа, между тем христианство выступало как религия всемерная, как религия для всех народов, а это была совершенно немыслимая вещь для язычников. Даже не римляне, даже варвары исповедующие Христа, считались у христиан братьями. Отсюда недалеко было до опасного упрека, что они и сами не римляне, а враги Римского государства. Так как христиане не принимали никакого участия в языческих празднествах в честь дня рождения императора и других подобных событий, то народ считал их изменниками и оскорбителями величества. Для римлян вечное могущество Рима считалось непреложной истиной, а между тем христиане учили о кончине всего мира, а,

следовательно, и Рима, и с радостной надеждой ожидали скорого наступления этой кончины, так как сами они, не имея пребывающего здесь для себя города, искали его в будущем отечестве. Отсюда у римлян невольно являлась мысль, что христиане замышляют погибель Рима. Если христиане и могли вопреки всего этого ссылаться на то, что они покорные и мирные подданные, что в своих общественных собраниях и в своих домах усердно молятся за царя и за всех, яже во власть суть, что они исправно платят подати и налоги, то все это было совершенно бесполезно. Между ними и языческим миром была такая противоположность, что столкновение было неизбежно, и оно выразилось в целом ряд кровавых гонений.

Хотя столкновение таким образом было неизбежно между христианством и язычеством, но первый противник, с которым встретилось христианство, был не языческий марь, а иудейский, который и содействовал ускорению и обострению столкновения. Пока христианство еще не получало внешнего могущества и распространения, оно было совершенно чуждо языческому миру, который даже не знал о его существовании как самостоятельной религии, отдельной от иудейства, и долго смешивал его с последним. Но иудеи сразу же почувствовали в нем грозную для себя силу. Распяв Христа за то, что Он оказался не соответствующим их ложным понятиям о Мессии и провозглашал Новозаветное Царство на совершенно иных началах, чем бы им хотелось, иудеи начали ожесточенно преследовать и Его апостолов. Как синедрион, так и чернь соперничали между собой в гонительстве христиан, и от иудеев именно пролилась кровь первых великих мучеников, каковыми были св. архиdiакон Стефан, ап. Иаков и многие другие славные мужи. Известно также, с какою яростью и кровожадною настойчивостью иудеи преследовали ап. Павла во время его великих миссионерских путешествий, когда они не только гонялись за ним из города в город, возбуждая против него повсюду власти и чернь, но и посыпали повсюду особых агентов с целью разрушать плоды его великого миссионерства, как это было в Галатии. Отвергнув Мессию и потеряв таким образом всю свою будущность, иудеи исступленно мстили за

это проповедникам христианства и, как бы предчувствуя свою историческую гибель, хотели уладиться кровью виновников этой гибели. Весь период апостольского века от вознесения Христова до разрушения Иерусалима представляет картину постоянных смут, возбуждавшихся гонительством иудеев на христиан. Эти смуты невольно должны были обратить на себя внимание римскихластей, и это именно послужило первым поводом к ознакомлению римлян с христианством, основателем которого они считали некоего Христа – возмутителя общественного порядка. Не смотря на эти смуты, римляне однако же долго не могли понять причин их, и потому, не различая еще христианства от иудейства, признавали его лишь одною из сект последнего, вследствие чего часто не обращали должного внимания на самые смуты как исключительно религиозные, и для прекращения их прибегали иногда к крутым мерам, вроде изгнания иудеев из Рима, как это было при императорах Тиверие и Клавдие, причем по-видимому указы безразлично применялись как к иудеям, так и к христианам. Это последнее обстоятельство еще более возбуждало злобу иудеев против христиан, так как из-за последних, по их мнению, им приходилось терпеть много неприятностей от язычников, и без того ненавидевших иудеев как самый негодный и человеконенавистный народ. Чтобы выйти из этого положения, иудеи стали всячески стараться о том, чтобы дать понять римлянам, что они совершенно не то же, что христиане, что последнее ничего не имеют общего с иудейством и представляют собою sectu всесветных возмутителей, между тем как сами иудеи – народ совершенно мирный и верноподданный. Так как иудеи благодаря своей обычной пронырливости и денежным оборотам, находившимся почти исключительно в их руках, пользовались весьма большим влиянием в Риме, то им и удалось наконец совершенно выделить себя от христиан и всю ненависть язычников направить именно на них, как опаснейших сектантов и врагов Римского государства. В этом они ко времени царствования Нерона успели уже настолько, что не только чернь, но и также просвещенные римляне, каким был историк Тацит, относились к

христианам с ненавистью и злобой, и когда Рим постигло страшное бедствие от ужасного, истребительного пожара, то Нерону не трудно уже было направить жажду мщения народа именно на христиан, которые и подверглись тогда ужасному избиению, причем иудеи не только остались совершенно в стороне от этого великого бедствия, но и по-видимому поощряли язычников в этом бесчеловечном кровопролитии.

С этого времени христиане уже ясно отличались язычниками от иудеев, и на них-то теперь направилась вся ненависть языческого мира, особенно когда с разрушением Иерусалима и разгромом иудейского народа последний потерял свое политическое существование, и на развалинах его стала с изумительной быстротою созидаться новый мир – христианский. Когда апостолы пронесли проповедь о Распятом до концов земли и повсюду появились особые общины, которые, всецело отличаясь от остального мира своею верою и жизнью, высотою и святостью их служили как бы наглядным изображением окружающего тления, то тогда-то князь мира сего и воздвиг на Церковь Божию всю политическую мощь, которую только располагал языческий мир. Но и все силы ада были не в состоянии одолеть Церковь, вечно пребывать с которой обетовал ее Божественный Основатель. Враги христианства с исступленною яростью начали проливать невинную кровь христиан, которую на протяжении трех веков орошалась почва всей Римской империи. Но и все ужасы кровопролитных гонений не могли уже остановить распространения христианства. Изумительная стойкость и самоотверженность христиан была лучшей свидетельницей истины их веры, даже в язычниках возбуждала невольное изумление и заставляла их пополнять ряды казнённых мучеников новыми обращенцами в гонимую веру, так что кровь христианских мучеников по истине была как бы семенем христианства. Несмотря на полное неравенство внешних сил борющихся сторон, победа заранее обеспечена была за слабейшей в этом отношении, именно за христианством. Как весенние воды, бурно устремляясь с гор, размывают на своем пути все ветхое и сгнившее, так и потоки христианской крови неудержимо размывали грозные на вид, но

истлевшие внутри твердыни языческого мира, и он неминуемо должен был рухнуть и рассыпаться в развалины, на которых должна была пышно взойти и расцвести нива христианская. Такой конец уже заранее предвидели христиане, и ап. Иоанн уже в первом столетии праздновал торжество и окончательную победу христианства, когда он богодохновенно воскликнул: «Вера наша есть победа, победившая мир» (1Ин. 5:4). И победа эта сделалась совершившимся фактом, когда на небе заблистал таинственный крест, на котором великий римский император прочитал надпись: «сим победиши». Крест с того времени сделался священным знаменем всякой истинной победы, и где с искреннею верою и любовью водружено это святое знамя, там и есть победоносное Царство Христово, Царство веры, надежды и любви.

Приложения дополнительных замечаний по отдельным вопросам из Библейской истории Нового Завета

I. Гражданская история иудеев от Рождества Христова до разрушения Иерусалима

Для более ясного понимания хода новозаветной истории необходимо некоторое знакомство с гражданской историей иудеев в это время. После смерти Ирода Великого, имевшей место вскоре после Рождества Христова, царство иудейское разделилось между его тремя сыновьями – Архелаем, Иродом Антипой и Филиппом. Первому досталась Иудея, которая вместе с Идумеей и Самарией составляла половину всего царства Ирода Великого и приносила 600 талантов дохода. Ему предоставлен был титул «этнарха» с обещанием дать впоследствии и титул царя, если он окажется достойным его. Ироду Антипе предоставлено было управление Галилеей и Переей с титулом «тетрарха» или четвертовластника, т. е. начальника четвертой части бывших владений его отца. Эти области приносили ему 200 талантов дохода. Филипп сделался четвертовластником областей Авранитской и Трахонитской, лежавших в северной части страны по восточную сторону Иордана. Во время управления этих сыновей Ирода Великого и прошла земная жизнь Спасителя, а отчасти и Его апостолов.

Архелай, сын одной из десяти жен Ирода Великого, родился в 21 году до Р. Х. и получил образование в Риме, где он воспринял в свою злую от природы душу все худшее, чему только можно было научиться в столице мира того времени.

Это был заносчивый, деспотичный, несправедливый и распутный человек, каковым он и заявил себя сразу же по восшествии на престол. Его непродолжительное десятилетнее управление ознаменовалось всевозможными угнетениями, несправедливостями и самым беззастенчивым распутством. Подобно своему отцу (который вероятно за сродство с собой во всех отношениях и любил его больше всех других сыновей), он вступал в беззаконные браки и то и дело менял первосвященников, все более унижая высокое звание первосвященства.

Когда Иосиф, получив извещение о смерти Ирода Великого, хотел возвратиться в Иудею, то, как известно, получил предостережение от Ангела не оставаться в Иудее, под владычеством Архелая, и это предостережение вполне было отголоском общего народного недоверия к последнему.

Его несправедливости скоро возбудили против него всеобщие жалобы императору Августу, который вследствие этого лишил его престола и отправил в ссылку в Виенну, в Галлии, а Иудея превращена была в римскую провинцию, отданную под управление особых римских сановников, так называемых прокураторов.

Прокураторы, в свою очередь, были в соподчинении у императорских правителей (префектов) Сирии. В их распоряжении находилось войско стоявшее в Палестине, они заведовали денежными делами вверенной им области, а также и всем судопроизводством, исключая тех дел, большую частью религиозного характера, который предоставлены были ведению синедриона. Им же исключительно принадлежало право произносить смертные приговоры, каковое право было в это время отнято у синедриона (Ин. 18:31). Главная их резиденция находилась в Кесарии, но они часто бывали в Иерусалиме, особенно по большим праздникам, когда стечание пришлых масс народа требовало особенного наблюдения за общественным порядком, чтобы предотвратить народные бунты и мятежи. Во время пребывания в Иерусалиме они обыкновенно жили в одном из Иродовых дворцов, в так называемой Претории, где и был трибунал правосудия. О большинстве прокураторов нам известно очень немного. Первым из них после низложения Архелая был Копоний, который управлял Палестиной под начальством Квирина, префекта Сирии, – того именно «Квириния», при котором раньше производилась известная перепись (Лк. 2:2). Он сразу же показал иудеям дух римского самовластья и присвоил себе право заведывания первосвященническими облачениями, употреблявшимися при богослужении в великие годовые праздники. Перепись послужила поводом к восстанию под предводительством Иуды

Гавлонита (Деян. 5:37). При нем первосвященником был сделан Анна.

Копоний управлял Палестиной четыре года, и после него были прокураторами Марк Амбивий (13–16 г. по Р. Х.), Анний Руф (16–19), Валерий Грат (19–30) и Понтий Пилат (30–40). Последние трое были назначены уже императором Тиверием, вступившим на престол в 15 году по Р. Х. Во время управления этих прокураторов первосвященники то и дело сменялись, и ко времени Понтия Пилата первосвященником был известный Иосиф Каиафа.

Самым известным из прокураторов был именно Понтий Пилат. Как и все другие прокураторы, он происходил из богатого сословия всадников и вероятно того рода Понтиев, который вел свою родословную от знаменитого самнитского полководца Понтия Телезина. При нем прошло все общественное служение Спасителя в Иудее, и при нем же Он пострадал и умер, о чем свидетельствует и Римский историк Тацит, говоря, что «Христос предан был казни в царствование Тиверия, прокуратором Понтием Пилатом».

По своему характеру, это был, как свидетельствует Филон, человек упрямый, жестокий и неумолимый. Он заявил себя многими жестокостями и несправедливостями. При нем было насколько взрывов народного недовольства. Первым поводом к взрыву был приказ его римским воинам войти в Иерусалим с своими языческими знаменами и изображениями императора; но когда это грозило восстанием и кровопролитием со стороны иудеев, видавших в этом страшное оскорбление своему «святому городу», то Пилат нехотя отменил свой приказ, затаив страшную ненависть к управляющему им народу. Во время народных вспышек в Иерусалиме он жестоко расправлялся с виновниками, и из Лк. 13:1 известно, как он казнил нескольких галилеян, смешав их кровь с кровью принесенных ими жертв. При нем было еще насколько смятений и взрывов недовольства, что наконец обратило на себя внимание префекта Сирии, Вителлия, который и донес на него в Рим и добился лишения его должности (в 40 г.).

Когда Иудея (вместе с Самарией) уже совершенно превращена была в Римскую провинцию и управлялась римскими прокураторами, другие области еще находились под управлением сыновей Ирода, именно Ирода Антипы и Филиппа.

Ирод Антипа управлял Галилеей и Переей, и под его именно властью жило св. семейство назаретское. Он царствовал с 1 по 43 г. по Р. Х., и часто упоминается в Евангелиях под именем просто Ирода (четвертого властника). Это был человек внешне образованный, крайне честолюбивый, расточительный, и подобно всем Иродам – распутный. Занимая весьма скромное положение и чувствуя свою полную зависимость от римлян, он пресмыкался перед ними и по своему льстивому коварству вполне заслужил данное ему Христом название «лисицы» (Лк. 13:32). Подобно своему отцу он был до страсти предан строительству и основал на берегу озера Галилейского новый город, названный им в честь императора Тибериадой и сделавшийся столицей Галилеи. В своей частной жизни он опозорил себя беззаконной женитьбой на Иродиаде, жене своего сводного брата Ирода Филиппа, и когда эта преступная связь нашла грозного изобличителя в Иоанне Предтече, то он по своей слабости сделался повинным в мученической кончине великого пророка, ставшего жертвой коварной злобы Иродиады. Совесть страшно мучила его за это великое преступление, и когда до него дошли слухи о деятельности Христа, то ему казалось даже, что это воскрес Иоанн и жаждал мщения. Вследствие этого он тайно подсыпал к Христу агентов с целью разузнать сущность дела и затем сам желал видеть Иисуса, но это ему удалось только уже во время суда над Христом, когда Пилат посыпал к нему Спасителя как жителя Галилеи и, следовательно, подлежащего его власти. Не смотря на свой низкий характер, Ирод имел не мало приверженцев, которые назывались «иродианами» (Мф. 22:16; Мк. 3:6). К концу своей жизни Ирод вел войну с своим тестем Аretой, аравийским князем, который хотел отомстить своему зятю за оскорбление своей дочери, отвергнутой Иродом после вступления его в незаконную связь с Иродиадой. При этом он потерпел жестокое поражение, и народ видел в этом

заслуженное наказание за его неверность жене и особенно за убийство Иоанна Крестителя. По навету брата Иродиады, Агриппы, он был лишен (в 43 г.) престола в качестве изменника Риму сослан в Лугдунум, в Галлию, где и закончил свою жизнь вместе с сопутствовавшей ему в ссылку Иродиадой.

Третий сын Ирода Великого, четвертовластник Филипп, был во всех отношениях достойнее своих сводных братьев – Архелая и Антипы. Он мирно управлял вверенными ему областями и занимался строительством и улучшением своих городов. Так он расширил и украсил город Панию, у подошвы Ливана, переименовав его в Кесарию Филиппову (для отличия от Кесарии на берегу Средиземного моря); селение Вифсаиду, на северо-восточном берегу Галилейского озера, он возвел на степень города, переименовав его в Вифсаиду Юлиину, в честь Юлии, дочери Августа. Он женат был на Саломии, дочери Иродиады, – той, что своей пляской добилась головы Иоанна Крестителя, – но был бездетен, умер (в 38 г.) в Вифсаиде Юлииной и был погребен со всеми почестями. Его области были присоединены к римской провинции Сирии.

Таким образом Палестина мало по малу по частям поглощалась римлянами. Но благодаря одной случайности, она временно опять получила некоторую самостоятельность. При римском дворе среди других Иродианских князей был внук Ирода Великого Агриппа, сын умерщвленного Аристовула. Он сумел особенно сойтись с Каем Калигулой, оказал ему важную услугу при самом восшествии на римский престол, за что и был награжден предоставлением ему в управление бывших областей Филиппа четвертовластника с титулом царя. Пользуясь своим влиянием при римском дворе, он затем добился и того, что ему отданы были и области, находившиеся под управлением Ирода Антипы, т. е. Галилея и Перея; а по восшествии на престол императора Клавдия – ему отданы были и Иудея с Самарией, так что он сделался царем всей Палестины и стал называться Агриппой I. Чтобы удержать за собой это положение, он всячески старался заискивать у сильной фарисейской партии; будучи в душе язычником, лицемерно исполнял все законы Моисеевы и в угоду фарисеям

сделался гонителем христиан. При нем именно потерпели мученичество ап. Иаков (Деян. 12:2) и ап. Петр был ввержен в темницу, из которой получил чудесное освобождение. После непродолжительного царствования, Агриппа I неожиданно получил удар, будучи поражен Ангелом в театре, в Кесарии, где он по примеру римских императоров хотел принять богочествование от народа. Подобно своему деду, он страдал омерзительною болезнью и был изъеден перед смертью червями (Деян. 12:20–23). После его смерти вся Палестина опять сделалась римской провинцией и управлялась прокураторами. Среди них наиболее известны Антоний Феликс (с 56–64) и Порций Фест (64–66), – те прокураторы (четвертый и пятый по порядку), пред которыми ап. Павел защищался от обвинений иудеев (см. гл. XL и XLI «Руководства»). В 54 году сын Агриппы I, Агриппа II получил в управление небольшую область Халкиду, на Ливане. Три года спустя он добился титула царя, а также присоединения к своему владению бывших областей Филиппа, а с восшествием на престол Нерона – и некоторых частей Галилеи и Переи, включая и город Тивериаду. Этот-то Агриппа II во время своего официального визита прокуратору Фесту, сделанного им вместе с своей сестрой Вереникой, выразил желание выслушать дело узника Павла, который и получил возможность произнести великую проповедь о христианстве пред блестящим собранием высших представителей языческого и иудейского мира. Агриппа II всецело был предан Риму, и когда началось великое восстание иудеев, поведшее к истребительной войне и разрушению Иерусалима, он держал сторону римлян. После разгрома иудейского народа и его столицы, он удалился в Рим, где и умер в третьем году царствования Траяна, около 104 года по Р. Х.

Всевозможные злоупотребления прокураторов, управлявших одновременно с Агриппой II областями Палестины, не входившими в пределы его царства, мало по малу довели народ до яростного ожесточения и восстания, которое и привело к гибели Иерусалима и храма в 74 (70) году.

II. Год Рождества Христова

По общепринятой хронологии Рождество Христово имело место в 754 году от основания Рима. Но эта хронология, как обязанная своим происхождением монаху Дионисию Малому, жившему в VI веке по Р.Х., не имеет никакого авторитета и по исследованию новейших хронологов оказывается неверною. Она полагает рождение Христа на четыре года позже, чем следует. Теперь вполне и достоверно известно, что Ирод Великий умер в 750 году от основания Рима, а так как Христос родился по крайней мере за несколько месяцев до его смерти, то годом Рождества нужно считать конец 749 или начало 750 г. от осн. Рима. Таким образом все хронологические данные, приводимые в предыдущем приложении, для приведения их в согласие с научно-установленной хронологией должны быть уменьшены на четыре.

III. Префект Квириний и перепись иудейского народа

Полное имя Квириния – Публий Сульнидий Квирин. Он был римским консулом в 12 году до Р. Х. и сделан был префектом Сирии после низложения Архелая в 10 г. по Р. Х. Ему поручено было произвести полную перепись собственности в Сирии, что он и исполнил, распространив перепись и на Иудею. Но так как эта перепись относится уже к более позднему времени, к началу второго десятилетия по Р. Х., то возникает вопрос, каким образом ев. Лука говорит (Лк. 2:2), что при Квиринии именно производилась та перепись, во время которой родился Христос в Вифлееме. В это время префектом Сирии по-видимому был Сентий Сатурнин. С целью разрешения этого затруднения высказывалось много различных предположений, и по одному из них допускается даже возможность ошибки со стороны ев. Луки. Но это последнее предположение не может быть принято, так как все повествование ев. Луки обнаруживает самое точное и полное знакомство со всеми обстоятельствами великого события. Поэтому правдоподобнее другое предположение, что Квириний два раза был префектом Сирии, и в первый период его управления, ему как опытному в этом деле правителью поручено было Августом произвести в Иудее всенародную перепись, которая вследствие этого и называется у ев. Луки «первою».

IV. Мытари

Среди самого презренного в глазах набожных фарисеев класса людей в Евангельском повествовании часто упоминаются «мытари», так называемые по-гречески τελόναι. Это были те portitores, или низшие служащие, чрез которых собирались подати и пошлины. Римский сенат обыкновенно отдавал сбор налогов и пошлин на откуп особым компаниям капиталистов, которые вносили причитающуюся с той или другой провинции сумму в государственное казначейство (publicum, откуда и сами они называли publicani), и затем уже сами по своему взимали ее с населения провинции. Откупщиками естественно были люди из богатейшего класса, именно из класса всадников (equites). В провинциях для сбора пошлин они имели особых директоров, в распоряжении которых были многочисленные мелкие служащие, portitores, мытари, настоящие сборщики податей и пошлин. Система эта очевидна давала большой простор для всяких злоупотреблений. Откупщики принимай все меры к тому, чтобы взять с той или другой провинции заплаченную в казначейство сумму с хорошим избытком или процентом, вследствие чего всячески поощряли своих служащих, которые и усердствовали в угоду им, часто прибегая к излишним и незаконным поборам, обманам и вымогательствам. Из среды самих иудеев за это ремесло обыкновенно брались все те хищники, для алчности и бессердечия которых не было ничего невозможного. Так как строгие иудеи и законники считали незаконною и самую уплату податей и пошлин языческому правительству, то на мытарей смотрели не только как на негодных и презренных людей, но и как на изменников и отступников. Их обыкновенно причисляли к одному классу с грешниками (Мф. 9:11; 11:19), блудницами (Мф. 21:31–32), язычниками (Мф. 18:17). Есть и пить с ними считалось зазорным делом и совершенно несовместимым с достоинством всякого более или менее признанного учителя или раввина. Но Спаситель Своим примером показал, что и в мытарях жила та же человеческая душа с тлеющей в ней искрой

добра, и Своим Божественным словом не раз воспламенял эту искру и возрождал все существо ее к лучшей нравственной жизни, как это и было с Матфеем и Закхеем.

V. Погибель Иуды предателя

О погибели Иуды уже в раннее время существовали неясные представления, давшие повод к различным последующим сказаниям. О ней рассказывается в двух местах, в Евангелии Матфея 27:5,7 и Деян. 1:18, и эти два указания настолько разнятся между собой, что для соглашения их необходимо прибегать к дополнительным предположениям. Смысл повествования книги Деяний указывает как бы на то, что Иуда «низринулся» с какой-то горы в пропасть, так что от сильного падения «расселось чрево его и выпали все внутренности его»; тем не менее предание, сохраненное в древних апокрифических документах и перешедшее в народные сказания, предпочтительно держалось и держится самого простого понимания выражения св. Матфея, что предатель «удавился», т. е. повесился. Объ этом свидетельствует напр. апокрифическое евангелие Никодима, в котором подробно излагается история приготовления Иудой себе веревки для повышения (см. Скворцова, «Жизнь Иисуса Христа по евангелиям и народным преданиям», стр. 276). Церковной археологии известны два изображения, которые наглядно представляют этот способ самоубийства предателя. Одно находится в сирийском манускрипте Рабулы (см. снимок в церковно-археологическом словаре Смита, стр. 891) и другое на слоновой кости в Британском музее (снимок с него в церковно-археологическом словаре Крауса, стр. 75, т. II). В обоих случаях Иуда изображен висящим на веревке, привязанной к суку какого-то покрытого листвой дерева. Так же совершенно представляет себе кончину предателя и воображение различных христианских народов и, между прочим, русского.

Русский народ, как известно, весьма категорически определяет и дальнейшую подробность, именно, что Иуда удавился на «горькой осине», которая с того-де времени и дрожит в своей листве. Против этого возражайте, что подробность эта совершенно неосновательна, так как в Палестине нет даже осин. Но мы склонны придавать народному

преданию гораздо больше значения и не считаем особенною смелостью признавать в нем некоторое фактическое основание. К этому нас побуждаете то обстоятельство, что самое мнение (довольно распространенное), будто в Палестине нет осин, едва ли основательно. Во всяком случае с достоверностью известно, что в Палестине водятся тополи, и о них не раз упоминается в Библии, а осина, как известно всякому даже неспециалисту-ботанику, есть лишь одна из разновидностей тополя, так называемый «тополь-трясучка» или по его ботанической терминологии – *populous tremula*. Наконец, в средней Палестине, по удостоверению весьма серьезных исследователей, водится не просто тополь, но и та именно его разновидность, которая, по представлении русского народа, послужила средством самоубийства Иуды. Так, в Библейском словаре Смита прямо говорится: «тополи, особенно осиновые и серебристые, чрезвычайно часто попадаются при потоках» (см. Smith, Dictionary, под словом Palestine, отд. Botany). И это обстоятельство в свою очередь может служить важным пояснением для других подробностей. Сучья осины, как известно, весьма некрепки и ломаются под более или менее значительною тяжестью; а это отчасти и предполагается преданием, которое причину падения Иуды объясняет двояким предположением, что или веревка оборвалась под ним, или же сломился самый сук дерева. Наконец, если допустить, что «проклятая осина» стояла именно на берегу какого-либо горного «потока» (где она и любит ютиться по приведенному выше свидетельству словаря Смита), то падение с крутизны на кремнистое дно ложбины потока может служить и достаточным объяснением свидетельства Деян. 1:18, что Иуда «низринулся» и от сильного падения у него «расселось чрево и выпали все внутренности». Этот последний факт может служить достаточным опровержением тех критиков-рационалистов, которые на основании свидетельств медицины стараются опровергнуть достоверность самого повествования, так как-де простое падение трупа с сука дерева на землю не повлекло бы за собой таких страшных для него последствий.

VI. Новозаветные меры длины

В новозаветное время у иудеев вошли в употребление некоторые меры длины отличные от ветхозаветных. Между прочим, упоминаются субботний путь (Деян. 1:12), стадия (Лк. 24:13; Ин. 6:19; Откр. 21:16) и поприще (Мф. 5:41). 1) Под субботним путем разумелось расстояние, которое можно было проходить без нарушения узаконенного в субботу покоя. Он равнялся, по толкованию раввинов, двум тысячам локтей, т. е. одной версте. 2) Стадия равнялась 600 греческим или 625 римским футам, или 125 римским шагам, т. е. приблизительно 90 саженям. Восемь стадий составляли милю. 3) Поприще – есть римская миля, *mille*, названная так потому, что она равнялась тысяче (*mille*) шагов. При переводе на наши меры, поприще составить приблизительно около полутора верст.

VII. Новозаветные деньги

В новозаветное время в Палестине почти исключительно ходили уже монеты греческие и римские. В книгах Нового Завета упоминаются один род монеты иудейской, но пять родов монеты греческой и четыре рода монеты римской.

Ходячей иудейской монетой был сребреник, остаток Маккавейской чеканки. Он равнялся сиклю (около 80 коп.) и считался национальной монетой, употреблявшейся предпочтительно перед всеми другими при храме. За эти «тридцать сребреников» Иуда предал Христа (Мф. 26:15; 27:3–6, 9). По тогдашним ценам это была достаточная сумма, чтобы купить небольшой участок земли даже в окрестностях Иерусалима. В Талмуде упоминается еще особая монета зуз, множ. зузим, равная 6-й части динария, т. е. приблизительно 4–5 копейкам.

Греческие монеты были пяти родов: 1) драхма (Лк. 15:8–9), серебряная монета, равная римскому динарию: она составляла 6,000-ю часть аттического таланта, 100-ю часть мины и разделялась на 6 оволов. В век Перикла она весила около 1 золотника 5 долей и равнялась 25 копейкам, хотя после Александра Великого ценность ее насколько понизилась. Драхма, как основная денежная единица, являлась в удвоенной цене как 2) дидрахма (Мф. 17:24), каковая монета приравнивалась к полусиклю, так что вместо последнего принималась в уплату храмовой подати, хотя она по ценности стояла насколько выше его. 3) Четыре драхмы составляли статир (Мф. 17:27), называвшийся также тетрадрахмой. Он приравнивался к полному священному сиклю или сребренику. На лицевой стороне его изображалась Минерва, а на обороте – ночная сова, символ этой богини. Такой статир найден был ап. Петром в пойманной им рыбе и отдан им в уплату храмовой подати за Иисуса Христа и за себя. 4) Сто драхм или 25 статиров составляли мину, которая таким образом приблизительно равнялась двадцати пяти рублям. 5) Высшей денежной единицей был талант, золотой или серебряный (Мф.

18:24; 25:15 и сл.; Откр. 16:21). Вес и ценность его сильно разнообразились в различные периоды. Золотой талант был равен десяти серебряным. Аттический талант равнялся 60 минам или 6,000 драхм, т. е. приблизительно 1,500 рублей. Коринфский талант равнялся 100 минам (2,500 рублей). Последний более подходили к ценности собственно еврейского (ветхозаветного) серебряного таланта, который равнялся приблизительно 2,400 рублей.

Римские монеты, упоминаемые в Новом Завете, были четырех видов. 1) Динарий, по латыни *denarius*, был серебряной монетой, называвшейся так вследствие того, что она первоначально составляла десять асов, но позднее стала равняться шестнадцати. О динарие часто упоминается в Евангелиях как очевидно наиболее употребительной монете (Мф. 18:28, 20:2, 9, 10, 13, 22:19; Мк. 6:37, 12:15, 14:5; Лк. 7:41, 10:35, 20:24; Ин. 6:7, 12:5; Откр. 6:6). По своему весу и ценности динарий приравнивался к греческой драхме или 1/4 сикля; но во время земной жизни Спасителя он имел значительно меньшую ценность, и равнялся приблизительно 20 копейкам. На лицевой стороне его изображался царствующий император (Мф. 22:19–21). Динарий составлял ежедневную плату римского воина, как драхма – ежедневную плату афинских воинов. Он же составлял обычную поденную плату рабочими (Мф. 20:2 и сл.). Динарию же равнялась поголовная подать, которую иудеи обязаны были платить римлянами (Мф. 22:19). 2) Динарии разделялись на десять, а затем на шестнадцать ассариев или сокращенно – асов (Мф. 10:29; Лк. 12:6). Это была медная монета, равная приблизительно двум копейкам. 3) Четвертую часть ассария составляли кодрант, по латыни *quadrans* (Мф. 5:26; Мк. 12:42), и он равнялся 1/2 копейки, т. е. денежке. На лицевой стороне обеих этих монет изображался император, а на обороте остов корабля с надписями. 4) Половину кодранта составляла минута (*minutum*) или лепта (Лк. 12:59; 21:2; Мк. 12:42), самая мелкая медная монета, равная полушке. Две такие-то монетки и положила в сокровищницу храма бедная вдова, удостоившаяся особенной похвалы от Христа.

VII. Хронология важнейших событий Новозаветной истории

Полагая Рождество Христово в 750 году от основания Рима, т. е. на четыре года раньше принятой эры, можно составить следующую таблицу, важнейших событий Новозаветной истории:

Событие	По Р.Х.
Смерть Ирода Великого	1
Царствование Архелая	01.окт
Иисус в храме Иерусалимском	12
Копоний, первый прокуратор	окт.13
Смерть императора Августа	15
Царствование Тиверия	15–40
Понтий Пилат, пятый прокуратор	30–40
Смерть Иисуса Христа	34
Смерть Ирода Филиппа	38
Калигула, римский император	40–45
Обращение ап. Павла	42
Евангелие от Матфея	42
Низложение Ирода Антипы	43
Клавдий, римский император	45–58
Агриппа I, внук Ирода Великого, царь иудейский	45–48
Мученическая кончина ап. Иакова	48
Управление римских прокураторов	49–50
Первое миссионерское путешествие ап. Павла	50
Собор Иерусалимский	52
Второе миссионерское путешествие ап. Павла	53
Агриппа II, царь иудейский	54–104
Ап. Павел в Афинах	55
Евангелие от Марка	55
Ап. Павел в Коринфе и послания к Фессалоникийцам	56
Нерон, римский император	58–72
Мятеж в Ефесе	60
Послание к Римлянам	61
Арест ап. Павла в Иерусалиме	62

Евангелие от Луки	62
Ап. Павел перед Фестом и Агриппой II	64
Прибытие ап. Павла в Рим	65
Мученическая кончина Иакова, брата Господня	66
Книга Деяний Апостольских	67
Великий пожар в Риме и гонение на христиан	68
Мученическая кончина апп. Петра и Павла	70
Иудейская война против римлян	70–77
Веспасиан, римский император	73–84
Взятие и разрушение Иерусалима и храма Титом	74
Евангелие от Иоанна	95
Кончина последнего апостола, Иоанна Богослова	98

Большая часть этих дат имеют предположительный характер и приводятся здесь лишь для наглядного показания общего хода истории в I веке христианской эры.

Примечания

¹ - По другому преданию, эти братья и сестры Господни были дети от первого брака Иосифа обручника. Но то и другое предание одинаково согласуется с евангельским повествованием.

² - Скамьи и общий вид места заседаний ареопага сохранились и до сих пор.